Т. М. КИТАНИНА

ВОЙНА, ХЛЕБ И РЕВОЛЮЦИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Т. М. КИТАНИНА

ВОЙНА, ХЛЕБ И РЕВОЛЮЦИЯ

(ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ. 1914—ОКТЯБРЬ 1917 г.)

Под редакцией С. И. ПОТОЛОВА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Монография посвящена изучению политики царизма и Временного правительства в области государственного регулирования продовольственного положения в стране в годы первой мировой войны. На основе обширного документального материала, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, в книге рассмотрен ряд проблем, связанных с системой государственных закупок и распределения продовольствия. В монографии раскрывается антинародный, классовый характер проводимого царизмом и Временным правительством продовольственного курса. Особое внимание уделено борьбе возглавляемой В. И. Лениным партии большевиков за революционно-демократическое разрешение продовольственного кризиса, что во многом способствовало росту революционности и сплочению пролетарских масс города и деревни в преддверии событий Великого Октября.

Книга рассчитана на историков, экономистов и пропагандистов, на преподавателей и студентов исторических факультетов высших учебных заведений.

Рецензенты:

Э. Э. КРУЗЕ, И. П. ЛЕЙБЕРОВ

Таисия Михайловна Китанина

ВОЙНА, ХЛЕБ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.)

Утверждено к печати Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Альбова*

Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *М. Э. Карлайтис*

Корректоры *Г. А. Александрова, Л. М. Бова* и *Н. Г. Каценко*

ИБ № 21257

Сдано в набор 14.06.85. Подписано к печати 6.12.85. М-18485. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20.16. Усл. кр.-от. 20.16. Уч.-изд. л. 22.01. Тираж 1850. Тип. зак. № 556. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

К $\frac{0505020000\text{-}763}{042\,(02)\text{-}85}$ 36 85—*IV*

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Нельзя понять данной войны,
не поняв эпохи.[1]

В. И. Ленин

Первая мировая война — «... великий, могучий, всесильный „режиссер", который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные».[2] В этом замечательном высказывании В. И. Ленина глубоко раскрыто значение первой мировой войны, ее огромное влияние на исторический процесс, ее глобальные социально-экономические последствия для мирового развития.

Первая мировая война, отразив в себе совокупность «отношений империалистской эпохи»,[3] в силу чрезвычайного масштаба военных операций максимально мобилизовала материально-технические ресурсы России, оказала громадное дезорганизующее влияние на развитие ее экономики. «Индустриализация» войны, означавшая структурную перестройку важнейших хозяйственных отраслей, сопровождалась коренной ломкой традиционных, исторически сложившихся товарно-рыночных отношений, нарушением торгового обмена, средств связи. Под воздействием крупнейших демографических сдвигов в соотношении баланса труда и хлебного баланса проявилось резкое противоречие. Огромные и непреодолимые трудности испытало продовольственное снабжение фронта и тыла, армии и населения.

Монографическое изучение продовольственного положения России в период военных лет, впервые предпринятое в советской историографии, содержит попытку осве-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.
[2] Там же, т. 31, с. 13.
[3] Там же, т. 30, с. 134.

тить ряд узловых вопросов темы, связанных с системой государственного регулирования снабжения и распределения. Конкретное рассмотрение проблем рыночной конъюнктуры и транспортных перевозок продовольственных грузов сочетается в монографии с анализом условий создания государственного закупочного аппарата; исследование законодательной деятельности правительства в области фискальной и тарифной политики — с показом реорганизации таможенных мер под влиянием запрещения хлебного экспорта. Центральные сюжеты книги посвящены деятельности публично-правовых регулирующих институтов как проявлению тенденций государственно-монополистического обобществления производства, раскрывают антидемократический характер политики царизма и Временного правительства в продовольственном вопросе на всех этапах государственного регулирования, освещают самоотверженную борьбу рабочего класса России за революционно-демократическое разрешение продовольственного кризиса.[4]

Всякая война, заметил В. И. Ленин, — «вещь архипестрая, разнообразная, сложная».[5] В разнообразной и исключительно пестрой хозяйственной структуре России военных лет чрезвычайно возросла роль государственных институтов. Война выдвинула на передний план социально-экономической жизни «государство как господствующее начало, по отношению к которому все другие проявления общественности становятся в положение служебное», отмечали современники.[6] Государственный аппарат выступал в качестве оптового покупателя продуктов аграрного и промышленного производства, связанного с задачами обороны и снабжения населения. Как крупнейший потребитель он оказывал непосредственное и сильное влияние на формирование рыночных связей. Сама политика государства, его новая роль требовала глубокого теоретического осмысления для определения ближайших

[4] Монография не претендует на исчерпывающую полноту освещения указанных проблем. В ней нашли отражение преимущественно вопросы регулирования «хлебного дела», неразрывно связанные с общим законодательством о закупках и распределении продовольствия. За рамками исследования осталась проблема борьбы за хлеб беднейшего крестьянства ввиду ее органической связи с крестьянским движением за землю.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 369.

[6] Известия Особого совещания по продовольственному делу, 1916, № 27, 1 сентября, с. 105.

задач экономики и конкретных путей к их осуществлению. Однако правящая бюрократия искусственно ограничила свою задачу, сосредоточив внимание исключительно на снабжении фронта.

Обеспечение театра военных действий провозглашалось правительственными инстанциями основной и ближайшей целью регулирующей деятельности. Вся система заготовительного аппарата, функции центральных и местных продовольственных органов, планы железнодорожных перевозок, тарифные схемы, вплоть до введения военно-грузового налога, т. е. весь огромный государственный механизм закупок и распределения, работавший на оборону, подчинен был прежде всего этой задаче. Лишь нарастание продовольственного кризиса заставило правительство в 1916 г. оглянуться, наконец, на положение тыла. Продовольственные органы включили в сферу своих интересов снабжение населения и регламентацию его потребления. Поскольку основным продуктом сельскохозяйственного производства, составлявшим «хозяйственную силу» России, являлся хлеб, государственные публично-правовые институты, осуществлявшие меры регулирования внутреннего рынка и потребления, корректировали деятельность в зависимости от состояния хлебного рынка.

Попытки организаций буржуазной «общественности» и отдельных группировок соглашательских партий перехватить инициативу в решении продовольственного вопроса предпринимались исключительно в узкоклассовых интересах. Русская буржуазия, упорно защищавшая идею свободы частного предпринимательства, выступила в период войны сторонницей государственного регулирования экономики. В поддержке ближайших внутренних и внешнеполитических целей царизма отчетливо проявилась политическая слабость российской буржуазии, ее отказ от самостоятельного пути государственных преобразований. Подобно самодержавной власти, буржуазия видела в военно-бюрократической мобилизации капитала во имя целей войны верный способ усиления собственных позиций в борьбе с рабочим классом, надежное средство «отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение».[7]

Захват власти Временным правительством воочию убедил восставший народ в явной неспособности буржуазии

---

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.

разрешить продовольственный кризис. Реорганизация продовольственных регулирующих органов в центре и на местах не внесла коренных перемен в государственную систему закупок и распределения продовольствия, еще раз доказав ее антинародную направленность. Давая классовую оценку регулирующим мероприятиям буржуазной власти за полугодовой период управления страной, В. И. Ленин отмечал: «Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революции... при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующих себя „революционно-демократическими", на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода *не* сделано?» [8] В. И. Ленин подчеркивал, что основной задачей борьбы, первоочередной мерой предотвращения катастрофы и голода является контроль со стороны пролетариата как класса, отражающего интересы всего трудового населения, контроль и в производстве, и в распределении продуктов. «Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов...» [9]

Изучение основных закономерностей эволюции российской экономики в преддверии Великого Октября является задачей безусловно важной и актуальной. Советские исследователи неизменно уделяют пристальное внимание ключевым проблемам экономического положения страны накануне революции, в период резкого обострения социальных противоречий и ожесточенных классовых боев. Глубокая научно-теоретическая разработка вопросов государственного регулирования, монографическое изучение структурных изменений в российской экономике военного времени, анализ эволюции государственно-монополистических тенденций и их влияния на уровень и темпы социально-экономического развития России позволяют понять сложные процессы, приведшие к обобществлению производства в условиях господства капиталистических отношений. В этой области исторической науки особое место заняли труды А. Л. Сидорова, его учеников и ряда исследователей экономической истории России.[10]

---

[8] Там же, т. 34, с. 156.

[9] Там же.

[10] Имеются в виду работы А. Л. Сидорова (1) Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. 655 с.;

Постоянный творческий интерес советских авторов к рассмотрению крупных теоретических проблем в области положения рабочего класса и пролетарского движения в годы войны в сочетании с итогами ряда конкретных исследований, касающихся условий труда и быта его отдельных профессиональных отрядов, существенно обогащает наши представления о характере и целях революционно-демократического движения за удовлетворение важнейших требований эксплуатируемых масс — требований мира и хлеба. Наиболее яркое и всестороннее освещение эти вопросы нашли в соответствующих разделах крупных обобщающих трудов, посвященных истории Великого Октября, среди которых следует назвать прежде всего фундаментальное исследование И. И. Минца, ряд коллективных изданий, а также серию монографий, базирующихся на обширном документальном материале.[11] Глубокий анализ положения сельского хозяйства в период войны, классового расслоения деревни, аграрного движения в 1914—1917 гг. содержится в трудах А. М. Анфимова, А. П. Погребинского и ряда других исследователей.[12]

Вместе с тем весьма ограничено количество работ, в которых вопросы государственного регулирования продовольственного снабжения являются непосредственным предметом изучения. В первую очередь имеются в виду убедительно аргументированные разделы монографии П. В. Волобуева, посвященной анализу экономической политики Временного правительства, и чрезвычайно насыщенные фактическим материалом труды В. Я. Лаверычева, послужившие своего рода «точкой отсчета» для даль-

---

2) Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, 220 с.), а также монографические исследования и статьи В. И. Бовыкина, В. С. Дякина, И. Ф. Гиндина, Т. Д. Крупиной, И. В. Маевского, К. Н. Тарновского, К. Ф. Шацилло, Л. Е. Шепелева.

[11] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977, т. I. 784 с.; 1978, т. II. 1003 с.; Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, т. 1. 451 с.; т. 2. 610 с.; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. 664 с., и др. — См. также монографии Е. Ф. Ерыкалова, Л. С. Гапоненко, Ю. И. Кирьянова, И. П. Лейберова, З. В. Степанова и других исследователей.

[12] *Анфимов А. М.* 1) Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. 383 с.; 2) Зерновое хозяйство России в годы первой мировой войны. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. III, с. 446—494; *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. — Ист. зап., 1950, т. 31, с. 37—60.

нейших исследовательских поисков.[13] Историографический анализ всей совокупности сложных социально-экономических проблем способствует более глубокому познанию уровня развития российской экономики и ее отраслевых звеньев, выявлению характерных штрихов регулирующей деятельности государства, направленной на укрепление союза двух политически обреченных классов, расстановки классовых сил в стране в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания.

Монография основана на материалах богатейших собраний ряда центральных и областных архивов, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. В книге нашли широкое использование документальные источники ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР, ЦГВИА, ЦГА г. Москвы, ГАХО. Весьма ценный материал предоставили в распоряжение автора публикации документов, подготовленные советскими исследователями, дореволюционные ведомственные, статистические издания, собрания сведений законодательного характера, дневниковые записи, мемуарная литература. Значительное внимание уделено изучению листовок и большевистской периодики, содержащих ценный материал об организаторской и агитационно-пропагандистской деятельности РСДРП.

В основу исследования положены методологические принципы, вытекающие из ленинских оценок основных закономерностей экономической и политической эволюции России в период войны, анализа движущих сил революционного развития, из глубоких теоретических обобщений опыта пролетарского руководства демократическим движением в борьбе за хлеб. Решение проблемы государственного регулирования с марксистско-ленинских методологических позиций расширяет круг вопросов, изучаемых советскими исследователями в плане социально-экономических предпосылок Великого Октября, и способствует критической оценке теоретических построений реакционной буржуазной историографии о характере и движущих силах социалистической революции в России.

---

[13] *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. 483 с.; *Лаверычев В. Я.* 1) Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) — Вестн. МГУ, 1956, № 1, с. 141—180; 2) Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914—февраль 1917 г.). — Ист. зап., 1978, т. 101, с. 100—159, и др.

Глава I

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

> Мировая война, порожденная борьбой мировых трестов и банкового капитала за господство над мировым рынком, уже привела к массовому разрушению материальных ценностей, к истощению производительных сил, к такому росту военной промышленности, что даже производство безусловно необходимого минимума предметов потребления и средств производства оказывается невозможным.[1]
>
> *В. И. Ленин*

Общая характеристика экономики

Первая мировая война, явившаяся результатом крайнего обострения противоречий капиталистической системы, усилившейся борьбы империалистических держав за новый, общий передел мира, привела к максимальной мобилизации людских и материально-технических ресурсов воюющих стран. Война обнажила экономическую слабость России, реакционность и полнейшую несостоятельность ее политического строя.

Экономика страны не была подготовлена к ведению затяжной, изнурительной кампании. Все внимание правящих кругов сосредоточилось в области стратегии и тактики военных операций. Планы мобилизации важнейших хозяйственных отраслей разрабатывались схематично, без надлежащих оценок реальных возможностей перестройки экономики. В основе этих планов лежали формальные, заниженные «нормы», почерпнутые из опыта русско-японской войны. В одном из официальных документов, составленных в кабинете военного министра, свидетельствовалось со всей откровенностью: «Войну мы предполагали вести в расчете только на заготовленные в мирное время запасы. Плана и подготовки к систематическому пополнению расхода этих запасов во время самой войны не

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 449.

было... Запасов хватило на 4 месяца, и так как война продолжалась, то пришлось спешно, уже на третьем месяце войны, прибегнуть к мобилизации казенной и частной промышленности».[2] Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы правящие круги смогли убедиться в собственном бессилии, в абсолютной неспособности создать прочную материальную базу для обеспечения армии и тыла.

Первые тяжелые поражения на фронтах вызвали откровенную неудовлетворенность и тревогу в определенных ведомственных кругах и в оппозиционно настроенных буржуазных партиях. Чем глубже Россия увязала в войне, тем явственнее ощущались и слабость военной экономики, и безрезультатность попыток ее коренной реорганизации, и, наконец, несостоятельность реакционно-бюрократической системы регулирования основных промышленных отраслей. «Неподготовленность к войне стала хроническим недугом нашей государственности в течение всей последней исторической эпохи нашего национального существования».[3] Подобными высказываниями пестрели листы русских газет различных политических направлений.

Милитаризация экономики, мобилизация ведущих отраслей промышленности для нужд многомиллионной армии,[4] проведенная бессистемно, в спешном порядке и с огромными материальными затратами, свертывание гражданских отраслей производства, инфляция, служившая царизму источником финансирования войны, безудержная спекуляция — совокупность всех этих явлений привела страну на грань экономической катастрофы. Относительно развитая русская кадровая промышленность, питавшаяся военными заказами в пределах программы накопления мобилизационных запасов, опиралась на слабую индустриальную базу. Зависимость от иностранных поставок станков, инструментов, оптики значительно уве-

---

[2] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957, ч. II, док. № 405, с. 169.

[3] Финансовая газета, 1917, 16 июля.

[4] В первый год войны было призвано более 7.4 млн. человек, во второй год — 4.3 млн. (*Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974, т. I, с. 265). Только мобилизация 1914 г. вырвала из промышленности и «технического хозяйства» около 40 % рабочих (*Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919, с. 34).

личивала себестоимость военной продукции. Включение гражданского промышленного сектора в состав военной экономики становилось неизбежным.

Военная мобилизация промышленности подчинила все важнейшие отрасли производства, определила резкие диспропорции в экономике. В 1916 г. на нужды обороны работали 3846 гражданских фабрично-заводских предприятий, насчитывавших около 1894 тыс. рабочих, из общего количества 4698 предприятий с 2443 тыс. человек.[5] Из обследованных в 1918 г. 1800 оборонных фабрик и заводов предметы военного снаряжения выпускали 248 предприятий, вооружение — 356, ткани для обмундирования — 458, переработкой пищевых продуктов были заняты 738 промышленных заведений.[6] По производству вооружения, в частности по выпуску снарядов, казенные военные заводы уступали частной промышленности в 7—8 раз.[7] В 1914 г. среднее суточное число рабочих на оборонных предприятиях составляло 687.4 тыс. человек, в 1917 г. оно возросло до 808 тыс.[8] Материалы Особого совещания по обороне свидетельствуют, что к концу 1916 г. в военной промышленности было занято 2115 тыс. рабочих.[9] К 1917 г. на оборонных предприятиях количество рабочих возросло на 64 % по сравнению с довоенным временем, ценность выпускаемой продукции увеличилась в общей сложности на 222 %.[10]

На нужды обороны ежегодно расходовалась одна треть народного дохода, исчисленного накануне войны в 16.4 млрд. руб. Эта огромная сумма погашалась правительством за счет сокращения отчислений на насущные потребности населения. Милитаризация экономики вела к усилению эксплуатации, к обнищанию и голоду трудящихся масс. В итоге в течение первого года войны народное потребление сократилось на 25 %, за второй воен-

---

[5] Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925, с. 70.

[6] Там же, с. 103.

[7] *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956, с. 167.

[8] Подсчитано по данным статьи: *Воробьев Н. Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции. — В кн.: Россия в мировой войне 1914—1918 года, с. 103.

[9] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 166.

[10] *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 50.

ный год — на 43 и в течение третьего года — на 52 % довоенного уровня.[11]

Перестройка «на оборону» промышленного комплекса повлекла за собой резкое снижение производства гражданских отраслей, товарный голод. По сравнению с 1913 г. выпуск предметов первой необходимости сократился с 1260.9 млн. руб. до 1121.3 млн. руб. (в довоенных ценах), т. е. на 11.2 %. Что касается удельного веса продукции широкого потребления, то он упал с 1913 по 1916 г. с 69 до 53.1 %.[12] Все важнейшие отрасли производства потребительских товаров снизили общую производительность. Разумеется, не составляла исключения в этом отношении и переработка продуктов сельскохозяйственного производства. Если в самом начале войны выработка муки и круп мельничными предприятиями несколько оживилась вследствие расширения закупок для армии, то к 1916 г. производительность мукомолен снизилась на 23.3 % по сравнению с довоенным уровнем.[13] В числе причин, определивших падение производства при возросшем спросе, были перебои с получением сырья и топлива, финансовые трудности, текучесть и деквалификация рабочей силы. Нельзя не учитывать и того факта, что продукция отраслей легкой промышленности, как и продовольствие, направлялась преимущественно в прифронтовую зону для снабжения действующей армии, т. е. в торговый оборот для нужд населения поступала, как правило, незначительная часть общего ее объема.[14] Вся товарная продукция русской промышленности распределялась в 1916 г. среди групп потребителей в следующем процентном соотношении: военное ведомство получало 44.6 %, потребительский рынок — 29.1, общественные организации — 15.5, правительственные учреждения — 10.8 %.[15]

Наблюдавшееся в период военных лет повышение заработной платы занятого в промышленном производстве и в сельском хозяйстве населения являлось чисто номи-

---

[11] *Ефремов В.* Мировая война и ее последствия. — В кн.: Россия в мировой войне 1914—1918 года, с. 6.

[12] Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. М., 1926, с. 41.

[13] Там же, с. 43—45.

[14] См.: *Дихтяр Г. Л.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с. 174—175.

[15] Россия в мировой войне 1914—1918 года, с. 70.

нальным и не соответствовало безудержному росту цен. Падение платежеспособного спроса отражало снижение жизненного уровня трудящихся. В 1913 г. годовая заработная плата рабочего средней квалификации в европейской части страны составляла 264 руб., в 1915 г. она возросла до 322 руб., т. е. на 22 %.[16] Однако за тот же период времени индекс цен изменился в следующем диапазоне: от 100 % в 1913 г. до 172.4 % в 1915 г., т. е. превысил рост заработной платы основных категорий рабочих в 3 раза.[17] Но и это сопоставление можно рассматривать лишь как чисто условное, ибо во внимание не принимались ни резко увеличившаяся продолжительность рабочего дня, связанная со сверхурочными, ночными работами, ни возросшая интенсивность труда. В. И. Ленин неоднократно отмечал пищенский уровень заработной платы основных категорий дореволюционных рабочих России.[18] К 1917 г. разрыв в стоимости предметов потребления и уровне заработной платы эксплуатируемых слоев населения оказался еще более глубоким под влиянием экономического кризиса и проводимой правительством антинародной политики.

В полосу затяжного экономического кризиса Россия вступила спустя год после начала военных действий, однако симптомы его проявились значительно раньше. По сведениям, почерпнутым из отчетов Министерства торговли и промышленности, только за два с половиной месяца ведения войны, т. е. к 1 октября 1914 г., 502 предприятия с 46.5 тыс. рабочих остановили производство в результате отсутствия топлива, сырья, рабочей силы.[19] К осени 1915 г. промышленные потери оккупированных и прифронтовых районов, игравших ранее важную роль в экономике страны, снизили стоимость общероссийской валовой продукции на $^1/_5$ часть.[20] Непоправимый ущерб был нанесен городскому хозяйству и прежде всего столичной промышленности. За один лишь декабрь 1916 г. в Петрограде прекратили действие 73 промышленных

---

[16] Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1928, вып. I, с. 118—123.

[17] Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1915 г. Пг., 1917, с. 2.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 146; т. 22, с. 24—25.

[19] *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России (1914—1917 гг.). М.; Л., 1926, с. 41.

[20] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 147.

предприятия.[21] По сообщению «Торгово-промышленной газеты», с 1 марта по 1 августа 1917 г. в столице и губернии закрылись 63 заведения со значительным числом рабочих — 4522 человека, в Московской губернии за тот же период остановилось производство на 71 предприятии с 45 378 рабочими. По данным Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности, в масштабах страны за тот же период (март—август 1917 г.) прекратили существование 568 предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, со 104 тыс. человек; [22] за август—сентябрь — 231 промышленное заведение с 61 тыс. рабочих.[23] К ноябрю бездействовало уже 800 заводов и фабрик со 170 тыс. рабочих.[24] Продолжавшие функционировать предприятия работали с перебоями, в «полсилы».[25] В целом по стране выпуск промышленной продукции заводами и фабриками снизился в 1917 г. на 36 % по сравнению с предшествующим годом.[26]

Закрытие промышленных предприятий являлось одним из ярких показателей кризисного состояния экономики. Структурные изменения хозяйственных отраслей привели к приостановке производства промышленных заведений, слабо связанных с выпуском военной продукции. Вследствие дороговизны сырья, отсутствия топлива, недостатка рабочих рук, экономической и финансовой слабости, исключавшей капитальное переоборудование, они не выдерживали конкуренции крупных фирм, обогащавшихся за счет военных заказов. Вместе с тем отсутствие квалифицированных кадров, невероятная текучесть рабочей силы определяли низкую производительность труда на действовавших заводах и фабриках, что в сочетании с сырьевыми и транспортными трудностями привело к колоссальным производительным потерям.

Огромная протяженность линии фронта требовала усиленной маневренности средств передвижения, привела к всеобщей ломке направлений движения железнодорож-

---

[21] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 20.
[22] Там же, док. № 353, с. 44, 46.
[23] История народного хозяйства СССР (1917—1959 гг.). М., 1960, с. 6.
[24] *Гладков И. А.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг М., 1950, с. 46—47.
[25] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 21.
[26] *Лозинский З.* Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929, с. 17—18.

ного транспорта. Несмотря на довольно интенсивные темпы строительства железнодорожных линий в довоенные годы, по их протяженности Россия уступала Германии в 11 раз. Уже накануне войны ощущался недостаток технических средств. По самым скромным подсчетам, не хватало 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов. Действовавший железнодорожный парк в значительной степени устарел технически и морально, по крайней мере четвертая часть его требовала немедленной замены. Однако неудавшиеся попытки размещения заказов за границей свели до минимума обновление железнодорожного оборудования. Отсутствие единоначалия в деле распоряжения подвижным составом, неосведомленность и халатность путейской администрации вносили в практику перевозок дополнительную дезорганизацию. Бесконтрольность и попустительство властей порождали крайние злоупотребления железнодорожных агентов, систему подкупа, «сложного взяточничества» на всех ступенях бюрократической лестницы. В совокупности все это приводило к непреодолимым трудностям передвижения, к вынужденной задержке в пути транзитных грузов, к общему сокращению коммерческих перевозок. Оккупация части западной территории, эвакуация населения и промышленного оборудования внесли дополнительную дезорганизацию в движение транспорта.

Грузопотоки стратегического назначения с огромным опозданием достигали намеченных пунктов. Тем большие затруднения испытывало движение потребительских товаров, в том числе продуктов питания. Разработанные в кабинетах ведомств проекты бесперебойного снабжения продовольствием фронтовых частей и населения тыла непомерно далеки были от реального воплощения. Только за первое полугодие 1916 г. (январь—июль) план транспортировок продовольствия оказался выполненным лишь на 48.1 %.[27] В конце 1916 г. огромные запасы хлеба скопились на железнодорожных станциях в ряде черноземных губерний и в районах Сибирской магистрали, тщетно ожидая вывоза.[28] Углубление экономического кризиса влекло за собой усиление транспортных трудностей.

---

[27] *Дихтяр Г. А.* Внутренняя торговля..., с. 177.

[28] *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Вестн. Моск. ун-та, 1956, № 1, с. 178.

К марту 1917 г. в значительной мере вследствие нарушения железнодорожных перевозок государственный хлебный запас упал до 20 млн. пуд., тогда как ежемесячная потребительская норма населения превышала 90 млн. пуд.[29] Наряду с фронтом огромные затруднения в получении продовольствия испытывали крупные промышленные центры.

Неразрывно связанные с важнейшими отраслями экономики — металлургической, машиностроительной, топливной, — транспортные средства железных дорог испытали на себе влияние их упадка. В период войны усилившаяся интенсивность движения грузов стратегического назначения потребовала повышенного расхода энергии. Если в 1912 г. бесперебойное движение составов обеспечивалось поставкой 800 млн. пуд. угля, то в военные годы, по свидетельству главноуполномоченного по донецкому топливу И. Г. Сергеева, потребность в нем возросла до 1200 млн. пуд.[30] Почти полное прекращение импорта всех видов минерального топлива,[31] потеря Домбровского бассейна, дававшего промышленности ежегодно около 7 млн. т угля, создали огромный дефицит, достигший примерно 530—580 млн. пуд. В 1916 г. потребление топлива промышленностью и железнодорожным транспортом сократилось на 6.02 млн. т, т. е. на 11.2 %, по сравнению с довоенным временем. К 1917 г. добыча угля в целом по стране составила 86.9 % от уровня 1913 г.[32]

Недостаток топлива промышленность пыталась компенсировать за счет усиленной эксплуатации нефтяных богатств страны. В 1916 г. по сравнению с довоенным уровнем (9225 тыс. т в 1913 г.) добыча нефти несколько возросла, достигнув 9872 тыс. т, однако она далеко не удовлетворяла возросшие потребности.[33] Система государственного регулирования распределения нефти, в основу которой легла политика твердых цен, сохранила в руках

---

[29] 1917 год в документах и материалах: Государственное совещание. М.; Л., 1930, с. 23. — Норма потребления исчислена П. В. Волобуевым (Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, с. 21).

[30] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 372, с. 90.

[31] До войны Россия ежегодно ввозила через балтийские порты около 325 млн. пуд. английского и до 120 млн. пуд. вестфальского угля (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 13, д. 791, л. 1).

[32] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 157, 160.

[33] Война и топливо 1914—1917 гг. М., 1930, с. 94; Промышленность и торговля, 1915, № 10, 15 мая.

промышленников и нефтеносные земли, и производственные мощности, обеспечив тем самым неприкосновенность сверхприбылей. Деятельность созданного в августе 1915 г. Особого совещания по топливу, определившего разрешительную систему перевозок на основе избирательного принципа (деления потребителей на 5 групп), лишь слегка сгладила остроту топливного голода. Вследствие упорного сопротивления предпринимателей несостоятельной оказалась и попытка правительства осуществить в конце 1916 г. повсеместную реквизицию минерального топлива.

Сокращение товарных ресурсов в стране вступало в острое противоречие с чрезмерным выпуском бумажных денег, переполнившим каналы обращения обесцененными денежными знаками. Этому способствовало расширение эмиссионного права, явившееся следствием закона 27 июля 1914 г. об изменении денежного обращения и деятельности Государственного банка. Крупные выпуски бумажных денег вызывались огромными военными расходами, мобилизацией экономики. Лишь за один год, с июля 1914 г. по июнь 1915 г., количество бумажных денежных знаков возросло с 1.6 до 3.6 млн. руб.[34] С января 1914 г. по январь 1917 г. сумма находившихся в обращении кредитных билетов увеличилась с 1.5 до 9.1 млрд. руб.[35] За 8 месяцев хищнического хозяйничанья Временного правительства (март—ноябрь) денежный рынок пополнился ценными бумагами на 9.5 млн. руб.[36] Выпущенная в оборот за все военные годы денежная масса достигла в общей сложности огромной цифры — 10 млрд. руб., тогда как реальный золотой запас оставался на уровне 1.5 млрд. руб. Инфляция привела к резкому снижению обменных функций рубля. Уже в канун 1915 г., т. е. спустя полгода после начала военных действий, официальный курс рубля снизился до 80 коп., к февралю 1917 г. его покупательная способность для внешнеторговых операций упала до 55 коп., на внутреннем рынке она составила всего 27 коп.[37]

---

[34] *Кацепеленбаум З.* Война и русский рубль. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 5.

[35] Народное хозяйство в 1916 г. Пг., 1932, вып. VII, с. 173.

[36] *Троицкий С. М.* Из истории русского рубля. — Вопросы истории, 1961, № 1, с. 75.

[37] *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М., 1954, с. 242—243.

Резкое падение курса рубля обусловливалось в значительной мере катастрофическим ростом государственной задолженности России, пассивностью торгового и расчетного балансов. К началу мировой войны внешний долг России по займам союзным и нейтральным странам составил 5.5 млрд. руб., за время войны он возрос до 7.2 млрд. руб., т. е. более чем в три раза превзошел «все капиталовложения иностранцев в кредитные и торгово-промышленные акционерные предприятия страны».[38] Общая государственная задолженность России в военные годы увеличилась примерно на 40 млрд. руб., составив 33 % довоенного национального дохода; к концу войны она достигла 50 млрд. руб.[39] Лихорадочные поиски новых финансовых источников не могли покрыть неизбежных затрат для нужд фронта. Неудовлетворительное размещение шести внутренних займов, резкое повышение косвенных налогов на предметы первой необходимости не обеспечивали финансирование военных операций, тогда как каждый день ведения войны стоил народу 50 млн. руб.[40]

Инфляционная конъюнктура, система субсидий и авансов использовались финансовым капиталом для обогащения, для подчинения ведущих отраслей народного хозяйства. Переоценка материальных ценностей создала небывалый ажиотаж, служила средством сосредоточения в руках крупнейших представителей финансовой олигархии земель, концессий, крупных производственных мощностей, контрольных пакетов акций промышленных предприятий, связанных преимущественно с военными заказами. Военные сверхприбыли по существу основывались на выплате государственных дотаций за выполнение интендантских поставок, на преимуществах получения сырья, реализации продукции, на усиленной эксплуатации занятых в производстве рабочих рук.[41]

Стремительные темпы роста абсолютной и чистой прибыли, исчисляемой по отношению к стоимости валовой

---

[38] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 526.

[39] Там же, с. 517; *Прокопович С.* Война и народное хозяйство. М., 1918, с. 164. — По данным С. Прокоповича, военный бюджет довоенной России (в 1908—1912 гг.) составлял 14 млрд. руб., т. е. в среднем ежегодно — 2.8 млрд. руб. Первый год войны стоил государству 5.3 млрд. руб., второй — 11.2, третий — 18.6 млрд. руб.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 173.

[41] *Лозинский З.* Экономическая политика..., с. 111.

продукции, высокие дивиденды поистине сулили предпринимателям «золотой век».[42] Предприятия по торговле сельскохозяйственными продуктами, к примеру, увеличили дивиденды в первый год войны с 4.55 до 5.84 %.[43] И, следует заметить, это были далеко не самые высокие прибыли торговых заведений. Чистая прибыль 162 предприятий отраслей обрабатывающей промышленности (пищевой, кожевенной и меховой, по обработке хлопка и шелка, производству одежды) составляла в 1913 г. 443 млн. руб., а в 1916 г. — 870 млн., т. е. увеличилась почти вдвое.[44] Взятые отдельно показатели роста чистой прибыли 72 предприятий пищевой промышленности оказались также весьма внушительны (табл. 1).

Таблица 1

Рост чистой прибыли предприятий пищевой промышленности [a]

Год	Чистая прибыль (тыс. руб.)	% к стоимости валового продукта
1913	8736	10.98
1914	10930	12.59
1915	29284	22.56
1916	35407	22.01

[a] *Дихтяр Г. А.* Внутренняя торговля. . ., с. 179.

Правительство долгое время не решалось ущемлять меркантильные интересы буржуазии. Лишь в 1917 г. был введен налог на военную сверхприбыль с мизерными ставками и высоким цензом, почти не наносивший ущерба предпринимателям. Центр тяжести государственного налогообложения был перенесен на косвенные налоги, наиболее ощущаемые эксплуатируемыми классами. Под тяжестью налогового гнета, инфляции, безудержного роста цен процесс обнищания трудящихся резко ускорился, усилив поляризацию классовых сил в городе и деревне. В 1915 г. в результате взимания налогов было передано

[42] Русское слово, 1915, 1 декабря.
[43] *Дихтяр Г. А.* Внутренняя торговля. . ., с. 180.
[44] Там же, с. 179—180.

в распоряжение правительства более 500 млн. руб., в 1916 г. — уже 725 млн. руб. В 1917 г. в проекте текущего бюджета налоги должны были составить 53 % государственных доходов, тогда как в довоенном 1913 г. доля их не превышала 35 %. Для сравнения с общей суммой налогообложения уместно привести данные о налоге на военную прибыль, который предполагалось собрать в 1917 г. всего лишь в размере 55 млн. руб.[45] Правительство, как видим, по-прежнему щадило прибыли предпринимателей, оказывая неизменное покровительство имущим классам.

В период войны в общественном производстве огромную роль приобрели банки и монополистические союзы, подчиняя и объединяя ведущие отрасли русской экономики и способствуя тем самым дальнейшему росту процесса обобществления производства. «... Концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии», — подчеркивал В. И. Ленин.[46] В условиях военной конъюнктуры связь финансовой олигархии с государственным аппаратом значительно окрепла. Заняв командные высоты в экономике, представители монополистической буржуазии осуществляли важнейшие хозяйственные функции в области производства и распределения, регулирование и контроль рыночных цен. Сращивание государственного аппарата с монополиями, возникновение организаций смежных и связанных в хозяйственном плане отраслей, т. е. усилившийся процесс капиталистического обобществления производства как яркое проявление государственно-монополистических тенденций в период войны, ускорили создание объективных материальных предпосылок социалистической революции.

Влияние войны на сельское хозяйство

Война привела к повсеместному сокращению посевных площадей основных продовольственных зерновых культур. Ранее и тяжелее других испытали уменьшение посевных площадей районы торгового зернового земледелия — Северное Причерноморье и Предкавказье. В четырех черно-

---

[45] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. VI, с. 565.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 311.

морских губерниях сокращение посевных площадей за два военных года составило 20.7 %.[47] Исключение представляли собой окраинные земли, менее затропутые войной: Степной край, Оренбургская, Астраханская, Уфимская губернии, Западная Сибирь. На землях этих периферийных зерновых районов помещичье хозяйство развито было довольно слабо. Здесь, как правило, выживало землевладение зажиточных крестьян, расширявших посевы зерновых за счет товарной пшеницы. В табл. 2

Таблица 2

Изменение посевных площадей зерновых культур в 1914—1917 гг.[а]

Год	Продовольственные культуры[б]		Кормовые культуры	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
1914	58710	100	27002	100
1915	57342	97.7	25049	92.8
1916	51738	88.1	24173	89.5
1917	52404	89.3	23443	86.8

[а] *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1962, с. 280; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 466. [б] Данные по 72 губерниям.

дана общая картина динамики посевных площадей.

Данные табл. 2 показывают, что к 1917 г. посевные площади продовольственных зерновых культур снизились на 10.7 %, кормовых культур (включая овес и ячмень) — на 13.2 %. Если зимний сев в 1914 г. прошел без больших потерь, то уже в 1915 г., по данным 53 губерний, он сократился на 7.1 %.[48]

В годы войны в ряде районов продолжался процесс вытеснения кормовыми злаками продовольственных культур. Наиболее характерен он был для южных губерний и областей, в том числе для Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний и области Войска Донского. В то же время значительно уменьшился сбор картофеля, ряда технических культур, на одну четверть сузилось

[47] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VI, с. 585.

[48] Известия Особого совещания, 1916, № 22, 1 апреля, с. 68.

льняное поле страны. Сокращение посевных площадей особенно задело помещичьи хозяйства, являвшиеся, как правило, товарными. По данным А. М. Анфимова, с 1914 по 1916 г. посевные площади помещичьих земель уменьшились с 8.41 до 6.63 млн. дес., т. е. на 21.2 %. Площади крестьянских хозяйств, прежде всего кулацких, занятые под зерновыми и бобовыми культурами, изменились за те же годы менее значительно: с 77.30 до 69.28 млн. дес., т. е. на 10.4 %.[49] Несомненно, заметное сокращение посевных площадей помещичьих хозяйств не могло не отразиться на их экономическом потенциале. В военные годы происходила структурная перестройка посевов в помещичьих латифундиях. Трудоемкие зерновые культуры сменили кормовые. К 1916 г. помещичьи посевы продовольственных культур сократились на 37.7 %, крестьянские — на 9.8 %. Посевы кормовых культур возросли на помещичьих землях на 1.3 % и снизились у крестьян на 11.7 %.[50]

К снижению роли помещичьего землевладения в сельскохозяйственном производстве страны привело и отсутствие рабочих рук. Не только полукрепостнические латифундии, но и построенные на капиталистических началах помещичьи экономии испытывали большие затруднения в привлечении рабочей силы.[51] Более 7 млн. человек было вырвано из сельского хозяйства в первый год войны и более 8 млн. — в два последующих года. По Московской губернии 44 % хозяйств остались без мужских рабочих рук, в Киевской — 37, в Тамбовской и Томской — 42, в Вологодской — 36, в Саратовской и Уфимской — 30, в Амурской — 43 %.[52] Материалы официальной статистики и корреспонденции с мест сообщали о неблагополучии в латифундиальных хозяйствах. Со всех концов страны, из центральных, южных, верхне- и нижневолжских губерний, из района Левобережной Украины, поступали известия о недосевах на владельческих землях, при-

---

[49] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 280.

[50] Там же, с. 280—281; *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982, с. 126—134.

[51] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. — Ист. зап., 1950, т. 31, с. 41.

[52] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 194.

явших значительные размеры.[53] Правительство живо откликнулось на нужды крупного землевладения, предоставив в распоряжение помещиков значительные отряды военнопленных и беженцев (см. ниже, с. 58). Сокращение выхода зерновой продукции крупных экономий привело к относительному падению активности рыночных операций.[54] Если валовой сбор зерна в 1916 г. снизился по отношению к 1913 довоенному году на 27.2 %, то товарная часть хлеба сократилась значительнее — на 32.6 %.[55] Снижение товарных ресурсов хлеба влияло на сокращение норм потребления прежде всего рабочего населения промышленных центров и деревенской бедноты. В 1914—1917 гг. динамика урожайности основных продовольственных культур повсеместно падала (табл. 3).

Таблица 3

Динамика урожайности зерновых культур в 1913—1917 гг. (в пуд.)[а]

Год	Урожай зерновых с десятины[б]	Рожь		Пшеница	
		озимая	яровая	озимая	яровая
1913	58.3	55.4	49.6	80.6	53.3
1914	44.5	50.1	39.7	63.7	35.2
1915	55.8	61.5	46	83.3	43.9
1916	49	58	37	77	26
1917	44	46	29	67	29

[а] *Хромов П. А.* Экономическое развитие России. М., 1967, с. 512. — За 1913, 1914, 1916 и 1917 гг. приведены данные по 50 губерниям Европейской России. За 1915 г. отсутствуют сведения по 6 западным губерниям — Ковенской, Гродненской, Виленской, Курляндской, Волынской, Подольской.
[б] Кроме сведений по озимой и яровой ржи и пшенице приведены данные об урожайности овса, ячменя, проса и гречихи.

Цифры свидетельствуют, что исключение в этом отношении представлял лишь 1915 год, данные которого требуют более подробного рассмотрения. По сведениям Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, валовой сбор продовольственных культур

[53] 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Пг., 1916, вып. 2, с. 3—7.
[54] В годы войны продолжалось строительство сети элеваторов Государственного банка по программе, принятой в 1909 г. См.: *Виноградов Н. А.* Элеваторы Государственного банка и их будущая роль в хлебной торговле. Саратов, 1915, с. 119 и др.
[55] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 296.

в 1915 г. (по 71 губернии и области), в том числе валовой сбор озимых ржи и пшеницы (сведения по 70 губерниям и областям), показал превышение по сравнению с первым годом войны. После исключения семенного фонда остаток зерна на душу населения составил 21.3 пуда, превысив показатель 1914 г. (18.6 пуда) на 2.7 пуда и данные за пятилетие, 1910—1914 гг. (19.6 пуда), на 1.7 пуда. Таким образом, свободный хлебный остаток насчитывал 931025.7 тыс. пуд.[56] В совокупности приведенные цифровые выкладки свидетельствовали о наличии в стране в результате урожая 1915 г. некоторого зернового резерва. Это был тот необходимый минимум, который позволил правительству в условиях разваливавшейся экономики на короткий срок оттянуть развитие тяжелейшего продовольственного кризиса, очевидные признаки которого отчетливо проявились уже весной 1915 г.

Падение урожайности в последующие годы определялось множеством причин, в том числе и снижением качества обработки почвы, вызванным отсутствием удобрений. Если в предвоенные годы Россия пыталась в значительной степени удовлетворить спрос на минеральные удобрения ввозом из-за границы, импортируя до 34 млн. пуд., то в военное время ввоз последних почти полностью прекратился. В 1916 г. потребление удобрений не превысило и 10 % довоенного объема.[57] И в количественном, и качественном отношениях насыщенность удобрениями обрабатываемых земельных пространств оставалась исключительно низкой. Собственное производство минеральных удобрений развивалось в стране медленно, да и масштабы его были более чем скромны — около трети общей потребности.

Уменьшение посевных площадей зерновых культур и падение урожайности привели к сокращению валового сбора основных хлебов. В 1914 г. валовой сбор продовольственных и кормовых культур сократился по сравнению со средней цифрой за 1909—1913 гг. (4870 млн. пуд.) весьма незначительно, на 4.2 %. Дальнейшие изменения показаны в табл. 4.

---

[56] Из расчета 15 пуд. на человека в год. См.: Статистика Российской империи. XCII. Урожай 1915 года в Европейской и Азиатской России. Пг., 1916, разд. I, с. VII; разд. II, с. XIII, XXVI, XXIX.

[57] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство..., с. 38; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 463.

Таблица 4

Валовой сбор хлебов в 1914—1917 гг.[a]

Год	Продовольственные культуры		Кормовые культуры		Всего	
	млн. пуд.	%	млн. пуд.	%	млн. пуд.	%
1914	3179	100	1490	100	4669	100
1915	3355	105.5	1455	97.6	4810	103.0
1916	2650	83.4	1317	88.4	3967	84.9
1917	2554	80.3	1247	83.7	3802	81.4

[a] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России. . ., с. 468.

По данным отделов переписи и сельской экономии и сельскохозяйственной статистики, валовой сбор шести основных хлебов (пшеницы, ржи, овса, ячменя, проса, гречихи) в 1917 г. уступал на 13.4 % среднему валовому сбору за пятилетие — 1909—1913 гг. (4044.5 млн. пуд.). Значительная разница в цифрах прослеживается и при сопоставлении данных о сборе двух главных хлебных культур в критические 1916 и 1917 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Валовой сбор ржи и пшеницы в 1916—1917 гг. (в млн. пуд.)[a]

Хлебная культура	1909—1913 (средний)	1916		1917	
		абс.	%	абс.	%
Рожь	1210.9	1228.5	101.4	1002.3	82.7
Пшеница	1197.5	919.8	76.8	1091.4	91.1

[a] Народное хозяйство, 1916, № 3, с. 32; Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918, с. 15—17.

Табл. 5 составлена без учета сведений по двум важным хлебородным районам — Туркестану и Закавказью. Между тем в Туркестане сбор хлебов в 1917 г. на 47 % был ниже обычного среднего сбора (52.6 млн. пуд.), в Закавказье он упал на 15.9 % (54.4 млн. пуд.). Значительный недобор основных культур вызвал голод в Сред-

ней Азии, Центральном земледельческом районе, Белоруссии, Самарской и Саратовской губерниях.

Но при всем том за 1914—1916 гг. было собрано 13.5 млрд. пуд. продовольственных и кормовых культур, т. е. количество, теоретически, казалось бы, способное обеспечить хлебом фронтовые части и население тыла. Значительное сокращение экспорта зерна и муки сохраняло товарный хлеб на внутреннем рынке. Осуществляемые царским правительством хлебные закупки не только не превышали объема довоенного хлебного экспорта, но значительно ему уступали. В 1914—1916 гг. правительственными продовольственными органами было поставлено государственным учреждениям и населению 1.4 млрд. пуд., т. е. приблизительно половина общего количества товарного зерна.[58] Согласно расчетам канцелярии главноуполномоченного по закупке хлеба для армии, приведенным А. Л. Сидоровым, возможный избыток хлеба за 4 военных года исчислялся в объеме 1362.1 млн. пуд.[59] В 1915 г. в 49 губерниях Европейской России и Северного Кавказа с учетом потребительских норм избыток зерна составил 881.5 млн. пуд. Объем правительственных закупок уступал количеству избыточного хлеба. К середине июля 1916 г. хлебный запас составил 402.2 млн. пуд.[60]

Таким образом, наличие хлеба в стране не вызывало каких-либо сомнений. И теоретически этот оптимистический вывод подтвердили обнародованные в ноябре 1916 г. предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи.[61] Однако практически на внутренний рынок поступала только часть товарного хлеба. Сокрытие зерна в спекулятивных целях землевладельцами, мукомолами, хлеботорговцами, банками резко нарушало хлебный баланс, приводило к небывалой дороговизне, к неоправданному сокращению потребления. Одним словом, саботаж владельцев хлебных запасов являлся одной из основных причин продовольственных трудностей, проявившихся уже в первые месяцы войны. Другой,

---

[58] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VI, с. 585.

[59] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 468.

[60] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 306, 309.

[61] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1916, с. I—XXXI.

не менее значительной причиной снижения хлеботорговых оборотов оказалось отсутствие заинтересованности крестьянства в рыночном отчуждении хлеба. Потребительский рынок предлагал владельцу хлеба — кулаку, крестьянину-середняку неэквивалентный обмен. Отсутствие промышленных товаров первой необходимости, накопление в руках торговых крестьян денежных сумм в обесцененной валюте заставляло их придерживать хлеб, способствовало его консервации.

Не следует, однако, думать, что в правительственных кругах или в среде лояльной к правительству буржуазии не осознавали действительного положения вещей. Разумеется, состояние хлебного рынка было достаточно известно. При всем том правящая элита оказалась бессильна выполнить первоочередное условие нормализации рынка — организовать государственные закупки с учетом требований потребляющего населения. В качестве иллюстративного материала можно привести соответствующие выдержки из записки на «высочайшее» имя председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, датированной февралем 1917 г. Обращаясь к монарху, М. В. Родзянко заметил: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что сельскохозяйственное производство в состоянии удовлетворить потребительские нужды населения России».[62] В целях подтверждения этого вывода глава Государственной думы ссылался на официальные данные («Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года»), позволявшие утверждать, что размер посевной площади зерновых культур в 1916 г. на 20—25% превышал площадь, необходимую для удовлетворения потребностей населения в зерне при среднем урожае. Если учесть, что урожаи 1913—1915 гг. «в общем также были благополучны», а урожай 1916 г. расценивался «не ниже среднего» («норма» общего потребления определялась в 2643 млн. пуд.), то можно было признать наличие в стране «значительных хлебных запасов сверх количеств, необходимых для снабжения населения». Отсюда и следовал обнадеживающий вывод: «Россия обладает достаточными хлебными ресурсами, чтобы спокойно и уверенно смотреть на будущее: хлебное богатство России, при всех случайностях, вполне обеспечивает продовольствование ее населения и при необходимости может служить также

[62] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 22.

предметом вывоза...».[63] Такова была официальная точка зрения, которую весьма охотно разделяли и правые, и лидеры оппозиционной буржуазии. Но реальная действительность заставила убедиться в ошибочности этого вывода.

Среди множества причин, определявших отсталость земледельческого производства, не последняя роль принадлежала низкому уровню технического оснащения полей. Малая степень механизации сельских отраслей в помещичьих экономиях и почти полное отсутствие машин на крестьянских наделах были характерны для русской пореформенной деревни. В 1914 г. на десятину земли приходилось машин и сельскохозяйственного инвентаря на мизерную сумму — всего лишь на 3 р. 82 к., а с учетом трехполья — и того меньше.[64] В русском сельском хозяйстве по-прежнему господствовал тяжелый ручной труд.

В условиях военной изоляции России слабое развитие сельскохозяйственного машиностроения, зависимость от зарубежных фирм проявились с особой очевидностью. Тракторы являлись редкостью на русских полях. Остро ощущался недостаток жаток, сенокосилок, сноповязалок и прочих сельскохозяйственных орудий, способных в какой-то степени возместить потери в живой рабочей силе. Отечественное сельскохозяйственное машиностроение, делавшее перед войной первые шаги, могло обеспечить потребность в механизированных орудиях едва ли не наполовину.[65] В. П. Милютин, ссылаясь на «Известия бюро по сельскохозяйственной механике» (вып. 8), издаваемые Ученым комитетом Главного управления землеустройства и земледелия, приводит довольно внушительную цифру предприятий в стране, изготовлявших сельскохозяйственные машины и орудия, — 850.[66] Однако в большинстве это были мелкие, слабомеханизированные заведения с весьма незначительным кадровым составом

---

[63] Предварительные итоги..., вып. I, с. XXX—XXXI.

[64] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 457.

[65] По данным Департамента таможенных сборов, в 1912 г. в Россию было ввезено сельскохозяйственных машин на 58.7 млн. руб., тогда как в стране производилось сельскохозяйственной техники на сумму 52.6 млн. руб. (*Милютин В. П.* Сельскохозяйственные рабочие. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 196).

[66] *Милютин В. П.* Сельскохозяйственные рабочие, с. 196.

рабочих, размещавшиеся главным образом в Таврической, Екатеринославской и прочих южных и западных губерниях. В период войны по причине мобилизации промышленности, недостатка топлива и металла, а также вследствие оккупации промышленно развитых западных районов и без того ничтожный выпуск собственных машин в стране сократился на 50 %. Импорт сельскохозяйственных механизмов и орудий также значительно упал, что отчетливо прослеживается по данным табл. 6.

Таблица 6

Ввоз в Россию сельскохозяйственных машин в 1914—1917 гг. (в тыс. пуд.) [а]

Сельскохозяйственный инвентарь	1914	1915	1916	1917	
				абс.	% к 1914 г.
Простые машины	3089	106	144	303	9.8
Сложные механизмы	2938	103	247	1423	48.4
нейки-сноповязалки	1751	69	183	1267	72.4
Ручные инструменты	336	129	146	58	17.3
Плуги	1016	25	1.4	8.6	0.8
Сеялки	97	19	—	7.4	7.6

[а] Статистический сборник за 1913–1917 гг. М., 1928, вып. II, с. 16–19.

Динамика импорта сельскохозяйственных машин убедительно показала его резкое падение на протяжении всех военных лет.

Особо выделился в этом отношении 1915 год, когда ввоз различных видов сельскохозяйственных машин и инвентаря уступал довоенному (1914 г.) в диапазоне 3—30 и даже 40 раз. Как видим, импорт иностранных машин не мог возместить естественных потерь в земледельческой технике.

Показателем низкого уровня технической оснащенности сельскохозяйственного производства явилась и острая нехватка мелких орудий. Во время войны, например, ввоз кос из Австрии прекратился, поставлявший их завод Посселя (г. Вильно) остался в числе 140 отраслевых предприятий в оккупационной зоне. Действовавший Артинский завод мог удовлетворить растущие потребности страны лишь на 15 %. Периодически высказывались предположения Министерства земледелия о возмож-

ности закупки мелких орудий в Швеции. Вместе с тем, по признанию министра земледелия А. А. Бобринского, обстоятельства заставили «обратить особое внимание на возможное насаждение и развитие уже существующего производства кос в России».[67] Однако сделано в этом направлении было ничтожно мало.

Предпринятый А. Л. Сидоровым статистический анализ показал, что в годы войны производительность заводов сельскохозяйственного машиностроения неизменно сокращалась, что резко ослабляло и без того низкую техническую оснащенность земледелия. Не оказалось соответствующей стационарной базы также у кооперативов и земств, лишь приступивших в это время к выработке проектов развития сети мелких машиностроительных предприятий и специализированных мастерских. Усиление кооперативного движения, получившего значительный размах к середине 1915 г., сопровождалось энергичными поисками путей выхода из экономического кризиса в аграрной сфере. Наряду с организацией кооперативного мукомолья и прочих мер встал вопрос и о налаживании местными средствами сельскохозяйственного машиностроения (см. ниже, с. 225). В этом смысле война сыграла определенную роль, дав известный толчок не столько развитию сельскохозяйственной техники, сколько расширению сферы ее применения. В условиях обеднения рынка рабочей силы выигрывали хозяйства, своевременно и по достоинству оценившие практическое значение машин. Усилившиеся требования сельскохозяйственной техники привели к резкому возрастанию стоимости машин и орудий, к быстрому «опустошению» складов уездных земств.[68]

Летом того же года прошла полоса экстренных съездов и собраний кооперативов и земств по вопросу о механизации сельского хозяйства. В большинстве случаев речь шла о закупке машин и инвентаря на средства земских и кооперативных организаций. Вместе с тем имели место и дискуссии о приобретении недвижимой собственности. Собрание Таврического губернского земства, в ча-

---

[67] Экономическое положение России... Л., 1967, ч. III, док. № 1, с. 17.

[68] Русские ведомости, 1916, 25 июня. — Русские экономисты признавали сельскохозяйственную технику «могучим орудием для развития производительности земледельческого труда».

стности, постановило приобрести в собственность земства три завода сельскохозяйственных машин и орудий в Тавриде, подлежащих ликвидации в связи с принадлежностью иностранным подданным. Мелитопольский союз учреждений мелкого кредита, являвшийся самым значительным в Таврической губернии, вынес постановление о необходимости развития сельскохозяйственного машиностроения наряду с торговыми операциями кооперативов. Идея эта нашла благоприятную почву и приобрела широкое сочувствие среди кооператоров. После обмена мнениями было решено создать специальную организацию из представителей кооперативного движения Таврической и Екатеринославской губерний для покупки ликвидируемых машиностроительных заводов. В итоге соответствующих обращений в курирующие органы им была обещана деловая и финансовая поддержка со стороны Департамента земледелия и Московского народного банка.[69] Разумеется, усилия земцев и кооператоров не восполняли недостатка в сельскохозяйственной технике, тем не менее они оказали определенную поддержку аграрному производству в условиях резкого сокращения рынка наемного труда.

Весной, а затем осенью 1915 г. состоялись ведомственные совещания по вопросам механизации сельского хозяйства. В материалах совещаний отложилась цифра, характеризующая производительность русских заводов сельскохозяйственного машиностроения, — за период войны было выпущено продукции на 21.4 млн. руб., что значительно уступало довоенному уровню производства.[70] В 1916 г. 173 промышленных предприятия, выпускавших сельскохозяйственный инвентарь, снизили производительность по сравнению с довоенным уровнем на 75%.[71]

По-видимому, итогом обсуждения в ведомственных кругах вопроса о сельскохозяйственном машиностроении явился рескрипт министра земледелия А. Н. Наумова от 4 февраля 1916 г. губернским и уездным земским управам о восполнении убыли рабочей силы в сельском хозяйстве путем применения сельскохозяйственных машин и орудий. Развитие земледельческой техники рассматри-

---

[69] Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Пг., 1916, вып. X, с. 21.

[70] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 454.

[71] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 195.

валось в нем с точки зрения необходимости и неизбежности замены мобилизованных крестьянских трудовых ресурсов.[72] 9 октября 1916 г. Особое совещание по продовольственному делу поставило перед Департаментом земледелия вопрос о немедленной разработке плана мероприятий для снабжения сельского хозяйства машинами и орудиями. Очевидно, ответом послужило представление нового министра земледелия А. А. Бобринского в Совет министров по тому же поводу, сделанное с большой поспешностью, буквально на следующий день.

В преамбуле представления Бобринский извещал Совет министров о том, что Министерство земледелия приступило к исполнению новых для него функций, выходящих за пределы сферы его обычной деятельности, сопряженных с целым рядом правительственных мероприятий и требующих значительных государственных средств. Он сообщал, что Министерство земледелия, опираясь на крупные объединения земств и общественных закупочных организаций, приступило к обеспечению русского сельского хозяйства машинами и инвентарем. Отчасти предполагалось пополнить недостающий парк машин закупками за границей. Но основные усилия следовало направить на развитие собственного сельскохозяйственного машиностроения («необходимы меры, обеспечивающие в будущем производство нужных сельскому хозяйству предметов внутри России»), и делать это необходимо в экстренном порядке («чтобы новые отрасли и новые предприятия успели окрепнуть, пока не откроются границы, через которые в Россию несомненно вольется поток иностранных машин»).[73]

Далее излагалась программа правительственных мероприятий, предусматривавшая «реконструкцию» основных отраслей сельского хозяйства на базе механизации сельскохозяйственного производства, признанной «делом государственной важности». В области зернового производства программа намечала расширение сети «прокатных станций» инвентаря и «зерноочистительных обозов», создание заводов искусственного удобрения, развитие предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов и пр. Особо оговаривалось, что организация новых

---

[72] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 29, с. 74—76.

[73] Там же, док. № 1, с. 17.

производств возможна «лишь при широкой правительственной поддержке частных предприятий путем выдачи авансов при заказе или ссуд»,[74] т. е. опять речь шла о миллионных ассигнованиях в пользу частного капитала. Снабжение населения уборочными машинами Министерство земледелия попыталось организовать при посредстве Орловского земского товарищества и Киевского товарищества западных земств, соответственно авансировав эти общественные представительства. Министерство предполагало заключить соглашение и с Московским народным банком о закупке им уборочного инвентаря для областей Войска Донского и Кубанской, части Кавказа и ряда районов Сибири. Напомним, что объединенная земско-кооперативная закупочная организация в составе названных земских товариществ и банка, по свидетельству министра земледелия А. Н. Наумова (февраль 1916 г.), приняла на себя «все ведение дела... по распределению машин между отдельными местностями». Общая сумма государственного кредита, предусмотренного программой сельскохозяйственных мероприятий, была определена в 73 170 тыс. руб.[75] Характерно, что почти половина этой суммы — 35 млн. руб. — отводилась на заграничные закупки, т. е. декларированная в этом же документе «самостоятельность» русского сельскохозяйственного производства все еще оставалась в области теории.

Справедливость этого вывода подтверждают конкретные факты. В 1916 г. через Владивосток была доставлена в Россию партия тракторов (40 шт.) и выписаны из Швеции и США 35 тыс. уборочных машин. В то же время русские заводы произвели в 1916 г. лишь 10 тыс. этих машин. Американские фирмы получили русский заказ на 85 тыс. сельскохозяйственных машин для нужд сельского хозяйства в 1917 г., шведские — на 15 тыс. Русские же заводы и в 1917 г. продолжали работать с огромной недогрузкой из-за отсутствия топлива и сырья.

Почти одновременно с представлением А. А. Бобринского в Совет министров Департамент земледелия направил Особому совещанию по продовольственному делу справку об организации производства и ремонта сельскохозяйственных машин и орудий. Особое совещание ставилось в известность, что с октября 1915 г. по май 1916 г.

---

[74] Там же, с. 18, 21.
[75] Там же, с. 29; док. № 29, с. 74.

земствам и кооперативам было выдано 600 тыс. руб. в качестве пособия для поддержания ремонтных мастерских. Двухмиллионный сверхсметный кредит был использован на строительство складов металла и топлива для кузниц и мастерских в Москве, Киеве, Орле и Екатеринбурге, для содержания ремонтных организаций в земских и неземских губерниях. Особый кредит в сумме 2 млн. руб. назначался для производства земледельческих орудий и частей к ним в Екатеринославе и Вятской губернии. В то же время, используя 5-миллионный кредит, Департамент земледелия произвел заказы ремонтного оборудования за рубежом.[76]

Правительственные решения о развитии аграрного машиностроения были ответом на ходатайства сельскохозяйственных обществ и землевладельцев и в свою очередь вызвали активность заинтересованных кругов. Из разных районов России поступали телеграммы в адрес департаментов земледелия и государственных земельных имуществ с просьбой о содействии в получении машин и орудий, транспортировке и ремонте сельскохозяйственного инвентаря. Об этом ходатайствовали Омский отдел Московского общества сельского хозяйства, Одесское отделение Международной компании жатвенных машин в России и др. В 1917 г. инициатива все чаще исходила от низовых органов — крестьянских собраний, свидетельствуя о пробуждении правотворчества народных масс.[77]

В годы войны осложнилось положение и с рабочим скотом. Крестьянское хозяйство страдало от хронической нехватки тягловой силы. Фронт мобилизовал более 2.5 млн. лошадей, что оказалось крайне обременительно для сельского хозяйства. В то же время резко увеличилась подводная повинность, падавшая на крестьянский двор. Все это усилило социальное размежевание крестьянских хозяйств. Количество безлошадных крестьянских дворов особенно возросло в черноземных губерниях, т. е. в районах развитого зернового производства. Если в 1913 г. безлошадных хозяйств насчитывалось 28.7 %, то в 1917 г. — уже 33.3 % (сведения даны по 14 губерниям). Обеднение крестьянского хозяйства сказалось и на положении помещичьего землевладения, зависимого от кре-

---

[76] Там же, док. № 31, с. 77—78.

[77] Там же, док. № 30, с. 77; док. № 33, с. 79—81; док. № 37, с. 84—85.

стьянских рабочих рук и рабочего скота. В довоенные годы в собственности помещиков значилось сравнительно небольшое количество рабочего скота. В период войны положение мало изменилось. При всей сомнительности цифровых данных «Предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года» неоспорим тот факт, что в начале 1917 г. помещичьи экономии не только не выделялись по наличию тягловой силы, но, напротив, значительно уступали кулацкому хозяйству.[78]

Таким образом, сокращение посевных площадей зерновых культур, недостаток сельскохозяйственных машин, инвентаря и удобрений, принудительная мобилизация рабочего скота — все это свидетельствовало о падении общих экономических показателей русского сельского хозяйства, его производительности и товарности.

Хлебные цены

Первые дни войны принесли повсеместно резкое вздорожание продуктов сельского хозяйства. Рост цен, особенно в промышленных районах, объяснялся не столько недостатком хлеба и прочих продуктов первой необходимости, сколько спекуляцией, паникой, скупкой запасов, задержкой в сбыте. Поэтому в первые месяцы войны динамика цен на хлебные товары была неустойчивой, резко чередовались подъемы и спады. Но уже к концу 1914 г., по сведениям Статистико-экономического бюро Всероссийского союза городов, движение хлебных цен стало носить ярко выраженный поступательный характер.

Тенденция к повышению цен на рожь, ржаную муку и овес обозначилась уже в сентябре—октябре 1914 г., в ноябре—декабре она распространилась на прочие хлебные продукты. К весне 1915 г., т. е. через 8—9 месяцев после начала войны, повсеместно в стране установился относительно устойчивый и очень высокий уровень хлебных цен, предсказавший наступление продовольственного кризиса. По данным Н. А. Орлова и Н. М. Добротвора, заимствованным, видимо, из того же источника, в весенний период цены на рожь по сравнению с уровнем цен 1913 г. поднялись в среднем по стране на 72 %, на ржаную муку — на 64, на пшеницу — на 38, на пшеничную

[78] В помещичьих экономиях насчитывалось в этот период 1,4 млн. лошадей, во владении крестьян — более 22 млн. (Предварительные итоги..., вып. I, с. 634).

муку — на 23 %. Небывало высокого взлета достиг уровень цен на овес — 109 %.[79] Первому летнему месяцу 1915 г. сопутствовал заметный спад цен на рожь и овес ввиду благоприятных перспектив нового урожая. Однако передышка оказалась кратковременной. И к концу года средний уровень хлебных цен превысил довоенный уже на 80 %.[80]

Динамика хлебных цен определялась множеством причин, в том числе состоянием аграрной экономики (сокращением посевов, урожайности, недостатком рабочей силы и пр.), финансовыми трудностями (ростом эмиссии бумажных денег, косвенных налогов и др.), общей хозяйственной конъюнктурой (транспортной разрухой, удорожанием перевозок и пр.) и т. п.[81] В значительной мере она обусловливалась сдержанностью рыночного предложения вследствие отсутствия эквивалентного обмена между городом и деревней. В совокупности эти факторы в противовес надеждам на стимулирование сельскохозяйственного производства создавали острейший рыночный дефицит, способствовали безудержному подъему цен, ударяли по бюджету низкооплачиваемых категорий населения. Жизненный уровень трудовых слоев города и деревни в период войны заметно снизился.

По данным П. Маслова, в 1913—1914 гг. московский рабочий с годовым окладом менее 200 руб. около 53 руб. из 100 в среднем затрачивал на питание, в том числе 35.4 руб. — на хлеб. К маю 1915 г. по сравнению с предвоенным временем цены на ржаной хлеб в Москве повысились на 38 %, на крупу (гречу) — на 124 %, определив рост затрат на продукты питания до 67 % бюджета рабочего. За то же время заработная плата указанной категории рабочих увеличилась лишь на 34—48 %, т. е. значительно отставала от роста продуктовых цен, свидетельствуя об ухудшении жизненных условий.[82] Аналогичная

---

[79] См.: *Орлов Н. А.* Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919, с. 6; *Добротвор Н. М.* Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства. — В кн.: Исторический сборник. Горький, 1939, с. 58. (Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького; Т. III).

[80] *Ясный Н.* Опыт регулировки снабжения хлебом. Пг., 1917, с. 19.

[81] Летопись, 1916, № 8. — См. статью Н. Рожнова.

[82] *Маслов П.* Рабочий рынок и вздорожание жизни. — В кн.: Труды комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 171—172.

картина наблюдалась в Петрограде и других крупных промышленных центрах. Если сопоставить рост цен на хлеба с движением цен на прочие продовольственные продукты первой необходимости, то можно заметить, что к маю 1915 г. соотношение цен составило 61 против 29 %.[83] В дальнейшем разрыв в уровне заработной платы и стоимости продуктов питания еще более возрос.

Второй год войны внес существенные изменения в динамику движения и в соотношение цен на отдельные хлебные продукты. Отчасти это объяснялось благоприятным урожаем 1915 г., превысившим сбор предшествовавшего года на 23.5 % (для пшеницы — на 25.3, для ржи — на 23.7 %). Рост хлебных цен был достаточно высоким, хотя и уступал несколько стремительному их взлету, наблюдавшемуся в начальный период войны (июль 1914 г.—май 1915 г.). Сравнение индексов цен за май 1915—апрель 1916 г. показывает, что цены на пшеницу и пшеничную муку возросли на 29—39 %, на рожь и ржаную муку — на 5—8 %.[84] Суммарные данные о хлебных ценах, собранные путем наблюдений за двухлетний период, выявили некоторые тенденции их роста. Если первый военный год сопровождался резким подъемом цен на рожь и овес, т. е. на продукты потребления армией, то для второго года характерным оказалось опережающее движение цен на пшеничные продукты. Последнее было вызвано не только объективными причинами — сокращением посевов, урожайности, но и субъективными — изменением характера потребления в деревне. В корреспонденциях с мест сообщалось, что сравнительно высокие закупочные цены 1914 г., отчасти прекращение «продажи питей», увеличили достаток зажиточного крестьянина, вызвали в деревне усиленное потребление белых хлебов.[85]

Замедлились, наконец, и темпы роста цен на овес. Однако, несмотря на сравнительно высокий валовой сбор овса в 1915 г. (он превысил сбор 1914 г. на 20.7 %, но уступал среднему показателю пятилетия, 1908—1913 гг., на 3.8 %), его рыночное предложение оставалось слабым Это стимулировало повсеместное развитие разного рода спекулятивных сделок. Выдержки из сообщений периоди-

---

[83] Движение цен за два года войны. Пг., 1916, с. 8.

[84] Обзор состояния транспорта и рынков... Пг., 1916, вып. V, с. 9, 10.

[85] Торгово-промышленная газета, 1916, 6 февраля.

ческой печати свидетельствовали, что в Ельце, например, в марте 1916 г. торговцы платили за некондиционные сорта овса на 50 % дороже установленной таксы, а в Ромнах в апреле забракованные партии того же продукта сбывались по завышенным ценам (1 р. 65 к.— 1 р. 85 к.) и находили избыток покупателей.[86] Подобные примеры неединичны. Те же приемы характерны были и для товарных сделок с ячменем.

Установление Особым совещанием по продовольственному делу в декабре 1915—январе 1916 г. предельных цен на хлебные продукты (с правом реквизиции последних) способствовало упорядочению их движения. Но подобная мера не могла обуздать спекуляцию. Она явилась логическим следствием официальной политики, ибо уровень предельных хлебных цен, установленный в значительной мере произвольно, предопределял их повышательную тенденцию. Классовый характер этой политики проявился в том, что в основу твердых цен легли завышенные ставки, выработанные в среде землевладельцев и лишь умеренно откорректированные правительством (см. ниже, с. 175). Учитывая, что за два года войны средний индекс роста цен на хлеба колебался в пределах 50—100 %,[87] можно утверждать, что тенденция повышения цен явилась стимулирующим началом для откровенных спекулятивных сделок, усиливая «скрытую тягу к дивидендам военного времени».[88] Игра на повышение цен становилась фактически «беспроигрышной».[89] Спекулятивные звенья искусственно отделили производителя от потребителя.

Яркие симптомы нарушенного товарообмена, расстройства хлебного рынка проявлялись повсеместно. «Мифические» по высоте цены не согласовывались не только по губерниям, но и по экономически равнозначным уездам. Что касается конъюнктурной тактики мукомолов и хлебо-

---

[86] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. V, с. 12; Торгово-промышленная газета, 1916, 9 марта; 8 апреля. — Резко возросли цены на пшеничную и ржаную муку, причем низшие сорта дали больший подъем цен по сравнению с высшими (Состояние мукомольной промышленности осенью 1915 г. по данным специального обследования. М., 1916. Вып. II. 14 с.).

[87] Обзор состояния транспорта и рынков... Пг., 1916, вып. VI, с. 10, 18; вып. IX, с. 1, 2; вып. XI, с. 10, 19.

[88] Там же, вып. XI, с. 24.

[89] *Данилов Н. А.* Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922, с. 71.

торговцев, то она сообразовывалась «не с экономическими мероприятиями административной власти, а с коммерческой выгодой».[90] В конечном итоге безудержный рост цен усиливал экономическое потрясение огромного хозяйственного организма. В обзорах рыночных новостей отмечалось, что правительственные меры, направленные на «усмирение» процесса роста цен, развивающегося «с чрезвычайной быстротой», отнюдь не были «связаны единством какой-либо одной руководящей идеи». Широкий размах незаконных сделок с зерном, его «добывание... тайным путем, по баснословно дорогим ценам» заставляют с осторожностью относиться к уровню цен, обозначенному на основе официальных «товарных отметок». Вследствие этого динамика хлебных цен лишь приблизительно отражает реальную картину происходивших перемен и, как свидетельствует тот же источник, «не вполне соответствует действительности».[91]

Развитие продовольственного кризиса в конце 1916—начале 1917 г. привело к изменению характера движения хлебных цен. По свидетельству современников, из постепенного, динамичного оно стало скачкообразным, резким, неожиданным, с трудом поддающимся учету. По данным П. И. Лященко, к 1917 г. цены на продовольствие за один год возросли на 40—200 %.[92] В. Сарабьянов приводит для сравнения общий (суммарный) индекс цен на продовольственные и промышленные товары за последний предвоенный год — 1913/14 г. — и за апрель 1917 г.: он составлял для Москвы соответственно 1.0 и 3.3 и для 39 губерний Европейской России — 1.0 и 2.4.[93]

Военно-грузовой налог

Топливный кризис, развал железнодорожного транспорта до крайности затруднили хлебные перевозки. Едва ли способствовала их урегулированию и весьма противоречивая правительственная политика, сочетавшая меры по техническому обеспечению движения товарных составов

---

[90] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. IX, с. 54.
[91] Там же, вып. V, с. 13; вып. VI, с. 45.
[92] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956, т. II, с. 647.
[93] *Сарабьянов В.* Экономика и экономическая политика СССР. М.: Л., 1926, с. 69.

с усилением налогового обложения железнодорожных перевозок.

Достаточно понятны мотивы, побудившие царское правительство в первые месяцы войны — сентябрь—октябрь 1914 г. — прибегнуть к пересмотру тарифного законодательства в сторону повышения ставок. Эта мера, применепная ранее в весьма умеренных масштабах рядом западноевропейских стран — Францией, Италией, Австро-Венгрией (повышение провозных плат на 3—7 %), — должна была сыграть определенную роль в доходной смете государственного баланса. Однако новое тарифное законодательство в силу чрезвычайной высоты налогового обложения вступило в противоречие с принципами действовавшей системы тарификации железнодорожных перевозок, основы которой — дифференцирование ставок в зависимости от расстояний — были заложены еще в 90-х гг. XIX в.[94] Новое тарифное законодательство с его равенством такс для любых расстояний и направлений движения, удовлетворяя интересы фиска, в то же время явилось серьезным препятствием на пути урегулирования транспортных трудностей.

И. Поплавский, специально изучавший влияние военно-грузового налога на уровень цен, не без основания заметил, что поставленная правительством задача получить в свое распоряжение за год (ноябрь 1914—ноябрь 1915 г.) около 200 млн. руб. вызвала необходимость «произвести такое повышение железнодорожных тарифов, которое почти граничит с переворотом, с революцией действующей системы железнодорожных тарифов.[95] В высказываниях современников военно-грузовой налог получил разноречивую оценку. В правительственных инстанциях его рассматривали как неизбежный шаг на пути поисков финансовых источников. В «Трудах Комиссии по изучению современной дороговизны», изданных под грифом «Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете», новый тариф расценивался в качестве «нерационального способа обложения... отвергаемого финансовой теорией» и губи-

---

[94] *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 77—95.

[95] *Поплавский И.* Военно-грузовой налог и его влияние на дороговизну. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 71.

тельного для ряда отраслей.[96] В косвенном обложении военного времени военно-грузовой налог безусловно был одним из самых значительных налогов, не случайно получившим наименование «универсального акциза».

Введению налога предшествовала деятельность Междуведомственного совещания, созванного при Департаменте железных дорог для разработки проекта попудного сбора с транзитных грузов. Согласно проекту, хлебные продукты (зерно и мука) облагались единым попудным сбором в размере 1.5 коп. Итоговые материалы были переданы Междуведомственным совещанием в распоряжение Особой комиссии под председательством государственного контролера П. А. Харитонова. Особая комиссия отвергла предложенные ставки, выдвинув в свою очередь проект резкого повышения тарифа для всех железнодорожных грузов. Предполагалось обложить сбором зерно в размере 3 коп. за пуд, муку — 4 коп. за пуд.[97]

В Особом журнале Совета министров от 14 октября 1914 г. «Об установлении временного налога с перевозимых по железным дорогам грузов пассажирской, большой и малой скорости» отмечалось, что новый налог «по своей неизбежной неуравнительности... явится несомненно весьма отяготительным для населения». Поскольку эта мера считалась чрезвычайной, а следовательно, и временной, Совет министров препоручил министру финансов немедленно приступить к пересмотру общего железнодорожного тарифа, обещающего «наименьшие нарушения» интересов промышленности и торговли.[98] Завышенные тарифные ставки Особой комиссии были утверждены Советом министров 3 ноября 1914 г. По-видимому, далеко не случайно с целью ослабления негативного действия налога на интенсивность железнодорожных перевозок именно в середине октября 1914 г. был отменен запрет на перевозку частных грузов, введенный в первый день мобилизации.[99]

Материалы Департамента железных дорог не оставили следа сравнительного сопоставления доходов казны, полученных от военно-грузового налога, и финансовых по-

---

[96] Там же; *Гензель П. П., Соколов А. А.* Налоги, введенные во время войны, и дороговизна. — Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 63.

[97] *Поплавский И.* Военно-грузовой налог..., с. 72.

[98] Там же, с. 74.

[99] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 199.

терь, вызванных затруднениями транзитных перевозок. Несомненно, однако, что последние были исключительно велики. В конечном итоге эта чрезвычайная мера — военно-грузовой налог — не достигла цели. Введение налога, повысившего тарифные ставки в среднем на 30 %, оказалось для ряда малоценных товаров на коротких пробегах равнозначным запретительному тарифу. Вместе с тем высокие таксы затрудняли передвижение грузов и на дальних расстояниях. В результате новый налог способствовал росту дороговизны важнейших сельскохозяйственных и промышленных продуктов, существенно затруднял их реализацию, нарушая тем самым общую тенденцию эволюции цен.

Тарифное законодательство оказало отрицательное влияние также на движение хлебных грузов, увеличив провозную плату на зерно и муку в среднем до 22 %.[100]

Таблица 7

Влияние военно-грузового налога на уровень хлебных тарифов[a]

Продукт	Средняя тарифная ставка (в коп. за пуд)	Военно-грузовой налог	
		в коп. за пуд	% к средней тарифной ставке
Пшеница	14.37	3	20.2
Мука пшеничная	17.04	4	23.5
Рожь	12.50	3	24.0
Мука ржаная	15.30	4	26.1
Ячмень	9.44	3	31.8
Овес	18.22	3	16.4

[a] *Поплавский И.* Военно-грузовой налог. . ., с. 82.

Данные табл. 7 весьма наглядно иллюстрируют повышение стоимости железнодорожной транспортировки хлебных грузов.

На примере хлебных цен подтверждается вывод и о заметном вздорожании зерна и муки на важнейших хлебных рынках. Табл. 8, в которой сопоставлены средние цены на хлебные продукты за май довоенного трехлетия и май 1915 г., раскрывает влияние нового налога на повышение цен.

[100] *Поплавский И.* Военно-грузовой налог. . ., с. 82.

Таблица 8

Влияние военно-грузового налога на уровень хлебных цен (в коп. за пуд) [а]

Продукт	Средняя рыночная цена в мае 1911—1913 гг.	Средняя рыночная цена в мае 1915 г.	Военно-грузовой налог	
			в коп. за пуд	% к повышению цены
Рожь (Москва)	90.3	146.5	3	5.2
Пшеница (Москва)	105.3	155.0	3	6
Овес (Москва)	92.9	250.0	3	2
Ячмень (Петроград)	92.6	165.0	3	4.1
Мука пшеничная (Москва)	216.7	283.5	4	6
Мука ржаная (Москва)	123.8	197.5	4	5.4

[а] *Поплавский И.* Военно-грузовой налог. . ., с. 79.

При всей относительности сопоставляемых цен общая тенденция их повышения с учетом военно-грузового налога вырисовывается достаточно убедительно — от 5.2 до 6 % на пшеницу, рожь, муку и от 2 до 4 % на овес и ячмень.

Тяжесть военно-грузового налога испытывало, разумеется, прежде всего население потребляющих районов, преимущественно северных и промышленных губерний — Московской, Владимирской, Калужской, Тверской, Вологодской, Псковской, Новгородской, Нижегородской и Смоленской. По сведениям И. Поплавского, «хлебный налог» на душу населения распределялся крайне неравномерно. В Московской губернии в среднем он составлял 63.4 коп., во Владимирской — 29.2, в Казанской — 2.9, в Вятской — 1.4 коп.[101] Эти данные можно принять лишь как условные, характеризующие территориальные различия в уровне военно-грузового налога. Разумеется, в действительности распределение налога было несколько иным, оно зависело прежде всего от численности и социальной неоднородности городского населения и крестьянства. С полным основанием можно утверждать, что «хлебный налог» всей своей тяжестью падал на пролетарские элементы города и деревни.

Высота военно-грузового налога бесконечно возрастала за счет всяческих организационных неурядиц, задержек

[101] Там же, с. 95.

хлебного груза, переотправок, перегрузок и пр. Многократность обложения грузов и среди них предметов первой необходимости подчас не только затрудняла доставку продуктов в промышленные центры, но и делала ее практически невыполнимой.

Разумеется, военно-грузовой налог являлся лишь одним из факторов, способствовавших сокращению грузового движения на железных дорогах. Уже отмечалось, что недостаток транспортных мощностей, топлива, громадные по масштабам военные перевозки, общая хозяйственая разруха являлись основными причинами расстройства железнодорожного грузооборота. Влияние изменившихся экономических условий сказалось и на направлении движения грузовых потоков. Уже второе полугодие 1914 г. было отмечено резким сокращением перевозок хлеба — на 39.5 % — по сравнению со вторыми полугодиями предвоенного трехлетия — 1911—1913 гг.[102]

Таблица 9

Грузооборот железных дорог, осуществлявших перевозки хлебных грузов в 1913—1914 гг.[а]

	Перевезено хлеба (в тыс. пуд.)		
	июль—декабрь 1913 г.	июль—декабрь 1914 г.	разница (в %)
Железные дороги, по которым:			
ввозили хлеб[б]	51042	33685	66.0
вывозили хлеб на внутренний рынок	268551	181034	67.3
вывозили хлеб на экспорт	417114	198329	47.6
Итого	736707	413048	56.0

[а] *Арцимович А.* Состояние железнодорожного транспорта в период войны. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 112. [б] Имеются в виду дороги, для которых было характерно по преимуществу прибытие хлебных грузов, а не их отправка.

[102] *Арцимович А.* Состояние железнодорожного транспорта в период войны. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 106.

Если сравнить развитие грузооборота на отдельных железных дорогах в течение вторых полугодий предвоенного 1913 г. и военного 1914 г., то можно привести конкретные данные о сокращении перевозок (табл. 9).

Прежде всего следует отметить сокращение транзита экспортного хлеба на 52.4 %. В меньшей степени изменилась доставка хлебных грузов к рынкам потребительских районов — она уменьшилась на 32.7 %. Причем движение ржи сократилось на 58.7 %, пшеницы — на 66.8, овса — на 59.1, ячменя — на 19.4, муки — на 18.3 %.[103]

Транспортные железнодорожные средства использовались для перевозки фронтовых грузов крайне неравномерно. Западные железные дороги были буквально забиты эшелонами военного назначения; большие трудности испытывали восточные линии вследствие слабого развития железнодорожной сети в этом районе. В то же время юго-восточные железные дороги, Екатерининская, Владикавказская и др. в первые месяцы военных действий сохраняли относительно большие ресурсы подвижного состава. Однако и центральные власти, и администрация железных дорог не сумели мобилизовать свободные транспортные средства для необходимых коммерческих перевозок.

В период разрухи на железнодорожном транспорте одна из вынужденных мер, к которой прибегали местные власти, заключалась во все более частом обращении к смешанным железнодорожно-водным перевозкам и просто к передаче грузов на водный транспорт. Водный путь не облагался военно-грузовым налогом, и это способствовало оживлению транзитных операций на реках и каналах. По данным управляющего Транспортным отделом Особого совещания по перевозкам, в июне 1917 г. на водный транспорт было направлено 6 тыс. вагонов с продовольствием, т. е. приблизительно около 30 % общего количества вагонов. Для сравнения укажем, что годом раньше (в июне 1916 г.) водные перевозки составили 20 %. В июле количество вагонов, переданных водным трассам, возросло до 8400, что составило уже 40 % общего числа.[104]

Эксплуатация водных путей в период навигации была признана «вопросом первостепенной важности». Между

---

[103] Там же, с. 113—114.

[104] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 442, с. 248.

том тоннаж речного флота не использовался в полном объеме отчасти вследствие довольно высокого уровня фрахтов, отчасти из-за массы организационных неурядиц. 14 апреля 1917 г. Временное правительство приняло закон о принудительном направлении на водные пути в период навигации грузов, предназначенных для прямых железнодорожных перевозок. В спешном порядке, не дожидаясь опубликования, этот закон был объявлен правлениям железных дорог и председателям порайонных железнодорожных комитетов, на которых возлагалось руководство операцией. Специальная инструкция разъясняла необходимость максимального использования водных путей при составлении и реализации плана перевозок. Но и на этот раз воспользоваться в полной мере возможностями водного транспорта не сумели, что прежде всего отразилось на перевозках хлебных грузов (табл. 10).

Таблица 10

Перевозки хлебов по рекам Волжской системы в 1916—1917 гг. (в тыс. пуд.) [а]

	Отправлено				Прибыло	
	по Волге	по Каме	по Оке	всего	в Рыбинск	в Н. Новгород
К 10 июня 1916 г.	54454	23646	2296	80396	26569	9205
К 10 июня 1917 г.	16991	13184	1719	31894	6942	10126

[а] Экономическое положение России. . ., ч. II, док. № 442, с. 252. — Данные Распорядительного водного комитета.

Цифровой материал показывает, что к лету 1917 г. крупнейший хлебный центр России — г. Рыбинск — значительно сократил прием зерновых грузов, Нижний Новгород оставил его на прежнем уровне. Общий вывоз с пристаней хлебных продуктов снизился за год в 2.5 раза. Острая нужда промышленных центров в хлебе снова вызвала перевод зерновых грузов на железные дороги в Нижнем Новгороде, Ярославле и Кинешме.

Высокий уровень военно-грузового налога не раз подвергался суровой критике со стороны отдельных буржуазных предпринимательских организаций, представителей

городской администрации, земских собраний. Недовольство новой тарифной политикой находило отклик в периодической печати. В условиях мобилизации экономики, когда спрос населения, особенно в крупных промышленных центрах, перерастал предложение, тарифный налог по существу целиком перекладывался на плечи малоимущего потребителя.

Рабочая сила

Всеобщая мобилизация 1914 г., объявленная в разгар уборочной кампании, призыв в действующую армию более 7 млн. человек (довоенная армия насчитывала 1.4 млн. человек) тяжело отразились на экономическом положении деревни. И если урожай 1914 г. в значительной мере был спасен, то это удалось сделать главным образом благодаря использованию в уборке резервов аграрного перенаселения. Уже в первый год войны нужду в рабочей силе испытали районы, сельское хозяйство которых обслуживалось пришлыми рабочими.

В 1915 г., который забрал более 4 млн. человек (в основном крестьян), недостаток рабочих рук испытывали буквально все аграрные области. В 1916 г. фронту потребовалось еще около 5 млн. солдат.[105] По данным 50 губерний и областей, призывники составили 47.4 % всего трудоспособного мужского населения, занятого земледельческим трудом. Для восьми губерний процент мобилизованных крестьян был еще более высок.[106] По сведениям управляющего Министерством земледелия А. А. Ритиха, в 49 губерниях Европейской России мужской состав работников сельского хозяйства к декабрю 1916 г. сократился до 8 млн. человек.[107]

Исключительно сложное положение с рабочей силой создалось в южных районах страны — на Кубани, в Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской губерниях. Губернатор Бессарабии М. М. Воронович сообщал министру внутренних дел А. Н. Хвостову в фев-

---

[105] По сведениям Министерства земледелия, видимо неполным, общее количество призванных достигло к декабрю 1916 г. 14.5 млн. человек. См.: Экономическое положение России..., ч. III, док. № 20, с. 60.

[106] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 450.

[107] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 19, с. 55; док. № 20, с. 59—60.

рале 1916 г., что ввиду мобилизации на полевых работах в крае предполагается использовать всего лишь около 200 тыс. человек, тогда как обычный контингент сельскохозяйственных рабочих насчитывал 560 тыс.[108] Ейское общество сельского хозяйства телеграфировало на имя членов Государственной думы Бардижа и Николаева: «Рабочих нет абсолютно ни за какую цену. Положение критическое».[109] Между тем в предвоенные годы именно эти южные губернии поставляли 300—400 млн. пуд. товарного зерна. В эти губернии приток рабочей силы извне был особенно велик (Херсонская губерния получала ежегодно до войны 150 тыс. пришлых рабочих). Резкое умепьшение рабочей силы отозвалось сокращением посевных площадей, недосевом яровых и озимых культур. Осенью 1915 г. посевы озимых на 16 % уступали прежней «норме». Эти цифры привел В. В. Ковалевский, занимавший в то время пост заведующего продовольственным делом в империи.[110] Не меньшие трудности испытывали помещичьи и кулацкие хозяйства средневолжских и нижневолжских губерний, Предкавказья, Приуралья, Западной Сибири.

Разумеется, резервы аграрного перенаселения снижали остроту напряженности на рынке рабочей силы, особенно в первые месяцы военных действий. Пополнение отряда сельскохозяйственных рабочих происходило в начальный период войны и за счет притока в деревню рабочих, уволенных в связи с сокращением промышленного производства. Урегулирование рынка рабочей силы было связано также с ограничением со стороны правительства, а позднее и запрещением переселенческого движения. В 1915 г. специальным циркуляром главноуправляющего землеустройством и земледелием, разосланным в губернии, было приостановлено на время военных действий переселение в Сибирь. Определенную роль сыграло и прекращение эмиграции, особенно из южных и западных районов страны — Украины, Польши, Литвы, Белоруссии. Известно, что в начале века Россия занимала первое место среди европейских стран по размещению эмигрантов в США. В 1905—1909 гг. в Соединенные Штаты прибыло из России 377 тыс. эмигрантов, в основном сельско-

---

[108] Там же, док. № 5, с. 37.
[109] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, 1916, с. 22.
[110] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 4, с. 36.

хозяйственных рабочих, в 1910—1911 гг. — 275 тыс.[111] Окончательно закрылся и такой довольно емкий канал распределения избыточной рабочей силы, как рынок сельскохозяйственных рабочих в Германии, поглощавший в среднем до 300 тыс. человек ежегодно.

Недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах компенсировался отчасти за счет внутренних трудовых резервов деревни — сокращения масштабов отходничества и занятий неземледельческими промыслами, а также усилившегося применения женского труда как непосредственно в сельском хозяйстве, так и в отраслях обрабатывающей промышленности. Последнее легальная большевистская печать расценивала как одно «из важных последствий, внесенных современной войной в экономическую жизнь страны».[112] Однако дополнительный приток рабочей силы никак не мог восполнить потерь, связанных с мобилизацией сельского населения.

В начале 1915 г. в связи с развитием экономического кризиса проблема рабочей силы в сельском хозяйстве стала первоочередной. Вопрос о сельскохозяйственных рабочих обсуждался в правительственных инстанциях, на собраниях представителей земств, в среде землевладельцев. Ему было посвящено заседание Экономического совещания при Государственном совете, широко освещавшееся прессой. В частности, в кадетской газете «Речь» нашло отражение выступление члена Государственного совета, автора ряда исследований по проблемам российской экономики В. И. Денисова, провозгласившего «тревожность положения», которое сложилось в зерновых районах страны вследствие острой нехватки рабочих рук.[113] Однако вопреки ожиданию «тревожность положения» и на этот раз не побудила правительство к радикальным действиям.

В феврале 1916 г. В. В. Ковалевский внес предложение применить в отношении сельского хозяйства южных

---

[111] *Милютин В. П.* Сельскохозяйственные рабочие, с. 177; *Тудоряну И. Л.* Внеземледельческий отход крестьян за границу: (Российские крестьяне в американской промышленности в 1890—1914 гг.). — В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: (Социально-политическое развитие деревни). М., 1982, с. 128—131.

[112] Вопросы страхования, 1915, 31 августа, № 7 (45); *Сибиряков И.* Война и труд женщин. — В кн.: Большевистская печать. Вып. III. 1907—февраль 1917. М., 1961, с. 576.

[113] Речь, 1915, 27 января.

губерний «особые меры» по аналогии с допущенными правительством льготами для оборонных предприятий. Особые меры означали отмену для земледельческого населения принудительного наряда на работы в прифронтовой полосе, направление на сельскохозяйственные работы дополнительного числа военнопленных (20 тыс.), привлечение беженцев к обязательному труду в сельском хозяйстве. Возможно, в случае немедленного осуществления эти меры сумели бы ослабить общую напряженность на рынке рабочей силы. Однако к середине года речь уже могла идти не о каких-то частичных изменениях существующих правил, а об энергичных мерах в масштабе всей страны. Совет министров вынес 10 июля 1916 г. постановление об отсрочке на месяц (до 15 августа) призыва ратников ополчения I и II разрядов.[114] Решение правительства было продиктовано общегосударственными интересами и требованием помещичьих кругов. Вскоре для завершения уборки урожая Министерство земледелия добилось отзыва нескольких сотен тысяч крестьян с тыловых работ Юго-Западного фронта.[115]

Параллельно правительство оказалось перед необходимостью предпринять шаги для урегулирования вопроса с рабочей силой в районах, особенно нуждавшихся в трудовых резервах, в частности, в Бессарабии. Ряд центральных газет 8 июня поместил сообщение телеграфного агентства о том, что вследствие ходатайства бессарабского губернатора по специальному распоряжению с 1 июня 1916 г. население губернии освобождается от окопных работ.[116]

Надвигавшийся продовольственный кризис, постоянно державший в напряжении и правящую бюрократию, и буржуазную оппозицию, заставлял вновь и вновь обращаться к проблемам состояния сельского хозяйства и рабочей силы. 10—11 декабря 1916 г. вопрос о нехватке рабочих рук подвергся пристрастному обсуждению в Сельскохозяйственной комиссии Государственной думы, 13 декабря — в Государственном совете, затем — на чрезвычайном общем собрании Всероссийской сельскохо-

---

[114] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 4, с. 37; док. № 9, с. 42.

[115] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 452.

[116] Речь, 1916, 8 июня; Новое время, 1916, 8 июня; Русские ведомости, 1916, 8 июня.

зяйственной палаты в Петрограде. И на всех уровнях высказывалось мнение о безотлагательной необходимости сохранения в деревне оставшегося рабочего контингента, в том числе сельских специалистов. В представлении А. А. Ритиха в Совет министров (в декабре 1916 г.) прозвучал призыв вновь прибегнуть к чрезвычайным мерам — прекратить призыв ратников ополчения, «административного персонала частновладельческих экономий, без которого невозможна правильная хозяйственная деятельность этих культурных гнезд», и специалистов сельского хозяйства. «Настало уже время, — писал Риттих, — определенно стать на точку зрения, что сельское хозяйство работает на оборону государства».[117]

На сельскохозяйственных работах широко использовался труд беженцев, особенно в местностях, близких к прифронтовой полосе. Условия найма беженцев определялись стихийно, без какого бы то ни было учета их квалификации, а порой и профессии. Иного положения и быть не могло, ибо и условия труда, и условия быта беженцев мало кого интересовали. В материалах Всероссийского земского союза, датированных началом 1916 г., отмечалось: «Движение массы беженцев, сперва из Галиции, а затем и из пограничных губерний империи, с самого начала приняло стихийный и беспорядочный характер. Ни военные власти, ни местная администрация не имели возможности своевременно и в должных размерах организовать продовольствие, медицинскую помощь и иные необходимые мероприятия по устройству двигавшихся сплошными массами беженцев. Уже в начале июня 1915 г. обнаружились те грандиозные размеры, которые приняло движение беженцев, и та серьезная опасность, которая грозила от отсутствия планомерных и широко поставленных мероприятий по оказанию им помощи».[118] Лишь 30 августа 1915 г. состоялось «высочайшее» утверждение «Положения об обеспечении нужд беженцев», учреждение Особого совещания по устройству беженцев и Центрального ссудного комитета. «Заботы» о беженцах возлагались на министра внутренних дел, главноуполномоченных по их устройству, на губернато-

---

[117] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 19, с. 56—57.

[118] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916, с. 41.

ров, градоначальников, земские учреждения, городские общественные органы, местные комитеты.[119]

Однако централизации «управления» беженцами не получилось. И на созванном председателем Совета министров Б. В. Штюрмером в мае—июне 1916 г. совещании губернаторов, где среди прочих рассматривался вопрос о положении беженцев, вновь была поднята эта проблема. Определив как зло хозяйничанье многочисленных организаций, в том числе «Общеземского союза... пытавшегося в некоторых губерниях (Владимирская, Тульская) захватить беженцев в свои руки», совещание губернаторов высказалось за распределение основных функций по содержанию беженцев между «органами министерства, земством и городами». Совещание осудило и «лишенные достаточной хозяйственности» действия организаций главноуполномоченных фронта по отношению к использованию труда беженцев.[120] Предпринимательские организации оказались более оперативными. В июле 1915 г. Союз городов и Земский союз совместными усилиями создали орган попечительства беженцев — Объединенный комитет. 7—9 сентября на 3-м съезде Союза городов помощь беженцам была объявлена «делом государственным».[121]

Между тем изданный в начале 1916 г. циркуляр А. Н. Хвостова весьма изменил содержание закона 1915 г. о беженцах, передав попечительство над ними из рук земств и городских самоуправлений губернаторам, т. е. под контроль Министерства внутренних дел. В телеграмме Хвостова, адресованной губернаторам земских губерний 25 января, предлагался ряд организационных мер, обеспечивавших приток беженцев в аграрные районы. В числе прочих мер уездным земским управам вменялось в обязанность оповещать беженцев заранее о возможном объеме работ и уровне заработной платы, посредничать в вопросах найма, попечительствовать семьям беженцев и т. д. Некоторые, впрочем, очень незначительные материальные льготы гарантировались беженцам со стороны

---

[119] Особые совещания и комитеты военного времени. Пг., 1917, с. 47—60.

[120] Журнал 3-го заседания приглашенных губернаторов: Под председательством товарища министра кн. В. М. Волконского. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1929, т. 2 (33), с. 158—159.

[121] Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914—1915 г. М., 1915, с. 23.

государства.[122] В неземских губерниях те же функции земств должны были принять на себя специальные местные комитеты по использованию труда военнопленных.[123] В феврале того же года министр земледелия А. Н. Наумов в послании губернским и уездным земским управам признал важность вопроса о привлечении к сельскохозяйственному труду беженцев, число которых достигло 3 млн., и призвал земства «внести в столь важное для сельской России дело свою энергию и свой деловой опыт».[124]

Вопрос о применении труда военнопленных рассматривался в 1915 г. в Междуведомственном совещании при Главном управлении землеустройства и земледелия, а затем в расширенном составе того же совещания с привлечением земских деятелей. На основе суждений делегированных ведомствами представителей был выработан проект правил о порядке допуска военнопленных к сельскохозяйственным работам. «Правила», считавшиеся общеобязательными, в действительности имели узкое применение, ибо распространялись лишь на сравнительно незначительный отряд военнопленных, исключая лиц немецкого и мадьярского происхождения. Таким образом, решить проблему в целом они, естественно, не могли. Согласно «Правилам», сельскохозяйственное производство обслуживалось трудом военнопленных из расчета 10 тыс. человек (не более) на губернию. Партии военнопленных, насчитывавшие не менее 10 человек, отпускались на трехмесячный срок и более длительное время в распоряжение земских управ, которым вменялось в обязанность определять условия труда военнопленных, в том числе норму выработки, размер оплаты и пр.[125]

По свидетельству «Русских ведомостей», уже в марте 1915 г., т. е. спустя месяц после обнародования «Правил», министр внутренних дел Н. А. Маклаков вошел в Совет министров с ходатайством о пересмотре законодательства в сторону изменения условий содержания военнопленных и порядка использования их труда. Текст представления Маклакова отражал уверенность министра в том, что в случае централизации «управления» во-

---

[122] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 2, с. 33; Записки беженца. Пг., 1916, с. 9, 12.

[123] Аналогичная телеграмма А. Н. Хвостова в неземские губернии была направлена 30 января 1916 г.

[124] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 29, с. 76.

[125] *Милютин В. П.* Сельскохозяйственные рабочие, с. 200.

военнопленными выиграла бы и казна и крупное сельское хозяйство не оказалось бы «в таком безвыходном положении».[126] Таким образом, предложение Маклакова отвечало в первую очередь интересам крупного землевладения.

По данным Главного управления Генерального штаба, к 1 мая 1915 г. на сельскохозяйственных работах было занято в общей сложности 56 056 военнопленных.[127] В конце ноября в связи с повсеместным сокращением сельскохозяйственных работ министр земледелия возбудил ходатайство перед военным ведомством о направлении «свободных от постоянных работ» военнопленных в распоряжение вверенного ему министерства. Вследствие этого 15 января 1916 г. состоялось совещание под председательством помощника военного министра, постановившее передать 200 тыс. военнопленных в распоряжение Министерства земледелия. Цифра эта впоследствии была откорректирована до 170 тысяч. По специальному соглашению заинтересованных министерств (военного, внутренних дел, земледелия) и с учетом запросов губернских и уездных земских управ 170 тыс. военнопленных были разверстаны в хозяйства 33 губерний, нуждавшихся в рабочей силе.[128] В это же время (на 1 января 1916 г.), по данным Канцелярии Совета министров, из 570 тыс. военнопленных, занятых на казенных и сельскохозяйственных работах, 246 тыс. занимались земледельческим трудом «по ведомству внутренних дел». На 1 декабря 1916 г., по свидетельству того же источника, из 1.14 млн. военнопленных в ведении Министерства земледелия находилось более полумиллиона человек.[129]

Между министерствами шли постоянные споры о распределении трудовых ресурсов — беженцев и военнопленных. Межведомственная неразбериха приводила подчас к тому, что один и тот же отряд рабочей силы формально числился за несколькими министерствами. Заполучив однажды работников, ведомство стремилось удержать их, «отбиваясь» от посягательств других министерств. В марте 1916 г. министр торговли и промышленности предложил передать в его распоряжение 50 тыс. военнопленных из

---

[126] Русские ведомости, 1915, 31 марта.

[127] *Милютин В. П.* Сельскохозяйственные рабочие, с. 203.

[128] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 6, с. 38—39.

[129] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1199, л. 240; Экономическое положение России..., ч. III, док. № 21, с. 61.

числа назначенных на сельскохозяйственные работы. А. Н. Наумов в послании Б. В. Штюрмеру опротестовал эту просьбу.[130] Подобных примеров можно было бы привести десятки.

Во всеподданнейшей записке, датированной маем 1916 г., Б. В. Штюрмер назвал «заведование военнопленными... чрезвычайным бременем для губернского управления» и высказался за необходимость строжайших карательных мер.[131] На совещании губернаторов центральных губерний (в мае—июне) вопрос о положении военнопленных подвергся специальному обсуждению. Совещание признало законным применение к военнопленным телесных наказаний за отказ от сельскохозяйственных и прочих работ.[132]

Распределение военнопленных по ведомствам показывает, что в течение двух военных лет (с начала войны по 1 сентября 1916 г.) самый значительный их контингент поступил в распоряжение Министерства земледелия (табл. 11).

Таблица 11

Распределение военнопленных по ведомствам [a]

Министерство	Число военнопленных
Земледелия	639241 (57.4 %)
Торговли и промышленности	199399 (17.9 %)
Путей сообщения	140680 (12.6 %)
Военное	109288 (2.3 %)
Внутренних дел	25802 (9.8 %)
Итого	1114410 (100 %)

[a] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 95.

[130] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 6, с. 38—39.

[131] Всеподданнейшая записка Б. В. Штюрмера, 8 мая 1916 г. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1929, т. 2 (33), с. 148.

[132] Журнал 2-го заседания приглашенных губернаторов: Под председательством товарища министра А. В. Степанова. — Там же, с. 156—157.

Следовательно, промышленные предприятия и железнодорожный транспорт в значительно меньшей степени обслуживались трудом военнопленных (30.5 %), чем сельское хозяйство (57.4 %). 3 июля 1916 г. положением Совета министров были предоставлены исключительные полномочия председателю Совета министров по объединению всех мероприятий, касающихся снабжения армии и флота и организации тыла. Пользуясь предоставленной властью, в июле того же года Б. В. Штюрмер предложил командующим фронтами А. Е. Эверту, А. Н. Куропаткину и А. А. Брусилову безотлагательно направить в тыл и передать гражданским властям «всех сколько-нибудь способных к труду военнопленных» для использования на сельскохозяйственных работах. Этому акту придавалось значение государственной важности.[133]

Разумеется, и без этого жесткого предписания значительные отряды военнопленных поступали в распоряжение министерств. В июне 1916 г. «Биржевые ведомости» сообщали, что в итоге «последних операций генерала Брусилова» из 200 тыс. взятых в плен 160 тыс. человек поступили в введение Министерства земледелия для использования на сельскохозяйственных работах.[134] Новое постановление председателя Совета министров усилило приток военнопленных. По имеющимся сведениям, в экономиях Киевской губернии до июня 1916 г. было занято 7.5 тыс. пленных. В июле в распоряжение губернской земской управы поступил повый отряд военнопленных, насчитывавший 100 тыс. человек. 12 тыс. пленных дополнительно получила Волынская губернская земская управа и т. д.[135]

Из числа беженцев и военнопленных, направленных в сельскохозяйственную отрасль, подавляющее большинство поступало в хозяйства крупных землевладельцев. В адрес правительства из помещичьих экономий направлялись по этому поводу бесчисленные апелляции, которые по мере возможности удовлетворялись.[136] Распределялись военноплепные по усадьбам через губернские и уездные земства, бесконечно обращавшиеся к правительству по поводу присылки и закрепления за хозяйствами ра-

---

[133] Экопомическое положение России..., ч. III, док. № 10, с. 43.

[134] Биржевые ведомости, 1916, 19 июня.

[135] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 31.

[136] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 15, 22, 23 и др.

ботников.[137] На страже интересов земельных магнатов стояла также Всероссийская сельскохозяйственная палата, объединявшая представителей землевладельческой знати. Именно ей принадлежала инициатива (в ноябре 1916 г.) предоставления нижним воинским чинам сезонных отпусков для использования их труда на полевых работах в имениях. Помещиками и представлявшими их интересы общественными организациями выдвигались требования о привлечении к сельскохозяйственным работам воинских команд, размещенных в тылу. При необходимости военнопленные отзывались правительством прежде всего из крестьянских хозяйств. Орловский губернатор А. В. Арапов извещал министра земледелия А. А. Бобринского (в октябре 1916 г.), что «неравномерное» отношение к нуждам крупных землевладельцев и крестьян «вызвало ропот и сильное недовольство» среди последних, а в одном из уездов — «открытое возмущение, грозившее перейти в массовый беспорядок».[138]

По данным А. М. Анфимова, в 1916 г. в 84 тыс. помещичьих экономий насчитывалось около 1.5 млн. сельскохозяйственных рабочих и служащих. Из общего количества занятой рабочей силы военнопленные составляли 294 тыс. человек, т. е. 20.2 %, беженцы — 99 тыс., или 6.8 %.[139] В течение первого полугодия 1916 г. по ходатайству Министерства земледелия из Туркестана, Сибири и с Западного фронта было прислано на сельскохозяйственные работы около 240 тыс. военнопленных. Почти весь огромный отряд рабочей силы был рассредоточен по имениям землевладельцев.[140] Такое же количество беженцев (240 тыс.) эксплуатировалось в 1916 г. на сельскохозяйственных работах.[141] В 1917 г. контингент военнопленных и беженцев, работавших на владельческой земле, достиг 850 тыс. человек.[142]

Если соотнести количество беженцев и военнопленных с размерами частновладельческих хозяйств, то несомненное преимущество в использовании принудительного труда

---

[137] Там же, док. № 17, с. 52—53.
[138] Там же, док. № 16, с. 52.
[139] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 97.
[140] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство..., с. 42—43; *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 194.
[141] *Анфимов А. М.* Российская деревня..., с. 97.
[142] *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I, с. 268.

принадлежало крупным помещичьим латифундиям. Что касается крестьянского сектора, то здесь труд военнопленных играл ничтожную роль, обслуживая в основном нужды кулацкого хозяйства. Сравнительная обеспеченность помещичьих и кулацких хозяйств собственной и наемной рабочей силой убедительно вырисовывается из сопоставления сведений, приведенных С. П. Трапезниковым по 10 губерниям Европейской России за 1916 г. (табл. 12).

Таблица 12

Наличие рабочей силы в крестьянских и помещичьих хозяйствах в 1916 г. (в тыс. чел.) [а]

Хозяйство	Своих и наемных работников	Беженцев	Военнопленных	% беженцев и военнопленных к общему числу работников
Крестьянское	8222.1	70.4	19.6	1.1
Частновладельческое	169.1	12.4	22.7	20.8

[а] *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I, с. 267.

Статистические данные показывают, что принудительный труд новой категории сельскохозяйственных рабочих в частновладельческих хозяйствах применялся в 20 раз больше, чем в крестьянских. Естественно, с точки зрения экономической эффективности малопроизводительный труд беженцев и военнопленных не мог восполнить потерь в живой рабочей силе, вызванных мобилизацией. Тем не менее это был один из видов весьма существенной помощи правительства помещичьему землевладению в условиях военной обстановки. Не последнюю роль при этом играло и стремление помещиков заполучить дешевую, почти даровую рабочую силу, ибо оплата труда беженцев и военнопленных была в несколько раз ниже заработной платы сельскохозяйственных рабочих и влияла на нее в сторону понижения. Использование труда беженцев и военнопленных позволяло помещичьему хозяйству не только на какое-то время стабилизировать производство, но и искусственно регулировать в сторону понижения уровень заработной платы наемных рабочих.

Периодически к сельскохозяйственным работам в южных районах страны привлекались нижние чины войсковых частей (в местах расквартирования — воинские команды) и учащиеся средних учебных заведений (трудовые школьные дружины), присланные из Петрограда, Николаева и других промышленных центров. И в этой области «местные общественные силы» пытались проявлять активность. Съезды сельских хозяев, земские совещания, собрания кооперативных союзов, сельскохозяйственные общества с живейшим участием обсуждали назревшие вопросы. В частности, в Екатеринодаре в июне 1916 г. съезд землевладельцев Кубанской области предложил учредить трудовые артели и бюро посреднических услуг для найма и распределения рабочей силы в соответствии с правилами Всероссийской биржи труда.[143]

Мобилизация наиболее работоспособного отряда сельского населения отразилась на рынке сезонных сельскохозяйственных рабочих. Предложение наемного труда резко упало (в дореволюционные годы сельскохозяйственные работы привлекали более половины отходников) и не могло обеспечить растущую нужду помещиков и сельской буржуазии в рабочей силе. Ни прекращение эмиграции, отвлекавшей в предвоенные годы в среднем 400 тыс. человек, ни консервация переселенческого движения, отрывавшего от земли ежегодно около 200 тыс. работников,[144] не могли разрешить проблему рынка рабочей силы. Мобилизация поглотила значительную часть наемных сельскохозяйственных рабочих, и само крестьянское хозяйство, обескровленное ею, стремилось использовать на собственной земле труд оставшихся в деревне работников.

Некоторый рост номинальной (но не реальной) заработной платы категории сельскохозяйственных рабочих, приуроченный, как правило, к началу посевной или уборочной кампании, далеко не соответствовал уровню цен на основные продукты потребления. По данным Центрального статистического комитета, предпринявшего специальные анкетные обследования в 1910 и в 1915 гг., оплата труда годовых рабочих (на своих харчах) частновладельческих хозяйств в 1915 г. в среднем по стране составляла 240 руб., т. е. увеличилась по сравнению

---

[143] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 23, 24.
[144] *Маслов П.* Рабочий рынок и вздорожание жизни, с. 164.

с 1910 г. более чем в полтора раза.[145] За тот же хронологический период цены на важнейшие продукты питания возросли в 3—4 раза. Ниже приводятся сравнительные с 1913 г. данные о динамике заработной платы поденщиков московского района и росте хлебных цен в первые месяцы войны (в %): [146]

	Средняя заработная плата	Оптовые хлебные цены
Июль 1914 г.	105	108
Январь 1915 г.	128	141
Апрель 1915 г.	141	182

Сопоставление уровня заработной платы поденщиков с уровнем хлебных цен на протяжении первых десяти военных месяцев свидетельствует о значительном отставании оплаты труда от движения хлебных цен (на 41 % в апреле 1915 г.).

В силу сложных демографических явлений, вызванных войной, баланс труда и хлебный баланс вступили в резкое противоречие. Мобилизация не только вырвала миллионы людей из рядов непосредственных производителей, но и превратила их в потребителей продуктов сельского хозяйства вне сферы самого производства. Армия поглощала огромное количество продовольствия. Обеспечение ее являлось основной и первоочередной задачей правительственной регулирующей деятельности. Все государственные публично-правовые институты, осуществлявшие меры регулирования в области операций внутреннего рынка и потребления — назначение такс и твердых цен, реквизиции, продразверстка, карточная система и пр., — исходили из наличия определенного количества продукта. С фатальной неизбежностью возникала необходимость «минимума насыщения деревни трудовыми элементами».[147] Между тем пополнение кадров сельского хозяйства, осуществлявшееся вследствие объективных демографических изменений, связанных с вызванной войной спецификой экономических процессов, не могло удовлетворить потребность в рабочей силе. С другой стороны,

---

[145] Статистика Российской империи. XCIV. Цены на рабочие руки в сельских хозяйствах частных владельцев в Европейской и Азиатской России в 1915 году. Пг., 1917, с. 8—9.

[146] *Маслов П.* Рабочий рынок и вздорожание жизни, с. 167.

[147] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 62.

влияние правительственной регулирующей деятельности на формирование рынка сельскохозяйственного труда, определявшейся целями и задачами войны, проявлялось неоднозначно, сохраняя отчетливо выраженную классовую окраску. Вследствие указанных причин рынок наемной рабочей силы в известной мере оказался понятием условным, его место заняли различные формы принудительного труда.

Демографические процессы, порожденные войной, интенсивные темпы капитализации сельскохозяйственной экономики углубили классовые противоречия в российской деревне. Эти процессы сопровождались растущей социальной дифференциацией сельского населения. Разорение бедняцкого крестьянского хозяйства происходило повсеместно и в небывалых ранее масштабах. К 1917 г. по сравнению с предвоенным периодом в ряде центральных районов резко возросла численность беспосевных крестьянских хозяйств: с 4.4 до 6.5 % в Тульской губернии, с 6.5 до 14.6 % — в Калужской (в Жиздринском уезде), с 10.2 до 13.4 % — в Симбирской губернии.[148] В то же время заметно экономически окрепла сельская буржуазия, спекулировавшая на голоде, завышенных продуктовых ценах, обнищании крестьянских масс. Кулачество существенно увеличило запашки, скупая за бесценок земельные наделы разорившегося, пролетаризировавшегося крестьянства. Усилившийся процесс дворянского обезземеливания был также использован кулачеством для «округления» своих земельных владений. В совокупности сложные социально-демографические явления периода войны привели к крайней поляризации классовых сил в деревне и ускорили приближение революционного выступления масс.

---

[148] *Шигалин Г. И.* Военная экономика..., с. 198.

Глава II

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПЕРВОГО ГОДА ВОЙНЫ. МЕЖСОЮЗНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

«Мировое господство» есть... содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война.[1]

В. И. Ленин

Регулирование внутреннего хлебного рынка. Снабжение армии

Война повлекла за собой коренные изменения всей системы продовольственного снабжения фронта и тыла. Правительственные мероприятия, направленные на регулирование внутрироссийской хлебной торговли, прежде всего отвечали задаче — обеспечить продуктами питания действующую армию. Вблизи театра военных действий и в прифронтовой полосе распоряжения правительства носили характер чрезвычайных мер.

В июле—августе 1914 г. на военном положении были объявлены западные губернии России, Петроград, Финляндия, затем Кавказ и Предкавказье, область Войска Донского. В сентябре военное положение распространилось на территории Сибирского, Омского и Забайкальского железнодорожных районов и в район Восточно-Китайской железной дороги. Высочайшим указом от 24 июля вся тыловая территория империи объявлялась в состоянии «чрезвычайной охраны».

29 августа были обнародованы «Правила о местностях, состоящих на военном положении». Командующим армиями предоставлялись исключительно широкие полномочия и среди них — ограничение и запрет вывоза из прифронтовой полосы продовольственных культур и фуража. Еще до издания «Правил», 23—28 августа, армейскими властями был запрещен вывоз зерна и муки из районов Минского и Двинского военных округов. 27 августа первые ограничения коснулись уровня хлебных цен:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.

запрещалась скупка ржи и муки, а также продажа хлебных продуктов по спекулятивным ценам.[2]

«Правила» 29 августа фактически узаконили самочинно отданные распоряжения местных властей и послужили новым толчком к расширению запретительных мер. По сообщению заведующего продовольственной частью в империи Н. П. Муратова, к июню 1915 г. был прекращен вывоз всех хлебных продуктов из губерний, находившихся в радиусе военных действий и в прифронтовой полосе.[3]

8 декабря 1914 г. последовал высочайший указ о предоставлении командующим тыловыми воепными округами исключительных полномочий, апалогичных правам военачальников действующей армии. «Правила» 29 августа стали действовать на территории всей страны. Таким образом, мера, примененная исключительно из военных соображений на сравнительно ограниченной территории, переросла в мероприятие государственного масштаба. Нужно сказать, что и декабрьский указ был издан с запозданием. Запретительные акты, имевшие целью обеспечить хлебом не только фронтовые части, но и гражданское население, применялись в тыловых губерниях уже довольно широко. В январе—феврале 1915 г. были даны распоряжения о невывозе хлебных продуктов из Олонецкой губернии в Финляндию и из ряда уездов Новгородской губернии в соседние районы. В марте—мае был ограничен вывоз зерна из окрестностей Череповца, Белостока, Могилева, Витебска, Смоленска, из губерний Прибалтики и т. д. До ноября 1915 г. только в Одесском военном округе было издано около 20 обязательных постановлений о запрете вывоза.[4] В общей сложности из 32 губерний запрещался вывоз хлеба.[5]

Далеко не всегда, однако, чрезвычайные меры оправдывали себя. Местные власти, губернаторы, градоначальники, стихийно подчиняясь общей тенденции, подчас без всяких к тому оснований пресекали традиционный това-

---

[2] *Прокопович С.* Запрещения вывоза. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 128.

[3] Там же, с. 132.

[4] Характер деятельности Особого продовольственного совещания. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 150.

[5] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977 г., т. I, с. 121.

рообмен, искусственно нарушая издавна сложившиеся экономические связи. Ошибки, как правило, быстро обнаруживали себя, и незадачливые чиновники отменяли указы. Так случилось в Киевском округе, где приказом начальника округа от 12 марта 1915 г. был запрещен вывоз продовольствия из всех уездов, а последовавшими затем распоряжениями губернатора (в марте—апреле) решение это фактически оказалось упраздненным. Тогда же смягчение суровых ограничений коснулось Двинского и Минского округов.[6] Аналогичные события имели место и в Сибири. Приказ генерал-губернатора Степного края о сохранении в Сибири запасов овса и права отчуждения его исключительно в пользу интендантства, а вслед за тем последовавшие распоряжения о запрете вывоза хлебных продуктов из Тобольской и Вятской губерний вызвали сопротивление местных землевладельцев и хлеботорговцев. Челябинский и Екатеринбургский биржевые комитеты направили официальный протест против действий генерал-губернатора. Вологодское земство, закупившее ранее 80 тыс. пуд. сибирского овса и не сумевшее его своевременно вывезти, возбудило ходатайство об отмене чрезвычайного распоряжения.[7] Не обходилось порою и без вмешательства центральной власти. В частности, министром земледелия был упразднен осенью 1915 г. запрет вывоза зерна за пределы Кавказского военного округа.[8] Порою наказание за чрезмерное усердие несли власти самих производящих губерний, наиболее часто испытывавших на себе политику запретов. Общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности Киевской губернии, где «стеснительные распоряжения административно-военного характера» действовали одно за другим, создавая «ряд обременительных затруднений и формальностей», оказалось без семенного материала. В обращении Общества в Департамент земледелия предлагались меры, которые могли бы «исправить нарушенный товарообмен», в том числе свободный вывоз семян в любые районы государства без согласования с армейскими уполномоченными.[9]

---

[6] *Прокопович С.* Запрещения вывоза, с. 130.

[7] Там же, с. 129—131, 136.

[8] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 150.

[9] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967, ч. III, док. № 32, с. 79.

В ряде случаев ограничения торговых операций непосредственно затрагивали мукомольную промышленность, приводили к сокращению производства, а подчас и к его полной консервации. В начале 1915 г. вследствие пресечения подвоза зерна приостановилась работа одесских мельниц. Большие затруднения с получением сырья испытывали мукомольные предприятия Елисаветграда, что повлекло за собой соответствующее ходатайство Биржевого комитета.[10] Следует, однако, заметить, что в первые месяцы войны ограничения, коснувшиеся мукомольного производства, не носили общеобязательного характера, сохраняя значение локальных мер. В марте 1915 г. в Киевской губернии, например, владельцам частных мельниц предписывалось не производить высшие сорта муки, а осуществлять лишь помол, поставляемый армии. Впоследствии подобное предписание вылилось в форму общегосударственного запрета.

Помимо того что меры по урегулированию хлебного рынка в глубоком тылу не дали ощутимых практических результатов, парочитое членение губерний и военных округов на ряд самостоятельных мелких хозяйственных единиц (по определению Совещания по дороговизне, «мелких территориальных клочков», лишенных возможности хлебообмена[11]) также затрудняло осуществление общегосударственных мероприятий, связанных с мобилизацией экономики.

Между тем спорадически в разных концах страны возникали новые проекты расширения действий запретительных мер. В январе 1915 г. Московская хлебная биржа возбудила ходатайство о наложении вето на вывоз овса в Петроград из пределов губернии. Совещание по продовольственному вопросу в Туле направило прошение в Министерство внутренних дел о временном запрете вывоза из губернии хлебных продуктов. О том же ходатайствовала и Полтавская городская комиссия по борьбе с дороговизной. Состоявшееся в мае 1915 г. в Минске под председательством губернатора Совещание по вопросу об обеспечении губернских городов продуктами первой необходимости вынесло постановление просить Министерство внутренних дел о прекращении вывоза из губернии про-

---

[10] *Прокопович С.* Запрещения вывоза, с. 131.

[11] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925, с. 61.

довольствия и о ввозе его из других районов страны.[12] Губернская администрация и собрания землевладельцев, обобщавшие местный опыт запретительных мер, расценивали его с точки зрения целесообразности и даже необходимости. Разумеется, они исходили из чисто местнических интересов.

В общероссийском масштабе итоги первых правительственных мероприятий по регулированию внутреннего хлебного рынка были подведены на состоявшемся 3—5 февраля 1915 г. Совещании уполномоченных по закупке хлеба Главного управления землеустройства и земледелия. Совещание затронуло вопрос о запретительных актах в связи с необходимостью проведения крупной государственной операции — покупки 50 млн. пуд. овса и такого же количества ячменя. Совещание констатировало, что спрос на хлеб опередил его предложение из-за сосредоточения запасов зерна в «крепких руках» хлеботорговцев, из-за биржевой игры с хлебом «в крупных размерах» при посредстве банков и вследствие ряда других причин. Совещание высказалось за широкое применение чрезвычайных мер, за запрещение вывоза из губерний всех без исключения хлебных продуктов, необходимых для армейских поставок. Только практика запрета, по мнению уполномоченных, смогла бы исключить спекулятивные сделки и облегчить торговые операции на основе «обязательных» цен. Совещание предложило определять уровень цен с учетом близости фронта и стоимости провоза зерна в магазины интендантства. Назначение реквизиций влекло за собой установление цен на 15 и более процентов ниже уровня цен добровольных сделок. Рекомендации Совещания были учтены при подготовке закона 17 февраля 1915 г. «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота». Командующим войсками военных округов «вне театра войны» предоставлялись особые полномочия: право запрета вывоза продовольствия за границу, установления закупочных цен на продовольствие и фураж и назначения реквизиций.[13]

---

[12] *Прокопович С.* Запрещения вывоза, с. 130, 136.

[13] Положение Совета министров 17 февраля 1915 г. — В кн.: Справка о законодательстве военного времени по торговле и промышленности (19 июля 1914—20 мая 1915 г.). Пг., 1915, с. 15; *Орлов Н. А.* Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919, с. 7.

В развитие закона 17 февраля административными органами издавались распоряжения, усилившие его действие. К их числу относилось обращение министра внутренних дел к губернаторам в марте 1915 г. о содействии армейскому командованию в осуществлении продовольственных поставок.[14] Управление железных дорог также откликнулось усилением контроля над передвижением транзитных грузов.

Если запрещение вывоза в прифронтовых районах сыграло определенную роль в деле снабжения продовольствием армии, то применение этой крайней меры в общероссийском масштабе лишь доказало ее несостоятельность. Уже отмечалось, что страна подверглась искусственному делению на ряд «уделов», слабо связанных экономически и подчиненных в хозяйственном отношении действиям военной администрации. Проведение общеобязательных регулирующих мероприятий было затруднено. Ничтожно малым оказался и экономический эффект: выигрыш казны исчислялся всего лишь в 20—25 млн. руб.[15] Дезорганизация торговых связей не только не ослабила спекуляцию хлеботорговцев, но и усилила их позиции в борьбе с государственными твердыми ценами.

С учреждением в августе 1915 г. Особого совещания по продовольственному делу всякого рода запретительные меры, применяемые на местах, должны были неукоснительно с ним согласовываться. Забегая несколько вперед, укажем, что нередко в повседневной жизни это правило нарушалось. 31 октября 1915 г. Особое совещание высказалось за необходимость совместных действий с Военным министерством в области запретительных мер. Любопытно, что идея переговоров принадлежала члену Думы П. И. Каннисту. 5 ноября председатель Особого совещания А. Н. Наумов направил военному министру А. А. Поливанову письмо с выражением неудовольствия по поводу произвольных запретительных мер, предпринятых главными начальниками Киевского и Минского военных округов. В ответном послании Поливанов счел возможным оправдать деятельность армейских властей, так как она происходила на театре военных действий, и недвусмысленно намекнул на излишне расширительное толкование Особым совещанием собственных прав. Как видим, Воен-

[14] Русские ведомости, 1915, 15 марта.
[15] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России..., с. 61.

ное министерство по-прежнему исключало любое вмешательство в сферу своих интересов, избегая внешних влияний.

Между тем самовольные запретительные акты военачальников и интендантских служб следовали буквально один за другим. Они касались хлебных запасов Херсонской, Таврической, Одесской, Эстляндской, Лифляндской губерний, Финляндии и пр. Бескомпромиссные позиции сторон, вероятно, надолго оттянули бы решение спора, если б не случайный инцидент, повлекший за собой быструю развязку. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н. И. Иванов вошел в переговоры с Наумовым о запрете вывоза продовольствия и фуража из пределов Киевского военного округа. Наумов отверг намеченную меру и выдвинул встречное предложение об увеличении норм снабжения Юго-Западного фронта. В нарушение всех правил Н. И. Иванов отдал приказ о невывозе фуража. Ответным шагом министра земледелия, вероятно, не рассчитывавшего более на собственные силы, явилось обращение на «высочайшее» имя. Во всеподданнейшем докладе, предварительно одобренном Особым совещанием, Наумов подчеркнул парализующее влияние запретов на местную экономику, снабжение населения, обеспечение войсковых частей других фронтов и высказался за координацию действий. Тут же следовала оговорка о невмешательстве Министерства земледелия в распоряжения военного министра в радиусе военных действий. Аргументация, видимо, произвела впечатление, поскольку почти одновременно 19 и 23 ноября последовали два правительственных распоряжения. Первое предписывало главкомам трех фронтов оказывать взаимную поддержку при решении продовольственных вопросов; второе обязывало военную администрацию прифронтовых губерний согласовывать распоряжения о запрете вывоза с министром земледелия.[16] Расширяя полномочия председателя Особого совещания по продовольственному делу, распоряжения внесли относительное, временное упорядочение в практику запрета. Они узаконили фактически компромиссное решение вопроса — запрет вывоза из военного округа не

---

[16] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 149; Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916, с. 10—15.

нарушал отныне передвижения продовольствия в пределах губерний и уездов.

По свидетельству корреспондента «Торгово-промышленной газеты», Особое совещание в принципе отрицательно относилось «к установлению запрета вывоза, как к мере тяжелой по своим последствиям для соседних местностей».[17] Известен факт, когда в июле 1916 г. Особое совещание ответило отказом на предложение председателя Совета министров и министра внутренних дел Б. В. Штюрмера запретить вывоз продовольственных культур и фуража из Самарской и Оренбургской губерний, Тургайской и Уральской областей, а также реквизировать наличные запасы зерна. Отстранив это предложение, Особое совещание предписало уполномоченным Министерства земледелия произвести в тех же местностях закупки хлебных продуктов в запас для нужд населения.[18] Занявший пост министра внутренних дел в сентябре 1916 г. А. Д. Протопопов оказался уже явно не в ладах с практикой запретов.[19] По-видимому, двухгодовой опыт сумел убедить государственную власть в недостижимости поставленной цели.

Система запретительных мер была неразрывно связана с централизацией продовольственного снабжения войск. Вопрос о сосредоточении армейских поставок в руках одного ведомства возник в самом начале войны, однако решение его затянулось на многие месяцы.

Следуя предложению министра земледелия А. В. Кривошеина, первое время в Ставке склонялись к передаче всего продовольственного дела в ведение Главного управления землеустройства и земледелия (с 1915 г. — Министерства земледелия). Но полновластия не получилось. В ведении Главного интендантского управления и органов интендантства армейских подразделений сохранялась заготовка продовольствия в пределах войсковых районов. Министерству земледелия было предложено принять на себя закупки продовольствия для тыла. Особоуполномоченным был назначен Г. В. Глинка. На местах закупки

---

[17] Торгово-промышленная газета, 1916, 28 июля.

[18] Там же; Русское слово, 1916, 28 июля.

[19] 22 сентября 1916 г. Александра Федоровна писала Николаю: «Другая ошибка, по мнению Прот[опопова], — и я с ним вполне согласна, — в том, что запрещен вывоз из одной губернии в другую, — это абсурд...» (Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. М.; Л., 1927, т. V, с. 53).

осуществляли окружные и губернские уполномоченные из числа чиновников Министерства земледелия и представителей «местных общественных сил» (чаще всего — председатели губернских земских управ). Посильную помощь в процессе хлебных заготовок оказывали земства и городские управы. Уровень рыночных хлебных цен регулировали губернаторы и армейское командование, «предельные» закупочные цены устанавливались Министерством земледелия.

В начале войны для армии была определена суточная норма потребления — 2.5 фунта хлеба, 1/4 фунта крупы, 1 фунт мяса и т. д. Норма была подвижной, она могла быть изменена распоряжением командующего фронтом под влиянием истощения продовольственных ресурсов. Бесперебойное снабжение армии продовольствием и фуражом должны были обеспечить подвижные продуктовые запасы при действующих войсках и стационарные, сосредоточенные в продовольственных магазинах прифронтовой полосы. Трудности продовольственного снабжения вызвали ряд соответствующих правительственных распоряжений. В январе 1915 г. для интендантских закупок были снижены кондиционные требования на продукты питания.

Вслед за объявлением мобилизации Главное интендантское управление приступило к созданию полугодового запаса «военного фонда» (провианта и фуража) на 3.8 млн. человек. В прифронтовой полосе было заготовлено муки 33 млн. пуд., круп — 4.39, овса — 72, сухарей (месячный запас) — 3.78 млн. пуд. и ряд других продуктов на общую сумму 302.4 млн. руб. Одновременно последовали значительные денежные вклады на оборудование продовольственных магазинов, железнодорожных платформ, закупку тары. Итоговая сумма затрат военного ведомства составила 583.1 млн. руб.[20] Однако уже в начале 1915 г. продовольственные поставки фронту существенно отставали от потребностей быстро растущей армии.

Все чаще на пути заготовителей вставали непреодолимые транспортные трудности. План продовольственных перевозок разработан не был, технические возможности железных дорог оценивались произвольно, результатом чего являлись скопления на станциях составов с продовольствием, бесчисленные нарушения графиков движения

---

[20] *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956, с. 211.

армейских грузов. Лишь в конце 1915 г. была установлена система интендантских перевозок, однако к этому времени общее критическое состояние железнодорожного транспорта воспрепятствовало практическому ее осуществлению.

Снабжение войск хлебными продуктами возлагалось на интендантскую службу, в ведении которой в начальный период военных действий находилась 151 полевая хлебопекарня. К январю 1917 г. их число возросло до 300 и более. В период маневренных маршей и передислокаций войск интендантские службы не могли сопровождать воинские части, и довольствие армии обеспечивали запасы сухарей. Основными поставщиками являлись 3 сухарных завода и пекарня городского управления в Москве, заводы в Казани, Брянске, Рыбинске, Боровичах, макаронные фабрики в Ростове-на-Дону и Нахичевани с общей суточной производительностью 30 тыс. пуд. Распоряжением Главного интендантского управления с начала войны по май 1917 г. фронтам было отправлено 5550.2 тыс. пуд. (91 187 т) сухарей.[21] Обеспечение войск фуражными культурами постоянно испытывало затруднения. Интендантство удовлетворяло потребности армии в фураже лишь частично ($^1/_2$—$^1/_3$ нормы). Недостающее количество кормов войска заготовляли самостоятельно на местах, используя специальный кредит, что, как правило, вызывало немалые трудности.

В 1916 г. армия потребляла около 45—50 % товарного хлеба, производимого страной.[22] На нужды фронта работали хлебородные губернии Юга и Черноземья, Степной край и Сибирь. Но основные тяготы продовольственного снабжения войск выпали на долю прифронтовых районов. Трудовой ритм сельскохозяйственной жизни был полностью нарушен. Отголоски прямых военных столкновений, оборонительные сооружения значительно сократили здесь площадь пахотных земель. Реквизиции продовольствия, фуража, как и реквизиция рабочей силы,[23] к которой постоянно прибегали интендантские власти, поставили ряд районов прифронтовой зоны перед угрозой

---

[21] Там же, с. 215, 216.

[22] Там же, с. 68.

[23] Согласно Своду военных постановлений, утвержденному 3 августа 1914 г., на время войны для обеспечения армии были разрешены реквизиции труда (Собрание узаконений. Пг., 1914, отд. 1, ст. 2324).

полного паралича хозяйственной деятельности. Из областей, непосредственно примыкавших к фронту, черпало армейское командование и рабочую силу. За 19 месяцев войны только 4 губернии (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская) дали Юго-Западному фронту 130 млн. пуд. хлеба и большое количество мучных продуктов.[24] Разорение, тяжелые рабочая и подводная повинности вызывали недовольство местного населения.

Летом 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего возбудил вопрос о «прирезке» к театру военных действий ряда внутренних военных округов. Совет министров 16 августа 1915 г. признал это нежелательным, о чем и уведомил военного министра. Ходатайства военного министра привели к признанию Советом министров возможности расширения прифронтовой зоны (за счет части Петербургской, Московской, Курской, Харьковской губерний и др.), но без права объявления военного положения. В сентябре 1916 г. военный министр Д. С. Шуваев в письме к Б. В. Штюрмеру аргументировал ту же просьбу необходимостью принудительного привлечения населения к оборонным работам и борьбы с забастовками.[25] Несмотря на отказ Совета министров, режим прифронтовой зоны был ужесточен. Не случайно в обращении к правительству 31 члена Государственного совета говорилось: «...первостепенной важности дело снабжения армии производится без достаточного, не вызываемого при том потребностями войны, учета явлений сельскохозяйственной жизни государства, переживающего одну из сложнейших последствиями исторических эпох».[26]

За годы войны потребление войсками хлебных продуктов и фуража показало резкий рост (потребление муки, например, возросло в 94 раза) (табл. 13).

Система продовольственного снабжения армии требовала исключительной оперативности в проведении хлебозакупочных операций. Спустя 10 дней после начала военных действий (30 июля 1914 г.) решением Совета министров было обнародовано введение повсеместно прямых государственных хлебных закупок. Еще в предвоенные годы вопрос о прямых торговых контактах, о закупках хлеба интендантством у непосредственного производителя,

---

[24] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 4, с. 36.
[25] Там же, док. № 13, с. 48—50.
[26] Там же, док. № 61, с. 123.

Таблица 13

Потребление русской армией продовольствия и фуража (в тыс. т) [a]

Год	Мука	Крупа	Овес, ячмень
1914	390	56	877
1915	1970	258	2570
1916	3530	583	4910
1917	3750	500	2910
Итого	9640	1397	11267

[a] Мировая война в цифрах. М., 1934, с. 42.

минуя посредника, поднимался неоднократно.[27] Под влиянием удачного опыта Министерства финансов, осуществлявшего с 90-х гг. XIX в. прямые хлебные закупки, военное ведомство вводило новую практику, но крайне медленно и нерешительно. Война резко ускорила этот процесс. Только теперь была понята и принята правительственными кругами та система, планы которой разрабатывались в Военном министерстве в течение двух десятилетий.

Вместе с тем в самом процессе продовольственных армейских заготовок преобладало стихийное начало, что стимулировало живучесть посреднического аппарата. В хлебную кампанию 1914—1915 гг. государственные закупки составили 305 млн. пуд. зерна и муки. Из этого количества через аппарат военного ведомства было приобретено 183.2 млн. пуд. При этом до 50 % государственных закупок прошли через руки разного рода посредников. В качестве посредников выступали крупные скупщики, хлеботорговые фирмы, банки. Роль банков в годы войны была особенно заметна. Посреднические прибыли дорого стоили государству. Однако на решительный отказ от услуг посредников правительство не пошло. Весьма любопытно в этом аспекте высказывание А. В. Кривошеина. Открывая 31 августа 1915 г. первое заседание

[27] *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 201—221, 255—265.

Особого совещания по продовольственному делу и касаясь вопроса о предпочтительности государственных закупок из первых рук, министр земледелия признал «невозможность во многих случаях устранить многочисленный класс торговцев-посредников». «Да и разумно ли теперь, — рассуждал он, — когда каждое усилие отдельного человека должно быть использовано в деле снабжения, задаваться целью отстранить от этой работы огромные торговые организации».[28] Обращаясь к опыту заготовительной кампании истекшего года, Кривошеин не преминул упомянуть об итогах посреднических операций торговых домов Поволжья и «портового района», биржевых деятелей хлебных центров, содействовавших ведомству «без всяких попыток извлечь особые выгоды из этих операций».[29] В высказываниях министра отдана дань и идеализации намерений биржевиков, и устойчивости традиций, отвергавших саму мысль об устранении посреднического аппарата.

Во вторую хлебную кампанию (1915—1916 гг.) государственные заготовки хлеба в масштабе страны составили 502 млн. пуд. Наиболее активным оказалось Министерство земледелия: его усилиями было приобретено 407.6 млн. пуд. хлебных продуктов. Из этого количества в пользу общественных организаций отпускалось 43 млн. пуд.[30] В этот заготовительный период организация «хлебармия» (канцелярия главноуполномоченного Министерства земледелия по закупке хлеба для армии) закупила через посредников 50 % всего количества хлеба: у помещиков — 18 %, у кооперативов — 17, у крестьян — 15 %, т. е. менее всего.[31]

Уполномоченные «хлебармии» столкнулись с огромными трудностями при заготовках. На пути государственных закупок стояли спекуляция и утечка хлеба. Несмотря на то что уже в феврале—марте 1915 г. местными властями отдавались распоряжения о полном или

---

[28] Речь А. В. Кривошеина 31 августа 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 79.

[29] Там же, л. 80.

[30] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 480.

[31] *Добротвор Н. И.* Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства. — В кн.: Исторический сборник. Горький, 1939, с. 64. (Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького; Т. III).

частичном запрещении скупки и перепродажи хлеба (в Вятской, Пермской, Енисейской и других губерниях), в торговой практике они слишком мало значили. Правительство предприняло ряд общегосударственных репрессивных мер, но и они не подорвали спекуляции.

С целью централизации регулирования продовольствия для фронта и тыла 19 мая 1915 г. Советом министров был учрежден Главный продовольственный комитет. Комитет представлял собой совещательный орган, действовавший при Министерстве торговли и под председательством министра торговли. Главный продовольственный комитет был наделен хозяйственными функциями, т. е. в его компетенции находился учет запасов продовольствия и прежде всего хлебных запасов, заготовка продовольствия, транспортировка грузов, таксировка продуктовых цен и пр. Председатель Комитета, министр торговли и промышленности кн. В. С. Шаховской был наделен особыми полномочиями с целью согласования действий многочисленных ведомств и инстанций, занимавшихся заготовкой и закупками продовольствия. В сущности поставленные перед Комитетом координационные задачи едва ли можно было осуществить в условиях поразительно громоздкого заготовительного аппарата. Солидаризируясь в работе с рядом министерств и ведомств, Комитет пытался примирить их действия с выступлениями на продовольственном фронте органов земских и городских организаций, подвизавшихся в области снабжения и стремившихся решать продовольственную проблему с точки зрения собственных интересов. Комитет весьма широко осуществлял самостоятельные продовольственные закупки для снабжения армии и населения, однако деятельность его в качестве контрольного органа заметных следов не оставила. В своей практике Главный продовольственный комитет опирался на сеть губернских продовольственных комитетов, возглавляемых губернаторами с участием уполномоченных ведомств по армейским закупкам и представителей общественных организаций. Среди отраслевых объединений, созданных Комитетом, особую активность проявили Союзы «Центросахар» и «Центромука».

В целом продовольственная политика первого года войны не привела к тем реальным результатам, на которые рассчитывали власти. Под влиянием спекуляции, девальвации рубля и ряда других причин хлебные цены резко возросли. Крупные землевладельцы, кулаки, хлебо-

торговцы, банки, агенты посреднических фирм — все, кто имел дело с реализацией хлеба, в условиях всеобщей разрухи и надвигавшегося голода единым фронтом выступили в защиту высоких цен. Общественные организации оказались бессильны в борьбе с дороговизной, да и сами формы этой борьбы были малодейственны.

Запрещение хлебного экспорта

Разрыв исторически сложившихся межгосударственных связей со странами Четверного союза, экономическое сближение с державами Тройственного согласия и нейтральными государствами — таков был путь, пройденный в годы войны русским таможенным курсом. Глубокие экономические потрясения, ставшие уделом всех воюющих государств, привели к качественно новым явлениям — межгосударственному регулированию военной экономики, концентрации взаимных усилий в области контроля над вооружением и материальным снаряжением союзных армий. Они способствовали координации действий партнеров по Антанте для отражения экономических демаршей Германии и дискредитации ее влияния на нейтральные страны.

В систему экономической войны с Германией были втянуты многие государственные учреждения России. Отсутствие централизованного органа не только затрудняло обмен информацией, но и препятствовало целенаправленности практических действий внутреннего порядка, не говоря уже о внешнеполитических акциях.[32] Медленно устанавливались связи русских ведомств и с созданным осенью 1915 г. в Париже Союзническим бюро — центральным учреждением, имевшим целью объединить экономические действия союзников против неприятельских государств.

Согласно Лондонской декларации, принятой европейскими странами в феврале 1909 г., предметы продовольствия объявлялись так называемой «условной» контрабандой. Именно в этой графе они сохранились и в период военных действий. Однако в практике войны никакой

---

[32] См. «Записку русского военного агента во Франции Л. Шебушина от 25 августа 1916 г.» в кн. «Экономика империалистической войны» (М., 1932, вып. I, с. 23).

грани между «абсолютной» и «условной» контрабандой, разумеется, не существовало, т. е. воюющими сторонами захватывалось любое неприятельское судно независимо от содержимого его трюмов.[33]

На втором месяце войны, 12 августа 1914 г., русским правительством был запрещен экспорт хлеба.[34] Этому законодательному акту предшествовало несколько правительственных распоряжений, в частности высочайший указ 28 июля 1914 г., ограничивший коммерческие связи подданных иностранных государств с русской стороной.[35] Одновременно с прекращением хлебного экспорта правительство наложило вето на вывоз ряда сельскохозяйственных продуктов (кормовых культур, продуктов животноводства), лесных материалов, промышленного сырья, ряда других товаров. Закон 17 февраля 1915 г. расширил перечень «произведений» сельскохозяйственных отраслей, не подлежащих вывозу. Фактически он запретил экспорт любых продовольственных и фуражных запасов, а также отчуждение их иностранными подданными на внутреннем рынке.[36] Параллельно царским правительством издавались юридические акты, сокращавшие импорт иностранных промышленных товаров и продукции аграрных отраслей.

Ряд законодательных постановлений, изданных в первые недели войны, коснулся таможенных отношений. 3 августа 1914 г. Положение Совета министров о дальнейшем применении конвенционных таможенных тарифов определило для сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров «государств нейтральных или ведущих совместно с Россиею войну и предоставляющих русским товарам наиболее льготные условия ввоза» сохранение действующих таможенных ставок.[37] Таким об-

---

[33] Доклад представителей военного ведомства Аверьянова, Занкевича, Малецкого Главному управлению Генерального штаба 1 октября 1916 г. — В кн.: Экономика империалистической войны, с. 62—65.

[34] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 12 об.

[35] Согласно указу 28 июля 1914 г., подданным иностранных государств разрешалось продолжать торговую деятельность в России лишь при условии соблюдения распоряжений русских военных властей.

[36] Положение Совета министров 17 февраля 1915 г. — В кн.: Справка о законодательстве военного времени..., с. 15.

[37] Положение Совета министров 3 августа 1914 г. — Там же, с. 13.

разом, внешнеторговые отношения России с дружественными и нейтральными государствами продолжали основываться на уровне пошлин, установленных договором с Германией 29 января 1894 г. и дополнительной к нему конвенцией 15 июля 1904 г., а также торговым договором с Австро-Венгрией от 2 февраля 1906 г.[38] 20 августа 1914 г. решением Совета министров были ограничены торговые привилегии иностранных государств, не предоставивших России права наиболее благоприятствуемой нации. Министру финансов разрешалось взимать пошлины с товаров этих государств в соответствии с повышенными до 100 % ставками общего таможенного тарифа. Беспошлинные продукты производства облагались таможенным налогом в размере 100 % их стоимости. Действие указа распространялось также на транзитные товары тех же государств.[39]

Итоги мер, принятых в защиту национальных интересов, были подведены при разработке нового таможенного законодательства. В конце 1914—начале 1915 г. действовавшая при Министерстве торговли и промышленности Таможенная комиссия под председательством Н. П. Лангового должна была отразить в проекте нового тарифа изменения, происшедшие в связи с началом военных действий. Ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства военного времени, требующие роста государственного дохода, комиссия высказалась за повышение ставок таможенного тарифа. Пошлины на хлебные продукты подлежали обсуждению в отраслевой подкомиссии по жизненным припасам, работавшей под руководством А. Я. Фельдмана. Почти одновременно при Совете съездов представителей промышленности и торговли и Совете представителей биржевой торговли и сельского хозяйства была создана Особая комиссия по пересмотру торговых договоров (председатель — В. И. Тимирязев), действовавшая в тесном контакте с правительственными учреждениями. Заключение Особой комиссии, предусматривавшее повышение ставок общего таможенного тарифа на 10 %, было передано Министерству торговли и промышленности.[40]

---

[38] См.: *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России..., с. 113—115, 223—231.

[39] Положение Совета министров 20 августа 1914 г. — В кн.: Справка о законодательстве военного времени..., с. 31.

[40] Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли: Отчет о деятельности съезда. Пг., 1915, с. 49, 51.

Таким путем русская буржуазия попыталась оказать воздействие на тарифное законодательство.

28 февраля 1915 г. новое Положение Совета министров о временном повышении ставок общего таможенного тарифа по европейской торговле определило изменение таможенных пошлин. Абсолютные ставки таможенного тарифа повышались для предметов, импорт которых в Россию имел «преимущественно фискальное значение». Утрачивали юридическую силу конвенционные пошлины, установленные торговыми договорами 1894 и 1904 гг. с Германией и 1906 г. с Австро-Венгрией. В основу коммерческих связей были положены теперь ставки общего таможенного тарифа, повышенные, за некоторым исключением, на 10 %. Для Франции, Италии и Португалии сохраняли действие прежние пошлины, закрепленные в соответствующих торговых трактатах.[41] Следует оговориться, однако, что при всех ограничениях торгового обмена министр финансов сохранял за собой право нарушать запрет в пользу союзных и дружественных России государств.

Текст «военного» таможенного тарифа, обнародованный 12 марта 1915 г., был встречен русской общественностью с нескрываемым беспокойством. Тариф носил по преимуществу фискальный характер, что казалось естественным, ибо отражало возросшие потребности государственного бюджета. Однако он содержал ряд элементов «усиленного покровительства», что являлось, с одной стороны, свидетельством дани правительства общественному движению за эмансипацию хозяйственной жизни, за создание национальной экономики, но с другой — уступкой определенным промышленным кругам, призывавшим к крайнему протекционизму. В этой связи несоответствие таможенного обложения сырья и промышленных изделий использовалось промышленниками как предлог для пересмотра договорных условий с целью утверждения жесткого таможенного курса.[42]

---

[41] Положение Совета министров 28 февраля 1915 г. — В кн.: Справка о законодательстве военного времени..., с. 13.

[42] Определить досконально степень влияния таможенного тарифа 1915 г. на состояние экспортных связей трудно из-за отсутствия необходимых данных («никакой детальной статистики, воспроизводящей в цифрах международный обмен России на основе нового тарифа, не имеется», — свидетельствовали современники).

В развитие тенденции запрета решением Совета министров 24 августа 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан специальный Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля, подготовивший к ноябрю—декабрю 1915 г. ряд соответствующих законопроектов. При всей представительности Комитета, объединявшего делегатов шести ведомств, он являлся совещательным органом, строившим отношения с заинтересованными министерствами не на твердых гарантиях, а на добровольных началах, что не могло не отразиться на результативности его действий.[43] Наконец, почти полную ликвидацию экономических связей с Германией закрепил указ 24 октября 1916 г. о запрете торговых сношений с вражескими странами.

Внешнеторговый товарооборот страны стал испытывать большие трудности. Уже начало войны было отмечено общим снижением интенсивности торговых операций, прежде всего экспортных. В августе 1914 г. русский вывоз через европейскую границу составил лишь 23.6 млн. руб. против 158.8 млн. руб. в августе 1913 г.[44] Только за первые 11 месяцев войны (август 1914—июль 1915 г.) импорт в Россию иностранных товаров превысил русский экспорт на 206 млн. руб.[45] И тем не менее до заключения соответствующих соглашений России со странами Тройственного согласия сам импорт претерпел значительные изменения в сторону понижения. Приблизительно за тот же период времени (первые 11 месяцев войны) он составил лишь 27.4 % объема 1913 г.[46] Резко изменился торговый баланс вследствие увеличения пассива (табл. 14).

Накануне войны, как видим, ценность русского экспорта определилась в сумме 1.5 млрд. руб. в год, причем около трети товарооборота приходилось на долю Германии. В 1917 г. ценность экспорта сократилась до 32%. Следует учесть к тому же, что русский вывоз по преиму-

---

См.: *Гензель П. П., Соколов А. А.* Налоги, введенные во время войны, и дороговизна. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 65—66.

[43] Записка русского военного агента во Франции Л. Шебушина от 25 августа 1916 г., с. 19.

[44] *Прокопович С.* Запрещения вывоза, с. 125.

[45] *Каценеленбаум З.* Война и русский рубль. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. III, с. 28.

[46] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России..., с. 12.

Таблица 14

Торговый баланс России 1914—1917 гг. (в млн. руб.) [а]

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
1913	1520.1	1374.0	2894.1	+146.1
1914	956.1	1098.7	2054.8	—142.6
1915	401.8	1152.9	1554.7	—751.1
1916	577.3	2451.3	3028.5	—1873.9
1917	486.9	2423.9	2910.8	—1937.2

[а] *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, с. 392. — В. Сарабьянов приводит иную оценку импорта в 1915 г. — 1139 млн. руб. (Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1926, с. 64).

ществу был направлен в Финляндию, являлся безвалютным, следовательно, лишь условно мог рассматриваться как внешний. Сокращение русского экспорта, как количественное, так и ценностное, произошло главным образом за счет падения хлебного вывоза. В 1913 г. русский хлебный экспорт составил 647.6 млн. пуд. и оценивался в 589.9 млн. руб. Вывоз хлеба в 1914 г. сократился до 377 млн. пуд., в 1915 г. он упал до 38.9 млн. пуд.[47] Правда, в 1916 г. под влиянием ряда обстоятельств, в том числе союзных поставок, вывоз сельскохозяйственных продуктов, включая основные злаковые культуры, несколько повысился. Россия экспортировала 14.4 млн. пуд. пшеницы, тогда как в 1915 г. — 11 млн. пуд. Соответственно увеличился и отпуск ржи — 6.2 млн. пуд. против 5.8 млн. в 1915 г. Вывоз пшеничной муки также возрос — с 5 до 7.8 млн. пуд.[48]

Русский хлебный экспорт, ограниченный вследствие естественных экономических причин, в начале войны был затруднен, кроме того, возросшими требованиями иностранных экспортеров. Растущие потребности союзнических стран в хлебных закупках, вызванные мобилизацией сельского населения, потерями урожая и рядом иных причин, казалось бы, должны были сочетаться с опреде-

[47] *Покровский С. А.* Внешняя торговля..., с. 349, 389; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 464.

[48] Вестник финансов, промышленности и торговли, 1917, № 10, с. 471.

ленными уступками дружественному импортеру и политическому союзнику. Однако временные экономические трудности, вызванные войной, отступали на второй план перед политическими расчетами и замыслами лидеров Антанты о послевоенном устройстве Европы.[49] Сама атмосфера войны, ведущейся за раздел мировых рынков, перераспределение колониальных владений и сфер влияния, благоприятствовала вынашиванию экспансионистских планов в столкновении империалистических держав. В правительственных кругах и в деловом мире Германия оценивалась не только как враждебная держава, но и как сильный конкурент в мировой торговле. Политическое и экономическое поражение Германии открывало, казалось, неограниченные возможности к новому дележу мира. Успехи или поражения русской армии на фронтах порождали порой надежды, порой разочарования в исходе конкурентной борьбы. Переориентация в торговых контактах выдвинула в качестве первоочередной задачи русской торговли завоевание английского рынка, разумеется, в перспективе. Последний в этой связи рассматривался как единственно возможный «заместитель» германского рынка, особенно в области хлебообмена.

Правда, расчеты союзников на голод в Германии в связи с прекращением русского хлебного экспорта не оправдались, хотя объективные данные весьма легко могли быть именно так истолкованы: за три военных года Германия сократила производство пшеницы на 44 %, ржи — на 33, овса — на 59 %.[50] Однако уже в первые месяцы войны продовольственную помощь Германии оказывали нейтральные державы, вследствие чего ей удалось заполучить около 30 % обычного для нее хлебного импорта. Летом 1915 г. русские газеты пестрели сообщениями об экономическом посредничестве Голландии, служившей для Германии одним из главных каналов торговых сношений с внешним миром. В Гааге была учреждена действующая официально контора заказов и закупок для германской армии, осуществлявшая в числе прочих операций и отправку так называемых «длинных»

---

[49] Показательна в этом отношении торговая экспансия США в период войны (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 1 об.; *Бохен Лоуф.* Империалистическая война и сельское хозяйство США. — В кн: Война и крестьянство. М., 1934, с. 110).

[50] *Бохен Лоуф.* Империалистическая война..., с. 108.

железнодорожных составов с зерном. Когда же продовольственные поставки из Скандинавии, Голландии, Румынии и средиземноморских стран истощились, усилилось поступление хлеба из южноамериканских государств. Потери европейских торговых партнеров компенсировались тесными коммерческими связями со странами американского континента, предусмотрительно налаженными Германией в преддверии войны.

Какие-то робкие шаги для защиты будущего хлебного экспорта пыталась предпринять в период войны и царская Россия. Один из них — решение правительства о продлении действия закона 2 мая 1910 г. о биржевом контроле за вывозимым за границу зерновым хлебом. Закон этот был введен в период энергичных усилий русской хлебной торговли закрепиться на европейских и мировых рынках, в период активных действий предпринимательских организаций и торговых объединений. Он предоставил биржевым комитетам право в течение пяти лет подвергать контролю вывозимый за границу зерновой хлеб. Контроль был установлен на ряде узловых железнодорожных станций, в пограничных пунктах и в портах (Бердянске, Виндаве, Ейске, Мариуполе, Николаеве, Новороссийске, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге, Херсоне, Феодосии, Владивостоке). В пользу биржевых комитетов закон устанавливал особый сбор, не превышавший $^1/_{30}$ коп. с пуда вывозимого зерна. Сумма сбора предназначалась на покрытие расходов по организации контроля и, как следовало из текста закона, на устройство за границей агентур для защиты русских торговых интересов. Все операции биржевых комитетов протекали под контролем Министерства торговли и промышленности.[51] Срок действия закона о биржевом контроле истекал 7 марта 1915 г. 19 декабря 1914 г. в Совете министров было рассмотрено и одобрено представление Министерства торговли и промышленности о продлении действия закона на трехгодичный срок, до марта 1918 г.[52]

Конструирование русско-германских таможенных отношений

Война не только прервала торгово-договорные обязательства России и Германии, но одновременно поставила

[51] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 325, л. 2 и об.
[52] Там же, л. 32.

в принципиально иную плоскость решение ряда русско-германских проблем, связанных с конструированием русской внешнеторговой политики в послевоенное время. Когда патриотический подъем первого года войны, вызвавший категорическое отрицание любых контактов с враждебной страной, несколько поутих, на повестку дня вновь всплыл вопрос о возможных в перспективе коммерческих и торгово-политических взаимоотношениях двух государств.

В русской повременной печати все чаще встречались высказывания подобного рода: «Вопрос об автономии, договорах и т. д. является несомненно одной из наиболее важных проблем будущего нашей торговой политики. Выяснить их и прийти к какому-нибудь определенному решению, хотя бы о форме наших торгово-политических отношений, необходимо теперь же, чтобы окончание войны не застало нас врасплох».[53] В деловых кругах проявилось стремление выработать принципиальные основы будущих соглашений с Германией как с государством высокого экономического потенциала, отношения с которым являлись важнейшим «регулятором» русского таможенного курса. По признанию публицистов, вся внешнеторговая политика России «последних двадцати лет» определялась «почти исключительно» русско-германскими договорными связями,[54] ибо около 50 % германского импорта приходилось на долю России и 47—50 % русского ввоза — на долю Германии. Такой «импортно-экспортной монополии» не наблюдалось во взаимоотношениях России ни с одной из соперничавших с ней стран.

Весной 1915 г. на страницах центральной периодики разгорелась дискуссия о характере послевоенного правительственного таможенного курса. К этому времени в России, как, впрочем, и в союзных государствах, несомненно под влиянием первых поражений сложился вполне определенный взгляд на важнейшие факторы войны, среди которых получил, наконец, признание в качестве решающего экономический фактор. В этой связи встал вопрос и о своевременной подготовке союзников к послевоенной экономической блокаде Германии. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов в январе 1915 г. в интервью корреспонденту «Таймс» заявил о необходимости Англии и

---

[53] Торгово-промышленная газета, 1915, 28 мая.
[54] Там же.

США «уже сейчас» подумать о будущих международных торговых и деловых контактах, о вытеснении Германии с русского рынка. Заявление министра вызвало разнотолки. Председатель Московского биржевого комитета с явным неудовольствием заметил в письме к Сазонову, что думать следует не о замене германского импорта союзным, а о развитии национальных производительных сил и защите промышленных достижений России покровительственными ставками автономного таможенного тарифа.[55]

К весне 1915 г. проявилось стремление союзных стран к экономическому сближению. 10 марта по инициативе французского правительства была созвана подготовительная комиссия сенатора Мелина для установления прочных торговых связей с Россией. Комиссия выработала программу практических действий по завоеванию русского промышленного и сельскохозяйственного рынков, в числе которых важная роль отводилась таможенному тарифу. К явному неудовольствию французского правительства английский министр торговли Ренсиман выразил стремление превратить послевоенную Россию в сырьевой придаток метрополии.[56]

Отголоски переговоров, ведущихся в высоких дипломатических сферах, находили отражение на страницах печати, будоражили умы, подогревая стремление газетчиков и стоявших за их спиной общественных сил к публичным выступлениям в защиту собственных интересов и целей. Поводом к широкой дискуссии послужила брошюра члена Совета министра торговли и промышленности Н. П. Лангового под довольно броским названием «Во имя чего мы сражаемся?». Н. П. Ланговой провозглашал себя сторонником равноправия в торговле, выступал за принцип наибольшего благоприятствования, но не безоговорочно, а при непременном условии сохранения полнейшей свободы «в деле ограждения интересов национального нашего труда».[57] Наши будущие торговые договоры, писал он, должны быть заключены «без каких-либо ограничений (без конвенционных уступок) в нашем ав-

---

[55] *Бабичев Д. С.* Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам. — Ист. зап., 1969, т. 83, с. 39.

[56] Там же, с. 39—40.

[57] Вопросы внешней торговой политики в русской повременной печати. Пг., 1916, с. 17.

тономном тарифе, который мы должны впредь устанавливать в полной мере исключительно в применении к потребностям трудовой деятельности нашей страны и ко всемерной охране этой деятельности».[58] Сосредоточив исключительное внимание на проблеме промышленного развития, Ланговой подверг резкой критике «пессимистов», убежденных в нереальности отказа европейских государств от системы конвенционных уступок. Притом Ланговой убеждал читателя, что интересы русского сельскохозяйственного экспорта отнюдь не пострадают, что «абсолютная... величина обложения за границею вывозимых от нас пищевых продуктов и сырья как предметов, в коих нуждается Западная Европа, никакой роли играть не может».[59] И, развивая далее эту мысль, председатель Таможенной комиссии сослался на пример Германии, возросшие потребности населения которой обрекли на неудачу правительственные усилия освободиться от русской зависимости в экспорте хлебных продуктов.

Интерес общественности к публичному выступлению Н. П. Лангового был вызван прежде всего тем, что на протяжении по меньшей мере полутора десятилетий Ланговой занимался разработкой теоретических основ таможенного курса, принимал непосредственное участие в подготовке русско-германской конвенции 1904 г.[60] В период войны Ланговой возглавил Правительственную комиссию по выработке таможенного тарифа, материалы которой оставались недоступны для широкой публики. «Глубочайшая тайна», окружавшая работу комиссии, вызывала недоумение и беспокойство деловых кругов. Требование гласности итогов ее работы было выдвинуто IX съездом представителей промышленности и торговли в мае 1915 г. В докладе Совета съездов звучал упрек правительству в излишней предосторожности: «Следует пожелать внесения большей гласности в правительственные работы по пересмотру таможенного тарифа. Заключения комиссии Н. П. Лангового по отдельным статьям должны сообщаться... заинтересованным торгово-промышленным организациям. Выработанный же проект тарифа в целом

---

[58] Там же, с. 15.

[59] Там же, с. 16.

[60] В предвоенные годы Н. П. Ланговой руководил работой ряда комиссий по подготовке новых торговых договоров. См.: *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России..., с. 229—230.

желательно... подвергнуть самому широкому обсуждению торгово-промышленных, сельскохозяйственных организаций, биржевых комитетов, ученых обществ... Только такое всестороннее рассмотрение составленного проекта позволит устранить в нем возможные недостатки».[61]

Совершенно очевидно, что русская, прежде всего петроградская финансово-промышленная буржуазия, занимавшая правый фланг буржуазного лагеря, претендовала на участие в определении таможенного курса. Усиление влияния буржуазных кругов на формирование принципов внешней политики отчетливо проявилось уже в предвоенные годы и явилось закономерным в условиях эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии. К решению ряда важных внешнеполитических проблем, одной из которых и являлся таможенный тариф, царизм вынужден был привлекать буржуазно-помещичьи фракции Государственной думы. Исследования последних лет показали, что в ориентировании внешнеполитического курса царизма по принципиальным вопросам значительную роль играла «правительственная» партия кадетов.[62] Разумеется, Ланговой выступал не столько от собственного имени, сколько представлял интересы группы официальных должностных лиц, отстаивавших принцип «полнейшей эмансипации» русской экономики. Естественно поэтому, что мысли Лангового нашли горячую поддержку сторонников крайне жесткого таможенного курса и прежде всего финансово-промышленных кругов, объединенных Советом съездов представителей промышленности и торговли.

В этом аспекте любопытно мнение В. В. Пр-ва (по-видимому, В. В. Прилежаева, товарища министра торговли и промышленности), автора одной из заметок, помещенной в начале года в «Торгово-промышленной газете».[63] Вступив в полемику с противниками протекционистского курса, он убежденно отстаивал необходимость покровительственного таможенного барьера. Высокие таможенные пошлины, отрицавшие какие-либо уступки партнеру, в сочетании с высокими ставками железнодорожных тарифов на импортируемые иностранные товары должны были, по мнению этого упорного последо-

[61] Вопросы внешней торговой политики..., с. 89, 90.

[62] Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 326—327.

[63] Торгово-промышленная газета, 1915, 12 февраля.

вателя крайнего протекционизма, надежно оградить интересы промышленного развития России. «Нечего себя при этом пугать призраками чрезмерного удорожания продуктов и чрезвычайных барышей промышленников», — успокаивал он читателя. Призывая к отказу от «навязанной Германией с 1894 г. системы конвенционных тарифов» и возврату к практике автономного тарифа, автор находил в юридическом признании последнего единственный путь к обретению «хозяйственной самостоятельности».[64] Как видим, в интерпретации В. В. Пр-ва идея экономической независимости Лангового была весьма умело препарирована в соответствии с интересами промышленного класса, от лица которого он, видимо, и выступал.

В сущности, за каждым полемическим высказыванием в печати стояли определенные политические круги, а нередко и конкретные представительные организации. Не случайно весьма близким Ланговому «по духу» было выступление буржуазного экономиста проф. И. М. Гольдштейна, сторонника форсированного индустриального развития. В опубликованной в том же 1915 г. брошюре «Немецкое иго» Гольдштейн связывал «автономную» самостоятельность русского таможенного курса с идеей организации антигерманской экономической коалиции. «Умелая и энергичная инициатива России и Англии как стран, наиболее заинтересованных в ослаблении германского протекционизма, — утверждал он, — легко могла бы повести за собой, при умелой постановке вопроса, создание могущественной коалиции с участием Японии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Дании, Испании, Португалии, Норвегии, а затем и Соединенных Штатов Северной Америки. Под воздействием достигнутого путем такой коалиции экономического изолирования для Германии не осталось бы иного исхода, как перейти к либеральной торговой политике, т. е. иными словами, к понижению своих высоких таможенных ставок, а в результате и к сокращению применения всевозможных методов искусственного форсирования... экспорта».[65] Тем самым Россия сумела бы вернуть утраченную ранее «свободу автономно регулировать свои таможенные ставки» и ускорила бы развитие производительных сил.[66] В этой весьма общей формули-

---

[64] Там же.
[65] Вопросы внешней торговой политики..., с. 91—92.
[66] Там же, с. 92.

ровке заключался вполне определенный смысл — необходимость принятия русской стороной защитных мер против «боевых» таможенных пошлин Германии на сельскохозяйственные и промышленные продукты и прежде всего на экспортируемый Россией хлеб. Таким образом, спору сторон придавалось широкое толкование с учетом интересов и промышленности, и сельского хозяйства.

Наконец, близкой мнению Лангового и его сторонников оказалась позиция, занятая в «таможенном» споре В. И. Ковалевским, сыгравшим несомненно заметную роль в решении тарифных проблем.

Выступив на собрании членов Русского технического общества (председателем которого он являлся) с докладом об основных нуждах отечественной промышленности и заручившись активной поддержкой членов общества, Ковалевский высказался в пользу движения за тарифную автономию. В то же время, признав справедливость ряда аргументов противников этого движения, он отстаивал ограничение начал наибольшего благоприятствования. «Автономный тариф, — говорил Ковалевский, — должен оставаться непоколебимым до нового пересмотра — само по себе логически недопустимо, чтобы согласованный с потребностями нашей экономии и внутренно гармоничный тариф мог бы подвергаться ломке в зависимости от договорных уступок... Понижение таможенных ставок до уровня автономного тарифа надлежит применять лишь в обмен за реальные уступки (do ut des), не допуская, как правило, применения общей формулы — начала наибольшего благоприятствования. Принцип закрепления (Stabilisation, Bindung) ставок, как связующий свободу действий на весь договорный период, если и может быть допускаем, то разве в исключительных случаях».[67]

Множество предложений и требований, прозвучавших в ходе дискуссии, порою близких, порою резко отличных, но в целом противоречивших позиции Н. П. Лангового, условно можно было бы объединить в несколько групп, которые отражали определенные направления в таможенной политике («направления общественной мысли», — писали газеты). Но наиболее упорное сопротивление новому таможенному курсу оказали защитники интересов

---

[67] Там же, с. 94.

русских аграриев, крайне заинтересованные в развитии хлебного экспорта.

Представители умеренного крыла сторонников протекционистского движения (К. Лейтес и др.), охотно поддерживая идею предоставления нейтральным и дружественным странам прав наибольшего благоприятствования и выступая за систему взаимных уступок (Reziprozität), категорически отвергали ту часть программы Лангового, которая декларировала автономный таможенный тариф. Взамен последнего предлагался двойной тариф с фиксированными общими (максимальными) и минимальными ставками, определявшими «границы возможных уступок». При этом авторы выступлений, по-видимому, давали себе отчет в том, что дифференцированного подхода к интересам отдельных государств двойной тариф обеспечить не мог, тем самым он не мог стать универсальным орудием урегулирования коммерческих связей. Но двойной тариф обещал усилить воздействие законодательных учреждений на выбор общего направления торговой политики, что само по себе защитникам умеренного протекционизма казалось немаловажным.[68] Они исключительное внимание уделяли влиянию двойного тарифа на взаимоотношения России и Германии в области хлеботорговых операций и на развитие русского сельскохозяйственного экспорта.

Иной, «примирительный», оттенок носили выступления члена Совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов приват-доцента В. В. Леонтьева и проф. М. Н. Соболева, известного трудами в области русско-германских дипломатических и торговых отношений. В их представлении сочетание конвенционного договора с ограниченным правом наибольшего благоприятствования создало бы условия для ускоренного развития русской экономики, в том числе и для усиления сельскохозяйственного экспорта. Выступая весной 1914 г. на съезде по пересмотру русско-германского торгового договора в г. Вильно, Леонтьев, в частности, утверждал, что, поскольку «Германия ставит, ссылаясь на свой закон о хлебных пошлинах, препятствия нашему вывозу и этим заставляет нас нести громадные потери... мы должны выговорить себе право не распространять на нее льготы, которые мы предоставим государствам, относящимся более льготно к ввозу наших сельскохозяйственных продук-

[68] Торгово-промышленная газета, 1915, 5 февраля.

тов, особенно к четырем сортам хлеба... Проведение этого условия развяжет нам руки и даст возможность осуществить все те пожелания о развитии торговых сношений с другими странами, которые высказывались до сих пор в отвлеченной форме».[69] По докладу Леонтьева Виленский съезд принял специальную резолюцию, в которой утверждалось, что отказ от принципа наибольшего благоприятствования в отношении Германии «несомненно найдет полную поддержку со стороны населения Северо-Западного края, так как существующий договор ведет неуклонно к разорению общественного народного хозяйства».[70]

Близкий взгляд на назначение таможенного тарифа пропагандировал М. Н. Соболев, поддержанный Харьковским областным комитетом по пересмотру торговых договоров. Он утверждал: «Из различных систем договорных тарифов наиболее отвечающим интересам сельского хозяйства, в смысле обеспечения для него иностранных рынков, является применение конвенционных тарифов и принципа наибольшего благоприятствования».[71] И первое, и второе высказывания свидетельствовали о том, что, несмотря на различный подход к проблеме наибольшего благоприятствования, авторы исходили из аграрного характера эволюции русской капиталистической экономики, из государственной необходимости расширения хлебного экспорта. Разумеется, высказывания Соболева выдавали в нем защитника интересов крупного землевладения.[72]

Призывы Лангового подверглись суровой критике сторонниками так называемого «разумного покровительства» торговле. «Самодовлеющее» хозяйство Лангового расценивалось ими не как простое раскрепощение русского рынка в смысле ослабления экспортной зависимости, а как экономическая изоляция страны, провозглашаемая под прикрытием широковещательных фраз. В заметке анонимного автора с характерным названием «О китайской стене»,[73] в выступлениях Я. М. Букшпана, опубли-

---

[69] Вопросы внешней торговой политики..., с. 96.

[70] Там же, с. 97.

[71] *Соболев М. Н.* Перестройка принципов торговой политики России. Харьков, 1915, с. 32.

[72] В защиту интересов сельскохозяйственного экспорта выступил ряд органов печати — газеты «День» (1915, 28 января), «Русские ведомости» (1915, 12 мая).

[73] Вопросы внешней торговой политики..., с. 40—43.

кованных в «Торгово-промышленной газете»,[74] идея исключительности развития России связывалась с непониманием защитниками экономического сепаратизма (или нежеланием понять) истинных последствий народнохозяйственной замкнутости, особенно губительных для развития аграрных отраслей. По мнению противников Лангового, законное стремление к эмансипации экономики неправомерно отождествлялось им с хозяйственной изоляцией. «Ни один таможенный тариф не может себе ставить задачи экономического обособления страны от мирового хозяйства», — утверждал Букшпан.[75] Сама политика таможенного покровительства предполагала теснейшую взаимосвязь с расчетным балансом, валютной системой, т. е. с целым рядом важнейших государственных проблем, зависимых от международного положения страны. В силу этого, настаивали противники Лангового, лозунг «охраны национального труда» в условиях экономической изоляции, крайне низкой конкурентоспособности русской промышленности и ограниченности внутреннего сельскохозяйственного рынка становился по меньшей мере бессмысленным. Чтобы придать этому лозунгу практическую действенную силу и направить развитие промышленности и аграрных отраслей в нужное русло, необходим был «рациональный протекционизм», смысл которого заключался в коренном пересмотре содержания таможенной политики — в усиленном вывозе продуктов промышленной и сельскохозяйственной переработки, в том числе продуктов мукомольного производства, вместо экспорта сырья. Поэтому сторонники «разумной» мотивировки таможенного тарифа отстаивали договорную систему торговой политики, определяемую индивидуальным, дифференцированным подходом к взаимным интересам партнеров.[76] «Вместо экстенсивно пониженных конвенционных ставок с распространением на них безусловного права наибольшего благоприятствования, — писал Букшпан, — наша торговая политика должна строить договоры на основе интенсивно разработанных конвенционных подробностей в комбинации с условным ограниченным правом благо-

---

[74] Торгово-промышленная газета, 1915, 22 февраля, 23 и 27 сентября, 4 октября.

[75] Там же, 22 февраля; см. также: Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. I, с. 1—27.

[76] Торгово-промышленная газета, 1915, 27 сентября.

приятствования».[77] Естественно, ни автономный, ни двойной таможенный тарифы этим условиям не отвечали.

Активно вторгшийся в полемику комментатор внешнеполитических проблем проф. И. Кулишер призвал распространить принцип наибольшего благоприятствования на соглашения с нейтральными странами, а также соперниками в торговле, не исключая Германии. «Ставки таможенных тарифов..., — объяснял Кулишер свою позицию, — могут быть высоки или низки, они могут быть зафиксированы или подлежать изменению по желанию данного государства; но во всяком случае ставки эти для нас и для всех наших конкурентов должны быть одинаковы».[78] Отказ от покровительства русско-германскому товарообороту, по мнению Кулишера, внес бы «замешательство» в экономическую жизнь России.

В общем хоре протекционистов потонули голоса немногочисленных сторонников фритредерского курса, верных поклонников «независимой» в международной торговой политике Англии.

Разумеется, противоречивые высказывания не являлись самоцелью, упражнениями в словесности. Они отражали реальную борьбу различных общественных течений, обнажали остроту классовых противоречий в решении таможенной проблемы. В самой постановке проблемы не было чего-то нового. Это были отголоски давних бесплодных споров, ведущихся еще задолго до войны. Вдохновителями публичных выступлений являлись прежде всего русские аграрии, стремившиеся к беспрепятственному послевоенному сельскохозяйственному экспорту. С неменьшей активностью выступали в защиту своих прав представители буржуазных кругов — сторонники протекционистского промышленного развития. Наряду с этими крупными силами в спор ввязывались более «мелкие» общественные и социальные группировки, отстаивавшие собственные интересы, часто не совпадавшие с требованиями коренных таможенных реформ. Порою меж газетных строк проглядывала искренняя озабоченность судьбой страны, разоренной войной и бесхозяйственностью, порою навязчивый полемический задор выдавал в авторах стремление к приобретению исключительно политического капитала.

---

[77] Там же, 4 октября.

[78] Вопросы внешней торговой политики..., с. 48—49.

Но при всем разнообразии течений и мнений, при всей противоположности суждений в их основе лежал некий незыблемый постулат — уверенность в победоносном завершении войны. Вера в победу прозвучала и в выступлении В. И. Тимирязева, члена Государственного совета и Особого совещания по обороне, председателя Совета съездов биржевой торговли и промышленности и в недалеком прошлом ближайшего соратника С. Ю. Витте в разработке основ таможенного курса. В статье «Германская торгово-экономическая политика и наши торговые договоры с Германией»[79] Тимирязев писал: «Необходимо обеспечить, при самом заключении мира, безусловное со стороны Германии предоставление нам права наибольшего благоприятствования, независимо от каких бы то ни было торгово-договорных с нею соглашений»,[80] т. е. он недвусмысленно провозглашал таможенный диктат как неотъемлемое право победителя.[81]

Уверенность в преимуществе русского оружия была отправной точкой всех теоретических построений. И, следует заметить, не только теоретических. Весной и летом 1915 г. обсуждение вопроса о послевоенном таможенном курсе и перспективах русского сельскохозяйственного экспорта вышло за пределы газетных и журнальных строк. Любопытно, что почти одновременно в законодательных органах — в Бюджетной комиссии Государственной думы и Финансовой комиссии Государственного совета — был возбужден вопрос об определении основ таможенной политики. Государственный совет высказался за создание особой внепарламентской комиссии для разработки положений будущего русско-германского договора. Таможенная проблема рассматривалась на заседании Харьковского областного комитета по пересмотру русско-германского торгового договора. Она вызвала живейший интерес среди делегатов Виленского съезда экспортной палаты и т. д.

Однако для осуществления проектов заинтересованных организаций не было благоприятной почвы. По сути

---

[79] Статья опубликована в «Биржевых ведомостях» (1915, 14 февраля).

[80] Вопросы внешней торговой политики..., с. 58.

[81] «Бронированный кулак германского милитаризма найдет себе... конец на полях сражений», — утверждал В. И. Тимирязев (Биржевые ведомости, 1916, 24 января).

дела, несмотря на обилие комиссий по пересмотру торговых договоров, действовавших при нескольких ведомствах и торгово-промышленных объединениях, в стране в период войны не оказалось компетентного органа, способного сосредоточить в своих руках решение всех таможенных проблем. Разъединенные комиссии занимались преимущественно частными вопросами, не выходя за пределы изучения итогов русско-германского довоенного товарообмена, в том числе операций с хлебом. Несколько десятков экономических исследований и статистико-экономических справочников, подготовленных ими, дали превосходный конкретный материал, нуждавшийся в дальнейшем обобщении и осмыслении. Но он был далеко не достаточен для разработки «государственной программы» торгово-договорной политики. Коррективы, внесенные войной, сделали и эту не доведенную до конца работу устаревшей. Известная экономическая изоляция России не только подготовила почву для рассмотренных выше идей «самодовлеющего хозяйства», «экономической автархии» и т. п., но и реально поставила на практические рельсы развитие товарообмена с нейтральными странами.

Разумеется, и на этом пути возникало множество неясностей. Что разумнее? Торжество исключительного права наибольшего благоприятствования или утверждение принципа взаимности уступок? Не меньшие противоречия вызывали уровень и предметное содержание таможенных пошлин, прежде всего хлебных. Оказалось, что решение этих и многих других вопросов находилось в прямой зависимости от состояния товарообмена с дружественными и нейтральными государствами, от проблемы наметившегося коммерческого сближения с Соединенными Штатами, от активности экономической коалиции против Германии и многого другого. В ходе войны возникали новые задачи, решение которых требовало коренного пересмотра основных направлений торговой политики.

Тариф 1915 г., этот государственный акт, давший выход ряду практических требований, в то же время лишь на короткий период охладил воинствующий пыл и сторонников жесткого протекционизма, и защитников конвенционных договоров. С приближением формального срока истечения торговых соглашений с Германией и рядом нейтральных стран (1917 г.), фактически потерявших силу с началом войны, споры и дискуссии в торгово-политических кругах возобновились. Нерешенная про-

блема — автономный тариф или конвенционные ставки — оставалась по-прежнему острой и злободневной.

Продолжались переговоры о будущем таможенном курсе и в лагере союзников. В декабре 1915 г. Франция предложила русскому правительству принять участие в конференции стран Антанты по вопросу о выработке регламентации англо-франко-русских отношений с Германией, о полном разрыве торговых связей с ее сателлитами и послевоенных перспективах союзной экономики. Основную задачу конференции французское правительство видело в провозглашении принципа экономического единения союзников.[82] И здесь вновь возникал больной для России вопрос о «заместителе» германского хлебного рынка.

В преддверии конференции в Париже 29 декабря 1915 г. на заседании Совета министров был заслушан доклад министра финансов П. Л. Барка о состоянии финансов. В качестве первоочередной меры для ликвидации последствий огромного дефицита Барк назвал пересмотр торговых договоров с Германией и прочими иностранными государствами. Совет министров вынес решение о созыве Особого совещания по вопросам финансово-экономической политики и Междуведомственной комиссии под председательством государственного контролера Н. Н. Покровского для подготовки инструкций русской делегации на Парижской конференции. В противовес навязываемому Францией соглашению о воздержании участников парижских переговоров от сепаратных торговых договоров со странами враждебного лагеря инструкция предостерегала русских делегатов от каких-либо авансов в отношении послевоенного таможенного курса России. В подготовке инструкции приняли участие многие ведомства, представившие Совету министров свои соображения. Именно с этой целью в феврале 1916 г. Министерство торговли и промышленности составило специальную секретную справку о работе по пересмотру таможенного тарифа. В ней излагались таможенные меры правительства (прежде всего в области вывоза продуктов аграрных отраслей) начиная с 90-х гг. XIX в. и предпринималась попытка определить путь развития таможенной политики

[82] *Бабичев Д. С.* Россия на Парижской союзнической конференции..., с. 42.

в послевоенное время с учетом политического курса страны.[83]

Традиционный интерес к проблеме русско-германского соперничества постоянно поддерживал внимание русской общественности к экономическим мероприятиям Германии, к конкретным фактам и весьма туманным слухам об усилении аграрно-протекционистских стремлений в юнкерских кругах. Русские публицисты регулярно напоминали читателю, что «в Германии ведется самая энергичная и детальная работа по организации внешней торговли после войны и по урегулированию ее желательными и необходимыми торгово-политическими нормами».[84] Мелькали тревожные известия об обсуждении новых «торгово-политических постулатов» специальной комиссией германского гандельстага, собранием гамбургских биржевиков, торговой палатой Зонненберга, съездом промышленников Штутгарта.

На страницах столичной периодики длительное время муссировалось известие относительно постановления Военно-промышленного комитета в Берлине (30 августа 1915 г.) ограничить «вплоть до полного уничтожения» право наибольшего благоприятствования в договорах с другими государствами.[85] Отмечалось, что решение Берлинского военно-промышленного комитета вызвало в печати протест общественности, поскольку в корне меняло принципы внешнеторговой политики, на основе которых Германия заключила в предвоенные годы более десятка коммерческих трактатов. Страницы русских публицистических изданий военного времени пестрели известиями об энергичной позиции Германии в вопросе о мирных внешнеторговых договорах. Стремление Германии к «империалистическому хозяйственному расширению — к приобретению товарных рынков, экспорту капиталов»[86] — не ускользнуло от внимания русских политических обозревателей, равно как и воинствующие призывы Вильгельма «выступить на мировых рынках во всеоружии сил и хозяйственного опыта».[87]

---

[83] Об экономической конференции союзных держав в Париже. 1916. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1503.
[84] Вопросы внешней торговой политики..., с. 68.
[85] Там же, с. 81.
[86] Там же, с. 69.
[87] Там же, с. 170.

Тревожили и официальные известия из Берлина. В печати сообщалось, что переоценка политических ценностей привела к сплочению враждебных России сил, когда не только ультраконсервативные, но и либеральные партии прониклись идеей усиления «национальной хозяйственной политики», защиты сельского хозяйства от конкуренции иностранного, прежде всего русского, земледельческого экспорта (см. выступления газет «Vorwärts», «Tag» и др. летом—осенью 1915 г.). Именно поэтому русская общественность с настороженностью встретила требование оппозиционных деловых кругов Германии об «умеренных» таможенных переменах, как и предложение о включении в текст мирного договора таможенных соглашений. Газетные строки пронизывала мысль о решении спора о торговом соперничестве с Германией «на полях сражений».[88]

Союзные хлебные поставки странам Антанты

Коммерческие связи России с союзниками в области хлебообмена развивались в годы войны в русле общего направления таможенного курса, продиктованного новыми военно-политическими и экономическими задачами. Вывоз хлебных продуктов на заграничные рынки в 1915—1917 г., в период глубокого продовольственного кризиса, охватившего территорию всей страны, и резкого падения реальных возможностей экспорта, объяснялся не чем иным, как союзническими соглашениями, которые царская Россия обязана была выполнять.

Слабость военно-технического потенциала России, явившаяся следствием «непредвидения огромного масштаба» нужд войны,[89] отсутствия «планомерности и надлежащей предусмотрительности в деятельности Военного министерства»,[90] вызвала обращение русского правительства к во-

[88] Там же, с. 69.

[89] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1922, ч. II, с. 179.

[90] Дополнительное всеподданнейшее донесение Верховной комиссии, высочайше учрежденной для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов, воинского снабжения армии. 12 июня 1916 г. / Публ. И. И. Астафьева. — В кн.: Материалы по истории России в период капитализма. М., 1976, с. 98.

енно-экономической помощи союзников. Уже в августе 1914 г. в Совете министров стоял вопрос о размещении русских военных заказов за границей и создании межсоюзнических органов по регулированию военной экономики.[91] 14 сентября состоялось первое заседание Англо-Русской комиссии по снабжению, впоследствии Англо-Русского правительственного комитета, осуществлявшего размещение русских заказов в Англии и Канаде под контролем британского правительства.[92] Начало стабильным военно-экономическим отношениям с Францией положили переговоры военного агента в Париже А. А. Игнатьева с главнокомандующим французской армией ген. Жоффром в декабре 1914 г.[93] Тогда же по дипломатическим каналам происходил предварительный обмен мнений относительно продажи русским правительством Франции 72 млн. пуд. пшеницы. Переговоры вылились в так называемое джентльменское, не оформленное юридически соглашение о поставке союзнику в сезон 1915 г. первых партий зерна — 14.5 млн. пуд. из южных губерний России.[94] Позднее конвенция Рибо—Барка (21 сентября 1915 г.), гарантировавшая России французский кредит для обеспечения платежей по займам и заказам предметов вооружения, в одном из пунктов предусматривала обязательство царского правительства «оплачивать русскими деньгами закупки хлеба и спирта, производимые французским правительством в России».[95]

Экономическое положение Франции в 1914—1915 гг. сохраняло известную стабильность, ограничения в потреблении продовольствия практически отсутствовали. Но уже к концу 1916 г. влияние мобилизации населения и экономики в целом привело к сокращению посевных площадей сельскохозяйственных культур до 64.6 % по сравне-

---

[91] *Крупина Т. Д.* Россия и Франция и межсоюзнические военно-экономические отношения в годы первой мировой войны (1914—начало 1917 г.). — В кн.: Франко-русские экономические связи. Москва—Париж, 1970, с. 404.

[92] *Бабичев Д. С.* Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны (1914—1917). — Ист. зап., 1956, т. 57, с. 277—285; Журналы Особого совещания по обороне государства, 1915 год. М., 1975, № 7, с. 62.

[93] *Крупина Т. Д.* Россия и Франция..., с. 405.

[94] Секретная справка о закупках продовольственных продуктов для союзных государств (не ранее марта 1915 г.). — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 4.

[95] *Крупина Т. Д.* Россия и Франция..., с. 410.

нию с довоенными годами и к уменьшению валового сбора зерна до 30 % предвоенного уровня. В 1917 г. наблюдалось дальнейшее снижение производства хлебных культур.[96] Несмотря на падение мирового уровня сбора зерновых в 1916 г. (по данным Международного сельскохозяйственного института в Риме, он составил 88.7 % к урожаю продовольственных и кормовых культур и 85.7 % к урожаю продовольственных хлебов в 1915 г.),[97] импорт хлебных продуктов во Францию, вероятно, нетрудно было бы осуществить прямым путем, т. е. путем соответствующих договоров с нейтральными странами — Индией, Канадой, Аргентиной. Настойчивые обращения французского правительства именно к русской стороне объяснялись безусловно обязательствами, непосредственно вытекавшими из соглашения о военных поставках.

Большой кровью окупались малые победы русской армии на фронтах войны. Остро нуждаясь в ввозе военного снаряжения, машин, промышленных товаров и проявляя известную заинтересованность в экспорте отдельных видов сырья для сохранения внешних рынков, стабилизации курса рубля и расчетного баланса, царское правительство пошло навстречу требованиям представителей Антанты, дав согласие на вывоз сырья в качестве частичной компенсации за импорт вооружения и промышленного оборудования. Союзническое соглашение об экспорте хлеба, заключенное несомненно вопреки интересам русского потребителя, экономически не было оправдано. Оно вызвало дополнительную мобилизацию транспортных средств, отвлекло их от внутренних продовольственных перевозок. Нельзя не учитывать и отрицательную роль моральной стороны этого акта, определившего вывоз хлеба из голодающей России.

Уже первый опыт государственных продовольственных закупок для Франции показал, что осуществление их в полном объеме вызовет непредвиденные и серьезные трудности. 24 февраля состоялось решение Совета министров передать закупку пшеницы для Франции Главному управлению землеустройства и земледелия. Первую партию зерна в объеме 15 млн. пуд. было решено приобрести

---

[96] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию в 1916—1917 гг. — Ист. зап., 1949, т. 29, с. 74; *Бохен Лоуф.* Империалистическая война..., с. 107.

[97] Вестник финансов, промышленности и торговли, 1917, № 2, с. 60—61.

в Сибири (10 млн. пуд.) и в губерниях Европейской России.[98] Совет министров назначил 20-миллионную ссуду для реализации операции, причем 15 млн. руб. должны были поступить в распоряжение главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии. Однако загруженность Сибирской железной дороги не позволила осуществить заготовку зерна в полном объеме. Французское правительство было предупреждено о сокращении доставленной в Архангельск партии до 6.5 млн. пуд.[99] И по распоряжению главноуполномоченного по закупкам дальнейшие операции с хлебом были прекращены. В августе русские власти передали французскому консулу в Архангельске Эберу около 5 млн. пуд. пшеницы, т. е. груз для 20 судов. В начале октября обусловленная договором партия пшеницы (6.5 млн. пуд.) была полностью получена французской администрацией.[100]

Между тем выяснилось, что реальный объем закупок превысил намеченный первоначальным соглашением с Францией: в Европейской России было приобретено 4.5 млн. пуд., в Сибири — 5.8. В результате переговоров главноуполномоченного по закупкам с директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерство финансов «предложило французскому правительству купить сверх обусловленных договором 6.5 млн. пуд. еще до 4 млн. пуд. пшеницы по цене 1 р. 59 к. за пуд, борт парохода в Архангельске».[101] Французский посол уведомил министра финансов о согласии своего правительства принять 1.2 млн. пуд. Взаимные уступки сторон определили на первом этапе переговоров благоприятный исход.

Новые предложения французского правительства предусматривали поставку русского зерна из южных губерний России.

Дальнейшая операция по закупке пшеницы для Франции была поручена частным коммерческим банкам и крупным фирмам и осуществлена в довольно короткий срок.[102] Неразрешимым оказался, однако, вопрос о транс-

---

[98] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 4.

[99] Там же, л. 6.

[100] Там же, л. 4, 6; ф. 456, оп. 1, д. 961, л. 6, 7, 19, 26, 48 и др.

[101] Там же, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 5.

[102] В экспорте зерна во Францию приняло участие, в частности, Русское общество вывозной торговли, фирма «Луи Дрейфус и К°» и 4 частных коммерческих банка (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 67; ф. 456, оп. 1, д. 964, л. 41—44, 58, 169—172, 212).

портировке «продовольствия особого назначения». Вследствие этого 3 декабря 1915 г. на состоявшемся под председательством товарища министра земледелия Г. В. Глинки Междуведомственном совещании единогласно было признано целесообразным передать всю партию пшеницы для нужд армии. Финансирование операции предполагалось произвести за счет войскового кредита на основании хлебных цен в местах хранения зерна.[103]

Оживленную полемику в Междуведомственном совещании вызвал вопрос о юридических обязательствах России перед французским правительством, ибо лишь признание законности соглашения создавало необходимость компенсации неосуществленных поставок южного зерна за счет отгрузки союзникам сибирского хлеба. Отметив, что с русской стороны «приняты были все меры, своевременно обеспечивающие поставку пшеницы», и только внешние объективные факторы (долговременное закрытие Дарданелл) воспрепятствовали экспорту, Совещание сочло русское правительство свободным от какого-либо долга перед Францией («никаких обязательств на русском правительстве перед французским по поставке пшеницы в Архангельске, взамен портов Азовского и Черного морей, не существует»).[104]

Но не только юридическая сторона вопроса, по-видимому, беспокоила официальный Петроград. Проблема хлебного экспорта затрагивала широкий круг взаимоотношений с французской стороной, не менее важно было оценить ее экономический и политический аспекты. И именно в этом направлении был сделан шаг к отступлению. Совещание признало, что закупка сибирской пшеницы возможна «без особых затруднений и скорее даже может считаться полезной для экономического благосостояния местного населения»,[105] что экспортная поставка «может быть принята русским правительством... если необходимость ее будет диктоваться какими-либо соображениями военно-политического характера».[106]

Решению Совещания был дан практический ход. Министр земледелия А. Н. Наумов просил министра ино-

---

[103] А. Н. Наумов — С. Д. Сазонову, 10 декабря 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 4, л. 215 и об.

[104] Там же, л. 216.

[105] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 3.

[106] Там же, д. 4, л. 216 и об.; ф. 456, оп. 1, д. 964, л. 1—3, 51—54.

странных дел С. Д. Сазонова снестись по этому поводу с французским дипломатическим корпусом. В свою очередь Министерство земледелия заранее (4 ноября) обратилось к уполномоченному по закупкам в Сибири для выяснения практических возможностей хлебного экспорта.[107] В богатой хлебом Сибири предполагалось отыскать необходимые запасы, доставка которых при наличии налаженной системы комбинированных железнодорожно-водных перевозок от Перми до Котласа и Архангельска представлялась вполне реальной.[108]

Итоги дальнейших переговоров достаточно прослеживаются из содержания секретных депеш русского посла в Париже А. П. Извольского. Французское правительство довольно легко согласилось с заменой, однако не упустило возможности воспользоваться случаем и выдвинуть встречные требования. Последние касались количественного увеличения русских поставок до 22.5 млн. пуд. и снижения суммы французского вознаграждения с 1 р. 95 к. за пуд до 1 р. 70 к. Отправку зерна предполагалось начать немедленно, чтобы к открытию навигации в Архангельске, Бакарице и Котласе сосредоточить 4.4 млн. пуд. зерна. Русскому правительству предлагалось использовать иностранные суда для морских перевозок союзного вооружения, дабы избежать обратных порожних рейсов.[109]

По-видимому, французскую дипломатию все еще беспокоило отсутствие правового статуса, без которого дальнейшие переговоры могли зайти в тупик. Этим и объяснялся призыв к русским властям «в возможной скорости» известить Париж о признании соглашения. Явно стремясь оттянуть время, отчасти до выяснения «видов» на новый урожай, но главное — чтобы выторговать приемлемые условия, русское правительство с официальным ответом не спешило. Более того, оправдывая собственное бездействие и нарочито подчеркивая единство взглядов («точка зрения французского правительства по вопросу об юридической силе происходивших переговоров... совершенно совпадает с точкой зрения Министерства земледелия»), оно весьма недвусмысленно напоминало, что

---

[107] Справка о закупке пшеницы для французского правительства. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 4, л. 211.

[108] Справка управления делами Особого совещания по продовольственному делу. 23 февраля 1916 г. — Там же, л. 158.

[109] Телеграммы А. П. Извольского, 22 января 1916 г. — Там же, л. 218; Справка о закупке пшеницы..., л. 212.

наличие военно-политических соглашений еще не означает «самого договора».[110]

Неопределенность положения повлекла за собой новые переговоры сторон. 17 февраля состоялся второй созыв Междуведомственного совещания по вопросу об экспортных поставках. И вновь была подтверждена нереальность закупок хлебных продуктов в Европейской России. «Соображения о том, насколько необходима предположенная операция с точки зрения стратегической и политической», были оставлены в стороне. Указывалось и на трудность перевозок сибирского хлеба («срочная доставка... является также совершенно невозможной», — отмечалось в решении Совещания). Последовавшая затем межведомственная переписка почти не продвинула дела. Но вскоре, 23 февраля, программа хлебного экспорта во Францию вновь подверглась обсуждению в Совещании пяти министров по вопросу об интенсификации грузового движения по линии Вологда—Архангельск. Министр земледелия выразил готовность немедленно направить в Архангельск закупленную французами в районе южных русских портов партию пшеницы (15 млн. пуд.), удовлетворяя просьбу правительства Франции. Однако совещание министров, учитывая состояние железнодорожного транспорта, сочло нерациональным переброску грузов на столь дальнее расстояние.[111] Несколько дней спустя, 7 марта, Наумов уведомил Министерство иностранных дел, что в случае «категорического обязательства» министра путей сообщения содействовать экспортным перевозкам Министерство земледелия могло бы принять участие в заготовительной операции.[112]

Предложение министра земледелия явилось несколько неожиданным, ибо еще в конце февраля он, ссылаясь на решения Междуведомственного совещания, уверял министра иностранных дел в полнейшем отсутствии экспортных возможностей. В смене настроений безусловно сыграли роль «личные заявления» С. Д. Сазонова о «настоятельной необходимости» хлебных поставок Франции «в целях дипломатических». Именно это А. Н. Наумов

---

[110] Справка о закупке пшеницы..., л. 212.

[111] Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и фуражом. 23 февраля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 198.

[112] Справка о закупке пшеницы..., л. 213.

с полнейшей откровенностью признал в письме к председателю Совета министров А. Ф. Трепову.[113]

Предложение Наумова потребовало вновь межведомственного согласования, в связи с чем Сазонов настоял на срочном созыве совещания под председательством министра путей сообщения. Трудно сказать, когда и чем завершились бы эти бесконечные переговоры, если бы не новая депеша А. П. Извольского, подстегнувшая решение вопроса. Телеграмма из Парижа свидетельствовала о том, что французское правительство, отбросив всякие дипломатические тонкости, поставило в прямую зависимость от экспорта хлеба снабжение русской армии боевыми снарядами.

«Французское правительство очень обеспокоено неполучением от нас ответа по делу о поставке хлеба и полученным от Палеолога известием, что русское правительство еще не приступило к заготовке и закупке этого хлеба, — сообщал Извольский 19 марта. — Наш морской агент на днях телеграфировал своему начальству, что это обстоятельство может явиться препятствием к доставке снарядов в Россию, так как их предполагалось грузить на те суда, которые зафрахтованы для доставления хлеба во Францию, которые, если сделка с нами не состоится, должны будут идти за хлебом в Америку. В зависимости от этой поставки русского хлеба здешнее Министерство торговли ставит также отпуск хлеба для наших военнопленных в Германии, как его об этом просил председатель Бернского комитета Березников. Как мне известно, — предостерегал посол, — я на днях, вероятно, получу ноту о передаче в Петроград усиленного ходатайства французского правительства о скорейшей заготовке хлеба в Архангельске».[114]

В тот же день министр финансов П. Л. Барк в письме к главноуполномоченному по закупкам хлеба подтвердил желательность экспорта зерна в союзную Францию «в интересах как финансовой, так и общей политики» и предложил осуществить вывоз зерна через Владивосток. Сославшись на переговоры в Париже осенью 1915 г., на которых тихоокеанский хлебный экспорт был назван

---

[113] А. Н. Наумов — А. Ф. Трепову, 17 марта 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 209.

[114] Телеграмма А. П. Извольского А. А. Нератову, 19 марта 1916 г. — Там же, л. 210.

в качестве одного из возможных вариантов, Барк призвал министра земледелия всесторонне обсудить этот вопрос.[115] По всем данным, предложение министра финансов поддержки не нашло. Правительство вновь вернулось к первоначальному плану вывоза сибирского хлеба.

Следующий тур обсуждения программы хлебного экспорта во Францию начался с заседания Совета министров 24 марта 1916 г. Ультимативный характер требований французского правительства явно достигал цели. Отныне продовольственная помощь союзнику признавалась и необходимой, и неизбежной. Отмечалось, что Министерство иностранных дел «придает удовлетворению потребностей Франции при посредстве российского правительства значение с точки зрения поддержания союзнических с Францией отношений», что военное и морское ведомства «выводят» получение французского вооружения «не из договоров», а «из обмена союзных держав взаимными услугами» и т. п.[116] Совещание выразило готовность изыскать средства для удовлетворения союзнических притязаний и предоставить Франции 10 млн. пуд. хлебных грузов. И, поскольку Франция не обнаруживала «склонности принять пшеницу по рыночным ценам в империи», Совещание «признало достаточным довести до сведения французского правительства точные расчеты себестоимости пшеницы... и в случае возражений на цену объяснить, что всякая уступка вела бы к необходимости отнесения разницы на счет нашего государственного казначейства».[117] Трудно сказать, подчеркивалась ли здесь жертвенность России или делалась ставка на благородство союзнических чувств.

Торговый путь русского зерна в европейские страны лежал через Архангельский порт. В самом начале войны еще свободными для экспорта оставались Белое море, Ботнический залив, путь через Румынию и Болгарию. Но закрытие балтийских, а после вступления в войну Турции и черноморских портов привело к сосредоточению внешнеторговых операций почти исключительно на севере и востоке страны. Путь через Архангельск, возрожденный к активной коммерческой жизни в 90-х гг. XIX в.

---

[115] Справка о закупке пшеницы..., л. 214.

[116] Журнал Совета министров, № 9, 24 марта 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 22, л. 4 и об.

[117] Там же, л. 4 об., 5 об.

и уже тогда игравший заметную роль в русском экспорте, по сути дела являлся единственно возможным для транзитных товаров.[118]

Однако северные порты не были подготовлены к столь внезапно и резко расширившемуся торговому посредничеству. Сказались отсутствие удобных подъездных путей и причальных линий, слабая пропускная способность действующей железной дороги Пермь—Котлас, а главное — недостаток перевозочных средств, вызванный разрухой на транспорте. Архангельско-Вологодская железная дорога была реконструирована (проложена широкая колея) в январе 1916 г., хотя еще в самом начале войны Совет съездов представителей промышленности и торговли обращал внимание на необходимость немедленной ее перестройки.[119] Мурманская железнодорожная линия открыла регулярное движение на всем протяжении в октябре 1917 г. Архангельский порт требовал реконструкции: строительства причальных линий, плавучих средств, складов, расширения форватеров. Необходимы были и такие «сопутствующие» меры, как обеспечение северного экономического района рабочей силой и современной техникой. Об этом бесконечно договаривались между собой Отдел портов и путейские ведомства и беспрестанно толковали в кругу особых совещаний.[120] Однако практические шаги почти не предпринимались. В правительственных кругах действия Министерства путей сообщения в Архангельске признавались недостаточными, не позволявшими «использовать железную дорогу в той мере, как это представлялось бы необходимым в связи со значением этой дороги в текущую войну». Возникали проекты военного управления Архангельским портом с обслуживающей его дорогой, учреждения в Архангельске генерал-губернаторства и т. д.[121]

Итоги весенних (в 1916 г.) переговоров с торговыми представителями Франции показали, что усилия русской

---

[118] *Китанина Т. М.* Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С. Ю. Витте: (К оценке Челябинского тарифа). — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 121—209.

[119] Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли..., с. 51.

[120] Журналы Особого совещания по обороне..., 1915 год, № 10, с. 86—87, 243, 348, 453 и след.

[121] Там же, № 13, с. 111, 112; № 14, с. 124.

дипломатии выдыхались. Переговоры привели к договоренности о вывозе из России 30 млн. пуд. пшеницы. Предполагалось часть поставок осуществить за оставшиеся месяцы того же года, причем намеченное к отправке первой партией количество зерна (11 млн. пуд.) по настоянию французской стороны было увеличено до 13 млн. пуд. И уже к началу сентября во исполнение русско-французского соглашения в Архангельск было доставлено 10 млн. пуд. пшеницы, наполнившей трюмы 55 судов.[122] Месяц спустя французские власти направили царскому правительству три меморандума, ужесточивших условия поставок русского сырья. Французы выдвинули требование бонификации в случае нарушения натурного веса и засоренности зерна; настояли на определении цен русских хлебов по котировкам североамериканских и аргентинских зерновых продуктов.[123]

В конце того же года вопрос о закупках русского хлеба стал предметом переговоров и с английскими торговыми представителями. Уже первоначальный обмен мнениями показал, что британское правительство заняло в вопросе хлебных поставок вполне определенную, твердую позицию, отклоняться от которой отнюдь не собиралось. Сложившийся не в пользу России политический климат свидетельствовал, что времена, когда английская дипломатия, по словам В. А. Сухомлинова, «горячо ухаживала» за русской,[124] безвозвратно прошли. Военная и финансовая зависимость России от партнеров по оружию позволила британскому правительству, отбросив всякий дипломатический флирт, осуществлять прямое вмешательство не только в область снабжения союзной армии вооружением и боеприпасами, но и в сферу русских экономических интересов в самом широком смысле этого понятия.[125]

30 ноября 1916 г. Особым совещанием по обороне был заслушан отчет адмирала Л. Б. Корвина о его перего-

---

[122] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию..., с. 66; ЦГИА СССР, ф. 456, оп. 1, д. 973, л. 12, 15; оп. 3, д. 3, л. 3—4.

[123] *Николаев П. А.* Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России. — В кн.: Из истории империализма в России. М.; Л., 1959, с. 406—407.

[124] Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926, с. 151.

[125] В архивных документах этого периода сохранились сведения о противодействии русских военных властей английскому вмешательству в область снабжения русской армии (ЦГИА СССР, ф. 1525, д. 349, л. 12).

ворах в Лондоне с представителями правительства. Корвин изложил точку зрения британского кабинета на возможность «уступки» Россией Англии 30 млн. пуд. пшеницы в обмен на тоннаж, предоставленный англичанами русскому военному ведомству. Лондон почти не оставил русским времени для раздумья, требуя ответа до истечения года. После обмена мнений Особое совещание высказало желание «ныне же заключить соглашение с английским правительством о предоставлении им в распоряжение русского правительства необходимого для навигации будущего года количества тоннажа в обмен на уступку русским правительством 30 млн. пудов пшеницы для нужд Англии».[126] Для осуществления отпуска хлеба в Англию русское правительство прибегло к посредническим услугам частного капитала. В газетах мелькали заметки о том, что директору-распорядителю Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли И. И. Лиду разрешено было произвести закупку в Сибири 500 тыс. пуд. пшеницы для последующего вывоза в Англию.[127] По-видимому, Общество тесно сотрудничало в реализации этой операции с Сибирским торговым банком, который, по свидетельству одного из его руководителей В. В. Тарновского, «экспортировал в Котлас и Архангельск значительные партии сибирской пшеницы, закупавшейся им по поручению правительств Антанты для нужд французской и английской армий».[128]

В конце 1916 г. Министерство иностранных дел в Петербурге получило ноты английского и французского правительств, содержащие в жесткой форме предложение о предоставлении в распоряжение союзнических государств (Англии, Франции и Италии) 50 млн. пуд. пшеницы в навигацию 1917 г. В январе 1917 г. по дипломатическим каналам царским правительством без каких-либо отлагательств был сообщен союзникам в целом положительный ответ.

Столь стремительная реакция правительства Николая II на запрос британского посла при русском дворе Д. Бьюкенена и посла Франции М. Палеолога еще раз

---

[126] Журналы Особого совещания по обороне государства, 1916 год. М., 1977, ч. IV, № 123, с. 209—210, 212.

[127] Финансовое обозрение, 1915, № 7.

[128] *Тарновский В. В.* История Сибирского торгового банка (1872—1917 гг.) / Публ. И. Ф. Гиндина. — В кн.: Материалы по истории России..., с. 143.

подтвердила исключительную зависимость России от союзнических военных поставок. Если учесть, что в конце января на Петроградской конференции русской дипломатии предстоял крупный разговор с союзниками о вооружении,[129] становится понятной прямая связь этих событий. Не случайно в памятной записке, направленной Бьюкененом министру иностранных дел Н. Н. Покровскому, именно этот мотив был определяющим. В ней английское правительство весьма недвусмысленно предупреждало, что «не сможет доставить необходимое количество тоннажа для перевозки угля и военного снаряжения в Россию», если требования об экспорте русского хлеба и леса не будут удовлетворены.[130] Союзные державы вновь выразили надежду, что корабли, доставлявшие в Россию предметы вооружения, будут загружаться для обратных рейсов русским хлебом.

По вопросу о значении русско-английской торговли в ее чистом понятии между Россией и Англией разногласий, по-видимому, не было. Напротив, наблюдалось соприкосновение и деловых, и дипломатических интересов. Показательна в этом отношении речь Д. Бьюкенена, произнесенная на традиционном новогоднем банкете английской колонии в Петербурге в 1915 г. «В наш материальный век, — сказал Бьюкенен, — тесные торговые отношения являются руководящими факторами международной политики, и как Англия, так и Россия одинаково заинтересованы в том, чтобы против мирного натиска Германии и захвата ею торговли был создан барьер».[131] Разумеется, Бьюкенен не обольщался на тот счет, что степень заинтересованности союзниц была далеко не равной.

На рубеже веков вывоз хлеба в Англию в стоимостном выражении составлял 21.1 % общей ценности русского экспорта и уступал лишь ценности экспорта в Германию — 25.1 %.[132] В предвоенные годы роль английского рынка в размещении русского товарного хлеба продолжала оставаться достаточно важной. Ежегодно Англия приобретала русских хлебных продуктов на крупную сумму — 50 млн. руб. Однако доля русского экспорта

---

[129] *Емец В. А.* Петроградская конференция 1917 г. и Франция. — Ист. зап., 1969, т. 83, с. 34—35.

[130] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию..., с. 67.

[131] Отчет о деятельности Русско-Английской торговой палаты в 1915 году. Пг., 1916, с. 10.

[132] *Покровский С. А.* Внешняя торговля..., с. 304.

в английском импорте зерна и муки была весьма скромной — 5 %.[133] Перспективы роста потребления населением Англии русского хлеба были очевидны, и именно они концентрировали усилия официальных и заинтересованных коммерческих кругов. Притом экономическая зависимость России пробуждала особый интерес представителей делового мира Великобритании, позволяла на многое надеяться. В августе 1916 г. в Лондоне возник Британский торговый банк, кредитовавший английские экспортные фирмы. В октябре в Петрограде велись переговоры о создании в России Английского банка для развития англо-русской торговли. Осенью в Англии была основана Русско-Британская торговая палата, почетным председателем которой стал русский посол А. К. Бенкендорф.[134] И эти меры, и государственное покровительство англо-русским торговым связям имели целью связать русскую инициативу, избежать превратности отношений, весьма возможных при колеблющемся военно-политическом курсе царизма.

В отличие от английского рынка хлебный рынок Италии широких перспектив для русского экспорта не открывал. Правда, начало 1914 г. обнаружило явную тенденцию к оживлению русско-итальянских торговых отношений, в том числе и хлебообменных операций.[135] Несмотря на расширение посевных площадей злаковых культур в аграрных районах Италии, на сравнительно высокий урожай первого военного года, потребность в импорте хлеба не ослабевала. Начало военных действий приостановило процесс развития хлеботорговых операций, что не замедлило отразиться на итоговых данных экспорта: в 1914 г. было ввезено в Италию 442 тыс. т пшеницы твердых сортов против 630 тыс. т в 1913 г.[136]

Для восстановления активного характера хлебообмена итальянское правительство прибегло к весьма знаменательной мере — временному упразднению таможенных

---

[133] *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России..., с. 274—275.

[134] *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, с. 80.

[135] Экспорт русских товаров в Италию возрос в 1914 г. на 19 % по сравнению с 1913 г.

[136] Отчет агента Министерства торговли и промышленности в Генуе М. Е. Субботкина. — В кн.: Отчеты агентов Министерства торговли и промышленности за границей за 1914 г. Пг., 1917, с. 41.

пошлин на пшеницу.[137] Этот акт явился, по-видимому, отражением роста антипротекционистского движения в Италии, вылившегося в созыв в Милане весной 1914 г. конгресса сторонников фритредерского таможенного курса. Надежда на сохранение свободных условий русско-итальянской хлебной торговли в первые послевоенные годы питала заинтересованность представителей русских деловых кругов в поддержании экономических связей между государствами.

Вопрос о хлебных поставках странам Антанты явился предметом рассмотрения в Особом междуведомственном совещании под председательством министра земледелия, созванном 3 января 1917 г. Удовлетворение союзнических притязаний предусматривало поставку Англии 30 млн. пуд. пшеницы, Франции — 20, Италии — 7 млн. пуд. Совещание должно было определить практически возможный объем поставок с учетом внутреннего потребления. Ознакомление с экспортными возможностями страны показало, что реальной почвы под собой поставки не имели. Потребности в хлебе армии и населения на 1917 г. исчислялись 660 млн. пуд. Хлебный запас к концу 1916 г. не превышал 626 млн. пуд. зерна, причем 52 млн. пуд. были фактически изъяты из оборота, ибо остались на правом берегу Днепра, в зоне, закрытой для вывоза. Таким образом, наличный запас хлеба не мог удовлетворить внутренние потребности страны. Казалось бы, при таком положении дел об экспорте не могло быть и речи. Тем не менее Совещание сочло возможным назначить к вывозу за рубеж 50 млн. пуд. пшеницы и ржи. Совет министров поддержал решение Особого междуведомственного совещания, шедшее вразрез с экономическими возможностями страны. 10 января 1917 г. Министерству земледелия было поручено осуществить заготовку 25 млн. пуд. пшеницы в Сибири (в Акмолинской области и Тобольской губернии), Поволжье (в Самарской губернии), Юго-Западном крае и такое же количество ржи в Волго-Камском районе (в Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Вятской и Уфимской губерниях). Заранее оценивая возможные возражения союзников против увеличения поставок ржи, Совет министров отдал распоряжение провести дополнительно «мо-

[137] Там же, с. 38.

билизацию» пшеницы (до 35 млн. пуд.) в Таврической губернии и Кубанской области.[138]

В соответствии с решением правительства в канцелярии особоуполномоченного по закупкам хлеба был разработан «план» экспортных поставок. Содержание документа свидетельствовало об исключительно важном значении, придаваемом царским правительством всей внешнеторговой операции. Не случайно и порядок финансирования экспортных поставок, и предпринятые властями организационные меры для их практического осуществления носили характер исключительности.

Следующие в Архангельск и Котлас хлебные грузы объявлялись внеочередными. Для их бесперебойного движения были мобилизованы железнодорожный транспорт и речной флот. Для доставки сибирской пшеницы Министерство путей сообщения ежедневно предоставляло в распоряжение уполномоченных 35 железнодорожных вагонов в течение марта—апреля 1917 г. и по 70 вагонов в сутки — с мая по начало сентября. Управлениям Омской и Пермской железных дорог вменялось в обязанность обеспечить запасы зерна складами «без взимания платежей». В случае недостатка складских помещений вступали в силу права уполномоченного Министерства земледелия на принудительную аренду складов и реквизиции их у банков, акционерных обществ и частных лиц. Широкие хозяйственные полномочия предоставлялись и Отделу портов Министерства торговли и промышленности, который в случае необходимости мог приступить к сооружению новых пакгаузов и хранилищ. Предполагалось, что железнодорожные узлы Ярославля и Урочи смогут пропустить до 33 млн. пуд. пшеницы и ржи. Для транспортировки такого количества зерна требовалось около 140—150 вагонов ежедневно.[139] Движение хлебных грузов по Северной Двине должны были обеспечить специально зафрахтованные суда (по соглашению главноуполномоченного с Управлением водных путей), принадлежавшие Северному акционерному обществу, обществу «Енисей», пароходной фирме Белякова и ряду других владельцев. Последним напоминалось, что «пшеница должна быть от-

---

[138] План закупки и перевозки в Архангельск хлеба, поставляемого союзным государствам в 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1264, л. 1.

[139] Там же, л. 1 об.—2 об.

несена к разряду таких казенных грузов, которые судовладельцы должны перевозить в первую очередь».[140] С июня 1917 г. Архангельский порт был подготовлен для приема в день в среднем 250 вагонов с хлебными грузами.

В рамках распоряжения Управления железных дорог от 30 марта 1915 г. финансирование всей операции осуществлялось за счет фондов особоуполномоченного по закупке хлеба для армии. Таким образом, вся совокупность предпринятых самодержавным правительством мер должна была обеспечить успешное выполнение союзнических обязательств.

Единственно, что позволили себе русские официальные власти в противовес требованиям англо-французской дипломатии, — это «признать необходимым производство расчета за наличные, без зачета долга русского правительства Великобритании и Франции немедленно после погрузки хлеба в Архангельске».[141] Требование, как видим, довольно скромное, если учесть исключительные валютные затруднения военного времени. В январе 1917 г. Финансовая комиссия Особого совещания по продовольственному делу, исходя из уровня правительственных расценок на зерно, назначила следующие цены реализации: 3 р. 90 к. и 4 р. 20 к. за пуд соответственно для пшеницы мягких и твердых сортов и 3 руб. за пуд для ржи. Расчеты предполагалось производить в валюте государства-потребителя.[142]

12 февраля 1917 г., т. е. за несколько дней до Февральской революции, заместитель министра земледелия Н. В. Грудистов известил министра иностранных дел об итогах рассмотрения в ведомственных учреждениях плана хлебных поставок союзным государствам. Основываясь, по-видимому, на выводах Транспортной комиссии Особого совещания по продовольственному делу, которой было поручено изучить конкретные возможности перевозки зерна в северном направлении, Грудистов обнадежил Н. Н. Покровского в том, что к 1 июля 1917 г. в Архангельск будет доставлено 15 млн. пуд. пшеницы для Анг-

---

[140] Там же, л. 2 об.

[141] Журнал заседания Финансовой комиссии при председателе Особого совещания по продовольственному делу 19 и 23 января 1917 г., № 34. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1264, л. 56 об.

[142] Там же, л. 58—59.

лии и Франции. О том же был поставлен в известность и коммерческий атташе французского правительства. От вывоза хлеба в Италию царское правительство решило воздержаться.[143]

Таким образом, соглашение с союзниками об экспорте русского хлеба в 1917 г. было достигнуто и оставалось лишь ждать открытия беломорской летней навигации.[144] Для подготовки к расширению экспортных возможностей в феврале того же года было созвано Совещание об усилении вывоза через северные порты товаров на заграничные рынки под председательством товарища министра торговли и промышленности В. В. Прилежаева. В работе Совещания приняли участие представители Министерства земледелия Н. Д. Суходский, В. Д. Ильин и др.[145]

Успешность реализации плана зарубежных, в том числе и продовольственных, поставок во многом зависела не только от организации внутренних транспортировок, но и от обеспечения внешней безопасности транзитного передвижения грузов. Задачи развития северной торговли с союзными странами и прежде всего с Англией трактовались русским правительством широко, с учетом предстоящих в послевоенный период политических перемен и новых торговых контактов.

Ввиду прерванных войной традиционных коммерческих связей и привычных путей сообщения внимание русской дипломатии сосредоточилось на развитии северной торговли при посредничестве скандинавских стран. С целью оживления нового торгового пути царское правительство предприняло ряд акций, в подготовке которых участвовали Министерство финансов, Министерство путей сообщения, Канцелярия заведующего международными сообщениями, а также представители буржуазных объединений, весьма охотно вставших в позу защитников национальных интересов.

Уже в первые дни войны, в августе 1914 г., параллельно с началом русско-французских дипломатических

---

[143] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию..., с. 68—69.

[144] По решению Финансовой комиссии Особого совещания по продовольственному делу (принятому в январе 1917 г.) «распределение пшеницы и ржи между английским и французским правительствами» предоставлялось «их взаимному соглашению, путем соответствующего сношения с ними Министерства иностранных дел» (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1264, л. 56).

[145] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 5, л. 52.

переговоров Совет съездов представителей промышленности и торговли — одна из крупнейших организаций русской буржуазии — возбудил вопрос об установлении прямого сообщения с союзниками при посредничестве скандинавских стран. Для выяснения обстановки на местах в декабре того же года в Швецию и Норвегию был направлен заведующий железнодорожным отделом Совета съездов М. Н. Селихов. Затем последовало ходатайство об учреждении при Управлении финляндских железных дорог Особого комитета для распределения вагонов между предпринимателями (грузовладельцами) с непременным участием представителей коммерческих кругов.[146] Съезд представителей русских железных дорог предложил рассмотреть в правительственных инстанциях вопрос о возможности организации прямого русско-английского сообщения на началах, приемлемых для железнодорожных обществ и коммерческого флота. В материалах Особого совещания по обороне сохранились сведения, что правительство Швеции не выражало «особого стремления» к установлению железнодорожного сообщения Карунги—Торнео—Финляндия.[147] Лишь 30 марта 1915 г. его согласие было получено, тогда и последовало заключение соответствующей конвенции. Наряду с мерами, обещавшими упрощение обменных операций, намечалось и существенное облегчение таможенных формальностей.[148] Ряд практических предложений последовал и от членов Русско-Английской торговой палаты. Таким образом, достигнутое в результате переговоров соглашение правлений шведских, норвежских и финляндских железных дорог о транзитных перевозках союзных грузов в определенной мере учитывало интересы русской буржуазии.

Многие организационные функции по развитию русско-английских прямых торговых контактов приняла на себя созданная в 1914 г. Комиссия по текущим вопросам товарообмена с Англией, во главе которой стоял член Государственной думы С. В. Востротин. В работе комиссии участвовали представители британского посольства, швед-

---

[146] Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли..., с. 27—28.

[147] Журналы Особого совещания по обороне..., 1915 год, № 5, с. 36.

[148] Проект транзита товаров в Россию через Норвегию и Швецию. — ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 102, л. 7.

ской миссии, шведских, норвежских и финляндских железных дорог, пароходных обществ, биржевых комитетов, крупных экспортных и торговых фирм.[149] Таким образом, это был интернациональный коллегиальный орган, в руках которого сосредоточились важные нити регулирования русско-английских коммерческих связей.

Развитию северной торговли значительное внимание уделяли и союзные правительства. Британская миссия и коммерческая делегация Великобритании в Швеции приняли участие в переговорах о транспортировке грузов с представителями местных судовладельцев. Итоги переговоров нашли отражение в проекте транзита товаров через Швецию, Норвегию и северные русские порты.[150] Транзиту в восточном направлении должны были предшествовать так называемые «шведские разрешения». Заявки русских и английских экспортных фирм на перевозку грузов предварительно рассматривались в Англо-Русском правительственном комитете в Лондоне. Сведения о них направлялись в британскую миссию в Стокгольме, после чего она вступала в соответствующие переговоры с правительством Швеции. Следующей «разрешительной» инстанцией являлся Департамент военных снабжений Швеции, связь с которым осуществлялась непосредственно Англо-Русским комитетом. Перевозка грузов поручалась «особо рекомендованным» для этой цели пароходным обществам.[151]

Политическая ориентация правительства скандинавских стран и прежде всего Швеции в период войны чрезвычайно беспокоила русскую сторону. Прочные экономические связи с Германией определили в правительственных и общественных кругах Стокгольма германофильские настроения, препятствовавшие сближению с союзниками.[152]

Об усилении германского влияния напоминала и неудавшаяся России попытка удержать за собой хлебный рынок Швеции. Вывоз русской ржи в Швецию в 1911—1912 гг. по сравнению с 1901—1905 гг. упал с 47.4 до

---

[149] Отчет о деятельности Русско-Английской торговой палаты..., с. 24.

[150] ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 102, л. 7.

[151] Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли..., с. 27—28.

[152] См.: Дневник П. Н. Милюкова. — В кн.: Красный архив. М.: Л., 1932, т. 54 (5), с. 22—26.

12.5 тыс. т.[153] В эти же годы на долю Германии приходилось 96 % шведского импорта ржаной муки.[154] Активность русского торгового баланса в хлебообмене со Швецией уже накануне войны имела ярко выраженную тенденцию к снижению. Укрепление экономических позиций Германии в Швеции сопровождалось наметившимся в период правительства Линдмана (1906—1910 гг.) военным сближением.

В августе 1914 г. Россия, Англия и Франция официальной нотой гарантировали Швеции неприкосновенность в период войны и впоследствии эту гарантию подтверждали неоднократно.[155] Стремление обеспечить достаточно свободный и безопасный транзит союзного вооружения сочеталось с необходимостью сохранить активный нейтралитет Швеции, т. е. не только помешать правительству Хаммаршельда выступить на стороне Германии, но и использовать его влияние для усиления экономической блокады Германии. Заинтересованность России в лояльности Швеции питалась также расчетами на дружественный нейтралитет в послевоенный период. Дипломатические трудности, вызванные войной, преодолевались во имя будущих торговых контактов. В конструировании русской внешнеторговой политики в послевоенное время, в осуществлении возможного в перспективе торгово-политического сближения России и Германии огромная роль отводилась дружественному нейтралитету Швеции. Вследствие этого, разумеется, предпринятые Россией в отношении шведского правительства дипломатические меры отличались вполне понятной сдержанностью. К осторожности и умеренности требований при разрешении транзитного вопроса русские власти призывали и союзные дипломатические службы.

При всех усилиях союзников достигнуть постоянного соглашения о транзите через шведские порты не удалось. Конкретные условия перевозок определялись обычно на срок, т. е. договоренность носила временный характер. Более того, буржуазные круги Швеции не упускали возможности выиграть за счет посреднических услуг для любой из враждующих сторон. Шведское правительство со

---

[153] *Покровский С. А.* Внешняя торговля..., с. 368—369.

[154] Вопросы внешней торговой политики..., с. 154—155.

[155] А. П. Извольский — С. Д. Сазонову, 5 августа 1914 г. — В кн.: Красный архив. М., 1934, т. 65—66, с. 8.

своей стороны предъявляло требования к странам Антанты за предоставленную возможность транзита. Русская дипломатическая служба доносила, что пропуск в Россию военных грузов шведское правительство обусловливает вывозом через границу русских продовольственных товаров.[156] Во взаимоотношениях с Россией Швеция стремилась придерживаться так называемого принципа «donnant-donnant», т. е. добивалась равноценной экономической компенсации.[157] Вместе с тем ощущая крайнюю заинтересованность союзников в транзите (скандинавским посредничеством в получении русского хлеба интересовались и западноевропейские, и североафриканские страны), Швеция вслед за своими могучими партнерами по торговле вступила на путь прямых контактов с русским правительством. В октябре 1915 г. шведский посланник телеграфировал в Петроград Совету министров о вывозе из России в Швецию хлебных продуктов на сумму 2.5 млн. крон в качестве оплаты за производство 150 тыс. шведских оружейных стволов.[158] Как видим, — те же цели, те же методы. В архивных фондах сохранились сведения о том, что хлебные грузы, шедшие в Финляндию из России, оседали на шведской границе и вопреки закону о запрещении хлебного экспорта, по-видимому, пересекали ее.[159] Именно опасение развития контрабандных операций побудило государственные инстанции усилить контроль за потреблением русского хлеба в Финляндии.

Приход к власти консервативного кабинета Свартца затруднил переговоры о торговом соглашении с Англией, непосредственно касавшиеся транзитных перевозок. Напротив, состоявшийся в Христиании обмен мнений привел к положительным результатам. Норвежское правительство приняло решение предоставить Великобритании

---

[156] Журналы Особого совещания по обороне..., 1915 год, № 6, с. 52.

[157] *Бацис П. Э.* Транзитный вопрос в русско-шведских отношениях в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Л.; М., 1976, ч. I, с. 75—77.

[158] Управляющий делами Совета министров И. Лодыженский — А. В. Кривошеину, 16 октября 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 33.

[159] Отношение Министерства финансов Главному управлению землеустройства и земледелия. 22 сентября 1915 г. — Там же, л. 28.

во временное пользование норвежские суда.[160] Параллельно западные союзники России прилагали максимум усилий для блокирования экономических, в том числе продовольственных, связей Скандинавии с Германией, настаивая и на разрыве русско-шведских торговых контактов, что, разумеется, было неприемлемо для России.[161]

Заготовленный в северных портах русский хлеб, несмотря на все старания, не всегда достигал конечной цели вследствие трудностей перевозок, недостатка транспортных средств. Хлеб вывозился из Архангельска в основном союзным транспортом. И в области морских перевозок Россия также испытывала тяжелую зависимость от Англии. Британское адмиралтейство и Межсоюзнический комитет заграничного снабжения контролировали все идущие в Россию из союзных стран военные грузы на основании Лондонского соглашения 10 марта 1916 г. Контроль распространялся и на русские суда, выполнявшие беломорскую транспортную программу.[162] Царскому правительству пришлось поплатиться и «национальным достоинством», и «мировыми задачами, стоящими перед Россией».[163] В январе 1917 г. правительство Великобритании еще раз подтвердило готовность выполнить взятое на себя обязательство при условии увеличения объема сырьевых поставок из России и расширения контрольных функций английской администрации на побережье Беломорья. И это в сущности унизительное требование английских властей, покушавшихся на суверенитет русской дипломатии, не было отвергнуто. Царское правительство лишь заявило о необходимости изучения вопроса.[164]

Наряду с Францией и Англией русский хлебный экспорт в годы войны был направлен в балканские страны — Черногорию и Сербию, — примкнувшие к антигерманской

---

[160] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 164—165.

[161] Там же, с. 413, 414.

[162] По свидетельству министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского, осуществление англичанами морских перевозок в Россию повысило их стоимость в полтора раза (*Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения..., с. 70; *Сидоров А. Л.* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. — Ист. зап., 1945, т. 15, с. 150—155.

[163] Журналы Особого совещания по обороне..., 1915 год, № 28, с. 457.

[164] *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения..., с. 71—72.

коалиции. Продовольственная помощь Сербии и Черногории, вытекавшая из соглашения о военном сотрудничестве, была оказана Россией в наиболее трудный, критический для этих государств период осени 1915 г. и отражала верность союзническому долгу. [165] 10 января 1915 г. было утверждено постановление Совета министров об отпуске Министерству иностранных дел 3 млн. руб. под закупки продовольствия для Черногории. Предполагалось силами Главного управления землеустройства и земледелия приобрести 1 млн пуд. пшеничной муки и 700 тыс. пуд. круп. Хлеб должен был пройти транзитом Сербию, правительство которой соглашалось предоставить для перевозок ограниченное число железнодорожных вагонов (3—4 вагона в сутки). Так возник вопрос о переброске русских продовольственных грузов в большем объеме (10—15 вагонов ежедневно) через территорию Болгарии (София—греческий порт Салоники). Дополнительно в Черногорию было отправлено 437 тыс. пуд. кукурузы.[166]

В апреле того же года силу закона получило распоряжение Совета министров о предоставлении Главному управлению землеустройства и земледелия 6 млн. руб. для оказания продовольственной помощи Сербии. Состав закупок предполагал 2 млн. пуд. пшеничной муки, 1 млн пуд. ячменя, столько же кукурузы, 0.5 млн. пуд. отрубей. Реальный объем закупок в Бессарабской губернии исчислялся 1.2 млн. пуд. муки, 1 млн. пуд. ячменя, 192 тыс. пуд. отрубей.[167] В течение летней заготовительной кампании 1915 г. Главным управлением землеустройства и земледелия было затрачено на закупки хлебных продуктов для Сербии 2.9 млн. руб., для Черногории — 2.4 млн.[168]

Хлебные грузы, направляемые в Сербию, достигали пунктов назначения, преодолевая трудности смешанных железнодорожно-водных перевозок. Транспортировку продуктов по Дунаю осуществляла Экспедиция особого назначения — русская речная флотилия, созданная со спе-

[165] Ген. Артамонов, находившийся при сербской армии, сообщал в декабре 1915 г.: «Армию гонит голод...» (Разгром Сербии в 1915 г. и «помощь» союзников. — В кн.: Красный архив. М., 1934. т. 65—66. с. 71).

[166] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 8—9.

[167] Секретная справка о закупках продовольственных продуктов. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 7.

[168] Справка о состоянии кредитов и авансов, отпущенных на заготовление хлебных продуктов для Франции по 20 августа 1915 г. — Там же, л. 11—12.

циальной целью. В течение 1915 г. флотилия совершила в Сербию 45 рейсов и к 3 мая доставила более 1 млн. пуд. хлеба и фуража.[169] Движение продовольствия через Болгарию производилось английской фирмой Рейхардта, заключившей контракт с Главным морским хозяйственным управлением России. К середине сентября 1915 г. английский коммерсант доставил в Сербию 783.6 тыс. пуд. зерна.[170] Русский хлеб попадал в Сербию и морским путем — из Архангельска вокруг Европы.

Трудности продовольственного снабжения определили в годы войны переориентацию нейтральных государств, традиционно связанных с германским торговым капиталом, в поисках хлебного экспортера. Не только Швеция, но и Дания, пользуясь крайней заинтересованностью России в транзите вооружения, оказывали определенное давление на царское правительство. В мае 1916 г. находившаяся в Петрограде датская миссия ходатайствовала об экспорте в Данию из Котласа через Архангельский порт на норвежском судне «Рояльд Ярл» 2 тыс. т русского зерна. Министерству иностранных дел были представлены дипломатические гарантии о невывозе русского хлеба из нейтральной Дании в страны враждебного лагеря.[171] По имеющимся сведениям, председатель Особого совещания по продовольственному делу отдал распоряжение уполномоченному в Котласе не препятствовать развитию торговых операций, начало которым было положено годом ранее. Еще в феврале 1915 г. состоялось решение Совета министров об экспорте из Сибири 10 тыс. т зерна, приобретенного датским правительством.[172] В счет этих закупок и были заполнены трюмы «Рояльд Ярл».

Сближение России с нейтральными государствами шло не только по дипломатической линии, но и полуофициально, через коммерческие круги, заинтересованные в хлебном вывозе. Любопытные свидетельства привел в переписке с Российской экспортной палатой ее торговый представитель в Скандинавии Л. Г. Пьянков. В депеше, датированной маем 1916 г., Пьянков признавал, что «внезапно открывшиеся военные действия» заставили «быстрее и теснее сблизиться с скандинавскими стра-

[169] *Писарев Ю. А.* Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г. — Ист. зап., 1981, т. 106, с. 36, 37, 71.

[170] Там же, с. 37.

[171] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 58.

[172] Там же, л. 61.

нами», что основанное им Русско-Скандинавское товарищество предназначено для «соединения торговцев России и Скандинавии в одно коммерческое предприятие немедленного товарообмена», в том числе транзитного, выпавшего на долю скандинавских стран.[173] Любопытна и предпринятая Пьянковым попытка использовать транзитные каналы Скандинавии для экспорта русской муки в Египет.[174] Но и здесь прогерманская ориентация правительств Швеции и Норвегии препятствовала развитию посреднических действий. В ноябре—декабре тот же торговый агент ставил в известность Российскую экспортную палату о выходе из состава Русско-Скандинавского товарищества ввиду его «крайне неблаговидных действий» по отношению к России и об основании в Копенгагене экспортно-импортного акционерного общества «Л. Г. Пьянков и К°» для производства «агентурно-комиссионных операций» России с союзными и нейтральными странами.[175] Таковы свидетельства относительного характера запрещения русского хлебного экспорта.[176]

Ослабление позиций России в системе антигерманской коалиции определило осторожность и крайнюю сдержанность стран Антанты в оказании союзнику экономической и военной помощи. Политические комбинации правительств Англии и Франции сопровождались унизительным для России экономическим нажимом, в том числе требованием усиленного хлебного экспорта. Хлебные поставки России западным союзникам в годы войны сыграли в экономике страны несомненно отрицательную роль, усугубив продовольственные трудности. Добровольно-принудительный характер русского хлебного экспорта являлся еще одним свидетельством военно-экономической зависимости России, глубокой противоречивости между неравноправным политическим положением России в системе стран Тройственного согласия и огромным вкладом, внесенным русской армией в подавление общего врага.

---

[173] Л. Г. Пьянков — Российской экспортной палате, 26 мая 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 10, д. 274, л. 30 и об.

[174] Л. Г. Пьянков — Российской экспортной палате, 14 сентября 1915 г. — Там же, л. 51.

[175] Л. Г. Пьянков — Российской экспортной палате, 27 ноября и 28 декабря 1915 г. — Там же, л. 60—61 об., 64.

[176] Документальные источники свидетельствуют, что хлеб вывозился за пределы России и через юго-восточную границу — в район Китайско-Восточной железной дороги, в Монголию и т. д. (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 55, 59, 65, 82).

Глава III

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМУ ДЕЛУ. 17 АВГУСТА 1915 г.—9 МАРТА 1917 г.

> Все правительства, даже самые абсолютистские, *в конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием.[1]
>
> *Ф. Энгельс*

Разногласия по поводу правительственного курса

«Критический» 1915 год принес новые осложнения. Поражения на фронтах, политический кризис в верхах, признаки назревавшего в стране экономического кризиса, яркое проявление роста революционных настроений предельно осложнили внутреннюю обстановку. Острый недостаток вооружения, который фронт испытывал с конца 1914 г., состояние военного производства, наконец, новые задачи, стоявшие перед экономикой страны, вызвали необходимость мобилизации частной промышленности. Вступив на путь военно-государственного регулирования, правительство вынуждено было пойти на соглашение с оппозиционно настроенной буржуазией, политические лидеры которой давно уже вынашивали планы сотрудничества с правящей элитой.

Идея мобилизации частной промышленности для обеспечения действующей армии встретила живейший отклик в торгово-промышленных кругах. «Надо немедля ни одной минуты мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны... Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на

[1] Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 18 июня 1892 г. — В кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, с. 162.

военное положение», — призывал рупор московской либеральной буржуазии газета «Утро России».[2] Активная деятельность буржуазии весной и летом 1915 г., создание военно-промышленных комитетов, необходимость которых провозгласил IX Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли (26—29 мая 1915 г.), сам факт созыва этого съезда, его представительность (около 500 делегатов) свидетельствовали об усилении политической роли финансово-промышленных кругов. В речи открывшего съезд члена Государственного совета, крупнейшего промышленника Н. С. Авдакова прозвучал призыв к сплочению, к всемерному содействию мобилизации промышленности для помощи фронту. В резолюции съезда выражалась уверенность, что «русская промышленность исполнит свой долг перед родиной и заслужит одобрение державного хозяина земли русской».[3] Итоги съезда свидетельствовали, что оппозиционность буржуазии легко уживалась с верноподданническими чувствами, что политика «внутреннего мира», политика «единения правительства с народом» как залога национального спасения страны, верность которой буржуазия провозгласила в первые дни войны, пустила прочные корни. «Буржуазная оппозиция, — писал В. И. Ленин, — потому и является только буржуазной и только оппозицией, что она не борется сама, не имеет своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоит между двумя борющимися сторонами... учитывает в свою пользу результат борьбы».[4] Лишь потрясения, вызванные военным поражением в Галиции весной—летом 1915 г., глубоко обнажившим причины неподготовленности к войне, ускорившим развитие в стране революционной ситуации, убедили либеральную буржуазию в неспособности самодержавного режима обеспечить военный приоритет. «Все видят теперь, что революционный кризис в России налицо...», — подчеркивал В. И. Ленин.[5]

С другой стороны, попытки «смягчения» правительственного курса, выразившиеся в досрочном созыве Государственной думы, отставке трех черносотенных министров, Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, И. Г. Щеглови-

---

[2] Утро России, 1915, 23 мая.
[3] Речь, 1915, 29 мая.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 84.
[5] Там же, т. 27, с. 26.

това, и смене военного министра В. А. Сухомлинова, открывали реальные возможности для продвижения буржуазии к власти. Эти правительственные меры, ставшие звеньями одной цепи и завершившиеся созданием Особого совещания по обороне, явились уступкой царизма «общественному мнению» и изменили расстановку классовых сил. Они сыграли важную роль в мобилизации промышленности, в государственно-монополистическом регулировании основных отраслей народного хозяйства и явились свидетельством обуржуазивания государственного аппарата, эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии.

В мае 1915 г. усилиями думцев и узкого круга петербургских финансистов и промышленников, группировавшихся вокруг Совета съездов представителей промышленности и торговли, была достигнута договоренность о созыве Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения.[6] Вокруг создания Совещания, его назначения и состава как в бюрократических кругах, так и в среде буржуазии было много споров и разногласий. Финансово-промышленной группой, выдвинувшей идею созыва Совещания, руководили не только экономические, но и политические расчеты. Однако с самого начала инициатива буржуазии натолкнулась на сопротивление правительственных органов. Отчетливо осознанная, наконец, правительством необходимость привлечь частную промышленность к решению «оборонных» задач сочеталась со стремлением сдержать упорное продвижение буржуазии к власти, что обусловило осторожное, подозрительное отношение к выдвигаемым буржуазией проектам и открытое сопротивление их осуществлению.

События показали, что опасения были небезосновательны. С одной стороны, привлечение буржуазии к работе ответственного правительственного органа позволило ей играть важную роль в решении ряда практических задач. С другой стороны, активное участие промышленников и финансистов в деятельности этого органа, по справедливому замечанию А. Л. Сидорова, «помогало

---

[6] *Крупина Т. Д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне. — Ист. зап., 1969, т. 83, с. 58—62.

правительству наметить и осуществить широкую программу работы по усилению снабжения армии».[7]

Первое заседание «майского» Особого совещания состоялось 14 мая под председательством военного министра В. А. Сухомлинова, с большим недоверием относившегося к мобилизационным возможностям частного промышленного сектора,[8] и с широким представительством крупной буржуазии. В работе Совещания приняли участие члены Государственной думы, земцы-октябристы М. В. Родзянко, А. Д. Протопопов, И. И. Дмитрюков, Н. В. Савич, пять представителей военного ведомства и делегированные частной промышленностью банковские деятели А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский, Я. И. Утин и близкий к банковским кругам, в прошлом управляющий Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский. В дальнейшем состав Совещания заметно расширился за счет представителей Государственного совета (Н. С. Авдакова, В. И. Тимирязева, Ф. А. Иванова и др.), Государственного контроля и министерств, а также вследствие усиления финансово-промышленной группы.[9]

Состав Особого совещания не мог удовлетворить оппозиционные круги либеральной буржуазии. Представители финансовой олигархии, теснейшим образом связанные с правящей бюрократией, не были заинтересованы в крупных переменах в области экономики, в деле снабжения армии и особенно распределения военных заказов. Занятие министерского поста 12 июня 1915 г. А. А. Поливановым, близким к кругам либеральной буржуазии и готовым принять программу «прогрессивного блока», укрепило позиции «думской» буржуазии в Особом совещании, возродило надежду в рядах периферийной бур-

---

[7] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 83.

[8] В «Воспоминаниях» В. А. Сухомлинов писал о «неподготовленности» частной промышленности к новой ответственной роли, о «сравнительно пичтожной» русской обрабатывающей промышленности, которая «с большим трудом» поддавалась мобилизации. «Русская индустрия далеко не была так развита, чтобы правительство могло делать выбор, — подчеркнул он, — и военный министр должен был бы радоваться, что вообще может помещать свои заказы. Таково было совершенно ясное положение этого (мобилизационного. — *Т. К.*) дела» (Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926, с. 226, 269-270, 287—288).

[9] *Крупина Т. Д.* Политический кризис 1915 г..., с. 63—64.

жуазии на возможность реформ. Заметно возросло и собственное влияние Совещания в решении экономических проблем.

В Положении, утвержденном 7 июня 1915 г., Особое совещание определялось как орган, подчиненный непосредственно «верховной власти», т. е. не ответственный перед правительственными учреждениями. На Особое совещание возлагалось рассмотрение общеэкономических вопросов, затрагивавших различные стороны хозяйственной жизни. Совещание руководило привлечением частной промышленности к военным заказам, реквизицией запасов, промышленного оборудования, открытием кредитов, безвозмездных ссуд.[10] Таким образом, это был чрезвычайный орган государственной власти, прямой предшественник Особого совещания по обороне.[11]

Приобретя уже известный опыт сотрудничества с правительством в междуведомственных совещаниях и комиссиях предвоенной эпохи и рассматривая масштабы этого сотрудничества как меру уступок самодержавия,[12] буржуазия требовала расширения представительства и в «майском» Особом совещании. Эти требования выдвигала входившая в Особое совещание петербургская финансово-промышленная группа, представлявшая правый фланг буржуазного лагеря. По характеристике В. И. Ленина, русская финансовая буржуазия, ставшая рабски на государственную почву, ходатайствовала об интересах «*своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего *класса*».[13] Отнюдь не покушавшиеся на политические ре-

---

[10] *Сомов С. Л.* О «майском» Особом совещании. — История СССР, 1973, № 3, с. 112—114.

[11] А. Л. Сидоров дает следующую оценку деятельности «майского» Особого совещания: «При всем бюрократизме и косности государственного аппарата царской монархии Совещание являлось все же наиболее экономически действенным органом, проводившим иногда важные экономические мероприятия. Но многие вопросы Совещание могло решать только мимоходом, случайно, без глубокого изучения и без надлежащего руководства соответствующими отраслями хозяйства» (*Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 86).

[12] *Бобович И. М., Китанина Т. М.* Материалы междуведомственных совещаний по вопросам экономической политики России конца XIX—начала XX в. как исторический источник. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, VIII, с. 218—236.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 295.

формы представители финансовой олигархии защищали свои интересы, не выходя за рамки законности.[14] Активизировались и деловые круги московской «национальной» буржуазии, связанные, в частности, с торговлей. В течение мая—июля буржуазными партиями был разработан ряд проектов реорганизации «майского» Особого совещания.

Проект организации Комитета государственной обороны, представленный прогрессистами, соответствовал выдвинутому ими лозунгу создания «ответственного министерства». Комитет объявлялся высшим распорядительным и исполнительным органом государственной власти, ответственным перед монархом. В его компетенцию входили вопросы вооружения армии, транспортировки грузов, принудительного найма рабочих и распределения военных заказов, наконец, продовольственного снабжения.[15] Партия кадетов, наиболее буржуазная по составу, представила в Думу законодательное предположение об учреждении Главного управления снабжения армии, где высшие распорядительные и исполнительные функции сохранялись за военным министром. Предложенный кадетами совещательный орган из представителей общественных организаций, ограниченный рамками узковедомственных задач, ничего принципиально нового в практику государственного регулирования внести, разумеется, не мог.

Правительственный законопроект, составленный в противовес законодательному предположению кадетов, был подготовлен в созданной для той же цели комиссии при Особом совещании. Законопроект предусматривал расширение полномочий Особого совещания и его состава. Видимо, по настоянию думских членов Совещания в проекте намечалось усиление буржуазного представительства и, что особенно важно, предоставление председательского кресла на равных правах военному министру либо лицу,

---

[14] Представляет интерес подготовленный к 23 мая 1915 г. думской группой и А. И. Путиловым проект Положения об Особом совещании. Проект предусматривал расширение прерогатив Особого совещания. Основ системы государственного управления проект не затрагивал, оставляя все руководящие функции военному министру (*Крупина Т. Д.* Политический кризис 1915 г..., с. 68—69).

[15] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967, с. 87—88.

отмеченному особым доверием. После одобрения Военным министерством проект поступил на рассмотрение комиссии П. А. Харитонова при Совете министров, где подвергся серьезному редактированию.[16] Согласно окончательному варианту, руководящий пост в новом Особом совещании безоговорочно передавался военному министру, и, по определению одного из кадетских лидеров А. И. Шингарева, к нему переходили вся хозяйственно-экономическая «жизнь страны и все вопросы снабжения армии».[17] На Особое совещание возлагались новые обязанности: обеспечение топливом транспорта, оборонной промышленности и руководство продовольственным делом в стране. 14 июля «Положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства» было утверждено Советом министров.

Таким образом, составленный при непосредственном участии военного ведомства правительственный законопроект предполагал создание органа государственного управления, осуществлявшего высший контроль за мобилизованными для военных целей отраслями экономики. Заслуживает внимания тот факт, что почти одновременно и в правительственном законопроекте, и в «предположениях» оппозиционных партий вопрос о государственном регулировании продовольственного снабжения фронта и тыла был органически включен в программу деятельности Особого совещания. Такое единомыслие объяснялось, разумеется, поисками выхода из надвигавшегося кризиса. В расчеты торгово-промышленного класса, по-видимому, входила и «лояльная» по меньшей мере позиция правящих кругов в деле государственного регулирования продовольственных цен.

Под нажимом буржуазии 19 июля состоялся созыв внеочередной сессии Государственной думы. После острой дискуссии, разгоревшейся вокруг состава Особого совещания и круга его полномочий,[18] правительственный законопроект был принят. Законопроект был утвержден 17 августа 1915 г. Узаконивалось и предложение объединенного заседания бюджетной и военно-морской комиссий

---

[16] *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. М., 1975, с. 23—25.

[17] Труды I Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов. 25—27 июля 1915 г. Пг., 1915, с. 19.

[18] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 115—116.

Государственной думы об учреждении отраслевых особых совещаний — по продовольствию, перевозкам и топливу.

Формально сложный состав Особого совещания по обороне объяснялся целесообразностью создания руководящих органов «при главных начальниках подлежащих ведомств».[19] В действительности решение думских комиссий было продиктовано страхом перед диктаторскими полномочиями военного министра и стремлением противопоставить ему влияние Думы на подконтрольные Особому совещанию ведомства.[20] Сложная структура Особого совещания, заменявшая единство руководства хозяйственной деятельностью тыла и оборонной промышленности распорядительной властью четырех министров, отвечала, казалось бы, этой цели. Представительство петроградской финансовой буржуазии в Особом совещании по обороне было несколько ослаблено. Вместе с тем весьма обогатился его состав за счет делегирования членов крупнейших торгово-промышленных организаций. К тому же в основу представительства от законодательных палат и буржуазных объединений положено было выборное начало, а не монаршее назначение.

Так окончательно сформировался государственный орган управления экономикой, легализировавший буржуазные организации под контролем самодержавия, воплотивший в себе идею сотрудничества крупного капитала с реакционной монархией. Создание Особого совещания «явилось определенным маневром правительства, при помощи которого из рук буржуазии была вырвана инициатива в деле мобилизации промышленности».[21] Допустив буржуазию к решению общеэкономических задач, правительство приложило максимум усилий к сохранению незыблемости собственных позиций. Во-первых, оно обеспечило в составе особых совещаний преимущество представительства и, во-вторых, наделило их председателей почти неограниченной и почти бесконтрольной властью. Достаточно напомнить, что председателями определялась повестка дня и ими же окончательно утверждались все решения особых совещаний. Отчетность совещаний носила

---

[19] *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания..., с. 27.
[20] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 90—91.
[21] *Тарновский К. Н.* Комитет по делам металлургической промышленности и монополистические организации. — Ист. зап., 1956, т. 57, с. 82.

чисто условный, символический характер, ибо лишь по окончании войны обширная документация подлежала представлению в законодательные палаты — Государственную думу и Государственный совет. Наделение особых совещаний исключительными полномочиями соответствовало законам военного времени, порождением которого они и являлись. Современники признали Особое совещание по обороне учреждением «специальной военной диктатуры, которой подчинено все и вся».[22]

Утверждение Думой (хотя и небесконфликтно) правительственного законопроекта, предложенного председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным, объяснялось и «моральной» подготовкой оппозиционных партий к соглашению с правительством, и сравнительной близостью законопроекта к законодательным предложениям буржуазных партий, прежде всего прогрессистов.[23] Отдельные замечания соединенных комиссий Государственной думы были приняты и учтены правительством при подготовке законопроекта об учреждении четырех особых совещаний, представленного Думе 1 августа. Для окончательного решения вопроса при Государственном совете была создана возглавляемая В. Н. Коковцовым комиссия, которая после ряда частных изменений одобрила законопроект.

17 августа 1915 г. законопроект был направлен в Государственный совет. Один из лидеров правых А. С. Стишинский, ознакомивший присутствовавших с его содержанием, подчеркнул расширительное толкование законопроектом значения Особого совещания по обороне, функции которого распространялись отныне на решение вопросов не только боевого и материального снабжения армии, но и продовольственного.

Развернувшаяся вокруг законопроекта дискуссия носила «пестрый» характер. Умеренные либералы (Н. Ф. фон Дитмар) стремились фактически к созданию министер-

---

[22] Труды I Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов..., с. 19.

[23] В выступлении И. Л. Горемыкина в сторону буржуазии был сделан многообещающий реверанс. Предполагалось рассмотреть в новом органе представительство буржуазных организаций, Государственной думы и Государственного совета. В ходе прений, имевших политическую окраску, думцами были выставлены требования об усилении группы буржуазных представителей за счет лидеров Центрального военно-промышленного комитета.

ства «общественного доверия», т. е. отстаивали программу «прогрессивного блока». М. М. Ковалевский и другие сторонники программы А. И. Гучкова и А. И. Коновалова требовали объединения в Особом совещании с целью правительственной поддержки «всех слоев общества». Наконец, ряд членов Государственного совета выразили явное стремление к созданию своего рода парламентского блока.[24]

Таким образом, были созданы четыре особых совещания: по обороне государства; по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих на оборону; по продовольственному делу, по перевозкам топлива, продовольственных и военных грузов. Система четырех особых совещаний явилась показателем развития сотрудничества правящих классов — помещиков и буржуазии. В одном государственном учреждении объединили усилия для решения задач империалистической войны представители бюрократических кругов, высших органов государственной власти и крупной буржуазии. В процессе мобилизации промышленности Особое совещание по обороне стало играть не менее важную роль, чем созданные буржуазией военно-промышленные комитеты. Оно осуществляло общее руководство хозяйственной жизнью страны и на известном историческом этапе определило основное направление экономической политики правительства.

Из четырех особых совещаний наиболее полномочным, определявшим характер деятельности всех других, являлось Особое совещание по обороне, возглавляемое военным министром. Оно отличалось от прочих и более представительным составом (40 членов). Особое совещание по продовольственному делу занимало рядовое место. Следует заметить, что в Положении об Особом совещании по обороне его руководящая роль среди других органов государственного регулирования экономики специально не оговаривалась. Более того, в положениях четырех особых совещаний место каждого из них в системе правительственных учреждений определялось идентично (пункт 2-й): «Особое совещание есть высшее государственное установление. Никакое правительственное место или лицо не дает

---

[24] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 93—94.

Особому совещанию предписаний и не может требовать от него ответа».[25]

В то же время верховная власть военного министра в вопросах регулирования отдельных отраслей экономики нашла отражение в специальных разделах (пунктах) законодательных документов особых совещаний по продовольственному делу, топливу и перевозкам. В «Положении об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» содержалась следующая оговорка: «Постановления председателя Особого совещания по продовольственному делу срочно сообщаются военному министру, причем последнему, как председателю Особого совещания по обороне государства, предоставляется: 1) собственною властью приостанавливать все распоряжения председателя Особого совещания по продовольственному делу и 2) вносить на обсуждение Особого совещания по обороне государства, с приглашением в таковое председателя и членов Особого совещания по продовольственному делу, указанные в предыдущем (1) пункте распоряжения. При недостижении соглашения вопрос вносится немедленно в Совет министров на его разрешение».[26]

Стало быть, без санкции военного министра ни одно постановление председателя Особого совещания по продовольственному делу не могло быть претворено в жизнь. Военный министр располагал правом вето, т. е. мог приостановить, точнее отменить любое распоряжение. В случае сомнений или разногласий военный министр как глава Особого совещания по обороне в праве был внести в «свое» Совещание рассмотрение любого вопроса, сняв его фактически с повестки дня Особого совещания по продовольственному делу. В данном случае верховные права военного министра и возглавляемого им Совещания подчеркивались особо. Речь шла о решении продовольственных вопросов не на совместном заседании обоих совещаний, а в рамках Особого совещания по обороне с приглашением ответственных лиц Совещания по продовольственному делу. И лишь в случае общего несогласия вопрос поступал на рассмотрение высшей инстанции — Совета министров.

---

[25] Особые совещания и комитеты военного времени: Свод законов и состоявшихся в порядке статьи 87 осн. зак. постановлений. Пг., 1917, с. 7, 17, 29, 37.

[26] Там же, с. 35.

Аналогичные оговорки содержались и в положениях двух других особых совещаний (по топливу и перевозкам).[27] События показали, что военный министр не раз использовал всю полноту власти, налагая запрет на решения государственных регулирующих органов. С. В. Воронкова, подвергнув специальному исследовательскому анализу законодательные акты о составе и функциях Особого совещания по обороне, утверждает, что в течение января—октября 1916 г. трижды редактировалась статья о правах председателя. Изменения, шедшие лишь в одном направлении, значительно расширили прерогативы военного министра, предоставив ему право секвестирования, временного отчуждения недвижимого имущества, назначения реквизиционных оценок и т. д.[28] Сосредоточение почти неограниченной исполнительной власти в руках военного министра лишало самостоятельности отраслевые особые совещания.

Следует обратить внимание на тот факт, что сферу деятельности Особого совещания по продовольственному делу сужали и прямые ограничения. Закон об Особом совещании по обороне предоставлял последнему ряд прав, связанных с регулированием продовольственного положения в стране. «Председателю Особого совещания, — отмечалось в постановлении, — предоставляется давать надлежащие указания командующим войсками (главным начальникам) военных округов по принятию мер в отношении запрещения вывоза из одной местности в другую скота, продовольственных и фуражных припасов и семян зерновых хлебов и трав, а равно по установлению в пределах округов цен на покупку продовольственных и фуражных припасов и по изменению этих цен».[29] Таким образом, снабжение военных округов продовольствием и фуражом всецело сосредоточивалось в ведении Особого совещания по обороне. Не означало ли это на практике прямого подчинения военному министру как главе Совещания корпуса армейских уполномоченных по продовольственным закупкам? Во всяком случае не подлежит сомнению, что в решении продовольственных проблем имело место не простое дублирование, а разделение функций двух совещаний. Притом чрезвычайные права военного министра

---

[27] Там же, с. 26, 46.
[28] *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания..., с. 31.
[29] Особые совещания и комитеты военного времени..., с. 16.

придавали постановлениям Особого совещания по обороне действенную силу и существенно ограничивали круг полномочий Особого совещания по продовольственному делу. Самостоятельность последнего сдерживали межведомственные несогласия и явные попытки со стороны отдельных министерств захватить управление продовольственным делом.[30]

22 августа Белый зал Зимнего дворца «начал заполняться участниками четырех особых совещаний», вспоминал А. А. Поливанов.[31] Состоялась торжественная церемония открытия Особого совещания по обороне. В речи, обращенной к присутствовавшим, Николай II подчеркнул, что с полным доверием предоставил «исключительно широкие полномочия» объединенным «для общего дружного труда» членам правительства, избранникам законодательных и общественных учреждений, деятелям промышленности, т. е. представителям «всей деловой России».[32] «Высочайшая» речь показала, что создание системы регулирующих органов рассматривалось царизмом как вынужденная величайшая уступка буржуазно-помещичьей оппозиции, вырванная под давлением обстоятельств и времени. «Еще при царизме, — писал В. И. Ленин, — необходимость регулирования экономической жизни признана и некоторые учреждения для этого были созданы».[33] Именно такими учреждениями являлись особые совещания при министрах.

Состав и структура Особого совещания по продовольственному делу

Состав Особого совещания по продовольственному делу отразил общую тенденцию в формировании четырех надведомственных регулирующих органов — соучастие представителей оппозиционных буржуазно-помещичьих партий, группировок Государственной думы и Государствен-

---

[30] См.: *Сидоров А. А.* Экономическое положение России..., с. 480—481.

[31] *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, т. I, с. 237.

[32] См.: *Сомов С. А.* Создание особых совещаний и «прогрессивный блок» (август 1915 г.). — В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1973, с. 295.

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 158.

ного совета, с одной стороны, и представителей правящей бюрократии — с другой. Складывавшийся «прогрессивный блок», добиваясь создания «министерства общественного доверия», стремился обеспечить за собой численное превосходство в системе особых совещаний. По наблюдениям С. А. Сомова, делегаты законодательных учреждений и буржуазно-помещичьих общественных организаций получили в составе совещаний первенство представительства (77 мест из 127).[34]

В Совещание по продовольственному делу от Государственного совета были избраны 7 членов: А. М. Андреевский, Д. Д. Левшин, сенатор В. Н. Охотников (правые), А. Э. Мейштович и сенатор кн. А. Д. Оболенский (группа центра), гр. А. П. Толстой (академическая группа) и Н. Н. Покровский (внепартийный). В качестве их заместителей были избраны С. Е. Бразоль (правый) и гр. В. А. Мусин-Пушкин (центрист). Представителями Государственной думы в Совещании являлись Г. П. Беляев (националист), С. В. Востротин (кадет), гр. И. И. Капнист, Б. И. Каразин (октябристы), Я. В. Кривцов (правый), А. И. Новиков (прогрессист), Д. И. Шаховской (националист-прогрессист) и два заместителя — М. Х. Готовицкий (группа центра) и В. Н. Снежков (правый). От всероссийских Земского и Городского союзов вошли кадеты П. Б. Струве и П. П. Юренев. Весьма значительным оказалось в Совещании представительство министерств.[35] Таким образом, в составе регулирующего продовольственного органа делегаты законодательных палат и буржуазно-помещичьих союзов численно преобладали над представителями бюрократии (16 к 10). Аналогичная картина была и в Особом совещании по обороне. Но в отличие от последнего состав регулирующего органа по продовольствию не был представлен членами Центрального военно-промышленного комитета — крупнейшей буржуазной организации.

Что касается представительства оппозиционного «прогрессивного блока», то с момента организации совещаний оно оказалось преобладающим и достаточно внушительным: из 40 депутатов Государственной думы, вошедших в состав совещаний, 31 представлял формирующийся блок. Однако и здесь приоритет оппозиционного предста-

---

[34] *Сомов С. А.* Создание особых совещаний..., с. 285.
[35] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1244, л. 79—80.

вительства остался за Особым совещанием по обороне (18 к 7).[36] В составе Совещания по продовольственному делу 10 сторонников блока противостояли 7 его противникам, нередко находившим поддержку со стороны бюрократии в решении принципиальных вопросов.

Наряду с постоянными членами в работе Совещания принимали участие лица, приглашенные по выбору председателя. Пост председателя Совещания по продовольственному делу занял в августе 1915 г. главноуправляющий земледелием и землеустройством (министр земледелия) А. В. Кривошеин. Исполняющим обязанности председателя стал товарищ министра земледелия, главноуполномоченный по закупкам хлеба для армии Г. В. Глинка. Управляющим делами Совещания был назначен Н. А. Гаврилов.[37] При сменившем А. В. Кривошеина в ноябре 1915 г. А. Н. Наумове существенных изменений в составе регулирующего продовольственного органа не произошло. Возглавивший Особое совещание по продовольственному делу в ноябре 1916 г. сенатор А. А. Риттих, управляющий Министерством земледелия, действовал уже в несколько ином окружении. Главноуправляющим Министерства земледелия по закупкам и заготовкам для армии, а следовательно, заместителем Риттиха был Н. В. Грудистов. Равными правами с последним в Совещании пользовался и главноуполномоченный по заготовкам мяса, масла и фуража для армии, член Совета министра земледелия Н. А. Мельников. Изменения, обнаружившие тенденцию к поправению, коснулись и имен представителей Государственного совета, Государственной думы,[38] министерств и ведомств, т. е. по социальному составу Особое совещание по продовольственному делу являлось более консервативным, чем, к примеру, Особое совещание по обороне. Это первый вывод, который следует сделать.

Совещание по продовольственному делу структурно являлось сложной организацией. Располагая исключительными правами, председатель Особого совещания осуществлял общее руководство системой заготовок и распределения продовольствия для армии и населения. В его компетенции находились определение способа государственных продовольственных и фуражных заготовок, их

---

[36] *Сомов С. А.* Создание особых совещаний..., с. 293.
[37] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1244, л. 79—80.
[38] Там же, л. 91 об.

стоимости, назначение закупочных цен, регулирование условий торговых контрактов, принудительные ревизии и реквизиции продуктов, скота, семян, фуража и т. д. В случае отсутствия согласованности действий с местными властями их решения могли быть отменены председателем. Ответственность за проведение заготовительной кампании возлагалась на двух главноуполномоченных по закупке хлеба, мяса и прочих продуктов Министерства земледелия. Они же регулировали и контролировали работу на местах, налаживали деловые контакты, вовлекали в сферу интересов Совещания военно-промышленные комитеты, представителей всероссийских Земского и Городского союзов, мобилизовывали и объединяли местные «хозяйственные» силы. Назначаемые министром земледелия помощники главноуполномоченных осуществляли контроль над отдельными сторонами заготовительных операций. Исполнительными органами были объявлены Управление делами Совещания и Канцелярия главноуполномоченных. Бюро при председателе Совещания и ряд комиссий, состоявших при главноуполномоченных, осуществляли практическое руководство порайонным распределением продуктов, очередностью снабжения, перевозками и т. п. В компетенцию тех же органов входили контроль за рыночными ценами и назначение реквизиций.[39]

Под началом главноуполномоченных при Особом совещании по продовольственному делу состояли несколько комиссий. Одна из них, Комиссия о мерах борьбы с дороговизной, подготавливала к рассмотрению вопросы, связанные с уровнем продуктовых, в том числе хлебных, цен. Однако к своим прямым обязанностям она могла приступить лишь с одобрения председателя Совещания. Формировалась комиссия из лиц, избранных Совещанием и приглашенных его председателем. Функции Финансовой комиссии включали назначение ссуд земствам и городам, определение объема и способа финансирования местных продовольственных органов, расчеты с Государственным банком. Среди членов комиссии значились представители министерств, всероссийских Земского и Городского союзов, Управления по делам мелкого кредита, Отдела зернохранилищ Государственного банка. Состав Транс-

[39] Журнал Особого совещания по продовольственному делу, 7—10 октября 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 15, л. 4.

портной комиссии был более представительным. Наряду с чиновниками министерств и ведомств, членами всероссийских Земского и Городского союзов в нее входили делегаты Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, Совета съездов представителей промышленности и торговли, Центрального военно-промышленного комитета, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу.

В ведении Статистическо-экономической комиссии находились учет населения, специальные статистические обследования. Частично функции этой комиссии перешли к Статистико-экономическому отделу, созданному при Управлении делами Совещания в связи с проведением Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Работа отдела носила характер «крайней срочности». Наряду с Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и Министерством финансов Статистико-экономический отдел собирал и обрабатывал показатели производства и реализации хлебных продуктов. Именно сюда стекались отобранные путем анкетирования сведения от уполномоченных председателя Особого совещания и органов городского и земского самоуправления. Для экономического обоснования проводимых мероприятий Совещание нуждалось «в возможно точных статистических данных как об общем экономическом положении России, так, в частности, о производстве и потреблении продовольственных продуктов».[40] На правах комиссии в составе Особого совещания по продовольственному делу сотрудничало Центральное бюро по мукомолью, созданное распоряжением Министерства земледелия 30 июня 1916 г.[41] Ряд подразделений включал и аппарат главноуполномоченного по закупке хлеба. С 10 октября 1916 г. при нем действовала Мукомольная комиссия, занимавшаяся порайонным распределением заготовок муки и крупы для армии и населения, предварительной разработкой норм снабжения отдельных губерний, выработкой планов перевозки этих продуктов. В состав комиссии входили представители

---

[40] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916, с. 1.

[41] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 15, л. 4—6.

министерства, всероссийских Земского и Городского союзов, члены Центрального бюро по мукомолью. Заместитель председателя Центрального бюро по мукомолью автоматически занимал пост председателя комиссии. Несмотря на то что создание Мукомольной комиссии предусматривало усиление регулирующих тенденций и в известной мере поддержку инициативы представителей капитала, функции ее были ограничены. Весьма близкой по составу оказалась Комиссия для закупки и распределения зернового фуража. Наряду со своими прямыми обязанностями она занималась сбором сведений о хлебной производительности, состоянии заготовок и пр. Председателем комиссии являлся главноуполномоченный по закупке хлеба.[42]

Функции комиссий свидетельствовали об их сравнительно скромной роли в решении продовольственных вопросов и в то же время подчеркивали значение и права председателя Особого совещания по продовольственному делу, являвшегося по сути дела «верховным» распорядителем. Деятельность комиссий объединяли советы, возглавляемые главноуполномоченными. В обязательном порядке в советы входили председатели комиссий и их заместители, а также представители министерств, всероссийских Земского и Городского союзов, Сельскохозяйственной палаты, Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу. Советы рассматривали вопросы, подлежащие решению коллегиальным путем. Постановления советов утверждались Совещанием.[43]

Итак, комиссии, действовавшие в составе Особого совещания по продовольственному делу, и комиссии, работавшие при главноуполномоченном по закупке хлеба, имели совещательные права. Разумеется, деятельность их не ограничивалась сбором сведений, деловой перепиской, финансовыми расчетами, подготовкой планов и проектов в системе закупок и распределения хлеба. Они пытались сказать свое слово и в решении принципиальных вопросов регулирования. Обращает на себя внимание и тот факт, что функции комиссий не были четко разграничены. Параллелизм распоряжений являлся одной из негативных сторон их деятельности. Комиссии дублировались и по составу. Примером тому может служить наличие в составе

[42] Там же, л. 6—7.
[43] Там же, л. 9 об.—10.

Совещания двух комиссий по мукомольному делу, имевших почти аналогичный состав, — Центрального бюро по мукомолью и Мукомольной комиссии при главноуполномоченном по закупке хлеба. Все это подчеркивало громоздкость, несовершенство управленческого аппарата, а следовательно, и малую результативность его решений. Распоряжения, постановления, предписания, циркуляры по экономическим вопросам десятками рассылались многочисленными государственными учреждениями. «Чуть не каждый день принимаются мероприятия по регулированию хозяйственных явлений», — отмечал заведующий Статистико-экономическим бюро Союза городов.[44]

Следовательно, исполнительные функции были сосредоточены в руках сравнительно узкого круга представителей официальных и деловых кругов. Это второй вывод, который вытекает из рассмотрения документов Особого совещания.

Для оценки регулирующей деятельности Особого совещания в области продовольствия важно выяснить социальный состав его аппарата на местах. Уполномоченные председателя Совещания прежде всего были его осведомителями о продовольственном положении в периферийных районах. И то, в какой последовательности и «тональности» они преподносили рыночные новости, накладывало определенный отпечаток на правительственные решения. Уполномоченные являлись исполнителями воли Совещания на местах. От их усердия зависели в конечном итоге и практические результаты тех или иных правительственных мер.

В 1915 г. уполномоченными председателя Особого совещания по продовольственному делу являлись губернаторы 24 губерний. В 19 губерниях ту же функцию выполняли председатели губернских земских управ и их заместители. Уполномоченными по сбору продовольствия в Москве, Николаеве и Одессе были назначены градоначальники этих городов. На Кавказе представителем председателя Совещания являлся уполномоченный Министерства земледелия.[45] В числе уполномоченных и их замести-

---

[44] Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Пг., 1916, вып. X, с. 3.

[45] Список уполномоченных председателя Особого совещания по продовольственному делу и уполномоченных Министерства земледелия по закупкам для армии. Пг., 1915, с. 1—14.

телей находились 4 члена Государственного совета — В. Н. Томановский, В. В. Савельев, Н. Ф. Беляков, П. П. Савицкий — и 5 членов Государственной думы — А. С. Салазкин, И. И. Авчинников, С. И. Гриневич, А. Д. Зарин и П. А. Неклюдов. В Туркестане, в среднеазиатских областях, в Приморье и Приуралье, на Сахалине и Камчатке закупки хлеба осуществлялись под контролем губернаторов, генерал-губернаторов и военных губернаторов. Продовольственными операциями в Закаспийской области руководил областной начальник, в области Войска Донского — атаман. Формально в качестве заготовительного аппарата в состав Совещания вошла организация «хлебармии».

Особую группу уполномоченных председателя Совещания составляли начальники и управляющие действующих и строящихся железных дорог. Они обеспечивали продовольствием занятых в эксплуатации и строительстве магистралей рабочих и служащих. Разруха на транспорте побуждала правительство к принятию самых разнообразных мер для упорядочения перевозок. Продовольственное «самоснабжение» железных дорог было одной из этих мер.

Заготовка хлеба для Особого совещания по продовольственному делу осуществлялась параллельно с закупками зерна и муки для армии через сеть уполномоченных Министерства земледелия. Последние назначались, правда, не во все губернии. По своим функциям уполномоченные Министерства земледелия во многом дублировали деятельность уполномоченных председателя Особого совещания по продовольственному делу. В ряде губерний единоначалие в руководстве продовольственными закупками выражалось в сосредоточении всех распорядительных функций в руках председателей губернских земских управ. В иных районах уполномоченные Министерства земледелия разделяли «продовольственную» власть с губернаторами, выступавшими в качестве представителей Совещания на местах.[46]

В местностях, расположенных вблизи театра военных действий (в Волынской губернии и пр.), нередко одновременно, но далеко не всегда согласованно действовали несколько уполномоченных по заготовкам продовольствия

---

[46] Там же.

для армии. Наряду с членами губернских земских управ в качестве уполномоченных Министерства земледелия выступали председатели уездных земских управ, члены губернских землеустроительных комиссий, предводители дворянства, крупные землевладельцы. В том же качестве могли оказаться начальники местных отделений Управления земледелия и государственных имуществ, заведующие переселенческим делом в районе, председатели правлений железных дорог, председатели биржевых комитетов, городской голова и т. д. Те же обязанности могли возлагаться на членов Государственного совета и Государственной думы. В числе последних находились П. И. Нечаев (в Воронежской губернии) и К. П. Григорович-Барский (в Киевской губернии).[47]

Как видим, институты уполномоченных Министерства земледелия и Особого совещания по продовольственному делу были близки по социальному составу. Это третий вывод, который можно сделать в результате анализа состава уполномоченных.

Неудивительно поэтому, что политика, проводимая правительственными продовольственными органами, несла на себе отпечаток консерватизма, приверженности старым, довоенным порядкам. Проявлялось это во всех аспектах деятельности Совещания: в выборе рынков с учетом дворянского землевладения, в социальном составе контрагентов, во взаимоотношениях с ведомствами, но главным образом в классовом характере проводимой им политики твердых цен.

Осень 1915 г. принесла новые экономические осложнения, резко ухудшилось продовольственное снабжение городов. Перед регулирующими органами встали трудные задачи, разрешение которых потребовало многих усилий. Переход царизма в контрнаступление на либеральную оппозицию, попытки нового министра внутренних дел А. Н. Хвостова активно вмешаться в распределение продовольствия привели к структурным изменениям в подразделениях и аппарате Особого совещания по продовольственному делу. Программа, принятая Хвостовым и предусматривавшая «умиротворение» внутренней жизни России, ставила своей целью ограничение деятельности общественных организаций и в сущности подавление общественного мнения при сохранении внешнего «благожелательного»

[47] Там же.

отношения к обществу.[48] Лозунг «борьбы с дороговизной», провозглашенный Хвостовым, являлся одним из стержневых в его программе. Он предусматривал урегулирование подвоза продовольствия к городам силами органов Министерства внутренних дел и создание сети потребительских обществ под контролем черносотенных организаций. Разумеется, в плане министра внутренних дел не осталось места общественным объединениям, пытавшимся сплотить массы «на почве борьбы с продовольственным кризисом».[49] Участь этих объединений была решена, они подлежали запрету и ликвидации. На пути к достижению цели Хвостов неизбежно ущемлял прерогативы министерств и ведомств, осуществлявших продовольственную политику. Под его давлением 20 октября 1915 г. был подписан рескрипт об ответственности губернаторов за объединение мероприятий по борьбе с дороговизной. Министерство внутренних дел получило право назначать специальные отряды для пресечения злоупотреблений в железнодорожных перевозках. Вслед за тем Хвостовым была умело использована несогласованность действий особых совещаний при министрах для дальнейшего усиления влияния Министерства внутренних дел на решение продовольственной проблемы.

Четырехмесячная практика работы особых совещаний убедила в отсутствии единой линии поведения. Вопросы, требовавшие совместного рассмотрения, возникали постоянно, но в условиях межведомственной несогласованности они разрешались трудно и длительно. Уполномоченные действовали не столько самостоятельно, сколько обособленно, «каждый на свой страх и по своему разумению». Не случайно поэтому «существенно важной задачей» представлялось сближение и согласованность «разрозненной деятельности» особых совещаний «не только в центре, но и на местах».[50] Используя обстановку, Хвостов в письме к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину предложил разрешать разногласия между ведомствами властью Совета министров, а не Особого совещания по обороне, что было явным посягательством на права последнего.

---

[48] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 129—132.
[49] Там же, с. 133.
[50] Справка Министерства земледелия, 29 декабря 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 6.

19 декабря в Особом журнале Совета министров, где речь шла о согласовании интересов ведомств «путем соблюдения внутренней спаянности работы особых совещаний»,[51] открыто был поставлен вопрос об участии министра внутренних дел в «постоянном общении» председателей особых совещаний. Здесь же приводились и весьма веские аргументы в пользу подобного решения: «Если по общему правилу тыловые интересы должны стоять на втором месте перед велениями военной необходимости, то в некоторых случаях веления эти должны временно уступать общегосударственным соображениям... Порядок и спокойствие внутри страны существенно важны для настроения армии». И далее: «В тех исключительных случаях, когда приведение в исполнение каких-либо мер, направленных к... устранению опасности возникновения народных волнений на почве недостатка топлива, либо продовольствия, будет сопряжено с замедлениями для военных нарядов, военные власти поступятся своими требованиями и окажут гражданским начальствам зависящее содействие».[52] Итак, вопрос о создании «Малого» совета пяти министров был принципиально решен.

По мнению исследователей, именно в результате настойчивости Хвостова 13 декабря Николай II обратился к председателю Совета министров Горемыкину со следующим рескриптом: «Ознакомившись из повседневной печати с ростом нужды необеспеченного населения некоторых городов, признаю необходимым, чтобы Совет министров немедленно обсудил и доложил мне, какие могут быть изысканы меры к планомерному снабжению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом».[53]

Ответом на рескрипт были состоявшиеся с 21 по 31 декабря 4 заседания «Малого» совета министров, посвященных вопросам обеспечения «нуждающихся местностей продовольствием и топливом». На заседаниях рассматривались вопросы о снабжении столицы, возможности плановых перевозок продовольственных грузов и топлива в губерниях Северо-Западного и других районов, о снабжении топливом частных мельниц, о злоупотреблениях

---

[51] Особый журнал Совета министров, 19 декабря 1915 г. — Там же, д. 64, л. 21 об.

[52] Там же, л. 22.

[53] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 2.

в железнодорожных перевозках, о борьбе со спекуляцией и др.[54]

Повестка дня одного из заседаний была всецело посвящена вопросу о создании на местах губернских и порайонных совещаний для объединения деятельности периферийных снабженческих органов и борьбы с дороговизной. А. Н. Наумов предложил «в целях сближения и согласования» действий создать в каждой губернии советы (совещания) уполномоченных председателей особых совещаний по продовольствию и топливу под председательством губернатора и с участием представителя Комитета по перевозкам.

Материалы заседания «Малого» совета подтвердили с полной очевидностью, что под нажимом Хвостова вновь были допущены уступки в вопросе продовольственного регулирования. В ходе прений особо отмечалось в качестве недостатка законодательства последнего времени «совершенное устранение» от продовольственной работы местных органов Министерства внутренних дел, губернаторов, земских начальников, волостных старшин. Подчеркивалось, что «использование этой готовой обширной организации, близко знакомой с местными условиями и обладающей необходимым в этом деле опытом, представляется совершенно необходимым».[55]

Тогда же, в декабре, под началом военного министра А. А. Поливанова и при участии заведующего продовольственной частью империи В. В. Ковалевского были разработаны специальные правила о деятельности советов местных уполномоченных, создаваемых в губерниях. Советы основывались «для надлежащего согласования деятельности отдельных местных правительственных организаций по снабжению населения продовольствием и топливом и по перевозкам».[56] В лице возглавлявших советы губернаторов центральный продовольственный орган рассчитывал найти прочную социальную опору. «Губернатор, — отмечалось в документе, — будет сразу и повсеместно... введен в самое средоточие правительственной

---

[54] Журналы Совещания по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом от 21, 25, 27 и 31 декабря 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 33—36, 38—52 и об., 54—55, 56—58 об.

[55] Журнал Совещания, № 3, 27 декабря 1915 г. — Там же, л. 39 об.—40.

[56] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 1.

деятельности по наиболее острым и жизненным теперь вопросам».[57] Таким образом, советы представляли собой не что иное, как междуведомственные совещания уполномоченных особых совещаний при министрах.

Правда, по мнению министра земледелия А. Н. Наумова, возникала необходимость в создании еще одного совещательного органа — районного совета уполномоченных. Однако созванное при Военном министерстве 27 декабря 1915 г. Совещание представителей ведомств пришло к выводу, что предложение министра земледелия выполнить затруднительно. В письме к Наумову Поливанов показал себя сторонником расширительной трактовки значения советов местных уполномоченных. Он высказался за привлечение к их работе председателей заводских совещаний и представителей вооруженных сил — начальников гарнизонов.[58] Весьма вероятно, что широкое представительство в губернских советах местных уполномоченных в какой-то степени могло компенсировать отсутствие «промежуточных» совещательных органов в лице районных советов уполномоченных.

29 декабря Министерство земледелия направило в Канцелярию уполномоченного по закупкам хлеба для армии справку о согласовании деятельности уполномоченных особых совещаний по продовольственному делу, перевозкам и топливу. Здесь же упоминалось о создании «Малого» совета пяти министров и по аналогии с ним предлагалось организовать на местах (в каждой губернии) «объединенные ячейки управления», чтобы «привести отдельных уполномоченных в непрерывное соприкосновение для постоянного взаимного обмена мнений и сведений и для принятия общих решений». Губернские советы рассматривались «как опорные пункты на местах объединенной правительственной деятельности в борьбе с дороговизной», как «начало сближения и согласования общей работы, принятое уже для центра, во всей постановке дела, сверху до низу, до местных его корней».[59] Стремясь, однако, окончательно не выпустить инициативу из рук, Наумов ввел в текст документа оговорку: предполагаемая реорганизация не должна была посягнуть на

---

[57] Там же, л. 7.

[58] А. А. Поливанов — А. Н. Наумову, 28 декабря 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 3.

[59] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 6, 7.

полноту распорядительной власти уполномоченных особых совещаний.

О принятых шагах к координации действий регулирующих органов в центре и на местах И. Л. Горемыкин известил Николая II, на что последовала «высочайшая» резолюция (6 января 1916 г.): «Вижу залог успеха дела в объединении заинтересованных ведомств. Доверяю председательствование в совещании подлежащих министров егермейстеру Трепову».[60] 15 января 1916 г. в Совете министров был рассмотрен и одобрен проект положения о междуведомственных губернских совещаниях, подготовленный Министерством земледелия совместно с Министерством внутренних дел.[61] На совещания возлагался ряд обязанностей, связанных с выяснением и разрешением продовольственных трудностей в районе, и некоторые контрольные функции.[62]

Попытка ведомства Хвостова узурпировать управление продовольственным делом не могла, разумеется, привести к разрешению проблемы дороговизны, ибо не нарушала социальных основ в политике регулирования снабжения. Она лишь затруднила согласованность действий и обострила противоречия между ведомствами. Правда, в известной мере влияние особых совещаний, где действовали представители «прогрессивного блока», было ослаблено. Но чем шире применялись репрессивные меры против либеральной общественности, тем заметнее Министерство внутренних дел отступало от намеченного пути в сторону традиционного черносотенного курса самодержавной монархии.

Центральное бюро по мукомолью

30 июня 1916 г. при Особом совещании по продовольственному делу было основано Центральное бюро по мукомолью с представительством министерств и буржуазных объединений. Решение о необходимости создания регулирующего органа с широким кругом полномочий и

---

[60] Отношение председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, 26 декабря 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 2.

[61] Особый журнал Совета министров, 15 января 1916 г. — Там же, ф. 1276, оп. 20, д. 103, л. 15—16.

[62] Положение об объединении деятельности уполномоченных особых совещаний по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. — Там же, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 48 и об.

относительной самостоятельностью пришло не сразу. Длительное время Особое совещание ограничивалось обследованием мукомольной промышленности и принятием частичных мер к ее упорядочению.

Стремясь представить масштабы мукомольного промысла и изменения, происшедшие с начала войны, Совещание прибегло к изучению его положения в центре и на периферии. Выяснилось, что в 1914 г. в 19 губерниях действовали 1588 крупных мельниц (их годовая производительность — не менее 130 тыс. пуд.) с выходом около 500 млн. пуд. товарной муки в год. К июню 1916 г. из 700 обследованных мельниц действовали 382 (54.5 %), сократили производство 206 (29.4 %), остановились 106 (15.1 %), увеличили выпуск продукции 6 (около 1 %).[63] Дополнительные сведения о «весьма грозном» состоянии центральных мельниц были получены в связи с закупкой пшеницы для союзных государств. Отсутствие сырья вызвало в Нижнем Новгороде приостановку мукомолен (с суточной производительностью 90 тыс. пуд.), снабжавших обе столицы и северные пределы Европейской России. В Саратове, поставлявшем муку в центральные губернии, простаивали две мельницы, остальные работали без сырьевого резерва. Мукомольни Борисоглебска и Ельца бездействовали из-за неполадок на юго-восточных железных дорогах. Выделенное им зерно из запасов Министерства земледелия не достигло пункта назначения. В итоге острый недостаток в пшеничной муке испытывало население Тамбова и Орла. По Владикавказской магистрали перестало доставляться зерно мельницам Ростова. Возобновление их деятельности оказалось возможным лишь при передаче мукомолам зерна, закупленного правительством для Франции. Аналогичная картина наблюдалась и в Закавказье.[64] В телеграмме владимирского губернатора, вызванной тяжелым продовольственным положением в губернии в связи с остановкой мельниц Рязано-Уральской железной дороги, значилось: «Замечено преимущественное прибытие грузов частным торговцам и

---

[63] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914—февраль 1917 г.). — Ист. зап., 1978, т. 101, с. 120; Деятельность Особого совещания по продовольственному делу и его комиссий. Пг., 1916, с. 73, 74.

[64] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 229 и об.

задержки грузов городам, земствам и фабрикам».[65] Следовательно, трудности снабжения еще более усугублялись поддержкой частного капитала со стороны администрации железных дорог.

Простои мельниц далеко не всегда можно было оправдать отсутствием сырья. Чем сильнее проявлялись признаки глубокого продовольственного кризиса, тем чаще мукомолы прибегали к саботажу, наносившему непоправимый ущерб экономике районов. Владельцев крупных мельниц не устраивали твердые цены на муку, установленные правительством (см. ниже, с. 175). Крайнее неудовольствие высказывали они и по поводу низких с их точки зрения правительственных расценок за помол и высоких накладных расходов. Естественно поэтому, что выдвигаемые мукомолами требования касались и уровня цен, и таксы расценок за помол, и суммы расходов по перевозкам, и, наконец, обеспечения предприятий топливом. Нескончаемые нарушения ориентировочных планов перевозок топлива, приводившие к срывам в его распределении,[66] толкали предприимчивых мукомолов к поиску новых соглашений с правящей бюрократией. И правительство не осталось безучастным. Частному сектору мукомольной промышленности были предоставлены ощутимые льготы — ряд мельниц, работавших на свободный рынок, причислялся к высшей категории снабжаемых топливом предприятий. Инициатором этой меры явился «Малый» совет пяти министров в декабре 1915 г.[67]

Упорно защищая собственнические интересы, мукомолы старались удовлетворить требования продовольственных органов поставкой партий муки лишь за счет новых поступлений зерна, т. е. не сокращая скрытые запасы, имевшиеся почти на всех крупных мельничных предприятиях. Поэтому столь распространенными являлись требования об обеспечении мельниц зерном за счет государственных фондов. Сама система государственных хлебных закупок для армии, гарантировавшая постоянство и прибыльность сбыта и в известной мере унифицировавшая условия производства, толкала владельцев мукомолен к консолидации усилий. Объединительные

---

[65] Там же, л. 229 об.—230.

[66] *Алияров С. С.* Из истории государственно-монополистического капитализма в России: Особое совещание по топливу и нефтяные монополии. — История СССР, 1977, № 3, с. 70.

[67] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 58 об.

тенденции наблюдались в период войны всюду, где мукомольное производство достигло высокого уровня развития. Центрами, вокруг которых сплачивались разрозненные силы предпринимателей, были прежде всего биржевые комитеты, банки, крупные торговые фирмы.

В феврале 1916 г. в г. Рыбинске состоялось Совещание представителей биржевых комитетов Волжско-Камского района по вопросам хлебной торговли. На Совещании подверглась резкой критике правительственная политика твердых цен, как необоснованная, наносящая непоправимый ущерб сельскому хозяйству. В категоричной форме биржевики требовали немедленной отмены нормировки цен, претендовали на передачу исполнительных функций по осуществлению хлебозаготовок в руки торгово-промышленного класса.[68] Решения Совещания, как и конкретное предложение созвать в Самаре краевой съезд волжских мукомолов, получили широкий резонанс в коммерческих кругах. 12 марта 1916 г. Совет съездов мукомолов в записке, адресованной А. Н. Наумову, поддержал предложение биржевиков. В Самаре предполагалось рассмотреть возможность организации на кооперативных началах закупок мукомолами зерна (при содействии Министерства земледелия) и топлива (с помощью Министерства торговли и промышленности). Самарский съезд, собравшийся в апреле 1916 г., утвердил проект Кооперативного товарищества мукомолов Волжского района. Существо проекта выражало неприкрытое стремление торгово-промышленных кругов подчинить контролю одну из важнейших народнохозяйственных отраслей. Нарочито подчеркнутое государственное начало кооперативного союза не могло скрыть истинной его природы, присущей монополистическому объединению. И Министерство земледелия, и Особое совещание по продовольственному делу, почувствовав откровенное посягательство новой организации на прерогативы центрального регулирующего органа, медлили с решением. Наконец, в противовес предложению Съезда волжских мукомолов в среде самого Особого совещания был выработан контрпроект о создании отраслевого регулирующего органа. Первоначальный его вариант предусматривал основание Центрального ко-

[68] О положении хлеботоргового дела в связи с вопросом продовольствия армии и населения страны: (Доклад Совещания представителей биржевых комитетов Волжско-Камского района). Пг., 1916, с. 2, 3.

митета (бюро) с сетью периферийных отделений.[69] При умелой организации порайонных объединений мукомолов перед буржуазией открывались широкие возможности вмешательства в экономическую жизнь губерний. Этим и определялась сравнительно спокойная и в целом положительная реакция предпринимателей на государственный проект. Однако, испугавшись собственной смелости, правящая бюрократия в союзе с воинствующими аграриями прибегла к отступлению. Уже первое обсуждение проекта в Комиссии Особого совещания по борьбе с дороговизной, состоявшееся в начале июня, выявило разногласия в правящих кругах, совпадение позиций мукомолов и отдельных ведомств (министерств земледелия и торговли и промышленности).[70] Именно эти разногласия определили отход от прямолинейного государственного регулирования. Даже приглаженный, перекроенный в самой существенной своей части (упразднение региональных органов) проект сохранил заметное влияние предпринимательской «инициативы».

Учреждению нового органа предшествовал ряд постановлений общего характера о мукомольной промышленности, обнародованных Особым совещанием по продовольственному делу 23 июня 1916 г. Через собственную торговую организацию мукомолам разрешалось «на комиссионных началах, но под надзором соответствующей правительственной организации» производить закупки зерна по твердым ценам и «с учетом... предпринимательской прибыли».[71] Центральному бюро по мукомолью предоставлялись широкие распорядительные функции, касавшиеся организации порайонных заготовок муки для армии и в случае необходимости — для населения, выявления показателей производительности мельниц, запасов зерна и топлива, объема и норм потребления, проектирования твердых цен на муку и т. п. Новый орган должен был ежемесячно отчитываться перед председателем Совещания по продовольственному делу, который разрешал и спорные вопросы.[72]

Председателем Центрального бюро по мукомолью

---

[69] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 120—122.

[70] Там же, с. 123; Деятельность Особого совещания..., с. 77—79.

[71] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 52.

[72] Постановление министра земледелия А. Н. Наумова, 30 июня 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 9 и об.

являлся товарищ министра земледелия Г. В. Глинка. В его состав вошли члены Государственной думы М. С. Воронков, А. С. Салазкин, Б. И. Каразин, член Государственного совета П. П. Менделеев, представители ряда министерств — военного, внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, путей сообщения, Государственного контроля. От Особого совещания по продовольственному делу членом Бюро стал управляющий делами Н. А. Гаврилов. Ряд лиц делегировала Канцелярия главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии. Состав Бюро включал представителей предпринимательских союзов: Совета съездов мукомолов, Совета съездов представителей торговли и промышленности, Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, Российской экспортной палаты, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, Московского союза потребительских обществ.[73]

На первом заседании Центрального бюро, состоявшемся 18 июля, было решено созвать Всероссийский съезд мукомолов, где предстояло обосновать принципы регулирования сбыта муки по ценам, не превышавшим твердые. На заседании была избрана техническая комиссия с целью определения единых сортов муки. Комиссия начала работать 26 июля, а 9 августа установленные ею «параметры» сортов были представлены на суд Бюро.[74]

Собравшийся 10—11 августа съезд мукомолов окончательно определил сорта муки для территории всей России, норайонные нормы выхода для каждого сорта и единую стоимость помола (64 коп. за пуд пшеницы, 34 коп. за пуд ржи). Решения съезда, продиктованные, разумеется, представителями мукомольной промышленности, были одобрены Особым совещанием по продовольственному делу.

Вслед за тем Центральное бюро предложило назначить комиссионное вознаграждение мукомолам «за участие трудом и капиталом в правительственных закупках зерна» (не свыше 1 коп. за пуд) и распространить регулирование производства на все мельницы, вырабатывавшие сортовую муку.[75]

---

[73] Состав Центрального бюро по мукомолью. — Там же, л. 1 и об.

[74] Доклад Центрального бюро по мукомолью о его деятельности. — Там же, л. 3—7.

[75] Журнал Центрального бюро по мукомолью, 12—13 сентября 1916 г. — Там же, л. 21—22.

Окрыленные успехом, утвердившиеся в мукомолье представители крупного капитала стремились ограничить крестьянство в свободе торговых операций. Первый удар был обрушен на владельцев мелких мукомолен с мизерными оборотами. Об этом свидетельствует докладная записка союза крупных предпринимателей — бюро мукомолов Екатеринославской губернии, направленная в октябре 1916 г. в Совет съездов представителей промышленности и торговли. В ней содержалось ходатайство, непосредственно затрагивавшее интересы мелких собственников, а именно — требование ограничить вывоз крестьянского помола за пределы губернии путем установления твердых цен на крестьянскую муку — сеянку. Параллельно выдвигалось ходатайство о присылке недостающего количества сырья из соседних Херсонской и Харьковской губерний. Оправданием служили ссылки на низкую урожайность в губернии, отличавшейся значительной производительностью мельничного производства (81 млн. пуд. в год).[76] В поисках прибыли мукомолы оказывались поразительно изобретательными. Льготы и ссуды, закупки зерна по твердым ценам, тарифные отступления — все эти правительственные поощрения еще как-то вписывались в общий комплекс мероприятий по урегулированию экономики, так как преследовали цель обеспечить продуктами армию и население. Однако трудно себе представить, какая цель, если не защита интересов монополистов, стояла перед властями, попустительствовавшими аппетитам мукомолов в их прямом наступлении на потребителя. Сызранский корреспондент газеты «Волжский день» сообщал об удовлетворенном домогательстве местных мукомолов о сокращении продажи муки населению из городских лавок по сниженным ценам. Репортер свидетельствовал, что в результате введения заборных книжек на муку число покупателей сократилось чуть ли не вдвое. Горожане вынуждены были обратиться к свободному рынку, где безраздельно господствовал капитал.[77]

При всей благоприятно сложившейся конъюнктуре мукомолов не покидала мысль об упущенной возможности создания региональных объединений на базе местных регулирующих организаций. В октябре Совет съездов

---

[76] ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 388, л. 10—14.
[77] Обзор состояния транспорта и рынков, вып. X, с. 11—12.

представителей промышленности и торговли вновь вернулся к вопросу об организации сети уполномоченных по мукомолью. Идея создания «специального закупочного аппарата» была выражена в докладной записке В. Г. Громана[78] и принадлежала, по всей видимости, кругам буржуазии, объединенной всероссийскими Земским и Городским союзами. По оценке В. Я. Лаверычева, учредив 10 октября 1916 г. Мукомольную комиссию при Главноуполномоченном по закупке хлеба, правительство сделало шаг навстречу требованиям предпринимательской буржуазии.[79]

Приход министра земледелия А. А. Риттиха в Центральное бюро по мукомолью, сопровождаемый усилением представительства бюрократии, ослабил в нем буржуазное влияние. В этот же период наметилось резкое падение мукомольного производства. Министерство финансов отмечало полную бездеятельность на хлебном рынке, вызвавшую «сокращение, а местами даже приостановку работы мельниц... недостаток муки и хлеба не только в крупных городах и промышленных районах, но и в таких хлебородных губерниях, как южные, заволжские и др., являвшиеся всегда житницей России».[80] Снизили производство мельницы Оренбурга, Ростова-на-Дону, Самары, Екатеринослава, остановились мукомольные предприятия в Екатеринодаре. В декабре 1916 г. по сравнению с ноябрем того же года перемол зерна в целом по стране сократился на 16.4 %.[81] Почти все мукомольные районы были охвачены процессом «затухания» производства. В отдельных местностях наблюдалось резкое падение перемола — до половины ноябрьского уровня.

Крупный капитал вышел из войны обогащенным. И в первую очередь это касалось хлеботорговцев, мукомолов, банковских воротил, наживавшихся на дороговизне, использовавших меры государственного регулирования для получения высоких военных дивидендов. За один только год, спекулируя на повышении цен, владе-

---

[78] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 34—35. — В. Г. Громан — представитель Союза городов, меньшевик.

[79] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 125.

[80] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1967, ч. III, док. № 64, с. 137.

[81] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 495.

лец крупных паровых мельниц в Ростове-на-Дону Паромонов получил несколько миллионов чистой прибыли.[82] Огромные суммы, вырученные от комиссионной перепродажи хлеба, поступали в распоряжение коммерческих банков. По сведениям Департамента полиции, в начале 1916 г. под контролем банков сосредоточились громадные запасы муки.

Наряду с разорением владельцев мелких мукомолен и поглощением их крупными фирмами военные годы характеризовались усиленным акционерным учредительством в области мучного производства. Если в 1914 г., по официальным данным, было основано лишь одно мукомольное заведение — «Алтайская фабрично-промышленная компания», то в 1915 г. стали действовать уже пять акционерных обществ по производству муки: Акционерное общество московских вальцовых мельниц, Старо-Оскольское мукомольное товарищество, фирма «Богословский В. В.» в Саратовской губернии, кавказское акционерное общество мукомольных и рисоочистительных мельниц «Ага-Бала-Гулиев» и Приазовское акционерное общество мукомольного и макаронного производств.[83] Акционирование мукомольных предприятий развивалось и в последующие годы, что соответствовало и направлению, и темпам акционерного учредительства в период войны. Известно, что после спада акционерного предпринимательства в начале военных действий (1914—первая половина 1915 г.) наметился значительный его подъем.[84] Акционерное учредительство захватило все ведущие отрасли национальной экономики, но особенно те, которые были связаны с оборонными задачами, со снабжением армии. Мукомольная промышленность оказалась, естественно, в числе важнейших из них. В поисках прибыли крупный национальный капитал стремился к комбинированному производству, к объединению предприятий, не связанных друг с другом в производственной области. Подобные комбинации преследовали цель облегчить снабжение мельниц, создавали для мукомольных предприятий необходимые сырьевую и энергетическую базы,

---

[82] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. — Ист. зап., 1950, т. 31, с. 53.

[83] Акционерно-паевые предприятия в России. 1917 г. Пг., 1917.

[84] *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 312.

что в условиях экономического кризиса приобретало немаловажное значение.

Одновременно на периферии складывались монополистические союзы мукомолов, установившие деловой контакт с центральными регулирующими органами. Уже упоминалось о весьма представительном бюро екатеринославских мукомолов, развившем энергичную деятельность. Бюро мукомолов Харьковской губернии приняло на себя заготовительные и распорядительные функции. В Вятском крае аналогичные обязанности осуществляли отделения уральских торговых фирм. Попытки монополизации мукомольного производства и в ряде других торгово-промышленных центров находили поддержку также в среде царской бюрократии. Член Государственного совета Н. П. Савицкий откровенно заявил: «...лишь договор между самими мукомолами о сбыте всей выработки по твердым ценам» способен обеспечить поступление муки на рынок.[85]

Таким образом, локальные монополистические объединения по существу являлись периферийными регулирующими органами, принявшими на себя функции государственных учреждений. С одной стороны, мукомолы использовали государственный аппарат для обеспечения за собой решающей роли в заготовках и снабжении населения. С другой стороны, усилия бюрократии, направленные на развитие исключительно государственной инициативы, были обречены на неудачу. Под влиянием углубившегося продовольственного кризиса правительство вынуждено было пойти на сотрудничество с торгово-промышленными кругами и частично передать представителям буржуазии прерогативы государственных регулирующих органов.

Политика твердых цен

31 августа 1915 г., открывая учредительное заседание Особого совещания по продовольственному делу, А. В. Кривошеин произнес: «Важнейшая цель нашей работы — обеспечение своевременной заготовки и доставки продовольствия и фуража для армии». Поскольку приобретение 300—400 млн. пуд. «затруднений не представит.. вполне устраняется всякая мысль о закупке хлеба по понижен-

[85] Деятельность Особого совещания..., с. 83.

ным ценам и о каком-либо ущербе сельскому хозяйству». В качестве «второй общей задачи Совещания» он назвал содействие устранению чрезмерной дороговизны продуктов питания.[86] Приветственная речь Кривошеина оказалась по сути дела программной. Две тенденции боролись в политике твердых цен Особого совещания: с одной стороны, стремление сохранить высокий уровень цен в угоду крупным производителям, с другой — не допустить чрезмерного их взлета во избежание разорения потребителей и народных волнений.

Регулирование цен внутреннего рынка являлось процессом сложным, охватывающим различные стороны и производства, и потребления хлеба. Важно было не только определить уровень цен для казенных закупок, но и суметь подчинить ему свободные рыночные отношения. Этого удалось достичь в период реформ 90-х гг. XIX в., когда Министерство финансов встало на путь материальной заинтересованности контрагентов.[87] В условиях войны, в период резко взвинченных хлебных цен, злостной спекуляции и саботажа прежний способ регулирования рыночных отношений представлялся абсолютно неприемлемым. Более вероятным казался путь деклараций и насилия. Однако царское правительство и на этот раз встало на защиту интересов латифундистов. Повышение закупочных цен являлось прямой уступкой помещичьему землевладению. Насколько вынужденной была эта уступка, показал дальнейший ход событий.

До перехода к политике твердых цен представители продовольственных органов прибегали к фиксации рыночных цен, установившихся на местах к моменту закупки хлеба. Таксировка цен входила первоначально в компетенцию городских управ и губернаторов, курировалась Министерством земледелия и мыслилась как одно из государственных экономических мероприятий в борьбе со спекуляцией и дороговизной. 31 июля 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков предложил губернаторам «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту при-

---

[86] ЦГИА СССР, ф. 457, оп .1, д. 7, л. 74, 77.

[87] *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 201—221.

надлежащей им власти для борьбы со спекуляцией».[88] Поскольку определение такс исходило из уровня действительных, т. е. резко завышенных цен, таксировка как бы юридически подтверждала их правомерность. К тому же отсутствовала согласованность в регулировании розничных и оптовых цен. Отсюда неудовлетворение потребительских слоев населения и многочисленные требования пересмотра такс на основе себестоимости продукта с учетом нормальной прибыли. Подобная правительственная «регистрация» цен приводила нередко к еще большим капризам рынка. Спекулятивный элемент стремился к отчуждению товара на свободных рынках (таксировка вводилась избирательно) или в местах высоких такс. Для обеспечения постоянства цен заготовители искусственно ограничивали передвижение продукта в той или иной губернии, т. е. регулировали ввоз или вывоз. Одним словом, имели место временные, эпизодические меры воздействия на уровень цен локальных рынков, не согласованные по районам, произвольные и малоэффективные по своим результатам. Положение Совета министров 19 мая 1915 г. утвердило право назначения предельных цен на сельскохозяйственные продукты за министром торговли и промышленности, руководившим продовольственным делом в стране. Это был важный шаг на пути к концентрации регулирующих функций в одних руках.

Особое совещание по продовольственному делу законом 17 августа 1915 г. установило твердые цены на хлеб, общеобязательные исключительно для правительственных закупок. За основу их уровня были приняты средние рыночные цены с известной надбавкой. Последняя символизировала определенную компенсацию за принудительный порядок продажи хлебных продуктов и вызывалась отчасти стремлением привлечь продавцов к «добровольному», так сказать, отчуждению хлеба. Во всяком случае этот мотив постоянно звучал в качестве оправдания правительственных мер. Надбавка назначалась и с расчетом на весеннее повышение спроса. Таким образом, и здесь господствовал способ материальной заинтересованности помещиков, свидетельствуя о традиционности курса правительственной политики.

---

[88] *Рубой Я.* Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925, с. 58—59.

Положение об Особом совещании по продовольственному делу не предусмотрело право председателя устанавливать твердые цены повсеместно, но предоставило ему право отмены цен, назначенных местными государственными учреждениями. 26 октября 1915 г. Кривошеин внес в Совет министров предложение о дополнении к закону 17 августа 1915 г.: передать председателю регулирующие функции в области продовольственных цен в пределах всей империи и санкционировать установление им уровня цен без предварительного согласования с Совещанием.[89] О расширении прав председателя позаботился и Наумов, составивший соответствующие представления в Государственную думу. Ответом явилось Положение Совета министров от 27 ноября о передаче председателю Особого совещания по продовольственному делу права повсеместно устанавливать твердые цены на продовольствие и фураж и наказывать нарушителей. Таким образом, было удовлетворено одно из требований, выдвинутых в период министерства Кривошеина.[90] Твердые цены вводились постепенно «в зависимости от успешности хода заготовок»: сначала — на овес (5 октября 1915 г.), позднее — на рожь (6 декабря), пшеницу (3 января 1916 г.), муку, ячмень (6 февраля). Районы действия твердых цен расширялись в определенной последовательности.[91] Новый номинал цен сохранился на протяжении всей хлебной кампании вплоть до нового урожая.

Исходя из решения высшего органа о введении твердых цен, уполномоченные Особого совещания определяли их возможные варианты для каждого района. Карательной мерой в случае нарушения указа являлась реквизиция зерна, сопровождавшаяся понижением закупочных цен на 15 %.[92] Первоначально реквизиция применялась изредка, с большой осторожностью. Помещики и хлеботорговцы само существование столь тяжелой репрессивной меры считали для себя унизительным.

Опасаясь чрезмерной ретивости уполномоченных, хотя оснований к тому, как увидим, не имелось вовсе, правительство в сентябре 1916 г. направило в адрес местных

---

[89] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 1 и об.
[90] Там же, л. 40—41.
[91] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 64, с. 137.
[92] Там же, док. № 76, с. 166.

представительных организаций специальную телеграмму, напоминавшую правила проведения реквизиций и разъяснявшую мотивы ее применения.[93] Но и без того в положении обиженных оставались прежде всего мелкие собственники. По свидетельству современника, «реквизировали то, что всего менее нужно было реквизировать, то, что... попадалось на глаза. Между тем те запасы, которые были умело скрыты и принадлежали более сильным кругам, по-видимому, никакой реквизиции не подвергались... В нашей печати не было слышно до сих пор, чтобы были реквизированы запасы зерна, которые были сданы многими банками и их агентами и крупными торговцами, прибегавшими к сокрытию своих запасов путем раздачи их во вторые руки».[94] С ухудшением продовольственного положения в стране реквизиция завоевывала новых сторонников жесткого курса, приобретала отчетливую классовую окраску, становилась буквально бичом крестьянских хозяйств.

Осенью 1915 г. министр земледелия А. Н. Наумов начал постепенно вводить твердые цены на зерно. Возмущению помещиков не было границ. Протестовали торговцы, разного рода коммерсанты, спекулировавшие хлебом, отдельные слои городской буржуазии. Воинствующие аграрии выдвинули требование повышения хлебных цен, аргументируя его изменениями условий производства — дефицитом и дороговизной рабочих рук, повышением стоимости земли, промышленной продукции и т. д. То, что твердые цены влияли на цены внутреннего рынка и сокращали поле деятельности свободной торговли, нельзя было опровергнуть, но сами они основывались на реальном уровне рыночных хлебных цен, тенденция роста которых опережала динамику цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Это и дало основание министру земледелия наряду с установлением умеренного уровня твердых цен предпринять защитные меры борьбы с их нарушением.

В большинстве случаев цены на рожь и пшеницу были установлены «в высшем размере» по сравнению с рыночными, о чем свидетельствовалось в «Обзоре» Союза городов.[95] Этот факт подтверждается сведениями

[93] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 482.
[94] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России..., с. 62.
[95] Обзор состояния транспорта и рынков... Пг., 1916, вып. V, с. 14.

периодической печати. Для 9 крупнейших рынков соотношение рыночных (1) и твердых (2) цен на рожь в ноябре (XI) и декабре (XII) 1915 г. выражалось в следующей пропорции (в коп. за пуд):

	Челябинск		Одесса		Саратов		Кременчуг	
	1	2	1	2	1	2	1	2
XI	75	—	103	—	105	—	106	—
XII	86	105	115	115	111	120	109	115

Продолжение

	Симбирск		Самара		Киев		Елец		Рыбинск	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
XI	110	—	111	—	126	—	127	—	170	—
XII	118	120	119	120	132	115	129	120	171	150

Итак, на 6 рынках предельные цены, установленные в начале декабря, оказались выше ноябрьских и содействовали дальнейшему росту «вольных цен». Аналогичную картину рисуют данные (в коп. за пуд) за декабрь (XII) и январь (I) в отношении пшеницы (сорта — русская, гирка): [96]

	Челябинск		Оренбург		Одесса		Ростов-на-Дону		Самара		Саратов	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
XII	123	—	137	—	145	—	149	—	166	—	159	—
I	135	140/150	154	160/165	144	140	152	150	177	175	165	175

Твердые цены на 3 рынках превосходили уровень свободных цен.

Влияние фиксированных цен на структуру рынка не было однозначным. В большинстве местностей ввиду завышенного уровня они повлекли за собой повышение цен и первоначально даже оживление торговых операций. В ряде районов предельные цены развивали противоположную тенденцию, сдерживая рост цен свободного рынка. Но повсеместно они вызывали настороженность покупателей, особенно мукомолов, самим фактом своего существования и возможностью реквизиций. Резко участились отказы от запродаж зерна на определенный срок. Корреспонденты центральных газет сообщали с мест о «малодеятельном настроении» или «полнейшем затишье» на рынках, «крайней ограниченности подвоза

[96] Там же, с. 14—15.

зерна», «сдержанности производителей», «воздержания от реализации запасов» и т. п. «Закончился зимний хлеботорговый сезон..., — писали из Ельца, — но хлеба много еще в глубине уездов... На все сорта небывалые цены, но крестьяне сдержанно продавали хлеб в течение осени и зимы, ибо денежной нужды теперь нет».[97]

Сообщения с мест о «сдержанности» хлебодержателей, спекулятивных сделках, совершавшихся повсеместно, об откровенном противодействии правительственным мерам заставили Особое совещание обратиться, наконец, к анализу рыночной конъюнктуры.

Впервые с начала войны вопрос о борьбе со спекуляцией был включен в повестку дня законодательного органа. 1 июня 1916 г. Особое совещание вынесло решение просить министра земледелия Наумова внести в Совет министров представление «о крайней необходимости общей для всего правительства борьбы с возрастающей спекуляцией путем принятия решительных мер против... спекулятивной деятельности некоторых банков, синдикатов и торговцев».[98] Почти одновременно в Совет министров был внесен министром юстиции законопроект об ответственности за искусственное повышение цен на предметы первой необходимости.

Продовольственная политика Наумова, лишь слегка затронувшая интересы земельных собственников и определенных кругов предпринимательской буржуазии, вызвала резкие протесты с их стороны, придала их требованиям решительность, порою даже дерзость.

Ярким примером тому оказались постановления упомянутого уже Совещания представителей биржевых комитетов Волжско-Камского района в Рыбинске в феврале 1916 г. Обсуждение правительственных мероприятий в области нормировки хлебных цен и их влияния на положение местных рынков позволило биржевикам утверждать, что «с введением обязательной продажи по нормированным ценам... торговля оказалась парализованной». Корень зла они видели в несоответствии фиксированных цен реальным, в превышении прав уполномоченными, в непонимании ими своих задач — «не бороться и соревновать с частной здоровой и честной торговлей, но помогать

---

[97] Торгово-промышленная газета, 1916, 22 марта.
[98] Речь, 1916, 3 июня.

ей».[99] Выступив в едином порыве против установления твердых цен, т. е. против основного направления правительственной политики в области хлебной торговли, представители волжского делового мира позволили себе замахнуться и на авторитет власти. Они предложили ограничить функции уполномоченных Особого совещания, оставив в их компетенции лишь верховное руководство закупочными операциями, но не исполнительную власть. Приняв позу обиженных («такое отношение к торговому классу, не говоря уже о вреде его для дела продовольствия страны, торговый класс считает для себя оскорбительным, несправедливым и незаслуженным...»), биржевики тем не менее вынуждены были признать наличие и спекуляции, и саботажа («...возможность таких отрицательных явлений, как задержка товара на складах и злостная спекуляция, в торговой жизни теперешнего времени отрицаема быть не может»). Но тут же они попытались оправдаться случайностью этих явлений: («...занимаются спекуляцией люди, чуждые торговли, пришельцы, а если случаются не пришельцы, то борьба с злостной спекуляцией все же не может быть обращаема в борьбу со всем торговым классом»).[100]

По сути дела все усилия волжских коммерсантов сводились к тому, чтобы доказать необходимость немедленного и коренного пересмотра правительственной политики цен. «Необходимо теперь же отменить нормировку цен», — писали они. С этой целью положение приволжских и камских хлебных рынков обрисовывалось в нарочито мрачных тонах. Отмечалось, что установленная Особым совещанием фиксация цен по губерниям на основные хлеба и муку, неверная в своей основе и недостаточно дифференцированная, угнетает частное предпринимательство. Политика твердых цен привела к сокращению поступления хлеба на рынки Волжско-Камского района, ослаблению деятельности хлеботорговых фирм в период заготовительной кампании 1915/16 г. и т. п. С демагогической, спекулятивной целью особый акцент делался на недовольстве «крестьянина-хлебороба», который «решительно и категорически и, надо прибавить, совершенно основательно и справедливо отказывается везти свой

---

[99] О положении хлеботоргового дела..., с. 2.
[100] Там же, с. 3.

хлеб на рынок по фиксированной цене».[101] По сути дела здесь интересы крупного торгового капитала отождествлялись с интересами кулака. Союзников, разделявших подобные взгляды, биржевики видели в имущих классах, помещиках, кулаках, торговцах. К противникам отмены фиксированных цен они причисляли Министерство земледелия и его уполномоченных, «служащее сословие» и, что особенно показательно, рабочих. Интересы беднейшего крестьянства, в массе своей являвшегося постоянным покупателем хлебных продуктов, как и следовало ожидать, игнорировались вовсе. Таким образом, классовая подоплека требования биржевиков об отмене системы твердых цен не вызывала сомнений.

Претензии волжских биржевиков были далеко не безобидны. Они имели весьма неприятные для правительства практические последствия. Откровенное неудовлетворение политикой твердых цен, проявленное представителями помещичьих кругов и сельской буржуазии, вылилось в открытое выступление в защиту классовых интересов. «Саратовский листок» сообщал, что в Новоузенском районе губернии гибнут яровые, скашиваются на корм озимые хлеба, наконец, пустуют земли отчасти по причине дороговизны рабочих рук, но также вследствие «убежденности» сельских хозяев в убыточности сева в условиях правительственного курса цен.[102] Характерный путь — от просьб и требований к прямому саботажу.

Ссылаясь на сообщение газеты «Волжский день» от 19 июля 1916 г., Статистико-экономическое бюро Союза городов извещало о послании комитета Покровской хлебной биржи министрам торговли и земледелия по поводу необходимости прекращения на бирже правительственных хлебных закупок. Уклоняясь от продажи хлеба по твердым ценам, биржевики избегали и обнародования запасов. Когда уполномоченный Особого совещания К. Н. Гримм предложил комитету Покровской биржи дать сведения о наличии зерна у землевладельцев, последний ответил отказом. Ограждая представителей крупного капитала от попыток государственного контроля, комитет предложил уполномоченному действовать «на местах» через волостные правления, осведомленные о состоянии хлебных «излишков» у крестьян.[103]

[101] Там же, с. 4—5, 8, 10, 12—13.
[102] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 9—10.
[103] Там же, с. 10.

Предпринимаемые Особым совещанием меры борьбы со спекуляцией и прочими правонарушениями приносили малозаметные успехи. Но и они вызывали раздражение аграриев и представителей коммерческого мира. Шумная кампания, поднятая вокруг имени министра земледелия, заставила его подать в отставку. Современники признавали, что министерство Наумова пало жертвой политики умеренных твердых цен.[104] Этот факт послужил характерным примером бессилия правительства в столкновении с интересами крупных аграриев.

В связи с наступлением очередной хлебозаготовительной кампании возникла необходимость определить новый курс твердых цен на зерно и муку. Вопрос чрезвычайной важности, в решении которого предстояло столкнуться экономическим интересам борющихся сторон, получил большой политический резонанс. И аграрии, и круги либеральной буржуазии заранее готовились к жаркому спору.

В мае 1916 г. для выяснения обстановки на местах уполномоченными Особого совещания были созваны местные продовольственные совещания. Собранные материалы поступали в Управление Особого совещания, где в совокупности с данными анкет о динамике рыночных и биржевых цен и цен на рабочую силу легли в основу проекта твердых цен на хлебные продукты.

Пока в государственных инстанциях шли дебаты и вырабатывались принципы нового уровня цен, в губерниях происходили земские собрания, совещания землевладельцев, переговоры мукомолов. 11 мая состоялось чрезвычайное земское собрание в Бессарабской губернии, на котором были одобрены решения созванного незадолго до того совещания местных общественных деятелей. Один из выводов касался несоответствия твердых цен, установленных в 1915 г., издержкам производства и несостоятельности самой системы, ведущей к упадку сельского хозяйства. Принятые совещанием расчеты себестоимости основных хлебов были представлены в Земский отдел Министерства внутренних дел с соответствующими ходатайствами.[105] Ряд земств, признавая неспособность пре-

[104] См.: *Добротвор М. П.* Продовольственная политика. — В кн.: Исторический сборник. Горький, 1939, с. 64. (Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького; Т. III).

[105] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 66, с. 142—146.

дельных ставок «служить при данной хозяйственной конъюнктуре противовесом ненормальному соотношению между спросом и предложением», также выступил против государственного курса цен.[106] В июне состоялось собрание Омского биржевого комитета, на котором были рассмотрены условия торговли продуктами на территории Западной Сибири. Видя свое призвание в регулировании и направлении промышленности и торговли «по надлежащему руслу», биржевики заявляли, что «не могут молчать, когда в самую толщу дорогого им дела проникают болезненные процессы, грозящие не только испортить, но даже на долгое время искалечить вполне жизнеспособный здоровый организм».[107]

22—23 августа состоялось совещание уполномоченных по закупкам и председателей губернских земских управ, подытоживших требования «местных общественных сил».[108] В июле—августе прошла полоса съездов землевладельцев, выдвинувших фактически встречную платформу.

Провозглашенные совещаниями «производителей» требования, несмотря на различия акцентов, можно было бы свести к нескольким общим положениям: 1) повысить уровень твердых цен, изменив сам принцип их назначения; привлечь к определению цен и реквизиции «представителей общественных организаций — биржевых комитетов, кооперативов, сельскохозяйственных обществ, городских управлений... с правом решающего голоса»; 2) установить твердые цены на промышленные товары, приведя их в соответствие с ценами на сельскохозяйственные продукты; 3) «перенести борьбу с дороговизной из плоскости преследования личностей в плоскость борьбы с условиями, ее порождающими»;[109] 4) предоставить кредиты сельскому хозяйству; 5) оказывать сельскому населению агрономическую помощь и обеспечивать хозяйства рабочей силой.

В августе Управление делами Особого совещания внесло разъяснение в порядок определения твердых цен на муку для мукомолов различных категорий. Для вла-

---

[106] Торгово-промышленная газета, 1916, 2 июля; Обзор состояния транспорта и рынков, вып. X, с. 24.

[107] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 62, с. 124.

[108] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 124 об.

[109] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 62, с. 129.

дельцев мельниц, закупавших зерно самостоятельно или с помощью своего торгового аппарата, но по поручению правительственных организаций, уровень твердых цен должен был включать плату за зерно, помол, а также «некоторый излишек... как комиссионное вознаграждение». Мукомолам, получавшим зерно из государственного запаса, оплата производилась только за помол.[110] 19 сентября постановление министра земледелия установило обязательную сортификацию муки и определило уровень твердых цен для казенных, общественных и частных закупок в производящих муку районах.[111] Это была мало удавшаяся попытка унифицировать систему цен в искусственно очерченном ареале, ибо потребительские районы в не меньшей, если не в большей степени нуждались в регулировании рыночной конъюнктуры. Управление делами Особого совещания отмечало, что «двойственность цен на муку... вносит расстройство во всю систему регулировки цен, основанную на разрешительном порядке перевозок и на таксах, построенных на твердых ценах», что «двойственность цен... является большим злом и устранение ее путем фактического распространения твердых цен на все сделки на муку является необходимым условием правильной организации снабжения армии и населения».[112]

Но даже эти полумеры правительства, объективно удовлетворявшие интересы помещиков — сторонников регулируемых цен на муку, — вызвали сопротивление владельцев мельниц и крупных торговцев, стремившихся к полной свободе действий в определении рыночных цен.

Прибегая к крайним мерам, одной из которых и являлся саботаж, мукомолы сумели добиться от правительства кое-каких уступок. В частности, объединившись для выдвижения требований, представители мукомольной промышленности 26 губерний вынудили правительство пересмотреть закупочные цены на ржаную муку в сторону повышения. 29 августа Центральное бюро по мукомолью предложило повысить уровень твердых цен на отдельные сорта ржаной муки на 25 коп. за пуд и определило плату

---

[110] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 8 и об.

[111] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 77—78.

[112] Деятельность Особого совещания..., с. 76.

за помол казенной ржи в размере 20 коп. за пуд.[113] Бюро передало Особому совещанию свои соображения относительно распространения твердых цен на некоторые частные сделки. К аналогичному шагу прибегли мукомолы 29 губерний, добившись увеличения расценок на сорта пшеничной муки. Эта частная мера, удовлетворив сравнительно небольшую группу мукомолов, лишь внесла дополнительную дезорганизацию в систему рыночных цен, не говоря уже об отрицательном значении ее для бюджета трудовых слоев населения.

25 сентября Особое совещание обсуждало вопрос о введении твердых цен на пшеничную муку в ряде южных районов. Вопрос вызвал оживленные дебаты. Противники твердых цен аргументировали свою негативную позицию несвоевременностью меры, наносящей урон сельскому хозяйству.

С критикой правительственной регулирующей деятельности в области цен выступал Союз городов, защищавший интересы промышленной буржуазии Центра. В его материалах постоянно встречаются реплики о несостоятельности твердых цен. «Представители хлебной торговли и мукомолья отнюдь не приготовлены считаться, по-видимому, с интересами большинства населения, отстаивая свои групповые интересы, — заметил автор одного из хозяйственных обзоров. — Тактика их делает твердые цены экономически недействительными, поскольку они отстают от рыночных и явно стимулируют повышение их... Таковы главные симптомы переживаемой экономической неурядицы. Мероприятия по борьбе с ней не носят, однако, систематического и планомерного характера».[114] Об этом же напоминал председатель Союза городов В. Г. Громан в записке в Центральное бюро по мукомолью. «Половинчатость» в политике твердых цен привела к их полному параличу, заметил Громан. Не уровень твердых цен, а частный спрос и предложение определяли конъюнктуру свободного рынка, где действовали фактически три цены — твердая, для местного сбыта и для вывоза, приносившая «огромные барыши» мукомолам. Ряд крупнейших хлебных рынков — в Рыбинске, Ельце — вовсе не испытывал фиксации цен. Отсюда следовал вы-

---

[113] Журнал Центрального бюро по мукомолью от 29 августа 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 19.

[114] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 14.

вод: «Только превращением твердых цен в общеобязательные для всех решительно продаж и покупок будет сделан первый шаг в деле урегулирования снабжения страны мукой... Только полной организацией распределения продукта, необходимой составной частью которого является разрешительная система перевозок, можно обеспечить действительное получение потребителями продукта по твердым ценам».[115] В сопроводительном к докладу письме заместитель председателя Союза городов Н. М. Ясный[116] повторил мысль своего патрона, что лишь полным регулированием производства и распределения зерна и муки можно бороться «с нарастающей в геометрической прогрессии дороговизной». Н. М. Ясный призвал правительство «использовать аппарат частной торговли, его специальные знания и средства».[117]

Записка Громана по содержанию перекликалась с другим документом, исходящим от его имени, — резолюцией Экономического отдела Союза городов. В ней говорилось, что прекращение свободной торговли, «руководимой началами частного интереса», требует использования технических знаний, навыков, опыта и капиталов частной торговли «на началах торговой комиссии». Следовательно, частный капитал должен быть привлечен «к активному участию в закупочно-распределительных операциях». Министерству земледелия предлагалось дать дополнительные льготы предпринимателям по заготовке и переработке хлебных продуктов. В качестве незамедлительных правительственных мер Союз городов призывал установить разрешительную систему перевозок, регистрировать запасы зерна в пунктах скопления, создать сеть комитетов мукомолов на местах.[118]

Дальнейшее развитие событий показало, что вопрос об уровне твердых цен оказался вплетенным в клубок острейших социальных противоречий. На местных совещаниях землевладельцы и торговцы навязывали правительству чрезвычайный уровень предельных цен на основные хлеба — от 36 до 72 %.[119] Они были заранее уверены,

[115] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 34 об.—35.

[116] Н. М. Ясный входил в состав Комиссии по зерновым фуражам Особого совещания по продовольственному делу.

[117] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 32—33.

[118] Там же, д. 7, л. 124 об.

[119] *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика буржуазии и царизма в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Вестн. МГУ, 1956, № 1, с. 158.

что даже ожидание этих цен создаст атмосферу ажиотажа на свободном рынке. В защиту умеренного уровня твердых цен по-прежнему выступала либеральная буржуазия. Кадетская «Речь», подвергнув резкой критике программу аграриев, требовала отказа от свободной торговли и создания общего плана продовольственного снабжения населения. В унисон с кадетами выступили «Биржевые ведомости», «Утро России», Центральный военно-промышленный комитет, Всероссийский союз городов.[120] В одном из обзоров, составленных в Экономическом отделе Союза городов, говорилось: «Высоких цен на хлеб... требуют крупные землевладельцы и за них же голосуют крестьяне-гласные... К крупным землевладельцам присоединяются и представители коммерческих операций с хлебом, и посредники, стоящие между крестьянами-земледельцами и потребителями... Против них восстают горожане всех рангов, за исключением той лишь категории их, которая стоит близко к хлебным операциям... Ясно, таким образом, что высокие цены на хлеб чрезвычайно выгодны для одной группы населения, хотя они и грозят бедствием огромной части городского населения и малоземельному и безземельному крестьянству».[121]

Проект твердых цен на 1916—1917 гг. Управление Особого совещания подготовило по поручению съезда уполномоченных, состоявшегося в Петрограде 25—30 августа 1916 г. Предварительно были приняты необходимые меры к обеспечению нужного помещикам состава съезда, определившего принципы так называемого «уравнительного распределения» (назначение твердых цен на все продукты массового потребления, обязательность предельных цен для правительственных и частных сделок с учетом накладных расходов и коммерческой прибыли).[122] Представленный специальной комиссией доклад о твердых ценах отразил сложную закулисную борьбу аграриев и городской буржуазии, что в известной мере выражало противоречия между производителями и потребителями хлеба. Но только в известной мере. Опасаясь политических осложнений в стране и прежде всего рабочих волнений в столицах, буржуазные представительные организа-

---

[120] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 224—225.

[121] Обзор состояния транспорта и рынков... Пг., 1916, вып. XI, с. 34.

[122] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 18—20.

ции в лице Союза городов и Центрального военно-промышленного комитета выступали противниками удовлетворения чрезмерных требований аграриев.

Параллельно со съездом уполномоченных проходили совещание Комиссии по выработке твердых цен совместно с Центральным бюро по мукомолью (27 августа) и совещание под председательством члена Государственной думы, представителя мукомолов А. С. Салазкина (25—27 августа). Первое рассмотрело вопрос о предельных ценах на сортовую муку, второе — о разверстке между уполномоченными закупок хлебных продуктов в 1916—1917 гг.[123] Таким образом, правительство никак нельзя было упрекнуть в отсутствии гласности решений. И на съезде уполномоченных, и в работе комиссий, и в заседаниях Особого совещания по продовольственному делу (31 августа—3 сентября) разногласия вылились в открытое столкновение интересов двух социальных групп по вопросу об уровне твердых цен. Суть разногласий отчетливо проявилась в споре помещика Б. И. Каразина с представителями буржуазных организаций В. Г. Громаном и М. С. Воронковым, «особое мнение» которых звучало довольно убедительно: «Находя, что твердые цены, принятые Особым совещанием по продовольственному делу, немотивированно преувеличены, полагая, что чрезмерно высокий их уровень грозит непосредственным бедствием для 50-миллионного населения, покупающего хлеб... приходя... к заключению, что принятые твердые цены на хлеб приведут к дезорганизации тыла и тяжело отразятся на деле государственной обороны, мы подаем настоящее особое мнение...»[124]

Совещание выявило разногласия и внутри самого «прогрессивного блока». Тогда как октябрист Б. И. Каразин ратовал за повышение твердых цен, прогрессист Г. Я. Рохович убежденно требовал восстановления свободной торговли.[125] Не было единства взглядов и среди представителей министерств. Товарищ министра земледелия Г. В. Глинка внес предложение завысить верхний предел цен 20—25-процентной надбавкой. Представитель военного ведомства высказался против чрезмерного повышения твердых цен и за распространение их на част-

---

[123] Там же, с. 20—29.
[124] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России..., с. 65.
[125] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 225—226.

ные закупки. Начались долгие и упорные прения. Двойственную позицию заняли представители министерств торговли, финансов, Государственного контроля. Придерживаясь исключительно интересов фиска, они отказались от вмешательства в стихию свободного рынка. Министерство внутренних дел, а вслед за ним и Министерство земледелия, возглавляемое с июля 1916 г. крупным помещиком и сахарозаводчиком А. А. Бобринским, поддержали требования аграриев, хотя и сдались в вопросе о всеобщей обязательности твердых цен. Дискуссия затянулась, приняла острый характер. Единственно, на что рискнуло решиться Особое совещание по продовольственному делу, — это понизить твердые цены на хлеб лишь для отдельных губерний.[126] Здесь вновь сказалось преобладание в его аппарате помещичьего представительства. Это был именно тот случай, когда в силу политической обстановки в стране председатель Особого совещания по обороне вынужден был применить всю полноту власти, наложив вето на решение съезда уполномоченных. Распоряжением военного министра Д. С. Шуваева 8 сентября было созвано совместное заседание особых совещаний по обороне и продовольственному делу.

Призванное слить воедино разобщенные мнения и примирить настроения, а в сущности классовые противоречия, совместное совещание на деле оказалось неспособным «мирно» решить вопрос. Официальную точку зрения, совпадавшую и с интересами промышленных кругов, высказал военный министр — сторонник умеренных цен. Представитель Союза городов предложил сократить намеченную надбавку к цене. Противоположное мнение выразил А. А. Бобринский, отстаивая интересы помещичьего хозяйства. В унисон с ним выступил член Государственного совета А. И. Толстой, принявший позу защитника русского землевладения в целом. Здесь вновь прозвучал излюбленный мотив российских аграриев — отголосок кризисных явлений начала 1890-х гг. — тезис о единстве помещичьих и крестьянских интересов. Толстой призвал правительство вступить на путь охраны прав сельского населения, игнорируя интересы городского потребителя. В действительности же речь его свидетельствовала и о забвении интересов деревенской бедноты. Толстой явно

---

[126] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 76, с. 167.

повторялся. Те же фразы он произносил в июне, отрицая в принципе систему твердых цен как «несправедливую» по отношению к производителям и «вредную» для производства.[127] В совместном заседании оказалось и нейтральное крыло, представители которого — М. В. Родзянко, В. И. Гурко и др., бесспорные защитники помещичьих интересов, — заняли эту удобную позицию, чтобы, по всей видимости, нажить политический капитал. Одиноко прозвучало предложение А. И. Шингарева о введении хлебной монополии. Противоположность мнений нашла прямое отражение в голосовании. За снижение уровня назначенных Особым совещанием цен выступил 21 член, противников оказалось 19, воздержавшихся пятеро.[128] Постановление совместного заседания не являлось, однако, окончательным. Вопрос был передан в Совет министров, который разрешил спор новым повышением цен и признанием их обязательности для всех торговых сделок.

Уровень предельных цен
(надбавок к существующей цене, в %), установленных:[129]

съездом уполномоченных	совместным заседанием	Советом министров
на пшеницу — 15	на пшеницу — 10	на пшеницу — 10
на рожь — 20	на рожь — 10	на рожь — 10
на овес — 20	на овес — 5	на овес — 13
на ячмень — 28	на ячмень — 23	на ячмень — 23

9 сентября вышло постановление министра земледелия о твердых ценах на хлеб, получившее одобрение Сената. В местах производства твердые цены устанавливались с 1 сентября в соответствии с решением Совета министров. Они же были положены в основу уровня цен в районах потребления с учетом стоимости доставки зерна к пункту назначения (пристани) и 5 % стоимости закупки. Каждому району потребления соответствовал свой район производства. Предельные цены распространялись на все торговые сделки.[130]

---

[127] Деятельность Особого совещания..., с. 83.

[128] Там же, с. 167; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 484—485.

[129] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1916, отд. 1, ст. 1914; Экономическое положение России..., ч. III, док. № 76, с. 167.

[130] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 13—18.

Уровень твердых цен, принятый в итоге столь острой дискуссии, не мог удовлетворить ни одну из сторон. Сама идея, заложенная в фундамент многоэтажного здания регулирующей продовольственной системы, — «организовать такой закупочный аппарат, чтобы частный интерес, лежащий в основе купли-продажи, не испытав умаления своих выгод, уступил бы место общегосударственному», — предопределила компромиссное решение спора.[131] Широкое обсуждение принципиально важного вопроса о ценах было подготовлено требованиями аграриев, и сам факт этого обсуждения являлся уступкой правительства прежде всего помещичьему землевладению. Вместе с тем повышение цен не достигло уровня, которого с великим упорством и настойчивостью добивались землевладельцы. Упущенная возможность реальных солидных прибылей, обещанных аграриям съездом уполномоченных, вызвала разочарование, но в то же время сохраняла надежду на возможный пересмотр правительственной политики.

При всех уступках аграриям твердые цены, установленные Советом министров, оказались ниже вздутых такс свободного рынка. Отсюда протесты, ходатайства крупных землевладельцев о повышении их уровня, шедшие бесконечным потоком в адрес Министерства земледелия. Отсюда саботаж, нарушение сделок, утаивание зерна. Управляющий Каменец-Подольским отделением Государственного банка сообщал о сбыте местными помещиками хлеба «под шумок... по полуторным ценам против твердых».[132] Подобные сообщения шли из разных уголков земледельческой России. Вскоре, однако, «ошибка», допущенная государственной властью, была исправлена внезапно предпринятым А. А. Риттихом шагом — введением особых приплат к твердой цене (за счет стоимости доставки хлеба к пристаням и железнодорожным станциям). Твердая цена потеряла свою «твердость», появился желательный прецедент, а с ним и надежды на повышение самого уровня цен.

В итоге закупочные твердые цены 1916 г. превысили средние цены 1910—1914 гг. на рожь и овес на 52 %, на пшеницу — на 47, на ячмень — на 32 %. Сравнение осен-

---

[131] Там же, с. 2.

[132] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 92, с. 183.

них цен 1916 г. с рыночными ценами декабря 1915 г. показало, естественно, меньшую, но внушительную разницу: для пшеницы — 31 %, для ржи — 21, для ячменя — 11 %. Цены на овес испытывали резкие колебания, в ряде мест опускаясь ниже рыночных или поднимаясь выше прошлогодних (до 8 %).[133]

С законодательством о ценах непосредственно было связано постановление министра земледелия от 10 октября о порядке снабжения армии и населения продовольствием и фуражом. В нем был подтвержден статус центральных регулирующих органов, дифференцированы и несколько расширены права местных учреждений — губернских (областных), уездных, волостных продовольственных совещаний, в ряде мест районных и краевых комитетов и созываемых ими комиссий.[134] При всей подотчетности и подконтрольности местных продовольственных органов центральной власти они могли оказать весьма существенное влияние на местную экономику.

Между тем на цены свободного рынка влияли не столько твердые цены, сколько реальные, на основании которых протекали рыночные операции. Сплошь и рядом установленные правительством цены лишь теоретически служили определенным ориентиром. Таксы, назначаемые уполномоченными на местах, отличались несогласованностью и не раз подвергались корректировке Особым совещанием. Практика показала, что они почти повсеместно нарушались и, разумеется, в сторону повышения, чему способствовал и высокий уровень предельных цен. Это было свидетельством не только неудавшейся попытки государственного регулирования цен, но и довольно прочных позиций торгового капитала. Согласно сообщениям «Торгово-промышленной газеты», в отдельных местностях разрыв между твердыми ценами и «подпольными» был огромен. В Ельце даже «забракованные испорченные сорта» овса на свободном рынке продавались «на 50 % дороже против хороших кондиционных сортов».[135] Любопытные данные о ценах свободного рынка приводит Н. М. Ясный, основываясь, по-видимому, на сведениях Статистико-эко-

---

[133] Характер деятельности Особого продовольственного совещания, 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 140—141.

[134] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 4—12.

[135] Торгово-промышленная газета, 1916, 9 марта. — См. также номера газеты от 24 июня и др.

номического бюро Союза городов. По его данным, в Казанской губернии пуд ржаной муки сбывался по 3 р. 50 к. при твердой цене 2 р. 20 к. В Воронеже мука-крупчатка стоила 45—50 руб. за пуд., тогда как твердая цена составляла 15 руб. В Одессе цена овса на рынке была 3 р. 80 к.—3 р. 90 к. вместо 2 руб. по шкале такс твердых цен для Новороссийского края.[136] Безудержный взлет цен наблюдался на нерегулируемых таксами рынках. В январе крупчатка стоила в Рыбинске 3 р. 86 к. за пуд, в июне — уже 4 р. 36 к., к сентябрю цена возросла до 5 р. 60 к.[137] Таким образом, спекулятивные сделки, подрывавшие доверие к твердым ценам, наблюдались на рынках разных губерний.

П. Хворостанский, исследуя положение оренбургского хлебного рынка в 1916 г,. показал, насколько не соответствовали твердые цены конъюнктуре рынка. По его данным, в ноябре 1915 г. хлебные цены (на пшеницу) повысились на 40 % против нормы, а к январю 1916 г. — до 56.7 %. За тот же период времени вывоз хлеба понизился на 25 %, между тем урожай был достаточно высок, а спрос имел тенденцию к снижению. Следовательно, повышение цен не отражало реальной конъюнктуры рынка, а было следствием злостной спекуляции. Лица и учреждения, писал Хворостанский, давшие правительству материал для установления «крепких» цен на зерновой хлеб — 165 коп. на русскую пшеницу, — ввели его в заблуждение, так как эти цены, сокращенные Особым совещанием по продовольственному делу на 15 % против проектированных, превышают осеннюю цену (97 коп.) на 70 %, тогда как нормальное повышение не достигает и 10 %.[138]

Разумеется, высокий уровень твердых цен был лишь одной из уступок аграриям и крупным торговцам, на страже интересов которых стояли влиятельные круги, в том числе и из состава Особого совещания. Но проблема твердых цен, «тащившихся в хвосте рыночной стихии»,[139] не ограничивалась лишь их уровнем. Важным показателем неудавшейся политики цен являлся сам свободный рынок, его емкость, эволюция и те стихийные моменты,

---

[136] *Ясный Н.* Опыт регулировки снабжения хлебом. Пг., 1917, с. 148.

[137] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 77.

[138] *Хворостанский П.* Оренбургский хлебный рынок. Б. м., 1916, с. 27.

[139] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России..., с. 66.

которые определяли в конечном итоге и уровень сложившихся цен. Нарушения такс особенно тяжело отражались на экономике крестьянских хозяйств в потребительских районах. Пуд пшеничной муки в этих местностях стоил в 1916 г. 15—16 руб., т. е. в 7—8 раз превышал цены довоенного времени.[140] Землевладельцы, пользуясь конъюнктурой рынка, повышенным спросом на хлеб, уклонялись от сдачи зерна и муки по твердым ценам. Спекуляция становилась обычным явлением, неотъемлемой частью рыночной жизни. Современник отмечал: «Половинчатость в проведении системы твердых цен, введенная по настоянию частной торговли, находившей для себя затруднительным работать при системе твердых цен, приводила к результату прямо противоположному. Целые районы вовсе исключались из числа подлежащих снабжению частной торговлей и переводились на снабжение средствами и распоряжением правительства».[141] Не были искоренены ни спекуляция, ни саботаж, на свободном рынке по-прежнему выступали крупнейшие скупщики. Среди всех колебаний правительственного курса в отношении твердых цен, связанных с отступлениями и противоречивыми распоряжениями сменяющих друг друга руководителей продовольственного ведомства, отчетливо прослеживалась единая линия — защита экономических интересов крупных производителей, а не потребителей хлеба. Разумеется, помещики по достоинству оценили столь бескорыстную государственную поддержку, гарантировавшую безнаказанность и централизованное ограбление трудящихся масс.

Политика твердых цен обострила межпартийные разногласия. Попытки кадетско-октябристского блока завладеть продовольственным делом в стране вступили в противоречия с правительственными мерами, что отражало известные разногласия помещиков и буржуазии по вопросу о хлебе. На совещаниях «прогрессивного блока» прения по продовольственной проблеме особенно обострились в октябре—ноябре 1916 г.[142]

Оценивая политику твердых цен, В. И. Ленин писал: «Мы знаем, как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило.

---

[140] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 150.
[141] *Ясный Н.* Опыт регулировки..., с. 19.
[142] *Добротвор Н. М.* Продовольственная политика..., с. 62.

Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы».[143]

Особое совещание и борьба с дороговизной

Борьба с дороговизной — задача, выдвинутая А. В. Кривошеиным еще в августе 1915 г., — являлась одним из важнейших направлений правительственной политики, где скрещивались полярно противоположные интересы социальных групп, где классовая направленность законодательных инициатив отражалась, быть может, ярче, чем в других аспектах государственной регулирующей деятельности. Неразрывно связанные с политическими переменами в стране меры противодействия дороговизне выливались в исключительно сложную, многоплановую и социально острую проблему.

Попыткам укрепления монархического строя в условиях контрнаступления царизма на либеральную оппозицию была подчинена система мер борьбы с дороговизной, инициатором и проводником которой осенью 1915 г. явился министр внутренних дел А. Н. Хвостов. Уже отмечалось, что сам лозунг «борьбы с дороговизной», подхваченный Хвостовым, в его интерпретации противостоял по сути дела программе «прогрессивного блока» и преследовал цель сосредоточить всю полноту исполнительной власти в органах Министерства внутренних дел. Указывалось, что неудачи избранного Хвостовым курса, бесплодные попытки увлечь и подчинить правительственному режиму широкие слои населения все настойчивее сталкивали его на путь насилий, погромов, репрессий.[144]

Создание Хвостовым в Петрограде общества по борьбе с дороговизной, возглавляемого членом Союза Михаила-архангела Г. И. Кушнырь-Кушнаревым, должно было содействовать усилению позиций правых и их влиянию на рабочие массы посредством регулирования продовольственного снабжения. По мысли учредителя, Общество, субсидируемое правительством, располагавшее преимущественным правом внеочередного получения продовольственных грузов, имело все основания развить активную

---

[143] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 401.

[144] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 130—136.

деятельность в рабочих кварталах столицы, создав ряд потребительских лавок. Широкая сеть черносотенных продовольственных «точек» должна была служить противовесом активности городского общественного самоуправления в области снабжения населения, сковывать инициативу муниципальных продовольственных органов. Позднее Хвостов свидетельствовал: «Когда я вступил в должность, я пришел в ужас от того положения, в котором находится продовольствие... Я снимал с себя всякую ответственность за внутренний порядок, если не будет урегулировано дело продовольствия».[145] Стремясь «перейти на путь действий... стать не только на пост министра внутренних дел, но и на пост председателя Совета министров, вообще взять власть в свои руки», Хвостов придавал особое значение практике борьбы с дороговизной на пути к «умиротворению» населения (дабы «потушить самый законный бунт населения, когда нет хлеба»).[146]

Одновременно Хвостов привел в движение «низовой» периферийный аппарат, подчиненный Министерству внутренних дел. 16 января 1916 г. он телеграфировал губернаторам: «Государю императору... благоугодно было... повелеть мне обратить внимание местных властей на необходимость в настоящее время самой решительной и планомерной борьбы с возрастающим в стране недостатком переживаемого момента — взвинчиванием цен на продукты первой необходимости. В исполнение высочайшей воли поручаю... привлечь городские и земские самоуправления к этой работе, а также предложить всем чинам общей и жандармской полиции усилить в этом отношении свою наблюдательную деятельность».[147]

Вмешательство А. Н. Хвостова в прерогативы ведомства С. В. Рухлова, ревизии полицейскими отрядами крупнейших железнодорожных станций, собственная проверка министром московского товарного узла,[148] усиление на местах контрольных функций полицейских властей — все эти меры в совокупности свидетельствовали о намерении Хвостова сосредоточить в Министерстве внутренних дел важнейшие нити продовольственной политики.

Наряду и в известной мере в противовес созданному Хвостовым Обществу для борьбы с дороговизной при

[145] Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 84.
[146] Там же, с. 75.
[147] Деятельность Особого совещания..., с. 65.
[148] Падение царского режима, т. VI, с. 84.

главноуполномоченном Особого совещания по продовольственному делу действовала Комиссия о мерах борьбы с дороговизной. Разумеется, консервативный состав и прямая зависимость комиссии от председателя Особого совещания не позволяли ожидать от нее каких-либо радикальных действий. Да и сама комиссия отнюдь не задавалась целью решать широкие проблемы. В то же время представители союзов земств и городов, привлеченные к работе комиссии, составляли оппозиционное крыло, безусловно влиявшее на характер принимаемых решений. Задачи, поставленные перед комиссией председателем Особого совещания, были ограничены. В сущности работа комиссии не выходила за рамки тесно очерченного круга вопросов, безусловно важных, но далеко не самостоятельных, рассматриваемых в русле общего направления деятельности Особого совещания: уровень такс в местах потребления, состояние железнодорожных перевозок, продовольственный запас, система кредитования государственных и общественных учреждений, ведающих продовольствием.

Вопрос об уровне такс, их пропорциях на сопредельных рынках и соотношении с твердыми ценами являлся едва ли не основным, постоянно находившимся в поле зрения комиссии, он вызывал жаркие споры, подчас самые противоречивые суждения. В столкновении мнений вновь проявлялись известные противоречия между продавцами и потребителями, между заинтересованными в свободных ценах крупными земельными собственниками, деревенской буржуазией и социальными слоями, защищавшими умеренный уровень цен. С особым пристрастием вопрос о таксах рассматривался в комиссии в период разработки и введения твердых цен. Таксы, соприкасаясь территориально с твердыми ценами, по сути дела теряли самостоятельное значение, они становились производными от их уровня. Напротив, в местностях, свободных от предельных цен, в районах потребления они сохраняли самостоятельное регулирующее действие. Поскольку в 1915 г. в целом по стране твердые цены для государственных закупок устанавливались избирательно, как по наименованию продуктов, так и территориально, таксы по-прежнему требовали к себе пристального внимания регулирующих органов.[149]

---

[149] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 112—113.

20 сентября 1915 г. председатель Особого совещания направил губернаторам и градоначальникам циркуляр, предписавший представить по каждому району шкалу такс с указанием критериев их определения. Следующий циркуляр, изданный 16 октября, предусматривал дополнительные сведения об изменениях и отмене такс. Ответы с мест послужили материалом для доклада Управления делами Особого совещания «Современное положение таксировки предметов продовольствия в России и меры к ее упорядочению». Выяснилось, что в практике назначения такс царил полнейший произвол. Правительственные распоряжения предоставили городским думам разрабатывать таксы на хлеб и мясные продукты, тогда как в повседневной жизни те же функции приняли на себя явочным путем другие городские учреждения, казенные палаты, земские организации, особые комиссии. Кроме того, повсюду наблюдался разнобой в выборе предметов, подлежащих таксировке. Сами уровни такс не согласовывались ввиду различия принципов, лежащих в их основе (себестоимость, справочная цена и т. д.). Наконец, почти повсеместно наблюдалась полная бесконтрольность в соблюдении такс.[150]

В декабре 1915 г., т. е. одновременно с введением твердых цен на основные хлеба, в Комиссии по борьбе с дороговизной был заслушан доклад Управления делами Особого совещания о таксировке продуктов первой необходимости, вызвавший оживленные дебаты. Столкнулись несколько точек зрения: официальная, крайне правых аграрных кругов, представителей земств и городской буржуазии. Правительственная регламентация рыночных операций несла в себе некоторые организационные новшества, предусматривала централизацию управления таксами. Регулировка оптовых цен в районах производства, имевшая общеимперский характер, должна была осуществляться отныне Особым совещанием. Разработка местных такс предоставлялась уполномоченным председателя Особого совещания, тем самым городские думы лишались права устанавливать цены на хлеб.[151] Организа-

---

[150] Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916, с. 191, 192.

[151] Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916, вып. 6, с. 83—86 (3—6).

ции, ведающие продовольствием населения на местах (органы городского и земского самоуправления), ставились в зависимое положение от уполномоченных. В их сравнительно узкой компетенции оставались определение норм снабжения, учет запасов, отправка и распределение продовольственных грузов и т. п.

10 декабря вопрос о таксах был рассмотрен Статистической подкомиссией под председательством члена Государственного совета С. Е. Бразоля с участием представителей союзов земств и городов П. Б. Струве и В. Г. Громана. Подкомиссия высказалась против «самостоятельной изолированной таксировки», за необходимость сочетания такс с регулированием снабжения и назначением в ряде мест производства хлеба (но не повсеместно) твердых предельных цен с правом реквизиции продукта. Она выступила за создание местных продовольственных совещаний с обязательным участием в них представителей городского и земского самоуправления.[152] В материалы подкомиссии были включены «Предложения» Громана — весьма интересный документ, содержавший программу регулирующих мероприятий, затронувший обширный комплекс взаимосвязанных хозяйственных звеньев.

Во главу угла Громан ставил разрешительную систему перевозок — «главное орудие регулирования товарообмена», сопровождаемую учетом продовольственных запасов и потребностей населения. Общеимперская система такс в обязательном порядке должна была согласовываться с твердыми ценами. На местах предлагалось создать сеть «мелких продовольственных органов».[153] По сути дела Громан от имени Союза городов выдвигал идею государственной монополии на закупки и распределение основных сельскохозяйственных продуктов (подобно монополии на сахар). Если сравнить «Предложения» с более ранним документом того же происхождения — резолюцией Экономического совета Союза городов, — обнародованным, по-видимому, в октябре, нельзя не заметить, что при наличии целого ряда идентичных положений «Предложения» содержали более радикальные и категоричные требования, что косвенно свидетельствовало об усилении позиций буржуазии.

---

[152] Там же, с. 87—88 (7—8).
[153] Там же, с. 88—90 (8—10).

31 декабря тот же вопрос подвергся изучению в частном совещании членов Комиссии о мерах борьбы с дороговизной под председательством члена Государственного совета Н. Н. Покровского. Совещание признало принципиально нежелательным и «даже опасным» широкое вмешательство государства в продовольственное дело: «Разрешение продовольственного вопроса лежит, по глубокому убеждению совещания, не в направлении „огосударствления" всего продовольственного дела, а исключительно в улучшении условий транспорта».[154] Сведя всю проблему к нарушению ритма работы транспортного механизма, совещание апеллировало к правительству с просьбой об отмене системы такс как меры, закрепощающей свободную торговлю.

8 января 1916 г. при повторном обсуждении вопроса о таксах мнения комиссии вновь разделились. Большинство склонялось к принятию выводов частного совещания. Чтобы избежать дальнейших разногласий и склонить чашу весов в сторону правительственного решения, подкомиссия Бразоля была усилена «представителями большинства».

Суть разногласий между меньшинством, представленным оппозиционным крылом, и правительственным большинством заключалась в принципиально ином подходе к самому факту свободной торговли. Схема, предложенная оппозицией, покоилась на трех принципах: твердые цены в районах производства, таксы в местах потребления, разрешительная система перевозок. В совокупности подобная регламентация исключала свободную торговлю. В особом мнении членов комиссии А. Э. Мейштовича и гр. А. П. Толстого, выступавших с крайне правых позиций, это противоречие проявилось особенно четко. Выступая противниками программы меньшинства и, более того, отрицая «умеренную форму» этой программы, принятой комиссией, они отстаивали «незаменимость» свободной торговли. Создание продовольственных запасов, «плановый» подвоз и реализация продуктов по умеренным ценам — таковы, по их мнению, «достаточные» способы борьбы с дороговизной. Применение же «более строгих мер целесообразно только в исключительных случаях и в больших центрах, когда нет другого исхода».[155]

---

[154] Там же, с. 90—93 (10—13).
[155] Там же, с. 236—237.

Как видим, дискуссия по вопро́су о таксах вновь продемонстрировала непримиримость воинствующих аграриев и в то же время классовую ограниченность регулирующих мер правящей бюрократии, явное нежелание пренебречь интересами помещичьего землевладения и крупного торгового капитала. Классовая ограниченность явственно проявилась и в постановлении министра земледелия А. Н. Наумова от 12 февраля 1916 г., подведшего фактически итоги дискуссии, — «О некоторых мерах к урегулированию снабжения населения продовольствием и порядке выработки и издания такс на предметы продовольствия».[156] В справке о деятельности Особого совещания отмечалось, что таксы следовало применять при необходимости поддержания цен на «нормальном» уровне, саму же систему такс надо рассматривать «как последнее звено в ряде мер по упрочению продовольственного дела».[157]

Проблема государственного запаса непосредственно соотносилась с мерами борьбы с дороговизной, вследствие чего она рассматривалась комиссией одновременно с вопросом об уровне такс, т. е. в декабре 1915 г. Отметив, что «нормальным порядком обеспечения населения предметами первой необходимости является всемерное содействие... частной торговой инициативе», комиссия высказалась за создание запаса двух видов — государственного и местного, максимально приближенного к районам потребления.[158] Государственный запас продуктов первой необходимости, создаваемый распоряжением министра земледелия на средства государственной казны, всецело контролировался Особым совещанием. С этой целью в распоряжение уполномоченных был отпущен 15-миллионный кредит. Предполагалось, что для снабжения населения Министерству земледелия потребуется 172—175 млн. пуд. хлебных продуктов.[159] Местный запас должен был заготовляться городскими самоуправлениями и земскими учреждениями на собственные средства или за счет правительственных ссуд.[160] И, разумеется, именно здесь

---

[156] Постановление министра земледелия, 12 февраля 1916. — В кн.: Обзор деятельности Особого совещания..., с. 74 (прил.).

[157] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 241.

[158] Известия Особого совещания, 1916, № 20, 1 марта, с. 4.

[159] Совещание уполномоченных 25—31 августа 1916 г. Пг., 1916, с. 1.

[160] Известия Особого совещания, 1916, № 20, 1 марта, с. 4—5.

должна была проявиться со всей энергией «частная торговая инициатива». Правительственная помощь в виде уступки городам, земствам и кооперативам части заготовок для армии, находившихся в распоряжении Министерства земледелия, также предусматривала создание местных запасов.

В 1914—начале 1915 г. продовольственная помощь населению из государственного запаса носила характер случайных, экстраординарных мер. Городские, земские учреждения, остро нуждавшиеся в продуктах, апеллировали к главноуполномоченному, чаще к местным уполномоченным по закупкам продовольствия для армии и в прочие инстанции. Эта бессистемность вносила путаницу, затрудняла учет продовольственных нужд населения. Подчас преимущества снабжения тех или иных потребительских районов не были оправданы и никоим образом не отражали реального положения дел. Со временем правительственная помощь приняла узаконенные формы и стала более или менее постоянной.

В Петрограде 1—3 июля состоялось совещание уполномоченных «хлебармии» и представителей земских управ, наметившее план заготовок сельскохозяйственных продуктов из урожая 1915 г. К этому времени уже выяснилась необходимость централизованного государственного снабжения столиц, северных губерний и ряда промышленных районов. Согласно распоряжению А. В. Кривошеина, главноуполномоченный по закупкам хлеба для армии передал городам и земствам свыше 15 млн. пуд. хлеба.[161] Общий объем заготовок позволил выделить в пользу Красного Креста, Объединенного комитета всероссийских Земского и Городского союзов («Земгор»), самоуправлений 58.5 млн. пуд. продовольствия, преимущественно зерна и муки. Если учесть общий объем правительственных закупок (487 млн. пуд.) в сезон 1915/16 г., это была, разумеется, скромная квота.[162] В качестве комиссионеров в продовольственных операциях выступали земства, общества взаимного кредита, хлеботорговые фирмы, элеваторы, кооперативы. Агентура уполномоченных была представлена огромной армией чиновников Министерства земледелия (2299 человек). Заметно расширилось и поле деятельности государственных снабженческих органов.

---

[161] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 138.
[162] Совещание уполномоченных 25—31 августа 1916 г., с. 1.

Распоряжение Совета министров 24 июня 1916 г. возложило на Министерство земледелия обеспечение продовольствием Донбасса (годовая норма 21 млн. пуд.), Туркестанского края (8.5 млн. пуд.), Финляндии (37 млн. пуд.).[163] Но, создавая запас и сохраняя за собой известные контрольные функции, Особое совещание вновь делало оговорку, что «отнюдь не имеет целью упразднить этим или ослабить деятельность частной торговли».[164]

В конце 1915 г. Комиссии о мерах борьбы с дороговизной пришлось приложить немало усилий к решению транспортной проблемы, ставшей одной из наиболее острых. Уже весной, когда транспортные трудности начали приобретать угрожающие масштабы, представители буржуазных объединений призвали правительство принять разрешительную (внеочередную) систему железнодорожных перевозок. Однако этот метод регулирования не устраивал официальные круги, лелеявшие утопическую идею планирования грузовых потоков. Именно о возможностях планирования в ведомствах шли споры, находившие отклик и на страницах периодики. Когда же практика показала, что о плановой системе как всеобъемлющей и повсеместной речи быть не могло, Управление железных дорог прибегло к установлению новых категорий грузов и нового порядка их отправления. Об этом известил заинтересованные организации циркуляр 27 июля 1915 г. Продовольственные перевозки попали в разряд очередных. На просьбу Особого совещания пересмотреть циркуляр последовал отрицательный ответ. Не отказываясь, однако, от намерения составить общий план перевозок, министр путей сообщения обратился к председателю Особого совещания с просьбой предоставить соответствующие материалы по 22 губерниям северных районов России. Данные, собранные путем анкетирования, были переданы Министерству путей сообщения только 7 декабря. Снабжение обеих столиц первоначально не предусматривалось планом, поскольку осуществлялось по суточным нормам, установленным Особым совещанием в сентябре 1915 г.[165]

Особое совещание по продовольственному делу решило ограничиться плановыми транспортировками грузов, на-

---

[163] Там же.
[164] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 240, 241.
[165] Там же, с. 127—129.

правляемых исключительно по удостоверениям уполномоченных.[166] Позднее плановые железнодорожные перевозки осуществлялись Совещанием в 18 северных губерниях. В то же время Управление делами приступило к разработке плана водных перевозок, а до его завершения Особое совещание поручило уполномоченному по Нижнему Новгороду А. С. Салазкину зафрахтовать суда на Волге для доставки хлеба воинским соединениям.[167] Планирование водных перевозок сочеталось с отпуском сверхсметных кредитов в распоряжение Министерства путей сообщения.[168] Следовательно, вопрос о внеочередных перевозках не был снят с повестки дня, и поскольку он мыслился как один из шагов на пути к предупреждению дороговизны, то неизбежно обрастал сопутствующими проблемами, требовавшими комплексного подхода к их решению. Переговоры с Особым совещанием по перевозкам продолжались и привели к изданию 28 декабря нового циркуляра, извещавшего порайонные комитеты и местные управления железных дорог о разрешении внеочередных отправок продовольственных грузов.[169]

Тогда же, в декабре, по инициативе законодательных палат было созвано заседание представителей четырех совещаний при министрах и учреждена Соединенная комиссия для решения проблем, требовавших взаимного согласования. Особое совещание по продовольственному делу незамедлительно внесло на рассмотрение Соединенной комиссии ряд вопросов, касающихся транспортных перевозок: предложило выяснить провозную способность железных дорог и принять меры к ее повышению, подготовить подвижные средства для летней навигации 1916 г., установить твердый порядок выполнения заказов на перевозки и обеспечить строгий контроль, разгрузить железнодорожные узлы от продовольственных грузов.[170] Соединенная комиссия с переменным успехом пыталась

---

[166] Особое совещание для обсуждения..., вып. 6, с. 228; ЦГИА СССР, ф. 455, оп. 1, д. 268, л. 12 и об.

[167] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 134.

[168] В ноябре 1915 г. и в январе 1916 г. Министерству путей сообщения был передан кредит в 0.5 млн. руб. для организации продовольственных перевозок по Северной Двине и ее бассейну; в июне 1916 г. был разрешен новый кредит для той же цели в сумме 200 тыс. руб. (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 22, л. 12 и об.).

[169] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 131.

[170] Там же, с. 9, 10.

разрешить эти вопросы, а позднее передала свои функции двум новым органам — Полевому управлению железных дорог и Временному распорядительному комитету по перевозкам при Министерстве путей сообщения.

В феврале 1916 г. Комиссия о мерах борьбы с дороговизной приняла решение применить разрешительную систему перевозок к продовольственным грузам, направляемым в адрес уполномоченных. Одновременно уполномоченные получили право сопровождать выдачу разрешения на внеочередную перевозку обязательством продавца реализовать продукты не выше «соразмерного» уровня цен. Если же цены того или иного потребительского рынка не соответствовали требованиям дня, вводилась система такс на определенный срок и исключительно для продуктов первой необходимости. Уровень оптовых такс должен был соответствовать твердым ценам для правительственных закупок и утверждался председателем Особого совещания. Решение о допуске внеочередных перевозок уполномоченный согласовывал с местным совещанием, о чем ставил в известность порайонные железнодорожные комитеты, выдававшие специальный наряд.[171]

Введение новых правил перевозок в сущности было рассчитано на общее оживление рыночных операций, на активность продавцов. В то же время среди членов комиссии находилось немало скептиков, слабо веривших в успех очередного правительственного шага. Видимо, под их давлением и была введена оговорка, предусматривавшая право уполномоченного ходатайствовать о заготовках продуктов по твердым ценам в случае необеспеченности рынка их подвозом. Новые правила были утверждены министром земледелия А. Н. Наумовым 12 февраля 1916 г.[172]

Борьба с дороговизной затрагивала еще одну важную сферу государственной деятельности — финансирование продовольственных закупочных операций. Для выяснения положения на местах и истинных потребностей в кредитовании городских и земских общественных управлений Особое совещание по продовольственному делу в сентябре 1915 г. осуществило специальный анкетный опрос. Ответы с мест оказались более чем неутешительны. В северных и прибалтийских губерниях недостаток хлеба и ряда про-

---

[171] Особое совещание для обсуждения..., вып. 6, с. 228—229, 233—234.

[172] Там же, с. 238.

чих продуктов (сахара, соли) испытывали 99 % городов и 97 % уездов, в северо-западных губерниях — 95 % городов, в центральных промышленных и приуральских районах — 88, в юго-западных губерниях — 84, в приволжских — 80, в центральных черноземных — 72 % городов. Лишь в южных районах европейской части страны недостаток в продовольствии ощущался менее остро (60 % городов).[173]

Не лучше обстояло дело с потреблением в городах Европейской России основных хлебных продуктов, о чем красноречиво свидетельствовали нижеследующие данные (в %):[174]

Район	Недостаток ржи и ржаной муки	Недостаток пшеницы и пшеничной муки
Северный	100	100
Северо-Западный	86	100
Юго-Западный	45	53
Центрально-Промышленный	100	100
Центрально-Черноземный	32	66
Южный	30	41
Приволжский	24	35
Приуральский	21	52

Складывалось впечатление, что трудности испытывали прежде всего промышленные центры, зависимые от ритма работы железнодорожного транспорта. Мелкие населенные пункты, снабжаемые с помощью гужевых перевозок, менее страдали от недостатка продовольствия.

Ответы с мест показали возросшую роль муниципальных органов и земских представительств, активно развивавших продовольственные операции. Собственно муниципальное движение началось еще в конце прошлого века в городах Италии, затем распространилось на страны Центральной Европы. В России эпизодические проявления муниципальной активности в связи с ростом дороговизны наблюдались задолго до войны в крупных промышленных и административных центрах (в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Кишиневе, Саратове, Казани, Астрахани, Тифлисе и т. д.), но они не были систематическими, и, следовательно, их воздействие на рынок было кратковременным и неустойчивым. Экстремаль-

[173] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 27—28.
[174] Там же, с. 30.

ные условия войны определили основное направление деятельности городских управ — назначение такс, закупка продуктов первой необходимости, наконец, создание собственных предприятий. Между тем скромная практика нескольких месяцев сравнительно вялой муниципальной деятельности уже убедила, что делать основную ставку на таксировку цен почти бесполезно, что нужны более действенные меры, способные парализовать активность факторов, возбуждавших необычайный рост цен. Поскольку темпы городской жизни до неузнаваемости были изменены войной, внесшей стремительные перемены в «медленное и тугое» движение городской жизни, муниципальные органы все решительнее реагировали на эти изменения, видя в себе олицетворение здравомыслящей деловой общественности.

В осенне-зимний сезон первого года войны доля земств в общем объеме государственных закупок составила 30 %, городских самоуправлений — 11 %; в весенний период 1915 г. процентное соотношение закупок изменилось за счет незначительного ослабления земской деятельности (24 %) и, напротив, энергичного выступления городов (48 %).[175] К июлю 1915 г. закупочные операции осуществляли уже 85 городов и 32 города начали организационную подготовку к ним. Данные табл. 15 наглядно показывают численность городов, занятых в закупочных операциях хлебного рынка, и количество приобретенного ими продукта (исключая Петроград и Москву).

В осеннюю кампанию 1915 г. закупки земств и городов несколько сократились, показав соответственно 12 и 29 %. В ассортименте продуктов, заготовленных земствами, хлеб составил 99 %, городскими самоуправлениями — 81 %.[176] По свидетельству муниципальных органов, 83 из 117 городов, давших сведения о закупке хлебов, приобретали рожь, пшеницу, муку, 12 — овес и ячмень, 10 — крупу. Поскольку общие экономические показатели районов, в которых находились города, порою были диаметрально отличны (производящие и потребляющие области), сам собою напрашивался вывод о всеобщности явлений дороговизны и породивших ее причин. В итоге необходимость активных муниципальных действий в сфере продовольствия все глубже проникала в сознание буржуа-

[175] Там же, с. 39—42.
[176] Там же.

Таблица 1

Закупка хлебных продуктов городскими управами (август 1914—июнь 1915 г.) [а]

Район	Рожь, ржаная мука		Пшеница, пшеничная мука		Овес, ячмень		Крупа	
	число городов [б]	тыс. пуд.	число городов [в]	тыс. пуд.	число городов [г]	тыс. пуд.	число городов [д]	тыс. пуд.
Северный	2	130.0	—	—	1	5.0	—	—
Приозерный	7	147.8	1	24.0	2	13.0	1	13.0
Прибалтийский	2	1464.0	1	428.0	1	126.3	—	—
Литовский	2	29.5	—	—	1	4.5	—	—
Белорусский	1	6.5	—	—	—	—	1	1.5
Юго-Западный	—	—	—	—	—	—	—	—
Новороссийский	—	—	1	20.0	—	—	1	1.0
Малороссийский	3	61.5	2	2.5	1	2.0	1	2.5
Центрально-Земледельческий	6	103.5	—	—	—	—	—	—
Московско-Промышленный	6	239.0	—	—	—	—	—	—
Средне-Волжский	6	320.3	—	—	—	—	—	—
Нижне-Волжский	1	30.0	—	—	—	—	—	—
Приуральский	1	4.3	1	200.0	—	—	—	—
Предкавказье	1	21.0	—	—	—	—	—	—
Сибирь	—	—	—	—	1	30	—	—
Итого	38	2557.3	6	674.5	7	180.8	4	180.0

[а] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 274. [б] Приступили к закупкам 56 городов. [в] Приступили к закупкам 8 городов. [г] Приступили к закупкам 11 городов. [д] Приступили к закупкам 7 городов.

зии, вполне импонируя ее неукротимому стремлению сосредоточить в собственных руках все нити регулирования городской экономики. С другой стороны, сама действительность толкала правительство к вынужденному расширению прав муниципалитетов.

Закупочные операции осуществлялись обычно городскими управами и комиссиями при них с пестрым составом и неоднородной компетенцией. Там, где в состав комиссий избирались крупные хлеботорговцы и прочие небеспристрастные лица, регулировка цен, как правило, проваливалась (в Ярославской и Смоленской губерниях). Потребители почти не участвовали в работе комиссий; единственный случай привлечения рабочих наблюдался в Вологодском городском управлении.[177]

Итоги регулирующей деятельности городских управ весьма слабо освещались правительственными органами. Поэтому основные сведения можно почерпнуть из анкет Экономического отдела Союза городов и отрывочных публикаций центральной, чаще местной периодики. Отсюда и сами сведения носят эпизодический и далеко не всегда убедительный характер. К тому же корреспонденты не единодушны в оценках, что свидетельствует о неоднородности воздействия на рынок указанных мер. Тем не менее подведем некоторые итоги. Для муки и зерна наметилась тенденция к понижению цен в отдельных уездных городах Нижегородской, Тамбовской, Казанской и Таврической губерний. Значительно чаще продовольственные закупки управ приводили к стабилизации и сдержанности цен, что уже являлось немаловажным в условиях их спекулятивных взлетов. В ряде случаев продовольственные операции городов влияли на качество завозимого зерна. Вместе с тем нередко поступали негативные известия об индифферентности рыночных цен к общественным закупкам ввиду малого объема и единовременного характера последних. Таким образом, при всей фрагментарности сведений можно составить более или менее достоверную картину влияния городских закупок на уровень рыночных цен. Однако едва ли возможно сказать что-либо определенное о том, какую долю потребности городского населения удовлетворяли продовольственные операции го-

---

[177] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 291.

родов. Данные такого рода почти не встречаются ни в официальных ведомственных изданиях, ни в периодике. Совершенно очевидно лишь, что при всей своей предприимчивости муниципалитеты не могли устранить частную конкуренцию на продовольственном рынке (да и едва ли стремились к этому), ибо неспособны были в полном объеме удовлетворить потребности городского населения. Более того, они сами опирались на частный торговый аппарат.[178] Их деятельность в качестве сильного конкурента сводилась к корректировке продажных цен вследствие устранения посреднических услуг, разумеется, наряду с распределительными функциями. Но именно это и означало регламентацию хлебной торговли в условиях местного рынка. Результаты выступления городских самоуправлений на хлебном рынке проявлялись ярче и последовательнее в крупных центрах. Именно здесь заметнее возросла их роль в качестве полноправных членов продовольственных совещаний при уполномоченных. В большинстве же средних и малых городов муниципальные органы долгое время ограничивались лишь слабыми, разрозненными попытками вмешательства в экономическую жизнь. Там муниципальная борьба с дороговизной так и не получила широкого развития, хотя тенденция к усилению этой борьбы проявлялась всюду. Целый ряд выдвинутых городскими управами проектов не был осуществлен ввиду аморфности самих идей, лежащих в их основе. Объяснение этому следует искать прежде всего в социальном составе органов городского самоуправления, надежно огражденном Городовым положением 1892 г. от участия рабочих, трудовой интеллигенции, прочих малоимущих слоев населения, т. е. именно тех, кто болезненно ощущал дороговизну и был особенно заинтересован в ее ликвидации.[179] По данным 1915 г., в среднем по России городским избирательным правом пользовались 0.9 % городского населения, в Москве — 0.6, в Петрограде — 0.8 %. Не случайно современники отмечали, что городские самоуправления были «малопригодны и недостаточно склонны

---

[178] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 150.

[179] К. А. Пажитнов еще в 1912 г. отметил, что Петроградская дума более 40 лет безрезультатно обсуждает вопрос о снабжении города ввиду отсутствия подлинной заинтересованности в решении вопроса (*Пажитнов К. А.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков, 1912).

к активному вмешательству в игру сил свободной конкуренции». Известную сдерживающую роль оказывало и «отсутствие определенных источников муниципального кредита».[180]

Нерешенный вопрос о кредитовании городов и земств достался Особому совещанию по продовольственному делу от Главного продовольственного комитета. В начале деятельности Совещание вошло с соответствующим представлением в Совет министров, который выделил для поддержки продовольственной деятельности городских и земских управлений 30 млн. руб. Поскольку ведение закупочных операций требовало значительных ассигнований, городские управы и земства постоянно ходатайствовали перед правительством о разрешении беспроцентных ссуд. Земства заимствовали нужные суммы преимущественно из общего по империи продовольственного капитала, а также в частных кредитных учреждениях. Муниципальные «источники покрытия» денежного дефицита, по данным 108 городов, были более разнообразны, порою носили не постоянный, а единовременный характер: текущие средства (46 городов), специальные средства (21 город), займы в частных и государственных кредитных учреждениях (56 городов).[181] Собственно городские фонды (фонд на нужды военного времени, городской продовольственный и запасный капиталы) были невелики, вследствие чего и ассигнования подобного рода были сравнительно ничтожны. Поэтому города стремились получить основные суммы для развития продовольственных операций в виде займов в кредитных учреждениях или у частных лиц. Сведения, представленные к июню 1915 г. 44 городскими управами, показали общую сумму ассигнований — 3.2 млн. руб., в том числе по займам — около 2.2 млн.[182]

В Москве 11—13 июля 1915 г. состоялся съезд представителей городских самоуправлений, затронувший вопрос о кредитах. В резолюции съезда отразилось стремление муниципальных органов поставить развитие закупочных операций на твердую финансовую основу с привлечением средств Государственного банка, частных кредитных учреждений, городских общественных банков, кассы

---

[180] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 273.

[181] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 127, 129.

[182] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 279—281.

земского и городского кредита. Особое внимание съезд уделил соглашению с кооперативными учреждениями, в том числе с Народным банком в Москве, с целью финансирования продовольственной деятельности на паритетных началах. В то же время городские органы претендовали на определенные фискальные полномочия и на создание специального учреждения банковского типа при Всероссийском союзе городов. Это была уже своего рода программа, рассчитанная не только на поддержку Союза городов, но, по всей видимости, и на покровительство крупной банковской буржуазии. Безусловно развитие регулирующей деятельности городских самоуправлений, как и расширение земских закупочных операций, импонировало интересам буржуазно-помещичьего лагеря.

В общей сложности к 1 октября 1915 г. на продовольственные операции города затратили около 21 млн. руб., земства — свыше 11 млн. Совет министров распорядился созвать Особое междуведомственное совещание под председательством товарища министра финансов А. И. Николаенко для подготовки проекта правил о гарантии по займам городов и земств в частных кредитных учреждениях.[183] В ноябре были обнародованы «Правила о предоставлении гарантий Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд...».[184] Согласно «Правилам», правительство предоставило ссуды городским и земским общественным управлениям для закупки и продажи населению городов продовольствия и фуража, для промышленной переработки сельскохозяйственных продуктов и, разумеется, с целью борьбы с дороговизной. Любопытно, что кредитные операции находились под двойным контролем — министерств земледелия и внутренних дел, о чем свидетельствовал порядок прохождения ссуд. Решение городских и земских органов о ссуде представлялось на волю губернатора, от него — в местное совещание, где вновь подвергалось обсуждению с участием представителей казенной палаты, Государственного банка, Государственного контроля. Затем итоги дискуссии сообщались Особому совещанию по продовольственному делу для окончательного утверждения.

[183] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 140—141.
[184] Собрание узаконений... Пг., 1915, отд. 1, № 367, ст. 2755.

Параллельно земства и города вели переговоры о ссуде в кредитных учреждениях, о результатах которых также докладывалось губернатору. Последний все соответствующие материалы направлял на заключение министра внутренних дел. В случае положительного решения вопроса Министерство финансов принимало на себя исполнительные функции, т. е. выдавало банку поручительное письмо с обязательством казны оплатить вексель, внесенный городом или земством в банк под ссуду. Если имелась задолженность, недоимки заемщика взыскивались государством по правилам Устава кассы городского и земского кредита. Кроме того, общественные учреждения могли получить ссуды из кредита, открытого по смете Особенной канцелярии по кредитной части (в счет займа этого учреждения в частном банке). «Правила» сохраняли силу в течение всего военного времени.

К исходу 1915 г. Особое совещание по продовольственному делу подвело некоторые итоги кредитования продовольственных операций городов и земств. Из 1003 городов и 471 уезда закупки продуктов осуществляли 140 городов (18.2 %) и 158 уездов (37.1 %). По сведениям на начало декабря, сумма займов, разрешенных Министерством внутренних дел общественным городским учреждениям, достигла 10.4 млн. руб., в том числе Петрограду было выделено 5.5 млн. руб. Сумма займов, предоставленных Министерством внутренних дел земствам, составила около 1.1 млн. руб. Кроме того, земствам было отпущено из средств общего по империи продовольственного капитала более 2.7 млн. руб. К концу декабря ссуды, выданные городским управлениям и земствам частными кредитными учреждениями с правительственной гарантией, составили 13.6 млн. руб. (в том числе земствам — 1.4 млн. руб.).[185] К началу февраля 1916 г. Особое совещание по продовольственному делу предоставило городам и земствам 2.8 млн. руб. в виде авансов в счет займов в частных кредитных учреждениях, гарантировало (к середине июня) эти займы на 26 млн. руб. и выдало ссуд 149 городам, 9 губернским и 27 уездным земским управам на 15.6 млн. руб.[186]

---

[185] Особое совещание для обсуждения..., вып. 5, с. 62—67, 70—75.

[186] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 140—142; *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 150.

3 февраля 1916 г. на заседании Особого совещания был заслушан доклад Подкомиссии по рассмотрению ходатайств городских и земских учреждений о выдаче ссуд на закупку предметов первой необходимости. Цель работы подкомиссии заключалась в обследовании продовольственной деятельности городов и земств и усилении их материальной ответственности перед государством. Подкомиссия вынесла решение — обязать городские и земские учреждения в течение 9 месяцев с момента выдачи правительственной ссуды погасить половину ее номинальной величины. Вместе с тем устанавливался трехмесячный срок для заключения земствами и городами гарантированных правительством продовольственных займов, в счет которых выдавались авансы. Предложения подкомиссии были одобрены Особым совещанием.[187]

Из ведения Особого совещания по продовольственному делу были выделены ходатайства земств о ссудах на заготовку хлеба, кормов и семян для сельского населения. Они рассматривались Междуведомственным совещанием по продовольственному делу при Министерстве внутренних дел и удовлетворялись за счет общего по империи продовольственного капитала. К началу февраля решением Министерства внутренних дел были ассигнованы беспроцентные ссуды на 8.8 млн. руб. для земских управ 8 губерний, 36 уездов и Шушинского городского управления. Для создания семенного фонда Управлением сельской продовольственной части был составлен план снабжения губерний. На его основе заведующий продовольственным делом в империи В. В. Ковалевский определил потребность в хлебе северных и северо-западных губерний в объеме 14 млн. пуд.[188]

Система снабжения продуктами первой необходимости сельского населения земских губерний основывалась на активности земств и кооперативов, занимавшихся продовольственными закупками. В неземских губерниях, в частности в Сибири, население всецело зависело от заготовительной деятельности кооперативов. Но, тогда как земства могли довольно свободно оперировать правительственными ссудами и частично передавать их местным кооперативам, последние в неземских губерниях были лишены государственной финансовой помощи. С разви-

---

[187] Известия Особого совещания, 1916, № 19, 20 февраля, с. 16.
[188] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 142, 174, 178.

тием кооперативного движения и расширением масштабов «продовольственной» деятельности кооперативов неизбежно возникал и постоянно откладывался вопрос об условиях их кредитования. Лишь в июне 1916 г. Подкомиссия по рассмотрению ходатайств городских и земских учреждений о выдаче ссуд высказалась за предоставление кооперативам денежных сумм в счет 15-миллионного кредита, разрешенного Советом министров для создания продовольственного запаса.[189]

Оказывая вынужденную поддержку органам самоуправления, бюрократическое большинство Особого совещания прилагало максимум усилий к сохранению в сфере собственного влияния важнейших каналов продовольственного снабжения. Эта двойственность позиции Совещания и возглавлявшего его министра земледелия нашла отражение в ряде документов, принятых съездами уполномоченных. Еще 24 ноября 1915 г. А. Н. Наумов предложил городским и земским управам согласовать закупки зерна и муки с уполномоченными «хлебармии».[190] Централизация продовольственного аппарата стояла в центре проблем, обсуждавшихся съездом уполномоченных в Москве 3—5 января 1916 г. Рассмотрев возможные формы объединения закупочных операций, съезд постановил: «Закупки предметов продовольствия как для армии, так и для населения должны быть сосредоточены в одном распорядительном органе и производиться через одних и тех же уполномоченных; причем закупки для населения должны зачитываться в наряды, выданные уполномоченным». К этому следовало добавить, что закупка продуктов, не предусмотренных рационом армии (высшие сорта муки и т. д.), должна была осуществляться «лишь по твердым заказам общественных учреждений».[191] Съезд уполномоченных признал необходимым сосредоточить в едином центральном органе практическое исполнение нарядов для армии, равно как и для населения. Объединительные функции возлагались на Управление делами Особого совещания по продовольственному делу в Петрограде. Ту же линию продолжило совещание уполномоченных Петрограда 10 февраля 1916 г., принявшее аналогичную резолюцию.

---

[189] Деятельность Особого совещания..., с. 66—67.
[190] Известия Особого совещания, 1916, № 23—24, 1 июня, с. 19.
[191] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 11, л. 43.

Последовавшие вскоре циркуляры министра земледелия (4 апреля 1916 г.) закрепили развитие продовольственных операций в том же направлении. Первый из них предписывал уполномоченным расширять закупки в соответствии с требованиями учреждений, второй предлагал всем заготовительным органам прибегнуть к услугам «хлебармии» «в целях сохранения единства и устранения нежелательной конкуренции».[192] Усиление централизации аппарата предусматривал по сути дела и законопроект «О некотором расширении полномочий председателя Особого совещания по продовольственному делу», внесенный министром земледелия на обсуждение Государственной думы. В основу законопроекта легло Положение Совета министров от 27 ноября 1915 г. С мерами централизации и координации действий многочисленных местных продовольственных организаций был связан проект создания объединенного органа государственного регулирования хлебной торговли — «Центрохлеб», в орбиту влияния которого должны были попасть весь цикл рыночных операций с хлебом, а также организационная подготовка послевоенных экспортных связей. В октябре 1916 г. в среде Особого совещания возникла идея реорганизации центральных учреждений по продовольственному делу на самом высоком уровне путем создания специального Министерства продовольствия.[193] Таким образом, уже тогда муссировалась мысль о необходимости нового высшего регулирующего органа, воплощенная в жизнь Временным правительством. Бесспорно, проект выдвигали бюрократические круги Особого совещания, мечтавшие «твердой рукой» покончить с либеральными веяниями в продовольственном деле. Однако, встретив ряд трудностей (в том числе и политического характера) на пути к созданию министерства, правительство предприняло новый шаг к централизации, учредив Особое совещание по организации снабжения армии и организации тыла во главе с председателем Совета министров. Исключительные полномочия, переданные новому чрезвычайному органу Советом министров 1 июля 1916 г., фактически посягали на суверенитет особых совещаний при министрах, пытаясь свести их роль до уровня обычных ведомств и безусловно снижая их регламентирующее значение.

[192] Известия Особого совещания, 1916, № 23—24, 1 июня, с. 19—20.

[193] Там же, с. 26; № 28, 15 октября, с. 57.

Весной и летом 1916 г. широкая кампания борьбы с дороговизной развернулась по всей стране. Разумеется, участвовавшие в ней буржуазные представительные организации, городские самоуправления, общественные группировки преследовали собственные цели, чрезвычайно далекие от нужд демократических слоев населения. Нередко вокруг проблемы дороговизны нарочито поднималась шумная словесная перепалка, скрывавшая истинные намерения участников диспутов. Лишь там, где влияние прогрессивных элементов становилось более или менее значительным, практические последствия принятых мер оказывались довольно полезными, хотя и недолговечными в условиях экономического кризиса. Однако правительственные меры, как правило, были безуспешны, ибо менее всего затрагивали интересы правящих классов и не в состоянии были разрешить социальные конфликты.

Регулирование потребления. Карточная система

Обращаясь к уполномоченным центральных губерний, собравшимся в Москве 3 января 1916 г., А. Н. Наумов заявил: «Забота о продовольствии населения является коренной для нас, ибо в настоящее время идет не борьба армий, а уже борьба народов, и потому наряду с благополучием армии и сравнительное, конечно, благоденствие тыла является серьезным фактором».[194] Речь министра земледелия свидетельствовала о том, что углубление экономических трудностей заставило правительство расширить фронт вмешательства в продовольственную сферу, вступить на путь регулирования народного потребления.

В политических и общественных кругах дискуссия о формах и методах регламентации потребления продуктов сельскохозяйственного производства велась буквально с первых дней войны. Мнения представителей правящих кругов и оппозиционных либерально-буржуазных группировок скрещивались и расходились, но при всех разногласиях и те, и другие придерживались раз навсегда принятой схемы: армия подлежит внеочередному снабжению при использовании твердых цен и реквизиций. Население продовольствуется по мере возможности, но так, чтобы «не обессилило экономически». Армия снабжается с ми-

[194] Обзор деятельности Особого совещания..., с. 5.

нимальными денежными затратами за счет населения, обеспечивающего себя продовольствием по завышенным ценам.

Даже неискушенному наблюдателю логика подсказывала вывод о том, что посредствующее звено — крупные торговцы — возмещает минимальный, но возможный при армейских поставках денежный проигрыш искусственным повышением рыночных цен на продукты первой необходимости, что существующие между производительными и потребляющими районами ножницы цен вносят дополнительную дифференциацию, усугубляя трудности населения потребляющих районов. Требования оппозиции в лице представителей союзов земств и городов касались именно двух последних положений. Призывая к повсеместной и всеобщей фиксации цен и сокращая тем самым арену действий свободной торговли, оппозиция покушалась на чрезмерные доходы крупного капитала. С другой стороны, отрицание ею «свободной игры рыночных отношений», разрушавших идею равномерного снабжения населения, в итоге должно было сблизить в экономическом смысле производящие и потребляющие районы.

Проблема регулирования народного потребления предусматривала, с одной стороны, меры государственного обеспечения населения продуктами первой необходимости и, с другой — меры прямого воздействия на объем потребления, т. е. строгую его нормировку. Расширение государственных продовольственных закупок, предназначенных для снабжения населения, должно было преодолеть, как мы видели, немалые трудности, прежде чем получить законодательную санкцию. Уже упоминалось, что съезд уполномоченных, состоявшийся в Петрограде 25—31 августа 1916 г., принял соответствующие подготовительные меры, рассмотренные затем несколькими инстанциями — частным совещанием председателей губернских земских управ в Москве, возглавляемой С. Н. Гербелем секцией Особого совещания по продовольственному делу, подкомиссией, руководимой С. Н. Масловым, и т. д.[195]

Постановление министра земледелия от 9 сентября 1916 г., распространив твердые цены на все торговые сделки, передало фактически Министерству земледелия снабжение хлебом населения наряду с действующей ар-

---

[195] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 60—62; № 28, 15 октября, с. 65—66.

мией. Окончательно это положение было утверждено законом 10 октября. Почти одновременно (30 сентября) рескрипт министра земледелия А. А. Бобринского призвал самоуправления, хлеботорговые фирмы и кооперативы к посредническим действиям в осуществлении правительственных заготовок. Комиссионное вознаграждение посредникам назначалось из расчета 5 коп. за пуд сверх твердой цены и дополнительной суммы за ряд услуг — затрату капитала, заготовку зерна, использование складов и пр.[196] Сам собою напрашивался вывод о неспособности государственного закупочного аппарата состязаться с частным капиталом при возросшем объеме операций, о возврате к посредническим услугам, столь долго и столь безуспешно изживаемым. В итоге с учетом потребности населения в 1915—1916 гг. Министерство земледелия заготовило 487 млн. пуд. продовольствия против 298 млн. пуд. в 1914—1915 гг., предназначенных исключительно для армии.[197]

Расширение закупок сочеталось с регулированием местного продовольственного рынка. Эту цель преследовала система экономических мероприятий, среди которых следует выделить установление годовой нормы потребления для отдельных регионов. К исходу 1915 г. Особое совещание по продовольственному делу составило план снабжения 22 губерний. Первоочередному обеспечению подлежали Петроградская, Тверская, Эстляндская и Лифляндская губернии. Продовольственные грузы, направляемые в эти районы, получили право преимущественного передвижения. По данным А. Л. Сидорова, губернии обеспечивались продовольствием на декабрь—январь из расчета 30.6 млн. пуд., причем 20 млн. пуд. составлял хлеб. Таким образом, годовая норма потребления 22 губерний устанавливалась Особым совещанием в объеме 120 млн. пуд хлебных продуктов.[198]

Другой важной мерой продовольственной помощи промышленным центрам в 1916 г. явилась приписка городов к определенным хлебородным губерниям. Однако это полезное в целом начинание было проведено в жизнь со свойственным ведомствам бюрократизмом, чисто фор-

---

[196] Там же, № 29, ноябрь, с. 25.

[197] Совещание уполномоченных 25—31 августа 1916 г., с. 1.

[198] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России... с. 486—487.

мально, без соответствующей подготовки и учета ряда негативных моментов. Более действенным, но чрезвычайно тяжелым по экономическим последствиям шагом явилась новая серия распоряжений местных властей о запрете вывоза хлебов из 32 губерний. Система запрета сочеталась с установлением такс, затронувших 41 вид продуктов питания, в том числе хлеб (в 263 городах и 75 уездах), молоко (в 76 городах и 34 уездах), мясо (в 282 городах и 112 уездах).[199]

Таким образом, и в период назревания кризиса преобладали старые, малоэффективные способы регулирования. Наконец, назначение Государственной думой 31 мая трех «мясопустых» дней в неделю явилось прологом более широких правительственных мер — нормировки потребления сахара и хлеба.

Еще осенью 1915 г. в Комиссии о мерах борьбы с дороговизной был поднят вопрос о применении карточной системы распределения продуктов. Но его сразу же отклонили на том основании, что он был вызван, как тогда казалось, не хроническим, а эпизодическим недостатком продуктов. Вновь тот же вопрос возник в среде Особого совещания в период назначения твердых цен на хлебные продукты (предложение А. И. Шингарева), однако и на этот раз не получил должной оценки. К тому же времени относилось предложение ряда буржуазных представительных организаций о необходимости ввести повсеместно карточную систему. После ознакомления с проектами Особое совещание известило, что считает эту меру ненужной и опасной.[200] Лишь 13 июля 1916 г. председатель Особого совещания предложил уполномоченным представить данные о регламентированном распределении продуктов.[201] Совокупность сведений отразила необычайную пестроту форм регулирования, выражавших скорее полумеры, нежели некую строгую систему: количественное ограничение продажи дефицитных продуктов, сокращение их отпуска в одни руки и т. д. При этом потребность в продукте определялась случайными показателями, так сказать, по наитию. Пожалуй, единственным стержнем, объединявшим эти разнородные способы регламентации, была стихийность их возникновения. Вместе с тем полу-

---

[199] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977, т. 1, с. 124.
[200] *Добротвор Н. М.* Продовольственная политика..., с. 58.
[201] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 106.

чила развитие тенденция перехода на более высокую ступень регулирования — к карточной системе, призванной распределять продовольствие и одновременно ограничивать его распределение. Карточная система требовала продуманных комплексных мер, учета множества факторов, в том числе численности и состава населения, объема продовольственных запасов и т. п.; требовала она и наличия подготовленного технического персонала.

При переходе к карточной системе учитывался опыт европейских государств и прежде всего стран враждебного лагеря. Известно было, что спустя полгода после начала военных действий карточную систему ввела Германия, несколько позднее — Австрия. Ряд попыток в этой области предприняли союзные державы.

10 октября 1916 г., т. е. с большим опозданием, Управление делами предложило вниманию членов Особого совещания по продовольственному делу проект постановления о введении карточной системы на сахар, муку и мясо в «поселениях городского типа». Проект предусматривал разработку основ карточной системы силами губернских (областных) совещаний и введение ее земскими и городскими самоуправлениями. Особо оговаривалась возможность понижения душевой нормы в случае отсутствия продукта. В сущности сама нормировка оказывалась условной, ибо не сопровождалась гарантией обязательного удовлетворения.[202] Кроме того, проект игнорировал интересы сельского населения.

Между тем к лету 1916 г. карточная система получила право на существование уже в 34 губерниях, в 11 губерниях велась подготовка к ее введению. Поскольку переход к новой системе распределения не был законодательно санкционирован, он происходил на местах самопроизвольно, по решению кредитных и потребительных обществ, союзов кооперативов, мелких торговцев, городских самоуправлений и земских организаций.[203] Словом, и здесь инициатива принадлежала не государственным регулирующим органам, а общественным представительствам; в решении этого вопроса правительственные меры плелись «в хвосте рыночной стихии». Однако государственное вмешательство становилось необходимым и для унификации разнородных форм распределения, и для

[202] Там же, № 28, 15 октября, с. 12, 26.
[203] Там же, № 27, 1 сентября, с. 108.

контроля за деятельностью местных общественных сил.

Карточная система, действовавшая во многих центрах страны, не была единой. Условно можно было различить два ее вида — «ограничительную», отличительной чертой которой являлась твердая постоянная норма, гарантия выдачи продукта, предполагавшая реквизицию и запас, и «распределительную», особенность которой заключалась в отсутствии гарантии и ежемесячной подвижной норме, зависимой от наличия продукта. «Ограничительная» система применялась избирательно, лишь в отдельных районах; «распределительная», напротив, получила широкое распространение. В числе продуктов, подлежащих карточной нормировке, были сахар (основной предмет нормировки), мука, хлеб, крупа, мясо. В ряде районов карточная система нашла почти повсеместное применение, в том числе в Эстляндской губернии, где «вполне оправдала возлагаемые на нее надежды». Продукты первой необходимости — мука и крупа — нормировались из месячного расчета 5 фунтов на человека.[204] Карточная система, введенная в Риге 28 января 1916 г. постановлением лифляндского губернатора, предусматривала распределение продуктов, закупаемых исключительно городской управой. В качестве посредников выступали владельцы местных магазинов, обязавшиеся соблюдать установленные управой правила и цены. Карточки выдавались главе хозяйства с учетом состава семьи. Выдача продукта производилась факультативно, без назначения срока, по мере закупок городской управы. Разовый душевой паек на крупу составлял 5 фунтов.[205] Разумеется, при такого рода карточной системе не могло быть и речи о соответствии распределения потребностям. Подобная или близкая практика регулирования продовольствия наблюдалась в Ревеле, Пскове и Минске.

Весной 1916 г. собрание представителей Городской думы г. Уфы постановило немедленно приступить к установлению норм продуктового потребления. Население Уфы призывалось к активному участию в деятельности городского Санитарно-благотворительного попечительства, которому передавалась исполнительная власть в практическом осуществлении нормировки. Почти одновременно высказалась за введение карточной системы Царицынская

---

[204] Там же, № 28, 15 октября, с. 53.
[205] Там же, № 20, 1 марта, с. 39, 40.

городская дума. Городской управе было поручено в срочном порядке провести перепись населения. Нормировка коснулась первоначально муки, мяса и сахара. Съезд кооператоров Тамбова, созванный в июне 1916 г. земской кассой мелкого кредита, принял резолюцию о введении в губернии карточной системы как одной из мер борьбы с дороговизной.[206] В Николаеве, Туле, Саратове и Вильно распределительные функции были переданы мелким торговцам с обязательством продажи 2 фунтов продукта в одни руки по установленным («ограниченным») ценам.[207] В Оренбурге продажа муки по карточкам (1 пуд в месяц на человека) производилась кредитными товариществами, кооперативами, владельцами городских лавок, волостными правлениями. Любопытную форму приняло регулирование потребления муки (та же норма) и продажи отрубей в Семипалатинске. Карточная система была введена здесь по инициативе местного комитета Союза городов и Акционерного общества семипалатинских паровых мельниц. Карточки выдавались Городской управой и Попечительством о семьях нижних чинов, мобилизованных в армию. Карточная система предназначалась не для всех слоев населения, а избирательно — для беднейших горожан и семей призванных нижних чинов. Закупка муки производилась за счет городских средств и гарантированного правительством займа в Волжско-Камском банке.[208]

Вопрос о введении карточной системы не мог, разумеется, обойти стороной положение в столицах. Осенью 1916 г. в Особом совещании раздавались голоса о целесообразности введения карточной системы в Петрограде и Москве. Переговоры с уполномоченным А. Н. Оболенским не дали результата. Градоначальник Петрограда счел «крайне затруднительной» строгую регламентацию потребления ввиду отсутствия технических средств и необходимого для этой меры месячного запаса продовольствия. В столице к этому времени уже действовали ограничения на продажу сахара с дифференцированной нормировкой по группам населения. В Москве вопрос о введении карточной системы решался довольно оперативно вследствие

---

[206] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 13, 37.
[207] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 108, 109.
[208] Там же, № 28, 15 октября, с. 49, 52.

использования градоначальником полицейского аппарата. Исполнительные функции были переданы специальному органу, возглавляемому начальником резерва полиции. Вся техническая часть сосредоточивалась в Продовольственном отделе при градоначальнике.[209]

С течением времени карточная система перестала быть явлением исключительно городской жизни. Она появилась в селах Вятской, Пермской, Пензенской, Оренбургской, Тверской и ряда других губерний, где значительную роль приобрели кооперативные организации, сосредоточившие постепенно в собственных руках распределительные функции. Как правило, нормы потребления для города и уезда не совпадали, естественно, они были выше в городе. В Ельце и Елецком уезде карточки на пшеничную муку для горожанина предусматривали месячную норму в 10 фунтов, для сельского жителя — в 3 фунта и т. д.[210] Снабжение сельского населения осуществлялось в несколько туров: мука передавалась обычно союзу кооператоров, от него — кредитному или потребительскому обществу, в свою очередь находившемуся в непосредственном контакте с крестьянством.

Приведенные сведения о действии карточной системы на территории страны далеко не исчерпывающи, но и они дают достаточное представление о разнообразии оттенков в системе регулирования потребления под влиянием местных условий. Свидетельствуют они и о безнадежном отставании предложенного Особым совещанием 10 октября 1916 г. проекта регулирования потребления продовольствия от реальной жизни. Разумеется, подобные сведения поступали в Особое совещание, аккумулировались в нем, давая пищу новым рассуждениям и толкам, но отнюдь не результативным практическим действиям.

---

[209] Там же, с. 45, 53.
[210] Там же, № 29, ноябрь, с. 52.

Глава IV

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС СЕРЕДИНЫ 1916—НАЧАЛА 1917 г.

> Когда капиталисты работают на оборону, т. е. на казну, это уже — ясное дело — не «чистый» капитализм, а особый вид народного хозяйства.[1]
>
> *В. И. Ленин*

Начало кризиса. Фронт и тыл

Истекший 1915 год не принес экономических облегчений. Продовольственное положение в стране еще более осложнилось, предвещая наступление тяжелейшего кризиса, выйти из которого царская Россия уже не могла. Армия испытывала исключительные трудности в снабжении и вооружением, и продовольствием. Среди солдат действующих войск ширились антивоенные настроения, все чаще имели место открытые выступления против войны, жестоко каравшиеся самодержавной властью. В тылу бурными темпами нарастало революционное движение, волна стачек и демонстраций охватывала крупнейшие промышленные центры. В. И. Ленин отмечал: «...факты говорят о том, что как раз в 1915 г., на почве кризиса, вызванного войной, растет революционное брожение в массах, растут стачки и политические демонстрации в России...».[2] В этом движении В. И. Ленин видел начало революционных массовых выступлений. Только в январе 1916 г. в России произошло 169 стачек, число участников превысило 135.5 тыс. человек.[3] Рост оппозиционных настроений в буржуазных партиях усиливал картину всеобщего недовольства. «Поражение армий царской монархии, — указывал В. И. Ленин, — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких мас-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 318.

[2] Там же, т. 27, с. 127.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза. Том второй. Партия большевиков в борьбе за свержение самодержавия. 1904—февраль 1917 года. М., 1966, с. 583.

сах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем... Такова последовательность и связь событий... первого года войны».[4] Нарастающий экономический кризис тесно переплетался с революционным кризисом, усиливал его и приближал тем самым неминуемый революционный взрыв.

В середине июня фактический глава Ставки ген. М. В. Алексеев направил Николаю II особый доклад, в котором ставил его в известность о положении на фронте, связав боеспособность армии с состоянием довольствия. Алексеев высказался за необходимость реорганизации военного, политического и экономического руководства страной путем создания в тылу единоличной диктатуры в лице «верховного министра государственной обороны».[5] Предложение Алексеева не было принято. Однако сам факт подобного послания самодержцу был показателен. Он свидетельствовал о том, что и в высших военных сферах недоверие к правительственным мероприятиям достигло предела.

В августе 1916 г. Министерство земледелия предприняло ряд практических шагов к уточнению объема потребления армии и населения. По сведениям, имевшимся в распоряжении министерства, с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. его уполномоченными было заготовлено для военного ведомства 502 млн. пуд. хлеба и фуража против 305 млн. в предшествующем заготовительном году. Таким образом, поставка армии хлебных продуктов существенно возросла, поглотив большую часть товарного хлеба. Для сравнения приведем суммарные данные о потреблении армейскими частями хлебных продуктов в переводе на зерно: 81.8 млн. пуд. в 1914 г., 297.6 — в 1915 г., 563.5 — в 1916 г., 449.9 млн. пуд. — в 1917 г.[6] Предварительные расчеты Министерства земледелия показали, что закупки для войск муки, крупы и фуража из урожая 1916 г. должны были составить не менее 485 млн. пуд., для населения — 411 млн. пуд. На состоявшемся

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.

[5] Поводом для обращения М. В. Алексеева на «высочайшее имя» послужило письмо начальника Главного артиллерийского управления ген. А. А. Маниковского в Ставку по тому же вопросу (*Емец В. А.* Очерки внешней политики России 1914—1917 гг. М., 1977, с. 281—282).

[6] *Попов П. И.* Хлебофуражный баланс 1840—1924 гг. — В кн.: Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925, с. 28.

25—31 августа Совещании уполномоченных Министерства земледелия и Особого совещания по продовольственному делу, где рассматривался вопрос о разверстке по районам государственных закупок, было высказано мнение о возможности более точного определения их объема «после установления по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи окончательных размеров сбора хлебов и потребности населения».[7] Однако жизнь вносила свои коррективы, и уже в сентябре итоговые цифры новых подсчетов показали необходимость приобретения более 1 млрд. пуд. хлебных продуктов, в том числе 0.5 млрд. пуд. муки, 325 млн. пуд. овса и ячменя, 75 млн. пуд. круп.[8] Следовательно, возникала необходимость в дополнительных мерах для выявления и реквизиции зерна. Таков был минимум государственных хлебных закупок Министерства земледелия, который правительственные органы рассчитывали получить в операционный сезон 1916/17 г. и который более чем в 4.5 раза превышал закупки первого года войны (табл. 16).

Таблица 16

Объем заготовок хлебных продуктов Министерством земледелия для армии и населения [а]

Операционный год	Всего (млн. пуд.)	В том числе для армии	
		млн. пуд.	%
1914/15	231.40	231.40	100
1915/16	343.15	343.15	100
1916/17 [б]	1106.00	686.00	62.2

[а] *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914—1918 гг. М., 1939, с. 195.
[б] Приведены плановые сведения.

Предвидя «огромность размеров» и распыленность «продукта между многими миллионами производителей», Особое совещание по продовольственному делу постановлением 31 августа—3 сентября определило принципы государственных закупок, приняв за основу предложения августовского съезда уполномоченных.[9]

[7] Справка о заготовке хлеба Министерства земледелия, 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 11—12.
[8] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 2.
[9] Там же; ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 52, л. 171.

Осуществляя намеченный план, уполномоченные Министерства земледелия закупили к 15 ноября 1916 г. в общей сложности 219 млн. пуд. хлеба и фуража. Если сравнить эту цифру с объемом заготовок в хлебную кампанию 1914 и 1915 гг. (на ту же дату) — 52 и 128 млн. пуд., — то складывается впечатление полного благополучия. Однако при всей внушительности цифр действительная потребность наличного состава войск и населения значительно опережала масштабы заготовок, которые в 1916—1917 гг. должны были вчетверо превысить закупки первого года войны и дважды — второго года.[10] Почти все количество хлебных продуктов, приобретенных правительственными органами, направлялось в распоряжение интендантских служб.[11] И тем не менее ежемесячное поступление хлеба к уполномоченным Министерства земледелия не превышало в среднем 30 млн. пуд., что не соответствовало норме армейского потребления (40 млн. пуд.).[12] Конкуренция уполномоченных по закупкам для земств и городов с войсковыми агентами по продовольственному снабжению создавала дополнительную сложность, приводила к бесконечным организационным беспорядкам. Несмотря на то что трижды в течение второго года войны (в июле, ноябре и декабре) в Ставке Верховного командования рассматривался вопрос о недопустимости параллельных закупок в одной местности и по соглашению с председателем Особого совещания по продовольственному делу деятельность уполномоченных различного ведомственного подчинения регламентировалась территориально (снабжение фронта и войсковых районов находилось в ведении военного ведомства), положение дел и в 1916 г. не изменилось к лучшему.

Но, разумеется, все прочие трудности продовольственного снабжения армии меркли перед трудностями транспортировки, нескончаемыми сбоями графиков и планов перевозок. Железные дороги, отмечал В. И. Ленин, — «итоги самых главных отраслей капиталистической про-

---

[10] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 13—14. — В 1916 г. резко возросла потребность многомиллионной армии в мясных продуктах. В тыловых войсках начались переговоры о введении двух «мясопустых» дней в неделю дополнительно к двум уже ранее утвержденным (Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 год. М., 1977, ч. II, № 68, с. 260—261).

[11] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 23—24.

[12] Там же, л. 16.

мышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации».[13] Накануне войны по протяженности железнодорожных линий Россия резко уступала Германии. Второй год войны сократил сеть железных дорог на 6 тыс. верст. Развал железнодорожного транспорта, падение железоделательного производства, наконец, топливный кризис — все это в совокупности являлось ярким свидетельством общего экономического упадка в стране, жертвой которого и стали дороги.

Уже с первого дня войны железные дороги были объявлены «на положении чрезвычайной охраны».[14] Армию обслуживало $^2/_3$ подвижного состава (более 60 тыс. вагонов в месяц предназначалось для армейских продовольственных грузов), и это означало, что военные, стратегические грузы окончательно вытеснили частный грузооборот. Достаточно упомянуть о скоплении в 1915 г. на станционных узлах до 2 млрд. пуд. частных грузов, законсервированных с прошедшего года. Министерство путей сообщения по-прежнему стремилось всеми мерами воздействовать на интенсивность перевозок, регулируя грузовые потоки, сокращая пассажирское движение, наконец, расширяя парк подвижного состава. Для этой цели правительство выделило министерству в течение 1915—1916 гг. около 800 млн. руб.[15] Однако повседневная практика показала, сколь ничтожны были эти усилия. 15 октября 1916 г. в Ставке состоялось совещание армейских интендантов, где выяснилось, что войскам требуется 2676 вагонов с провиантом и фуражом, т. е. 400 железнодорожных составов ежедневно.[16] Между тем железнодорожный транспорт едва справлялся с мобилизационными

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

[14] В 1913 г. грузовое сообщение к портам и границам поглощало 49.2 % всего объема хлебных перевозок, внутреннее — 50.8 %, в 1915 г. — соответственно 20.7 и 79.3 % (*Васильев И.* Транспорт России..., с. 89).

[15] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. II, № 65, с. 231—232.

[16] Николай II — Александре Федоровне, 16 октября 1916 г. — В кн.: Переписка Николая и Александры Романовых, 1916—1917 гг. М.; Л., 1927, т. V, с. 98. — Годом ранее для перевозки хлебных продуктов к Северному, Западному и Юго-Западному фронтам ежедневно требовалось 1376 вагонов (ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 10, л. 5 об.—6).

перевозками, он был не в состоянии обеспечить даже фронт регулярным подвозом продовольствия. Сравнение «общего задания» Министерства земледелия уполномоченным на поставку хлеба для армии с общим объемом хлебных перевозок (в том числе интендантских) при всей условности наглядно показывает противоположные тенденции, свидетельствовавшие о том, что рост потребности в хлебных продуктах значительно опережал реальную возможность транспортировки продовольственных грузов.

Динамика плановых заданий на поставку хлеба для армии выглядела следующим образом: 1914—1915 гг. — 231 490 т (100 %); в 1915—1916 гг. — 345 156 т (148 %); в 1916—1917 гг. — 686 000 т (296 %). Динамика общего объема хлебных перевозок составляла в 1913 г. 21.4 млн. т, в 1914 г. — 17,4 в 1915 г. — 15.1, в 1916 г. — 8.2 млн. т.[17]

Не только связь с фронтом, но и внутренние экономические взаимосвязи между районами все более ослабевали. Это было закономерным итогом переоценки со стороны правящих кругов «естественных производительных сил» и явной недооценки всей совокупности факторов, влиявших на продовольственное снабжение страны.

В поисках выхода правительство прибегло к реорганизации чрезвычайного регулирующего органа и в этой области экономики. 3 февраля 1916 г. было утверждено «Положение о Временном распорядительном комитете по железнодорожным перевозкам», созданном для сосредоточения в ведении Министерства путей сообщения на период войны всех мероприятий и распоряжений о передвижении грузов, за исключением театра военных действий.[18] Распорядительный комитет объединил представителей важнейших министерств и ведомств, штаба верховного главнокомандующего, управлений казенных и частных железных дорог. Его функции оказались довольно внушительны и разнообразны — от создания общего плана транспортировок до распределения отдельных грузопотоков по районам и срокам.[19] Учреждение Распорядитель-

---

[17] *Васильев Н.* Транспорт России..., с. 89. — За январь—июль 1916 г. план перевозок продовольственных армейских грузов был выполнен лишь на 48.1 % (там же, с. 203).

[18] Временный распорядительный комитет заменил собой Особый распорядительный комитет по перевозкам военного времени, созданный в июле 1914 г.

[19] Известия Особого совещания, 1916, № 19, 20 февраля, с. 38—39.

ного комитета соответствовало ярко обозначившейся в период кризиса тенденции к концентрации исполнительной власти в руках министерств и ведомств. Насколько беспомощными оказались первые шаги в деятельности Комитета, показали дальнейшие события. Особое совещание по обороне на одном из заседаний отмечало, что «начиная с лета наблюдалось повсеместное непредъявление к отправке хлебных грузов».[20] В июле—сентябре на железнодорожных станциях недоставало продовольственных грузов, полностью отсутствовали запасы провианта, что привело к снижению до половины нормы плановых поставок. В октябре в связи с положением на театре военных действий усилились оперативные перевозки Юго-Западного фронта, что, по признанию товарища министра путей сообщения Э. Б. Войновского-Кригер, сделало «почти невозможным» подвоз продовольственных грузов.[21] Крайне неритмично работали не только юго-западные, но и стратегически важные юго-восточные железные дороги. Базисные магазины фронтов лишь в январе 1916 г. получили грузы по ноябрьским и декабрьским нарядам, так и не дождавшись новогодних продовольственных партий. Только по Тамбовской губернии из 1860 вагонов овса Западный фронт недополучил 1185 вагонов. В феврале из 5.2 тыс. вагонов, назначенных Распорядительным комитетом, недогруженными по разным причинам оказались более 2 тыс. вагонов.[22] Все это, писал А. Н. Наумов А. Ф. Трепову, «весьма задерживает заготовку хлеба для армии в районах, тяготеющих к линиям юго-восточных дорог, а местами вынуждает и совершенно прекращать на некоторое время закупки».[23] О «совершенном расстройстве перевозок» многократно сообщал Управлению дорог и главноуполномоченный Г. В. Глинка. Министерство путей сообщения в свою очередь обвиняло армейское командование в концентрации грузов «без заранее составленных планов».[24] В таких взаимных пререка-

---

[20] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. IV, № 127, с. 739.

[21] Там же, № 124, с. 718.

[22] Доклад Управления железных дорог Министерству путей сообщения 26 февраля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 205.

[23] А. Н. Наумов — А. Ф. Трепову, 8 февраля 1916 г. — Там же, л. 206.

[24] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 205 об.

ниях протекали дни и месяцы. Озабочивало Министерство земледелия и слабое использование водных путей. За период летней навигации по Волжско-Камской системе — важнейшей водной артерии по транспортировке хлеба — было перевезено всего лишь 80 тыс. пуд. продовольственного груза против 40—50 млн. пуд., намеченных к переброске этим путем.[25]

В донесениях командующих фронтами, адресованных Ставке, сообщалось о голодном пайке солдат. А. А. Брусилов в телеграмме на имя министра земледелия А. А. Риттиха предупреждал в ноябре о надвигающемся голоде в действующих войсках, о возможных неповиновениях и самоуправстве. Послание Брусилова заканчивалось словами: «... самом ближайшем будущем начнется буквальный голод армиях».[26] 3 декабря Риттих известил гофмейстера С. Н. Гербеля о содержании депеши Брусилова, сопроводив свое извещение просьбой о предоставлении Юго-Западному фронту необходимого количества продовольствия. Еще более остро ставил вопрос главнокомандующий Северным фронтом ген. Н. В. Рузский в депеше ген. В. И. Гурко. «Тяжелый кризис внутренней жизни страны, выражающийся в расстройстве продовольственной и транспортной части, — писал он в феврале 1917 г., — несомненно главнейший фактор, который может в будущем отвлечь внимание армии от ее прямого дела и создать условия и течения, которые могут привести к ослаблению... общего порыва к окончанию войны путем стремления к победе».[27] Ген. Рузский был недалек от истины.

С гневом и болью звучит та же тема надвигающегося голода во фронтовых письмах солдат: «кормят голодно и скверно»; «неладно становится теперь солдату, во всем трудно; что следует по положению, не дают — ни хлеба, ни сахару»; «нет хлеба, когда его гноят целые миллионы пудов, и только ради бешеной наживы»; «теперь очень плохо, хлеба мы не получали две недели, а дают все лишь одни сухари, вот как хочешь, так и воюй».[28] Письма с фронта — яркое свидетельство растущего в армии недовольства, пробуждения сознания солдатских масс. Снаб-

[25] Там же, д. 78, л. 16.
[26] Там же, л. 31.
[27] Н. В. Рузский — В. И. Гурко, 19 февраля 1917 г. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 50.
[28] Красный архив. М., 1934, т. 65—66, с. 123, 124, 140 и след.

жение не обходилось и без крайних злоупотреблений в интендантских службах. А. Пирейко в «Воспоминаниях рядового» писал о «целой воровской машине» в снабжении продовольствием воинских подразделений. «И так было во всех тыловых снабженческих частях, где подстраивались на службу... состоятельные люди с протекциями, которые не только не несли никаких убытков от войны, но и наживались на ней».[29]

В условиях назревавшего революционного кризиса в стране огромная мобилизующая роль принадлежала партии большевиков, которая в труднейших условиях оголтелой реакции использовала все возможности подпольной борьбы для подготовки армии к революционному выступлению против самодержавия, за превращение империалистической войны в гражданскую. В октябре 1916 г. большевиками была выпущена листовка по вопросу о продовольственном кризисе и дороговизне. В ней отчетливо звучал призыв в духе Циммервальдской конференции немедленно прекратить войну.[30]

В конце 1916 г. армейские запасы продовольствия резко сократились, составив норму 12-дневного пайка. Правительство в экстренном порядке пыталось организовать продовольственную помощь фронту, отправив 85 млн. пуд. хлебных продуктов. Но такая единовременная мера едва ли могла спасти положение. По-прежнему оставалась перспектива голода. Упорно рекламируемые военным ведомством заявления о годовом хлебном запасе в войсках оказались фикцией. Председатель Государственной думы А. В. Родзянко, умело используя затруднения властей, не преминул открыто заявить об иссякших продовольственных запасах в армии на одном из ноябрьских заседаний «прогрессивного блока».[31]

Если накануне войны количество товарного зерна, снабжавшего города, армию и питавшего экспорт (исключая внутридеревенский оборот), достигало 1179 млн. пуд., то в 1916—1917 гг. оно упало до 795 млн. пуд.[32] Между

---

[29] *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926, с. 28—29.

[30] Красный архив. М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 27.

[31] *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Вестн. Моск. ун-та, 1956, № 1, с. 142.

[32] *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1962, с. 296.

тем, по данным главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии, излишек хлеба (за вычетом объема потребления и союзных поставок) в 1916 г. составил 197 млн. пуд. (в 1915 г. — 290.3, в 1914 г. — 278.5). К середине июля 1916 г. хлебный запас исчислялся в количестве 402.2 млн. пуд.[33] Разумеется, эти цифры являлись приближенными, однако они свидетельствовали, что упадок сельского хозяйства был не единственной «и даже не главной причиной»[34] сокращения потребления как следствия продовольственного кризиса, разразившегося в стране. Подсчеты А. М. Анфимова показали, что дислоцированная в Европейской России армия и население вполне могли быть обеспечены хлебом до урожая 1917 г.[35]

По данным предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., масштабы посевной площади в 1916 г. превышали величину посевов, необходимую для удовлетворения потребностей населения страны. Это явилось достаточно веским доказательством наличия в стране скрытых в спекулятивных целях «значительных хлебных запасов сверх количеств, необходимых для снабжения как армии, так и населения».[36] В. И. Ленин неоднократно подчеркивал классовую основу спекуляции, роднившую и сближавшую по экономическим интересам торговый капитал и союзных, и враждующих стран. «Голод масс, — писал он, — служит теперь во всех империалистических странах лучшим полем для развития самой бешеной спекуляции, для наживы неслыханных богатств на нужде и голоде».[37]

В тылу сбор продовольствия и для армии, и для крупных индустриальных центров продолжал испытывать превеликие трудности. Потребность в хлебе промышленных районов стремительно возрастала как вследствие расширения военного производства и привлечения рабочей силы, так и из-за притока беженцев. Достаточно упомянуть, что население 779 городов к октябрю 1915 г. увеличилось по

---

[33] Там же, с. 309.

[34] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 468.

[35] *Анфимов А. М.* Зерновое хозяйство России в годы первой мировой войны. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. III, с. 493.

[36] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 59.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 400.

этой причине в основном более чем на 1555 тыс. человек. Между тем наличные запасы зерна и муки были крайне истощены. Поэтому даже тот урезанный паек, который был запланирован в качестве «нормы» военного времени и далеко уступал естественным потребностям населения в хлебе, отпускался нерегулярно.

3 октября 1915 г. Особое совещание по продовольственному делу разослало опросные листы общественным управлениям городов, земствам, губернаторам в неземских губерниях об изменении численности населения в период войны, нормах поступления продуктов, розничных ценах, запасах, объеме закупочных операций и ряде других показателей, характеризующих продовольственное снабжение на местах. Даже при отсутствии «правильно организованной статистики» выяснилось, что нехватку продовольствия испытывали все крупные потребительские центры — более 200 городов не только в потребляющих, но и в производящих хлеб районах. Анкета Особого совещания лишь несколько уточнила и обобщила данные опроса городских управ Экономического отдела Союза городов в апреле—мае того же года. Квинтэссенцию этих ответов весьма образно отразила записка Виленской городской управы: «Слово „голод", вначале, может быть, только гиперболическое указание на тягостные заминки в продовольственном деле, в настоящий момент приобретает право гражданства».[38] Ознакомившись с содержанием ответов, А. Н. Наумов высказал общее соображение о том, что расстройство транспорта привело к расстройству торговли и промышленности.[39]

Тогда же Министерство земледелия оказало городам, прежде всего столицам, продовольственную помощь, передав им 8.2 млн. пуд. продуктов, в том числе около 6 млн. пуд. ржаной и пшеничной муки. Помимо того через уполномоченных Министерства земледелия было закуплено для городов около 2.6 млн. пуд. муки. Однако эффективность этой помощи резко снижали трудности транспортировки. Излагая в послании к И. Л. Горемыкину свои соображения по поводу правительственных мер, Н. А. Наумов заметил: «Даже во много раз увеличенные ссуды

---

[38] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной. — В кн.: Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 272.

[39] А. Н. Наумов — И. Л. Горемыкину, 20 ноября 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 10, л. 4—5.

и казенные или общественные заготовки не могут заменить собой частного капитала, обычно обслуживающего хлебную торговлю».[40] В этой фразе сказались и неверие в силу регулирующих органов, и приверженность творцов государственной политики традиционным взглядам на всесилие частной инициативы.

В общей сложности в 1914—1916 гг. продовольственные органы предоставили населению и государственным учреждениям 1,4 млрд. пуд. зерна, т. е. немногим менее половины общего объема товарного хлеба. Исходя из представленных смет, Государственное казначейство довольно щедро финансировало хлебозакупочные операции, выделив Министерству земледелия в те же годы 1079 млн. руб., в том числе львиную долю для нужд армии — 1056 млн. руб.[41]

Исключительные обстоятельства вызывали неординарные меры регулирования железнодорожных перевозок к тыловым объектам, рассматриваемые как особые льготы для крупных промышленных центров и наиболее важных районов мукомолья. Напомним, что в конце 1915 г. Особое совещание по перевозкам решило встать на путь планирования, в результате чего впервые был составлен план продовольственного снабжения 22 северных губерний на декабрь—январь 1915—1916 гг. и для 15 северных и западных губерний на февраль—март 1916 г. В случае необходимости преимущества и льготы в разное время предоставлялись отдельным губерниям и областям. В частности, норма доставки продуктов первой необходимости в Финляндию была утверждена в объеме 120 вагонов в сутки, в Псковскую губернию — 25, Эстляндскую — 4, Олонецкую — 2 вагонов в сутки и т. д. Для Киевской губернии норма поступления продовольствия и фуража определялась 94 вагонами, в том числе 29 вагонами пшеничной муки, 15 вагонами ржаной муки и 2 вагонами круп.[42] Правда, в ноябре 1916 г. уполномоченный по Киевской губернии возбудил ходатайство перед Особым совещанием по продовольственному делу о замене губернского снабжения Киева окружным вследствие исторически сложившихся связей, создавших «узоры сложного сплетения»

---

[40] Там же, л. 3 об.

[41] Совещание уполномоченных 25—31 августа 1916 г. Пг., 1916, с. 21, 22, 24.

[42] Известия Особого совещания, 1916, № 19, 20 февраля, с. 8—9.

экономической зависимости крупных потребительских центров от периферии.[43]

Пермская и Уфимская губернии также получили преимущественное право пользования железнодорожными вагонами по определенным суточным нормам. Кроме того, в октябре уполномоченному Уфы был передан железнодорожный парк, насчитывавший 300 вагонов. Особое совещание изредка прибегало к подобному поощрительному акту. [44] Продовольственное снабжение Донбасса осуществлялось в единой очередности с транспортировкой интендантских грузов. Бесперебойное поступление зерновых продуктов к мельницам должен был обеспечить план подвоза зерна для 29 губерний, разработанный совместными усилиями Особого совещания и Распорядительного комитета по железнодорожным перевозкам.[45] Несомненно, эти действия способствовали некоторой стабилизации продовольственного положения на периферии в крайне короткий промежуток времени. Но, разумеется, попытки отдельных плановых перевозок ни в коей мере не могли отвечать требованиям общего планирования транспортировки хлебных грузов, ибо эта мера означала несовместимое с капиталистической экономикой полное ограничение свободы товарообмена и безусловный переход к принципу принудительного отчуждения продукта. Впервые общее планирование хлебных перевозок было осуществлено, как известно, молодым пролетарским государством.

В годы кризиса в решении продовольственного вопроса значительно усилилась роль кооперации, ставшей экономически сильной организацией, объединившей к 1917 г. около 10 млн. человек. Широкое численное и территориальное распространение получила потребительская кооперация, стремительный рост которой был отмечен всеми статистическими источниками военного времени. По данным Статистического отдела Московского союза потребительских обществ, к середине 1915 г. в России действовали 13 300 кооперативных организаций, к 1 января 1916 г. — 14 тыс., к июню того же года — 16 тыс. Наибольший количественный рост кооперация показала в центральных районах Европейской России. В Костромской губернии сельская кооперация объединяла более

---

[43] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 15, л. 106.
[44] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 44.
[45] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 28 и об.

трети домохозяев и осуществляла наряду с земствами и городами создание местных запасов. В Ярославской губернии в кооперацию входила половина сельского населения, в Тульской губернии — две трети. Но и в далекой Забайкальской области к октябрю 1916 г. развернули операции 222 потребительских товарищества. Отдельные кооперативы бурно развивали свою деятельность, начиная играть весьма видную роль в экономической жизни и сельских, и промышленных районов. К их числу следует отнести возникшее в сентябре 1915 г. в Самаре при участии ряда деятелей кадетской партии товарищество «Самопомощь», насчитывавшее уже в 1916 г. 14 тыс. членов и ставшее владельцем 5 продовольственных магазинов, Костромское центральное сельскохозяйственное общество, Пермский союз потребительских обществ, Общество оптовых закупок для петроградских потребительских обществ и ряд других. В Вятской губернии через кооперацию происходило распределение среди сельского населения до 50 % привозной муки.[46] В Москве в начале 1915 г. было создано общество «Кооперация», объединившее к октябрю 1916 г. до 20 тыс. членов. Общий годовой оборот потребительских кооперативов в России превысил 300 млн. руб.[47]

Усиление потребительской кооперации вызывало глубокие разногласия внутри ее неоднородного состава и противодействие со стороны других социальных групп и объединений. Из всех форм кооперации потребительская встречала наибольшее классовое сопротивление, поскольку, по признанию едва ли беспристрастного Особого совещания по продовольственному делу, ее интересы неизбежно сталкивались с интересами «зажиточного», «влиятельного торгового класса».[48] Известное юридическое и финансовое поощрение кооперативного движения со стороны царского правительства сопровождалось рядом ограничительных актов, пресекавших политическое направление этого движения. С этой целью министру внутренних дел было предложено принять соответствующие административные меры.[49] Противодействие, естественно, вызывало реак-

---

[46] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914—февраль 1917 г.). — Ист. зап., 1978, т. 101, с. 150.

[47] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 64—65.

[48] Там же.

[49] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 151.

цию к объединению, к основанию прочной союзной кооперативной организации. 24—26 июня 1915 г. состоялось совещание союзов кооператоров в Москве, результатом которого явилось признание всероссийского значения Московского союза потребительских обществ и создание Центрального комитета кооперативных обществ. Однако уже 3 ноября, разумеется, не без участия А. И. Хвостова, комитет был закрыт. К февралю 1916 г. кооперативные союзы сложились в 61 губернии и области, в том числе в Московской губернии насчитывалось 23 союзных объединения, в Пермской — 17, Подольской — 16, Тверской — 14, Новгородской — 11, в Сибири — 6, Петрограде — 5 союзных объединений.[50]

На продовольственном рынке кооперация выступила в качестве регулятора цен, противника их чрезмерного роста, дороговизны, что было замечено и оценено населением. Как правило, в магазинах и продуктовых лавках кооперативных объединений уровень цен уступал рыночным. Все глубже погружаясь в атмосферу конкурентной борьбы, потребительская кооперация выступала в двух ролях — в ролях крупного покупателя и распределителя продовольствия. Начало покупным операциям было положено кооперативными объединениями, тяготевшими по торговым интересам к Рыбинску. Под флагом Московского кооперативного союза они произвели первый опыт совместных закупок, приобретя до 800 вагонов хлебных грузов.[51] Удачное начинание было тотчас же подхвачено кооперативными объединениями различных районов. В качестве распределительного органа кооперация стремилась собственными силами разрешить ряд сложных вопросов, осуществляя нормирование потребления на местах. Она ограничивала отпуск дефицитного продукта в одни руки и вводила сложную систему продовольственных карточек. В Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Красноярске и прочих крупных промышленных центрах городские управления оказывали кооперации финансовую поддержку, в мелких городах они нередко сами становились членами потребительских обществ.

Стремление городской буржуазии привлечь кооперативные союзы к «тесному взаимодействию» безусловно имело под собой определенный расчет: она пыталась не

---

[50] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 65.
[51] Там же, с. 69.

только использовать дополнительные средства, но и усилить через кооперативную сеть свое влияние на широкие массы. Отсюда призывы к содействию «самоорганизации потребителей» (резолюция московского совещания городов 11—13 июля), проекты создания крупных кооперативных союзов с рекомендацией городским управлениям «взять на себя обязанность по насаждению, финансированию и инструктированию» разного рода кооперативов и, более того, требование издания особого закона об открытии кооперативов «явочным порядком» (резолюция Самарского съезда 22—24 июня). По всем данным, руководители кооперации весьма неохотно шли на сближение, считая, что «действительная совместная работа может прийти на смену платоническому единению лишь при условии равного представительства в органах, ведающих борьбу с дороговизной».[52]

Летом 1916 г. газеты пестрели заметками о возникшем в южных производительных районах страны движении за новый вид кооперации — кооперации «производственного типа», ставящей перед собой «чрезвычайно широкие задачи»: кооперирование сельскохозяйственного машиностроения, развитие промышленного мукомолья и пр., т. е. организацию собственного производства.[53] Следует заметить, что движение за кооперативное мукомолье началось еще в 1915 г. С самого начала оно выражало не что иное, как протест против монополизации мукомольного дела, являлось движением за утверждение экономической самостоятельности. Первый мукомольный кооператив возник в с. Константиновка Бердянского уезда Таврической губернии, где местным кредитным товариществом были организованы кооперативная мельница, а позднее — сеть мельниц.[54] Связь первых мукомольных кооперативов с деятельностью кредитных товариществ бесспорна. Кооперативные объединения на собственные средства приобретали мельницы, строили хлебопекарни, открывали лавки и магазины. Заметным явлением стал первый съезд кредитных союзов на юге России, созванный в ноябре 1916 г. в Ростове-на-Дону, по вопросу о кооперативном сбыте хлеба. Съезд представляли члены 26 союзов. Решения съезда затрагивали ряд важных проблем, таких как строи-

---

[52] Там же, с. 292—293.
[53] См., например: Русское слово, 1916, 29 июня.
[54] Утро России, 1916, 9 июня.

тельство элеваторов на собственные средства и государственные кредиты, устройство кооперативных мельниц, речных пароходств, наконец, создание центральной южнорусской объединенной организации по закупкам и сбыту хлеба, по переработке и транспортировке сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, в решениях съезда отразились практические шаги к объединению в рамках кооперации всех стадий «движения» сельскохозяйственных продуктов от производства до реализации (хранения, промышленной переработки, перевозок, сбыта). Одновременно, 13—15 ноября, в Петрограде был созван съезд кооператоров Северного района с почти аналогичной программой, вынесший постановление о численном росте и расширении сферы деятельности кооперативов, объединенных Обществом оптовых закупок.[55] При всем значении Петроградского общества оно не достигло столь масштабных операций, которые проводили объединенные кооперативы Юга России.

Не ограничиваясь задачей продовольственного снабжения населения, южные кооперативы активно втягивались в общую систему армейских поставок, все чаще выступая в роли контрагента Министерства земледелия. В кампанию 1915/16 г. по сравнению с предшествующей государственные хлебные закупки у кооперативов несколько увеличились — с 15 до 17 %. Однако ни в какое сравнение они не шли с закупками у посредников (50 %).[56] 12 июня в Николаевском отделении Государственного банка состоялось совещание представителей 63 южных кооперативов, где решался вопрос о ближайших действиях Одесского и Николаевского союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в связи с увеличением поставок хлеба для армии. Совещание постановило ввести в круг операций союзов прием хлеба на комиссию, выдачу ссуд под залог и в случае необходимости скупку хлеба за счет средств земств и кооперативов. Совещание одобрило обращение союзов к министру земледелия по поводу назначения твердых цен в заготовительную кампанию.[57] Это был еще один заметный шаг в утверждении кооперации.

Развитие кооперативного движения и расширение рамок общественной деятельности кооперации безусловно

[55] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 109.

[56] Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли. Пг., 1916, с. XV.

[57] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 131.

укрепило ее позиции и позволило претендовать на решение серьезных, политически острых вопросов, связанных с проблемой государственного регулирования экономики. Примером может служить обращение 67 кооперативов Пензенской губернии к министру земледелия с просьбой «в интересах справедливости и правильного хода хозяйственной жизни» установить предельные твердые цены «на продукты фабрично-заводской промышленности широкого, массового потребления».[58] Разумеется, реакция правительства могла быть только однозначной.

Сколь разнообразны были условия возникновения кооперации в различных районах, столь же разнохарактерны были ее функции и ближайшие задачи применительно к обстоятельствам местной жизни. Всероссийский союз городов поместил весьма любопытное известие о попытке Николаевского сельскохозяйственного товарищества в области Войска Донского вмешаться в земельные отношения, т. е. на основе кооперативного хозяйства объединить частные хозяйства, перейти к совместной обработке участков, совместному приобретению и использованию инвентаря и т. д.[59] Разумеется, подобные случаи в то время были единичны, но они свидетельствовали об активности кооперации, о нарастающей силе кооперативного движения, явно уходившего из-под влияния центральной власти. Отсюда понятны попытки Особого совещания по продовольственному делу экономически подчинить кооперацию, создать ее союзное объединение в рамках собственного влияния. С этой целью летом 1916 г. Совещанием была создана специальная комиссия по изучению кооперативного движения. Ряд мер для координации действий кооперативов предприняло и Центральное бюро по мукомолью, стремясь ввести кооперацию в русло угодной правительству экономической политики.

Расширяя свою деятельность, кооперация все заметнее отдалялась от земств, стремившихся видеть в кооперативах лишь свой исполнительный орган, осуществлявший закупку семян, снабжение деревни машинами, механизмами и пр. По характеру операций кооперативы сближались с сельскими обществами, являясь для них, по словам современника, «толчком и инициативой». Показательно,

---

[58] Там же, с. 110.

[59] Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Пг., 1916, вып. X, с. 22.

что кооперация выступала «организатором» труда крестьян, мобилизуя их на те или иные земледельческие работы. Об этом свидетельствует множество фактов, появлявшихся в 1915—1916 гг. на страницах провинциальной печати. Приведем лишь некоторые из них. Совет Екатеринбургского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ обратился к кооперативам с просьбой оказать помощь семьям призванных в армию в уборке урожая. Правление Торгово-промышленного товарищества кооперативов Пермской губернии призвало потребительские общества содействовать семьям военнообязанных (в период вспашки, посевной и пр.). Сельские кооперативы ряда губерний составляли «приговоры» о выполнении сельскохозяйственных работ в помощь семьям запасных и ратников ополчения. Местная печать отмечала многочисленные случаи бесплатного обеспечения инвентарем и семенами солдатских хозяйств (в Курской, Казанской, Нижегородской и других губерниях). В ряде районов были любопытные случаи организации специальных рабочих артелей для вспашки полей, принадлежавших семьям запасных. Порою кооперативы просто вменяли в обязанность своим членам обработку полей в солдатских хозяйствах (например, в Волынской губернии).[60] Широкое распространение получила также выдача денежных ссуд семьям солдат из собственных средств кооперации или пожертвований. Заслуживают внимания случаи, когда кооператоры оказывали посильную помощь безлошадным крестьянам в обработке участков своим рабочим скотом. Активная роль кооперации вызывала известное беспокойство и в правительственных, и в земских кругах, ревниво охранявших сферу крестьянских интересов от «постороннего» влияния.

И представители кооперативного движения, и земские и городские управы, каждый со своих позиций, разумеется, выдвигали проекты создания продовольственных органов на местах на началах представительства широких слоев населения. Необходимость каких-то перемен становилась все очевиднее и для Особого совещания по продовольственному делу. Вместе с тем само развитие продовольственного кризиса подталкивало к изменению юри-

---

[60] *Богомазов М. И., Здановский И. Л., Левин С. А.* Условия 1914—1915 сельскохозяйственного года. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. I, с. 458—461.

дического статуса местных продовольственных органов, к расширению их состава и функций. В условиях тяжелейшего экономического спада вставала задача — создать при уполномоченных «усовершенствованные» закупочно-распределительные организации, действующие согласованно и «по единому плану».[61] В резолюции Экономического совещания при Особом совещании по продовольственному делу 3 января 1916 г. отмечалось, что все формы регулирования должны быть объединены в единой соподчиненной системе продовольственных органов: центрального (Особое совещание по продовольственному делу), крупных местных (уполномоченных председателя Особого совещания) и мелких местных (комиссий, совещаний, обывательских комитетов, возникших к этому времени в Витебской, Волынской, Владимирской, Екатеринбургской и Пермской губерниях). Частным торговым предприятиям и организациям (имелись в виду биржи) не следовало уклоняться от общих намерений, но «деятельность их должна быть подчинена общественному интересу в форме выполнения требований продовольственных органов».[62] И здесь стремление допустить частную инициативу к регулированию продовольственного дела на местах сопровождалось усилиями оградить ее узкими рамками предначертанной правительством деятельности.

С усилением кризисных явлений все ярче вырисовывалась борьба двух начал в деятельности местных продовольственных органов: навязанное А. Н. Хвостовым усиление их контрольных функций на губернском уровне и в противовес тому известная демократизация на низшей ступени. Низовые волостные организации (совещания, продовольственные комиссии) занимали обособленное положение уже в силу того, что создавались не распоряжением центральной власти, а инициативой уездных совещаний или земских управ. В них в отличие от состава губернских и уездных совещаний с их сильным административным элементом были представлены демократические слои населения, в том числе местная интеллигенция. Однако волостные органы имели место лишь в отдельных губерниях, т. е. были численно ограничены.

---

[61] Материалы к вопросу о государственном регулировании..., с. IX.

[62] ЦГВИА, ф. 12593, оп. 52, д. 50, л. 1; Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916, вып. 6, с. 17 (97).

К тому же в стремлении связать местную инициативу, не допустить никакой организации масс, руководящую роль в них нередко захватывали должностные лица: гласные уездных земств, волостные старшины и др.[63]

Разграничение исполнительных, распорядительных и контрольных функций в местных продовольственных органах являлось чисто условным. Иногда они проявляли самостоятельность в осуществлении собственного продовольственного «курса» в местном масштабе — создавали кооперативные объединения, открывали продуктовые лавки, вводили карточную систему. Призванные содействовать уполномоченным в осуществлении закупочных операций, местные продовольственные органы стремились усилить собственное влияние. Сравнивая изменения в составе и функциях местных продовольственных органов, предусмотренных ст. 9 Положения Совета министров от 19 мая 1915 г., законом 17 августа 1915 г., инструкцией для уполномоченных Особого совещания по продовольственному делу от 25 октября того же года, наконец, Постановлением 12 февраля 1916 г. (см. выше, с. 145), можно констатировать, что в определении задач местных органов правительственные инстанции неизменно исходили из признания решающей роли государства в регламентации продовольственного снабжения. И чем глубже сознание неизбежности государственного вмешательства укоренялось в правящих кругах, чем масштабнее оказывались практические результаты законодательных перемен (порою независимо и в противовес желанию самих законодателей), тем шире становился круг непосредственных участников решения продовольственной проблемы.

В период кризиса усилилась тенденция к централизации заготовительной деятельности в рамках отдельных районов, что перекликалось с общегосударственными мероприятиями, проводимыми А. Н. Наумовым в этом направлении. Инициаторами новых форм продовольственных объединений на региональном уровне нередко становились местные органы, включавшие значительные «общественные» силы. Материалы с мест показали, что в шести губерниях объединенные продовольственные организации создали центральные закупочные органы. В Ярославской губернии те же функции соединила в себе земская касса мелкого кредита, в Рязанской — губернский объединен-

[63] Особое совещание для обсуждения..., вып. 6, с. 82, 85.

ный продовольственный комитет и т. д.[64] Централизация способствовала упорядочению закупок, но в то же время ослабляла влияние демократических элементов, поскольку объединенные органы создавались на губернском и межгубернском уровнях.

Контроль за ценами по-прежнему осуществлялся местными полицейскими учреждениями и отчасти земством и городским самоуправлением. Но и здесь ощущались перемены. С целью борьбы с дороговизной и спекуляцией на местах спорадически возникали контрольные комитеты и комиссии, отличавшиеся «неопределенностью взаимоотношений», но в то же время обладавшие «жизненной эластичностью», знанием нужд местного населения. В Нижнем Новгороде под председательством губернатора в июне состоялось совещание представителей муниципалитета, земств, торговых представительств, где рассматривались меры борьбы с дороговизной и спекуляцией. Совещание высказалось за создание «городского попечительства» для развития кооперативной торговли и снабжения населения «по умеренным ценам». Предлагалось организовать губернский продовольственный комитет, который должен был объединить усилия городских и земских представителей в области закупок и принимать участие в решении прочих общих проблем, а также учредить 11 порайонных городских контрольных комиссий для надзора за ходом торговых операций.[65] В Тамбове вопрос о ценах и дороговизне подвергся подробному освещению на съезде кооператоров, созванном земскими учреждениями.[66] Сравнительно больших достижений добились местные продовольственные организации Волынской и Пермской губерний, итоги деятельности которых вынуждено было отметить и Особое совещание по продовольственному делу.

Новые контрольные органы пользовались известным авторитетом и доверием. Анализ их деятельности заставил Особое совещание признать, что «наилучшею системою является та, при которой к организации продовольственного дела привлекаются широкие слои населения, которая наиболее приближена к потребителям».[67] Сложная система местных продовольственных организаций требовала общего руководства, согласованности действий и строгого

[64] Там же, с. 86.
[65] Торгово-промышленная газета, 1916, 7 июня.
[66] Русское слово, 1916, 29 июня.
[67] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 90.

контроля, т. е. организационных и функциональных изменений в центральном регулирующем органе, ибо в перспективе именно на эти сложившиеся в годы войны закупочные и контрольные органы возлагались надежды в послевоенной организации продовольственного снабжения.

К концу 1916 г. продовольственный кризис в стране резко усилился. Власти были крайне обеспокоены признаками надвигавшегося голода. Голод ослаблял тыл, угрожал фронтовым частям, а следовательно, и боеспособности армии. Вот какой многозначительной фразой начал свое послание к монарху М. В. Родзянко: «В минуту грозной опасности самая плохая политика — закрывать глаза на всю серьезность сложившейся обстановки... Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое. Ее армия не разбита; она снабжена предметами вооружения более, чем когда бы то ни было раньше, но позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь, весь беспримерный героизм и — даже более — решительно склонить чашу военных весов на сторону наших врагов. Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше».[68] Действительно, из разных уголков страны правительство получало сигналы о народных бедствиях, вызванных разрухой и голодом. Продовольственный кризис всей тяжестью обрушился на рабочее население городов и бедняцкие крестьянские массы. Открытые проявления недовольства со стороны трудящегося населения выливались подчас в грозную для правительства форму широких народных выступлений.

Уральский областной военно-промышленный комитет предупреждал, что работающим на оборону промышленным предприятиям Пермской губернии в апреле «грозит формальный голод», ибо запасами зерна население обеспечено только до половины марта. Из-за придирок железнодорожного начальства не были доставлены по назначению 120 вагонов муки, отправленных для Пермской губернии уполномоченным по хлебным заготовкам. Исключительно по вине администрации железных дорог происходили бессмысленные простои товарных вагонов, вследствие чего Богословский горнозаводской округ, где остро ощущался

---

[68] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957, ч. II, док. № 345, с. 18.

недостаток в муке, получал хлебные продукты с большим запозданием. Из южных губерний (Екатеринославской, в частности) в Совет съезда горнопромышленников Юга России поступали сообщения о нехватке муки для рабочих рудников и заводов, об угрозе «настоящего голода».[69]

В Оренбурге 2—3 мая продовольственное волнение охватило более 2 тыс. человек и приняло характер открытого восстания. Начатое солдатками выступление было поддержано широкими слоями городского населения. Здесь не обошлось без жестокой полицейской расправы, расстрела и арестов.[70]

В прифронтовой полосе, где население значительно возросло за счет беженцев с оккупированных территорий, продовольственные трудности приняли поистине чудовищные размеры. В тяжелом положении оказались области Белоруссии, нуждавшиеся в привозном хлебе. Минская губерния, например, в довоенные годы получала 4500 вагонов продовольствия. Военная «норма» для губернии в 1915 г. была сокращена до одной трети, а в 1916 г. уменьшена в 22.5 раза (200 вагонов), да и то о регулярной доставке продовольствия не могло быть и речи. То же можно было сказать применительно к Витебской губернии, план продовольственного снабжения которой был урезан в 1916 г. по сравнению с довоенным уровнем на две трети.[71] Об оставшихся без продовольствия 20 тыс. рабочих Брянского завода сообщал главный начальник Минского военного округа. Голод вызвал забастовку рабочих Льнопрядильной фабрики в Костромской губернии, о чем свидетельствовал старший инспектор губернии. Начальник Главного управления кораблестроения опасался вынужденной остановки Владимирского порохового завода и просил ускорить присылку продовольствия на завод.[72] Беспокойство о возможности инцидентов политического характера со стороны населения звучало в телеграмме Риттиха, направленной 27 ноября на имя губернатора Нижнего Новгорода. «Владимирская губерния, — свидетельствовал министр земледелия, — испытывает крайний недостаток пшеничной муке причем Министерство вну-

---

[69] Там же, с. 19, 24—25.

[70] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977, т. I, с. 283.

[71] *Савицкий Э. М.* Крестьянское движение в Белоруссии в годы первой мировой войны (август 1914—февраль 1917 г.). — В кн.: ЕАИВЕ за 1966 г. Таллин, 1971, с. 504.

[72] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 498.

тренних дел сообщает крайне тревожном настроении губернии».[73]

Тогда же, в ноябре—декабре, опасаясь влияния на настроение широких масс нового снижения потребительских норм, Особое совещание высказало решимость «теперь же, заблаговременно, предупредить население о предстоящем недостатке некоторых продуктов, с чем неизбежно нужно помириться».[74] Порою продовольственное положение в городах настолько осложнялось, что вынуждало правительство прибегнуть к неожиданным, не предусмотренным никакими планами мерам, вплоть до передачи голодающему населению армейских хлебных закупок. В прессе сообщалось, что крупный предприниматель В. Н. Башкиров согласился передать в июне Самарскому городскому управлению 50 тыс. пуд. пшеницы, предназначенной для армии.[75] Если, по данным Департамента полиции, в 1915 г. в губерниях Европейской России произошло 684 голодных бунта, то менее чем за полугодие — январь—май 1916 г. — количество зарегистрированных полицией выступлений на почве голода достигло 510.[76] Бесстрастная статистика неопровержимо доказывала правительству, что рост народного недовольства набирает силу. По всей стране ширилось и крепло стачечное движение, и выступления рабочих и крестьянских масс за революционно-демократическое разрешение продовольственного кризиса сливались с этим движением. В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс в противовес мелкобуржуазным демократам «видел во всех без исключения демократических требованиях» историческое выражение борьбы народных масс.[77] Это означало наличие логической связи между демократическими требованиями трудящихся и социально-экономическими условиями, порождавшими эти требования.

Продовольственное положение в Петрограде и Москве

Кризис военной экономики тяжело отразился на продовольственном положении огромного рабочего населения

[73] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 37.
[74] Там же, л. 20.
[75] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 12.
[76] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. I, с. 283.
[77] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 258.

Петрограда и Москвы. Наличие в столицах крупного военно-промышленного комплекса, усиленно работавшего на нужды фронта, предопределило сохранение в них большого рабочего отряда. Продовольственное снабжение столиц приобретало для правительства общегосударственную значимость. Недостаток продовольствия стал тяжело ощущаться в Петрограде осенью 1915 г. В силу географического положения, удаленности от производительных районов Петроград получал 79.4 % хлебных грузов, преодолевающих расстояние более тысячи верст, тогда как Москва — лишь 13.5 %.[78] К тому же петроградская железнодорожная сеть находилась в районе военно-полевого управления и была перегружена воинскими перевозками. Следовательно, транспортные трудности, усугубленные высокой стоимостью доставки продуктов, возросшей на величину военно-грузового налога, раньше и сильнее оказали угнетающее влияние на экономику северной столицы. Здесь особенно ощущалась «ненормальность сложившегося положения», когда обеспечение продовольствием зависело «от подвоза текущего дня».[79] Двухмиллионный город ежедневно потреблял около 100 тыс. пуд. хлебных продуктов (около 12 млн. пуд. пшеничной муки в год, 11.4 млн. пуд. — ржаной). Однако торговые запасы «быстро подобрались», а «настроение столичного населения приобрело на этой почве тревожный характер, и общественное мнение ждало от государственной власти решительного вмешательства в дело продовольствия столицы».[80] Организованная Обществом им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук Комиссия по изучению современной дороговизны отмечала в 1915 г., что «в начале календарной весны... в таких крупных потребительских центрах, как Москва и Петроград», был зафиксирован «резкий скачок вверх цен почти на все продукты массового питания — подъем, не останавливающийся и захватывающий все большую и большую территорию страны».[81] Это было еще одним свидетельством того неоспоримого факта, что на «продовольственной деятельности Москвы и Петрограда с особой силой отрази-

---

[78] Деятельность Особого совещания по продовольственному делу и его комиссий. Пг., 1916, с. 23.

[79] ЦГИА СССР, ф. 273, оп. 10, д. 3476, л. 47—48.

[80] Деятельность Особого совещания..., с. 23.

[81] *Богомазов М. И., Здановский И. А., Левин С. А.* Условия 1914—1915 сельскохозяйственного года, с. 419.

лись все моменты хозяйственной дезорганизации страны».[82]

В первых числах сентября вопрос о назначении обязательных суточных норм подвоза продуктовых грузов в Петроград рассматривался Комиссией о мерах борьбы с дороговизной при Особом совещании по продовольственному делу, возглавляемой Н. П. Покровским. Петроград ежедневно должен был получать 405 вагонов продуктов, Петроградская губерния — 46, в Москву намечено было доставлять 480 вагонов.[83] Хлебные продукты составляли большинство в продовольственных грузах, предназначенных для Петрограда.[84]

Распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам циркуляром от 26 декабря 1915 г. временно отменил обязательную суточную норму продовольственного снабжения столицы, установленную Особым совещанием, заменив ее сниженной, подвижной нормой. В феврале 1916 г., согласно месячным планам, Петроград должен был получить 315.5 вагона продовольствия в сутки, в марте — 306, в апреле — лишь 180.[85] С учетом местных перевозок и сверхплановых маршрутных поездов, которым Распорядительный комитет придавал большое значение, Петроград получал в первые месяцы 1916 г. в среднем 358 продуктовых вагонов в сутки, что не соответствовало потребностям города, приводило к ухудшению положения и сокращению имевшихся в столице запасов.[86] В период навигации 1916 г. Особое совещание в свою очередь прибегло к снижению суточной нормы подвоза продовольствия с 405 до 330 вагонов.[87]

Водными артериями, по Мариинской системе, хлеб в Петроград двигался медленно, бесконечно задерживаясь на перевалочных пунктах. В общей сложности по воде

---

[82] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 304.

[83] Продовольственный вестник, 1917, № 4, 7 сентября, с. 9. — Дневная потребность Петрограда в ржаной и пшеничной муке в 1915 г. составляла соответственно 40.3 и 36.6 тыс. пуд. (Петроград: Статистические данные, относящиеся к гор. Петрограду и петроградскому городскому хозяйству (в диаграммах). Пг., 1916, с. 38).

[84] Особое совещание для обсуждения..., вып. 5, с. 80.

[85] Деятельность Особого совещания..., с. 24.

[86] Дополнение к обзору деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу .17 февраля—17 мая 1916 г. Пг., 1916, с. 5.

[87] Деятельность Особого совещания..., с. 26.

прибывало в столицу сравнительно небольшое количество продовольственных грузов. В 1916 г. в город было доставлено 281.8 тыс. пуд. хлеба, в 1917 г. — 86 тыс. пуд.[88] Корреспондент «Торгово-промышленной газеты» отмечал, что огромный спрос в Рыбинске на хлеб для северных губерний удовлетворялся слабо.[89] Между тем, по подсчетам члена Эвакуационной комиссии В. П. Литвинова-Фалинского, пропускная способность Мариинской системы могла достичь 100 млн. пуд.[90] Далеко не полное использование водных путей деятели Особого совещания по обороне склонны были объяснять наряду с другими причинами «издавна сложившимся частновладельческим характером водных перевозок», поскольку «движение на водных путях было предоставлено частной инициативе».[91] Член Государственной думы Н. Н. Львов на одном из заседаний Особого совещания по обороне в апреле 1916 г. внес предложение, одобренное Совещанием, о согласовании с Министерством земледелия вопроса о повышении цен на хлеб в районах пристаней «для привлечения хлеба к воде».[92] Тогда же, весной, на заседании Комиссии о мерах борьбы с дороговизной дискутировался вопрос о возможности доставки в Петроград 32.7 млн. пуд. продуктов, т. е. полугодовой нормы потребления населения. Учитывая сложности транспортировки столь значительного груза по Мариинской водной системе и железнодорожной линии Рыбинск—Петроград, комиссия вынесла решение — закупить продовольствие в количестве, отвечающем пропускной способности транспортных путей.[93] В адрес градоначальника решено было отправить водой 11 млн. пуд. продовольствия силами главноуполномоченного по закупке хлеба для армии. Для осуществления этой операции Особое совещание возбудило ходатайство перед Советом министров о предоставлении специального кредита на сумму 28.5 млн. руб. В счет разрешенного кредита продукты продовольствия, в том числе мука, были закуплены и доставлены местными уполномоченными.[94] Всего из армей-

[88] Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 1918—1923 г. М., 1924, т. 18, с. 442.

[89] Торгово-промышленная газета, 1916, 28 июня.

[90] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. II, № 64, с. 223.

[91] Там же, № 65, с. 234.

[92] Там же, № 66, с. 244.

[93] Известия Особого совещания, 1916, № 22, 1 апреля, с. 2—3.

[94] Торгово-промышленная газета, 1916, 7 июня.

ских запасов в распоряжение Городского продовольственного комитета поступило в январе—марте 1.5 млн. пуд. муки и зерна. Однако основная государственная продовольственная помощь оказывалась населению города со стороны Министерства земледелия, уступившего из собственного резерва к этому времени 13.5 млн. пуд. разного рода продуктов.[95] В совокупных цифрах в Петроградскую губернию поступило в 1916 г. 57 млн. пуд. хлебных грузов против 65 млн. пуд. в первый год войны.[96]

Процесс «муниципализации» продовольственного снабжения, активная деятельность городского самоуправления по принудительной организации рынка наиболее ярко проявились в крупных центрах промышленного производства и свидетельствовали о возросшей политической активности городской буржуазии. В Петрограде и Москве спорадически возникали распределительные органы, торговые точки (лавки, склады) муниципального подчинения, специализированные производственные единицы. «Биржевые ведомости» и прочие центральные органы торгово-промышленного класса настойчиво извещали обывателя о действиях муниципалитета, в частности об открытии в Петрограде новых продовольственных распределителей, городской хлебопекарни с круглосуточной выпечкой хлеба для 200 тыс. человек и т. п. Ряд корреспонденций содержал сведения о деятельности пресловутого Общества для борьбы с дороговизной, созданного А. Н. Хвостовым в противовес муниципальным органам. Сообщалось об открытии этим Обществом 11 лавок в черте города.[97]

Усилия Хвостова, сознательно направленные на подавление активности общественных организаций, явились непреодолимым препятствием к созданию в Петрограде сети обывательских комитетов с широким кругом полномочий в области регулирования продовольственного снабжения столицы (учет и контроль за распределением продовольствия, обеспечение подвоза и пр.). Идею создания обывательских комитетов выдвинула кадетская партия, в октябре 1915 г. она была активно поддержана ее Центральным комитетом, как реальная возможность решения

---

[95] Дополнение к обзору деятельности Особого совещания..., с. 5.

[96] *Бромберг Я., Якушев И.* Большевики — организаторы разгрома корниловщины. Л., 1957, с. 9.

[97] Биржевые ведомости, 1916, 17 июня; Новое время, 1916, 15 июня.

экономических вопросов силами самого «общества», и развита в стройную систему мероприятий на объединенном заседании Комитета по надзору за торговлей пищевыми продуктами при Петроградской управе, городских попечительств о бедных, депутатов от кадетской партии и гласных Городской думы. Избранная на объединенном заседании специальная комиссия придала проекту завершенный характер, окончательно определив структуру, состав и основные задачи 24 обывательских комитетов. Кадетский проект обеспечивал руководство в комитетах за буржуазной интеллигенцией и преследовал цель — подчинить ее влиянию массовые организации, предупредив тем самым развитие стихийного протеста, и принять роль посредника во взаимоотношениях населения и правящей бюрократии. Контрмеры Хвостова подготовили отказ Петроградского присутствия по делам обществ и союзов в юридической регистрации обывательских комитетов.[98]

Продовольственная организация Петрограда окончательно оформилась к началу 1916 г. Продуктовые грузы направлялись двум адресатам: уполномоченному Особого совещания по продовольственному делу, градоначальнику кн. А. Н. Оболенскому, при котором действовали совещания в составе представителей городского управления, ведомств, биржевой торговли, и Петроградскому городскому продовольственному комитету.[99] Градоначальнику предоставлялось право составления планов снабжения, регистрации прибывающих грузов, учета запасов и их распределения. Особые правила обеспечили контроль градоначальника за вывозом продовольствия, в том числе в Финляндию (норма — 120 вагонов в день).[100] Первоначально в его компетенцию входило снабжение Псковской, Новгородской, Олонецкой губерний, а также части Эстляндской и Вологодской губерний. Позднее в связи с новыми трудностями Особое совещание выделило Петроград с пригородами в самостоятельный округ.

Городской продовольственный комитет и исполнительное бюро при нем осуществляли закупочные операции, и, согласно постановлению Особого совещания от 11 января

---

[98] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967, с. 153—154.

[99] Осенью 1916 г. Городской продовольственный комитет был переименован в Исполнительную комиссию по продовольствию Городской управы.

[100] Особое совещание для обсуждения..., вып. 5, с. 3—4.

1916 г., разграничившему объекты снабжения между градоначальником и комитетом, последний принял на себя обеспечение небольших промышленных и торговых предприятий, учебных заведений, лазаретов, продовольственных лавок (40 из которых были открыты комитетом). Еще к середине июня 1915 г. Продовольственный комитет успел закупить 1 млн пуд. ячменя, 500 тыс. пуд. ржаной муки, 345 тыс. пуд. овса, 240 тыс. пуд. пшеничной муки, 110 тыс. пуд. сахара и пр. на общую сумму 4.6 млн. руб.[101] К концу года продовольственная операция Петроградского общественного управления дала следующие результаты: было закуплено продуктов для нужд города на 17.9 млн. руб., притом продано населению продовольствия на 12 млн. руб., валовая прибыль по балансу на 1 января 1916 г. составила более 1 млн. руб.[102] Распределительный аппарат включал отдел канцелярии уполномоченного, комиссии при Калашниковской хлебной бирже, при мясной и сахарно-фруктовой биржах, при Ремесленной управе и т. д. Распределение продовольствия производилось согласно нормам потребления, установленным для каждого предприятия. Свободная продажа хлеба населению через контрагентов не превышала 1300 пуд. в день. Естественно, при таком объеме закупок ни о каком серьезном влиянии на рыночные цены речи быть не могло.

Снабжение оборонных заводов и ряда ведомственных управлений было передано интендантским службам. Впоследствии такое положение вызвало неудовольствие Военного министерства. «Выходило так, — признавал ген. М. А. Беляев, — что фронт составлял известные расчеты, и все эти расчеты нарушались, потому что часть того, что предназначалось для армии, передавалась тыловым учреждениям, даже не входящим в ее состав. Нужно было прекратить такой порядок».[103] Порядок снабжения действительно был изменен, в результате чего часть Петроградского военного округа, «не нужная для действующей армии», была выделена из сферы продовольственного обслуживания интендантства.

В тесном контакте с уполномоченным действовали объединения крупной и средней петроградской буржуа-

[101] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 305.

[102] Война и финансы г. Петрограда 1916 года. Пг., 1916, с. 33.

[103] Падение царского режима. Л.; М., 1925, т. II, с. 163—164.

зии: Продовольственный комитет фабрикантов и заводчиков, биржевые комитеты, группы сахароторговцев, извозо-промышленников, мелочников.

На заметную роль в организации городских продовольственных операций претендовал союз столичных кооператоров — Общество оптовых закупок для петроградских потребительских обществ, основанный 17 мая 1915 г. и объединивший 307 кооперативов. Паевой капитал Общества составил 94 тыс. руб., чистая прибыль за 1915/16 операционный год — 55 тыс. руб., оборот — 6 млн. руб.[104] По договору с Петроградским городским управлением Обществу была выдана краткосрочная ссуда в 50 тыс. руб., на такую же сумму открыт кредит в Государственном банке и на сумму 130 тыс. руб. — в Московском народном банке.[105] Ссуды предназначались для расширения операций по самостоятельной закупке Обществом продовольственных товаров.

Борьба со спекуляцией предусматривала создание 4 реквизиционных комиссий на товарных станциях железнодорожного узла. Реквизиции производились на основании специальной инструкции уполномоченного от 3 января 1916 г. и дали некоторый результат — за полугодие было реквизировано около 2 тыс. вагонов с продовольствием.[106] Кроме того, уполномоченным было предоставлено право реквизиции невостребованных в 5-дневный срок продовольственных грузов на станциях железных дорог, т. е. распространено действие постановления председателя Особого совещания по продовольственному делу от 30 января 1916 г., в котором эта мера предусматривалась лишь в пределах фронтовой зоны.[107] Продажа продуктов населению производилась в соответствии со шкалой такс, принятой в июле 1914 г. и пересмотренной 5 сентября 1915 г. Некоторое время таксы регулировали цены «в умеренном уровне». Позднее рыночные цены окончательно вышли из повиновения регулирующих органов. Допуская и в определенных рамках поддерживая деятельность городских самоуправлений (к февралю 1916 г. Особое совещание выделило Петроградскому городскому управлению на продовольственные операции около 2.5 млн. руб., Московскому — 3 млн. руб. из

[104] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 109.
[105] Там же, с. 65.
[106] Там же, с. 47.
[107] Там же, № 22, 1 апреля, с. 7.

средств, ассигнованных Советом министров),[108] высший распорядительный орган стремился оградить свой закупочный аппарат от любых поползновений на его самостоятельность. Однако до конца выдержать эту линию оказалось не так-то просто. В ноябре Министерство земледелия предложило Петроградской городской думе принять обязанности уполномоченного по закупкам. Так было положено начало двухмесячной «тяжбе» между договаривающимися сторонами, где Дума диктовала условия, а Министерство земледелия стремилось их отвести под предлогом несоответствия привычным юридическим нормам.[109]

Не осталось в стороне от общих усилий и петроградское губернское земство. Оно задавалось целью поставить под собственный, хотя бы частичный, контроль правительственные меры по продовольственному снабжению столицы. Летом 1916 г. петроградское земство предложило Особому совещанию использовать аппарат земских агентов в период проведения закупочной кампании. Предложение было принято. В составе уполномоченных Министерства земледелия представители земства выехали в район Поволжья (в Самарскую, Саратовскую, Симбирскую и Уфимскую губернии), где произвели закупку продовольствия для столицы на сумму 1 млн руб.[110]

Поиски выхода из продовольственного кризиса привели к новым экономическим явлениям, не свойственным прежней политике правительства в области снабжения населения. Выше указывалось, что в условиях падения сельскохозяйственного производства Особое совещание пришло к выводу о целесообразности создания государственных продовольственных запасов на местах, прежде всего в крупных промышленных центрах. Централизованные запасы, отмечало Совещание, дают возможность поставить дело снабжения продовольствием на «устойчивое основание».[111] Наличие резервов хлебного фонда, необходимость которого подсказывалась усилившимся развалом транспортной системы, должно было в свою очередь со-

---

[108] Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 17 августа 1915—17 февраля 1916 г. Пг., 1916, с. 181.

[109] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 151.

[110] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 46.

[111] Особое совещание для обсуждения..., вып. 6, с. 10.

действовать упорядочению перевозок. Упоминалось выше и о выделении Советом министров 15-миллионного кредита для государственных и местных запасов. Начало продовольственному резерву столицы было положено распоряжением министра земледелия А. В. Кривошеина осенью 1915 г. о передаче градоначальнику из резерва армии 3 млн. пуд. муки, доставленной водой из Рыбинска. 3 января 1916 г. Экономическое совещание при Особом совещании по продовольственному делу подтвердило необходимость создания продовольственных запасов на местах. С этой целью Особое совещание предоставило губернскому земству столицы правительственный кредит в сумме 4 млн. руб. на основании правил 25 октября 1915 г.[112] Тогда же усилиями уполномоченных Особого совещания на какое-то время удалось создать трехмесячный запас продовольствия для Петрограда за счет кредитов Особого совещания и согласно установленным им правилам.

По данным комитета Калашниковской хлебной биржи, остатки основных хлебных продуктов в Петрограде на 1 июня 1916 г. составили: рожь — 211.5 тыс. пуд., пшеница — 70.8, овес — 21.8, ячмень — 937.9, пшеничная мука — 1259.4, ржаная мука — 1106.3 тыс. пуд. Из общего числа хлебных продуктов в распоряжении Городского продовольственного комитета находилось весьма незначительное их количество (4 тыс. пуд. ржи, 2.8 тыс. пуд. ячменя, 213.3 тыс. пуд. пшеничной муки и 171.9 тыс. пуд. ржаной муки).[113] Межведомственное распыление хлебного запаса затрудняло его учет и правильную реализацию.

В этот же период усилилась деятельность Эвакуационной комиссии при Особом совещании по обороне по разгрузке крупных промышленных центров от «избытка» населения. Предполагалось вывезти из Петрограда ряд металлургических предприятий вместе с кадровым составом рабочих. В первую очередь, как и следовало ожидать, правительство намерено было удалить «неблагонадежные элементы» — революционно настроенных рабочих, открыто выступавших в защиту демократических прав. 23 февраля в «Малом» совете 5 министров рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе фабрично-заводского производства в Петрограде в связи с дефицитом сырья и

---

[112] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 46.
[113] Торгово-промышленная газета, 1916, 9 июня.

топлива. Председателю Особого совещания по обороне и министру торговли и промышленности было предложено определить основное направление эволюции экономических отраслей в условиях войны и разработать предположения «об организации частичной и добровольной эвакуации находящихся в Петрограде фабрично-заводских тельственных ссуд и пособий».[114] Казалось бы, нехватка предприятий, с поощрением таковой назначением правипродовольствия должна была ускорить практическое разрешение этой проблемы. Однако вопрос о разгрузке Петрограда решался далеко не просто. Здесь вновь скрещивались и расходились интересы правительственных кругов с интересами буржуазии. Разумеется, общую линию поведения определял страх перед революционным движением, надежда на предотвращение его или по крайней мере ослабление. Но правительство связывало эвакуацию частновладельческих предприятий с сокращением казенных заказов, что противоречило целям буржуазии. Осторожная позиция Совета министров, долгое время не высказывавшего принципиального решения по этому вопросу, тормозила принятие практических мер. Особые совещания по обороне и продовольственному делу и действовавшие под контролем последнего комиссии активно выступили в пользу эвакуации, связывая сокращение населения со стабилизацией продовольственного положения в столице. В одном из заседаний Особого совещания по обороне говорилось: «... перегруженность Петрограда достигает ныне таких пределов, при коих принятие самых решительных мер, хотя бы ценой ущерба частным интересам, становится совершенно неотложным...» [115] Но именно ущерба частным интересам буржуазия допустить не могла. Поэтому она соглашалась на удаление общественных и просветительных учреждений, лазаретов, высылку беженцев, новобранцев и т. д., но только не предприятий, загруженных военными заказами.

Во второй половине 1916 г. в столицах предпринимались попытки организации сети общественных столовых при фабрично-заводских предприятиях и для городского обывателя. В октябре в «Известиях Особого сове-

---

[114] Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и фуражом, 25 февраля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 195—195 об.

[115] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. II, № 63, с. 216.

щания» была опубликована статья, отразившая, по всей видимости, ведомственный взгляд на развитие общественного питания. В ней создание общественных столовых расценивалось не как акт благотворительности, а «как мера продовольственной политики, как один из способов обеспечения населения продовольствием».[116]

Общественные столовые открывались в промышленных центрах преимущественно силами городских попечительств и кооперативных союзов. Еще в середине лета 1916 г. городские попечительства столицы обратились к городскому голове с ходатайством о материальной поддержке нового проявления муниципальной деловитости. 20 июля на совместном совещании попечительств и гласных Городской думы было вынесено решение о передаче организации общественных столовых Исполнительной комиссии по продовольствию при Городской управе (бывшему Продовольственному комитету) за счет имевшихся в распоряжении города кредитов и продовольственных запасов. Основные организационные принципы нового крупного городского мероприятия разработала Комиссия под руководством В. В. Степанова. Комиссия постановила созвать Особое совещание для общего руководства «делом» во главе с председателем Исполнительной комиссии и в составе делегированных попечительствами лиц. Однако Исполнительная комиссия склонна была ограничить свое вмешательство лишь весьма скромной материальной поддержкой четырех попечительств (по 10 736 руб.). Дальнейшие финансовые обязательства приняла на себя Городская дума. Обещанные ею кредиты в пределах 250 тыс. руб. ограничивались трехгодичным сроком. Таким образом, заранее давалось понять, что институт общественных столовых — явление временное или по крайней мере не имевшее оснований в дальнейшем рассчитывать на щедрость Думы.

Исполнительной комиссией была сделана весьма существенная оговорка — пункты общественного питания предназначались исключительно для «средних» городских слоев. То же назначение имели 2 столовые «Женского взаимно-благотворительного общества» и столовая «Женского экономического союза». Между тем в городе возникли и пункты питания для рабочего состава, чернорабочих, по «вне городских попечительств», на основе бла-

[116] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 67.

готворительности.[117] Бесплатное питание в них предоставлялось семьям запасных. К ним «по духу» примыкали кооперативные столовые «Общества дешевых обедов». Позиция городских властей и попечительств свидетельствовала о том, что организация питания основного рабочего отряда — фабрично-заводских рабочих целиком возлагалась на промышленный сектор городского хозяйства. Определенную настойчивость в этом направлении проявили буржуазные союзы и особенно рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, обратившаяся в августе в Думу с предложением о создании «широкой и густой сети общественных столовых, приноровленных к условиям жизни фабричных рабочих».[118] Городскому самоуправлению предлагалось созвать собрание представителей больничных касс и рабочих кооперативов. Однако, верные боязни любых организаций и «сборищ», городские власти отказали в созыве собрания. Тогда на авансцену выступил Центральный военно-промышленный комитет, для которого борьба за общественные столовые явилась еще одним козырем в игре в либерализм.

А. И. Гучков направил письма по тому же поводу в правления крупных промышленных предприятий столицы и округа, а затем — председателю Общества заводчиков и фабрикантов, петроградскому губернатору и градоначальнику. Не довольствуясь переговорами, Центральный военно-промышленный комитет решил самостоятельно предпринять ряд практических шагов, созвав 25 августа общее совещание представителей городских властей, промышленников и рабочих-оборонцев. Именно в процессе прений вопрос о создании фабрично-заводских столовых перерос вновь в проблему развития сети пунктов общественного питания, что уже само по себе обеспечивало альянс предпринимателей и городской общественности. Короче, в практической реализации плана наряду с промышленниками, рабочими группами Военно-промышленного комитета, членами попечительств участвовали Продовольственный отдел при градоначальнике и Отдел по обеспечению предприятий рабочим составом. «Отцы» города, опасливо наблюдая за расширением состава учредителей, решили, видимо, остаться в стороне, отказав последним в кредитовании. В итоге в городских кварталах

[117] Там же, с. 68.
[118] Там же, с. 70.

общественные столовые возникали силами попечительств, на промышленных предприятиях — на основе «самоуправления рабочих» (заводы «Айваз», «Феникс», «Сименс и Гальске», фабрика Леонтьевых) и рабочих кооперативов (Обуховский, Охтинские заводы), значительно реже — по инициативе администрации предприятий (завод «Атлас-Петроград»).[119] Вопрос о насаждении пунктов общественного питания поднимался во всех крупных промышленных центрах. В Москве к ноябрю 1916 г. начали действовать 7 общедоступных столовых, открытых с помощью Городской управы и попечительств.[120] Вместе с тем говорить о какой-либо широкой сети общественных столовых, разумеется, не приходится, ибо государственный аппарат последовательно воздерживался от поддержки этого детища органов городского самоуправления.

В начале 1917 г. Петроград оказался в катастрофически тяжелом положении. Все усилия продовольственных органов, в том числе и аппарата уполномоченного Особого совещания по продовольственному делу, в условиях экономического кризиса оставались безрезультатными. Бесконечные очереди у хлебных лавок стали привычным явлением в жизни огромного города. В последние дни января хлебный запас столицы сократился до 10 дней. В докладе Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции находим следующие строки: «Еще не установились твердые цены на хлеб, как хлеб вдруг пропал в ряде губерний... Хлеб припрятывается не только крестьянами и помещиками, но и перекупщиками, ожидающими повышения цен... Достаточно будет, если хлеб будет прятаться и в дальнейшем, одного этого исчезновения хлеба, чтобы вызвать в столицах и других наиболее крупных населенных пунктах империи сильнейшие волнения с погромами и бесконечными уличными беспорядками».[121] В записке царю, датированной февралем 1917 г., М. В. Родзянко сообщал, что январский привоз в Петроград «продуктов первейшей необходимости» составил лишь 50 % нормы, установленной Особым совещанием. Ржи и ржаной муки намечено было подвозить ежедневно по 32 вагона, а практически в столицу прибывало от 1—2 до 21 вагона. Предполагалось доставлять

[119] Там же, с. 70—71; Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. IV, № 126, с. 736.

[120] Известия Особого совещания, 1916, № 29, ноябрь, с. 112.

[121] Красный архив. М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 16.

в день в столицу 40 вагонов пшеничной муки. На деле население могло рассчитывать на получение 2—8 и лишь в исключительных случаях 35 вагонов муки.[122] Последняя цифра фигурировала в февральском предписании министра земледелия А. А. Риттиха петроградскому градоначальнику об ограничении суточного расхода муки в столице до указанной нормы.[123]

Невероятные продовольственные трудности испытывала и Москва. Привычные ежегодные нормы железнодорожного подвоза хлебных продуктов, составлявшие в предвоенные годы в среднем 40 млн. пуд., в том числе 17 млн. пуд. овса (41 %), 8.5 млн. пуд. ржаной муки (20.5 %), 7 млн. пуд. пшеничной муки (16.5 %), были полностью нарушены. И уже с середины 1915 г. в Москве стала остро ощущаться нехватка продовольствия, вызванная сбоями в работе транспорта. Нарушение ритмичности грузового движения только по одной Московско-Казанской железнодорожной ветке, на долю которой приходилось 55 % общей перевозки хлебных грузов, тяжело сказалось на продовольственном положении Москвы.[124] Первой по времени правительственной мерой было разрешение в декабре 1914 г. внеочередной погрузки ряда хлебов со станций Московского железнодорожного узла. Следующий шаг был предпринят в марте 1915 г. по соглашению министра путей сообщения с Городской управой. Он вновь касался внеочередных перевозок хлебных грузов, и вместе с тем устанавливалась суточная норма подвоза хлеба в Москву — 270 вагонов, в том числе 47 вагонов ржаной муки, 20 — пшеничной, 9 — ржи, 7 — пшеницы, 46 вагонов кормовых хлебов. По данным апреля того же года, ржи прибывало вчетверо меньше нормы, ржаной муки — втрое.[125] Дефицит хлебов породил «огромный рост цен, идущий притом резкими скачками».[126] К середине 1915 г. население Москвы переплатило более 10 млн. руб. только на закупке муки и овса. Дороговизна, естественно, ударила прежде всего по бюджету трудовых слоев населения.

---

[122] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 19.

[123] *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика..., с. 141.

[124] *Барыков С. И.* Снабжение Москвы хлебными продуктами во время войны. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны, вып. I, с. 385—386.

[125] Там же, с. 408.

[126] Там же, с. 411.

С развитием продовольственного кризиса положение еще более осложнилось. Насколько далеки были выношенные в бюрократических учреждениях планы продовольственного снабжения старой столицы от реальных возможностей, можно судить на основании сведений о поступлении продовольствия за второе полугодие 1916 г. По плану доставки продуктовых грузов в Москву должно было поступить в июле 7294 вагона, в декабре — 10 156. Действительные же цифры составляли соответственно 2128 и 3313 вагонов. Следовательно, в июле 1916 г. Москва получила лишь 29.2 % продовольственных грузов, предусмотренных планом доставки, в декабре того же года — 32.6 %.[127]

Поток продовольственных грузов в Москву искусственно сокращался вследствие того, что железные дороги Московской губернии подчинялись 4 порайонным железнодорожным комитетам. Правда, вопрос об объединении магистральной сети губернии был поднят еще в декабре 1915 г., но долгое время не решался. Признавая абсурдность такого положения, Особое совещание по продовольственному делу отмечало связь искусственных административных делений с негативными экономическими последствиями, в частности со спекуляцией: «Разнообразие мероприятий и несогласованность их в отдельных губерниях влечет за собою самые неожиданные и вредные как для продовольствия, так и для закупок последствия... Вся эта система запрещений, разделившая Россию на мелкие ячейки с самыми разнообразными колебаниями спроса и предложения, совершенно искусственно созданными и противоречащими самым жизненным интересам населения, повлекла за собою развитие злоупотреблений и спекуляции».[128] Пример продовольственного обеспечения Москвы еще раз показал, что сама действительность подталкивала правительственные органы к централизации снабжения и распределения продуктов сельскохозяйственного производства независимо от их воли и степени подготовленности ведомств.

Исполнительные функции по распределению продовольствия в Москве были поделены между уполномоченным Особого совещания по продовольственному делу — председателем Московского губернского земского управ-

[127] *Сидоров А. А.* Экономическое положение России..., с. 488.
[128] Известия Особого совещания, 1916, № 25—26, 1 августа, с. 2.

ления А. Е. Грузиновым, Продовольственным отделом при градоначальнике ген. Е. К. Климовиче и Хозяйственным отделом Городской управы. Как и в столице, муниципальные органы Москвы проявляли исключительную активность. Продовольственная деятельность Городской управы началась с июня 1915 г., когда были открыты первые распределительные пункты и продано населению продовольствия на весьма скромную сумму — 5.3 тыс. руб. К началу 1916 г. Управе принадлежали уже 3 хлебопекарни, 23 продовольственных магазина, 16 специализированных хлебных лавок, 5 мясных лавок, осуществлявших реализацию продуктов ниже таксированных цен (скидка составляла от 0.5 до 1 коп. за фунт). Сумма запродаж населению превысила в то время 1.3 млн. руб. В общей сложности в 1915 г. Управа удовлетворяла нужды горожан в ржаной муке и крупах на 11 % (месячная потребность — соответственно 910 и 190 тыс. пуд.), в пшеничной муке — на 7 % (месячная потребность — 797 тыс. пуд.).[129]

Со стороны Особого совещания была предпринята попытка организовать дополнительный приток в Москву пшеничной муки в качестве частичной компенсации за отсутствие дорогостоящих продуктов — масла и мяса. Предполагалось активизировать перевозки Курской железнодорожной линии и ввозить в Москву из Екатеринославской губернии и области Войска Донского до 30 вагонов ежедневно.[130] В июне 1916 г. с целью поддержки населения Москвы в адрес А. Е. Грузинова распоряжением уполномоченного Министерства земледелия были направлены 400 вагонов пшеничной муки, закупленной в Сибири. Товарищ министра земледелия Г. В. Глинка предписал Грузинову предоставить фирмам право выкупа муки с обязательством реализации не выше уровня такс. К этому времени Грузинов осуществил уже план закупки муки в южных районах, однако в вывозе муки ему было отказано.[131] В то же время по инициативе уполномоченного Особого совещания была введена система контроля над распределением муки между торговцами. Поступавшая в адрес уполномоченного мука подлежала учету специального комитета, состоявшего из представителей всех

[129] Там же, № 21, 15 марта, с. 24—25.
[130] Там же, № 22, 1 апреля, с. 9.
[131] Русские ведомости, 1916, 9 июня.

группы торговли. Крупные сделки не могли совершаться без ведома уполномоченного, поэтому сохранение контрольных функций за заинтересованными лицами снижало результаты контроля, превращало его в чисто формальный акт. Но, не довольствуясь таким «доверием», объединенные хлебной биржей торговцы учредили на исходе 1916 г. торгово-промышленное товарищество «Сапомол», ставшее фактически контрагентом Продовольственного отдела при градоначальнике. Приблизившись таким путем к решению проблем городской экономики, товарищество оперативно закупило и доставило в Москву свыше 2 млн. пуд. зерна и муки. Московским обществом фабрикантов и заводчиков был основан Продовольственный совет с целью самостоятельного обеспечения рабочих промышленных предприятий Москвы. Совет представлял уполномоченных более 100 фабрично-заводских продовольственных комитетов, действия которых распространялись как на закупку, так и на распределение продуктов. Более 30 тыс. рабочего населения пользовалось услугами комитетов.[132]

Все закупки продовольствия для Московской губернии производились через систему сельскохозяйственных складов Московского губернского и уездных земств (базисный склад в Москве и 24 склада в губернии) на денежные средства, составленные из ссуд Министерства внутренних дел (1 млн руб.). Министерства земледелия (0.5 млн. руб.) и из собственного капитала губернского земства. Закупки осуществлялись совместными усилиями земств, кооперативов и крупных торговцев.[133] Несомненную активность проявил Московский союз потребительских обществ, с помощью которого Управой было закуплено 60 тыс. пуд. пшеничной муки, 110 тыс. пуд. пшена, 100 тыс. пуд. овса.[134] Летом 1916 г. Продовольственный отдел со своей стороны приступил к организации складов продовольствия, предназначенных для отпуска муки мелким торговцам.[135] Следовательно, в отличие от столицы Москва обладала широкой сетью закупочных и торговых муниципальных предприятий. По плану городского управ-

---

[132] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 152.

[133] Известия Особого совещания, 1916, № 25—26, 1 августа, с. 1.

[134] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 308.

[135] Утро России, 1916, 25 июня.

ления предполагалось силами муниципалитета довести удовлетворение потребности населения в ржаном хлебе до 10—12 %.[136] Разумеется, претворение этого плана в жизнь могло привести к сдерживающему влиянию на цены местного хлебного рынка.

Решение Особого совещания по продовольственному делу об образовании государственного продовольственного запаса в связи с транспортными трудностями распространилось и на Москву. В этой связи в июне 1916 г. на Московском совещании представителей государственных учреждений под председательством помощника градоначальника Л. Г. Баркова был поднят продовольственный вопрос. Участники совещания высказались за создание в городе казенных запасов муки, крупяных изделий, за возведение сети складских помещений для размещения продовольственных товаров. Совещание отметило, что трудности в снабжении населения хлебными продуктами через городские, общественные и частные магазины вызываются не только транспортной разрухой, но и саботажем торговцев, которые широко прибегают к практике отказов от нарядов на внеочередные перевозки продовольственных грузов. В итоге из каждых 100 вагонов с продуктами, направляемых в Москву, к месту назначения прибывало лишь 40. Совещание постановило передать Продовольственному отделу при градоначальнике все распорядительные функции по созданию продуктовых запасов, в том числе и контроль за недогрузками по внеочередным нарядам. Финансирование операции по заготовкам возлагалось на Министерство земледелия (1 млн руб. беспроцентной ссуды). В этой связи совещание приняло решение ходатайствовать о предоставлении Москве долгосрочного государственного беспроцентного займа в сумме 6 млн. руб.[137] По сути дела государственное субсидирование легло в основу разработанного Московской городской управой финансового плана снабжения населения Москвы продуктами первой необходимости с 1 июля 1916 г. по июль 1917 г. План предусматривал, в частности, увеличение численности хлебных лавок до 40.[138]

Как и в Петрограде, в Москве «расстроенный продовольственный аппарат вызвал необходимость вмешатель-

[136] *Шлезингер Л. Г.* Муниципальные закупочные операции..., с. 309.

[137] Утро России, 1916, 14 июня.

[138] Там же, 1 июня.

ства организованного потребителя в дело собственного снабжения».[139] Энергичную попытку сказать свое слово в продовольственном вопросе предприняло потребительское общество «Кооперация» (с капиталом 0.5 млн. руб.), созданное кадетами в союзе с правыми кооператорами-оборонцами и рассчитанное на привлечение 50 тыс. пайщиков. В области снабжения «Кооперация» предполагала открыть 30—50 лавок, устроить хлебопекарни, арендовать мельницы и пр. И уже в июне 1916 г. собрание уполномоченных поручило правлению Общества разработку проекта создания в Москве торговых и промышленных продовольственных объектов.[140] Однако и кадеты, и оборонцы придавали деятельности Общества политическую окраску, стремясь привлечь в его ряды не только среднего горожанина, на которого, собственно, и делалась ставка, но и рабочих, т. е. найти опору в массах. В. С. Дякин приводит любопытные данные о социальном составе членов общества «Кооперация», численность которого к декабрю 1915 г. превысила 17.5 тыс. человек, делая вывод о преобладании в нем интеллигенции и мелкой буржуазии.[141] В правление и совет «Кооперации» входили видные деятели кадетской партии, председателем совета был избран Д. И. Шаховской. Под лозунгом борьбы с продовольственными трудностями кадеты стремились создать в лице Общества опорную организацию партии в Москве, в известной мере противостоявшую действиям Хвостова. К этому времени по распоряжению министра внутренних дел в Москве уже был закрыт Центральный комитет кооперативных обществ, проведена контрольная проверка Московского железнодорожного узла, наконец, в декабре 1915—январе 1916 г. состоялись массовые облавы полиции на хлебной бирже все под тем же демагогическим лозунгом спасения обывателя от дороговизны. Вновь подал голос и «Московский союз потребительных обществ». Руководство Союза обратилось к председателю Особого совещания с ходатайством о содействии в обеспечении хлебными продуктами кооперативов северных районов (1.4 млн. пуд.). Главноуполномоченный по закупке хлеба для армии Г. В. Глинка соответствующим распоряжением 15 июня 1916 г. предоставил Союзу возможность приоб-

---

[139] Обзор состояния транспорта и рынков..., вып. X, с. 49.
[140] Русские ведомости, 1916, 13 июня.
[141] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 155—156.

рести хлеб по твердым ценам через аппарат местных уполномоченных.[142]

В феврале 1917 г. московский городской голова М. В. Челноков в записке, направленной председателю Совета министров, сообщал о критическом положении города, о грозящем населению голоде. Установленная на совещании по продовольствию при градоначальнике Москвы норма привоза муки — 86 вагонов и 7 вагонов для пригородов — давно уже стала недосягаемой. Но, даже уменьшенная до 65 вагонов, она оказалась недоступной. В декабре 1916 г. в Москву доставлялось около 50 вагонов муки в сутки; месяц спустя подвоз муки сократился до 42 вагонов, едва покрывая половину потребности населения города.[143] В связи с сокращением запасов муки, лежащих на складах Москвы, Челноков просил Совет министров оказать населению немедленную продовольственную помощь. С аналогичной просьбой к верховным властям обратился и председатель Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района Ю. П. Гужон. Его послание свидетельствовало о приостановке работы ряда пекарен, снабжавших хлебом 93 тыс. человек.

В течение первых двух месяцев 1917 г. утвержденный правительством план снабжения продовольствием Петрограда и Москвы был выполнен всего лишь на 25 %. И это — несмотря на почти регулярную «продуктовую» помощь, оказываемую Петрограду и Москве Министерством земледелия за счет продовольствия, предназначенного фронту. Положение на фронтах настолько зависело от военной промышленности Петрограда и Москвы, что сами эти города рассматривались по сути дела как важнейшие военные объекты.

Усиление государственного регулирования. Переход к продразверстке

По требованию оппозиционных кругов 19 ноября 1916 г. вопрос о продовольственном положении в империи был внесен в Общее собрание Государственной думы и 22 ноября обсужден. Разъяснения представил управляющий Министерством земледелия А. А. Риттих.

[142] Русское слово, 1916, 17 июня.

[143] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 18—19.

Этому акту предшествовало обращение 40 депутатов Думы к председателю Совета министров. В думском документе напоминалось, что Бюджетная комиссия Думы еще в сентябре предложила рассмотреть продовольственный вопрос. Однако «тогда правительство не явилось в заседание комиссии для дачи объяснений», представители четырех министерств при обсуждении докладов высказывались в комиссии «неполно и неопределенно», разобщенность правительственных органов и «недопустимая рознь в составе самого правительства по поводу заведывания продовольственным делом, постоянная смена противоречивых распоряжений» привели к опасному положению, когда «дело продовольствия находится в недопустимом состоянии неорганизованности и беспорядка».[144]

Разъяснения Риттиха, представленные Думе, содержали положения проекта правительственного постановления о сплошной реквизиции хлебов. Еще за месяц до обсуждения продовольственного вопроса в законодательном органе, 28 октября, министерства земледелия и внутренних дел направили на места циркулярную телеграмму с предложением немедленно приступить к сплошной реквизиции. Но лишь одна губерния откликнулась на этот призыв практическими действиями.[145] Не означало ли это, что в октябре уполномоченные Министерства земледелия не решились на подобную крайнюю меру? Одновременно в официальной печати появился ряд статей, цель которых заключалась несомненно в соответствующей обработке общественного мнения. Пожалуй, наиболее последовательно правительственный взгляд на назначение разверстки был изложен в статье Е. Яшнова, опубликованной в октябрьском номере «Известий Особого совещания». Автор корреспонденции откровенно высказывал мысль о невозможности «в настоящее время огосударствления» хлебной торговли ввиду слабости государственных и общественных закупочных институтов и почти полного отсутствия «распределительных органов». Сочетание этих моментов сделало невыполнимым и «немедленное осуществление государственного плана продовольствия»,[146] т. е. следовало понимать, что будущая разверстка — мера

---

[144] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 2.

[145] *Ясный Н.* Опыт регулировки снабжения хлебом. Пг., 1917, с. 133.

[146] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 64—65.

внеплановая, чрезвычайная и, разумеется, кратковременная. Ультраважно было и то, что в число конструктивных «элементов» государственного продовольственного плана органично включалась частная торговля «как носитель средств, знания и опыта». Это был тот необходимый аванс, который царская бюрократия бросала торговому капиталу в надежде на лояльность. И далее следовали дежурные, ничего не значащие фразы и оговорки относительно условий, исключавших «возможность спекуляции», но сохранявших «коммерческую инициативу». При всем том государственный план «реконструкции» продовольственной системы по-прежнему оставался загадкой для читателя.

Проект разверстки рассматривался по докладу Риттиха 27 ноября Особым совещанием по продовольственному делу и был принят 23 голосами против трех. Предполагалось, что система принудительного отчуждения продукта исключит элемент случайности, вполне возможный при реквизициях, определит равномерность закупок, создаст возможность образования государственного запаса и осуществит плановость железнодорожных перевозок. Необычная для бюрократического режима стремительность подготовки и утверждения проекта свидетельствовала о быстро нараставшей угрозе кризисных явлений. 29 ноября Риттих подписал постановление о разверстке, 2 декабря оно было опубликовано, 7 декабря последовало окончательное определение норм губернских поставок.

Поскольку разверстка практически полностью вступала в силу в январе 1917 г., Министерство земледелия на ближайший срок (до 6 января) ввело поощрительные меры в виде особой доплаты хлеботорговцам за провоз продукта от склада до железнодорожной станции и двойной платы за провоз для перекупщиков и транспортеров хлеба. Кроме того, поставка крупных партий зерна оплачивалась высоким комиссионным вознаграждением.[147]

Разверстке силами губернских земств подлежало 772.1 млн. пуд. хлеба, в том числе ржи — 285 млн. пуд., пшеницы — 189, овса и ячменя — 270, проса и гречихи — 28.1 млн. пуд.

Сведения о хлебной разверстке приведены в табл. 17.

Приводя таблицу разверстки, А. Л. Сидоров замечает, что даже нуждавшиеся в хлебе губернии, подобно Воло-

[147] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 18.

Таблица 17

Распределение хлебной разверстки (в тыс. пуд.) между губерниями Европейской России[а]

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Гречиха	Всего
Вологодская	—	—	1171	—	—	—	1171
Новгородская	—	—	2085	—	—	—	2085
Черниговская	—	—	3055	—	—	800.8	3855.8
Костромская	—	—	3137	—	—	—	3137
Владимирская	—	—	—	—	—	—	—
Вятская	12094	—	12868	—	—	—	24692
Казанская	20843	—	7272	—	—	—	28115
Уфимская	23432	—	16676	—	—	3000	43108
Пермская	983	—	12000	—	—	—	12983
Пензенская	3859	—	—	—	—	—	3859
Тамбовская	24592	—	5225	—	4650	—	34467
Рязанская	—	—	6779	—	—	—	6779
Тульская	7241	—	13767	—	—	—	21008
Орловская	14876	—	10229	—	—	350	25455

[а] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России. . ., с. 489; ЦГИА СССР, ф. 456, оп. 2, д. 5, л. 24 и об.

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес
Курская	4033	1750	8690
Киевская	9346	11693	6648
Волынская	—	—	400
Подольская	13168	8541	7946
Полтавская	24435	13463	7170
Харьковская	3720	6414	4000
Бессарабская	3424	13109	4986
Воронежская	36470	3882	4169
Херсонская	8427	18333	—
Таврическая	—	47991	2254
Екатеринославская	11000	11228	545
Область Войска Донского	18080	16605	—
Оренбургская	—	12047	6928
Симбирская	5937	—	2000
Самарская	12233	18349	—
Саратовская	26807	3779	—
Астраханская	—	1816	—

Таблица 17 (*продолжение*)

Ячмень	Просо	Гречиха	Всего
—	1660	8050	24183
2431	—	850	30968
3423	—	—	3823
5648	—	400	35703
85	—	3750	48903
9217	—	500	23851
15065	—	—	36584
—	2430	—	46951
17074	—	—	43834
40593	75	—	90913
4629	—	—	27402
21835	755	—	57275
—	—	—	18975
—	830	—	8767
—	—	—	30582
—	—	—	30586
—	—	—	1816

годской, Новгородской, Костромской, вынуждены были отдавать его с ущербом для себя. Правительство особенно рассчитывало на «излишний» хлеб, однако в губерниях его либо не было вовсе, либо он тщательно укрывался саботажниками, оставаясь недоступным для государственных закупок.

Технические условия осуществления этой чрезвычайной правительственной меры предусматривали обязательство землевладельцев поставлять хлеб в пределах норм и сроков, установленных уполномоченными Особого совещания либо земскими управами. Расчеты за поставки производились тотчас же и с учетом уровня твердых цен. Нарушение обязательств каралось реквизицией продукта. Разверстка предназначалась исключительно для снабжения действующей армии и оборонной промышленности, в этом была ее особенность. И если отдельные тыловые военные объекты, а иногда и промышленные центры пользовались изъятым по разверстке хлебом, то это было связано с какими-то особыми обстоятельствами, а иногда и личным влиянием и энергией заготовителей.

По всем данным, Министерство земледелия рассчитывало провести разверстку оперативно, в сжатые сроки (за 35 дней). Но расчеты не оправдались. Разверстка не пользовалась популярностью (на это, разумеется, рассчитывать и не приходилось) и даже встречала сопротивление, чего власти, видимо, не ожидали. Однако прибегнуть к насильственным мерам правительство не решалось. Препятствовали выполнению разверстки и чисто технические трудности, нераспорядительность уполномоченных, но более всего — транспортная разруха. Бывали случаи, когда приказы центральной власти просто не исполнялись. Сказались неподготовленность земств и оппозиционность буржуазии. Переход к разверстке сопровождался попыткой создания единого плана железнодорожных и водных перевозок, предусматривавшего определенное соотношение географических направлений движения продовольственных грузов ввиду приписки ряда потребляющих центров к производящим губерниям. Однако «плановые» потуги в сущности вновь ни к чему не привели. По-прежнему железнодорожным ведомствам удавалось реализовывать лишь месячные сепаратные планы транспортировки отдельных грузов, что временами делалось и в довоенное время. Таким образом, способы государственной регламентации и в период разверстки ничего

качественно нового не дали. Планирование — социально чуждый элемент в капиталистическом хозяйстве, и экономические аномалии военного времени предъявляли особые требования к транспорту, оказавшемуся узким местом в хозяйственном организме России и по техническому состоянию, и по формам организации.

В январе 1917 г. Всероссийский союз городов провел «экспедиционное обследование» продовольственного положения городов, данные которого легли в основу специальной справки. Обследование охватило 60 крупных населенных пунктов Европейской России и задавалось целью подготовить необходимый материал для оценки первых итогов хлебной разверстки. Инициаторы обследования оценили разверстку как меру несостоятельную, лишенную экономических оснований, приведшую к продовольственной катастрофе. Они подчеркивали, что разверстка по губерниям была назначена «неизвестно из какого расчета», иногда «ни с чем несообразно», что зачастую на отдельные губернии возлагалось непосильное для них бремя.[148] Отбрасывая налет оппозиционности, следует признать, что доля правды в этом высказывании была.

Уже 12 декабря уполномоченный по закупкам хлеба для армии в Полтавской губернии С. И. Гриневич извещал Риттиха о невозможности выполнения разверстки. Созванное Гриневичем совещание из представителей губернской и уездных управ, статистического бюро, земских агрономов и при участии должностных лиц губернской администрации единогласно высказалось против применения этой крайней меры. Совещание, заметил уполномоченный, «лишено возможности положить в основу разверстки... те объективные основания, при которых эта мера... могла бы быть проведена без возбуждения сильного неудовольствия на местах, чреватого нежелательными последствиями». Единственное, на что совещание дало согласие, «одушевленное горячим желанием всемерно помочь армии», — это проведение «планомерной» общей реквизиции излишков хлеба у населения. Однако Совещание оговаривало и это свое решение рядом условий.[149]

---

[148] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 489—490.

[149] Экономическое положение России... Л., 1967, ч. III, док. № 85, с. 176—177.

14 декабря уполномоченные Тройницкий, Хородинов и исполняющий дела председателя губернской земской управы Б. Дельвиг ходатайствовали о сокращении норм разверстки для Тульской губернии. Оперируя теми же цифровыми данными, что и Министерство земледелия, уполномоченные пришли к противоположному выводу, а именно — выполнение разверстки «привело бы к голоду, разорению хозяйств и беспорядкам». На этом основании губернское совещание «в полном сознании своего долга перед армией и страной и именно в силу этого ясного сознания признало недопустимость какого бы то ни было увеличения первоначально назначенных на Тульскую губ. нарядов».

На следующий день, 15 декабря, Риттих узнал о неповиновении земского управления Таврической губернии, слагавшего с себя «всякую ответственность за могущие получиться... результаты» ввиду решения собрания уездных земских представителей о «невозможности получить назначенное на губернию число пудов».

17 декабря телеграмма аналогичного содержания была получена от уполномоченного «хлебармии» в Подольской губернии А. А. Савостьянова. И здесь «после тщательного и всестороннего обсуждения вопроса» представители губернской администрации и местных общественных сил единогласно признали «разверстку в настоящее время неосуществимой, а принятие на себя заведомо невыполнимой задачи невозможным». Содержание телеграммы любопытно тем, что, «признавая принципиально идею разверстки, при условии своевременности ее применения, самой правильной и для населения наименее обременительной мерой обеспечения армии», подольское земство выступило в сущности против основного принципа разверстки — «принципа равномерного участия губерний».

В послании председателя Тамбовской губернской земской управы Ю. В. Давыдова о сокращении разверстки фигурировали оправдательные аргументы, общие для прочих губерний, и не-менее категорично звучало заключение: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах».[150]

[150] Там же, док. № 86, с. 178; док. № 87, с. 179; док. № 88, с. 180; док. № 89, с. 181; см. также: ЦГИА СССР, ф. 456, оп. 1, д. 137, л. 2, 10, 12, 16, 47—48 и др.

Первым шагом правительства к отступлению и первым признаком срыва разверстки оказалось продление сроков ее исполнения до 50 с лишним дней (до 1 марта). Это решение подорвало веру в разверстку даже среди ее активных сторонников, ослабило ее значение как экстраординарной, «ударной» меры. Важно и то, что продразверстка не была выполнена и по объему поставок — к 25 декабря 1916 г. выполнение составило 86.3 % общего наряда [151] (см. табл. 18).

Сопоставление данных табл. 17 и 18, имеющих идентичные исходные нормы разверстки по губерниям, показывает, что 10 губерний из 31 «выпали» из отчета Канцелярии главноуполномоченного, 4 перевыполнили разверстку, 10 не достигли нормы, в том числе наиболее низкий процент сбора хлебов показали Киевская, Казанская, Костромская, Вятская и Орловская губернии (до 52 % нормы). А. Л. Сидоров, опираясь, правда, на данные более поздней датировки, приводит сведения о распределении наряда по волостям. 2070 волостей выполнили поставки в абсолютных цифрах на 118.2 млн. пуд. Крестьянский хлеб составил в общем объеме около 100 млн. пуд. Следовательно, основная тяжесть разверстки легла на крестьянские хозяйства, в чем проявилась классовая направленность этой чрезвычайной правительственной меры.

В целом разверстка не дала результатов, на которые рассчитывало правительство. В записке Николаю II М. В. Родзянко заявил об этом с обескураживающей откровенностью: «Разверстка, предпринятая Министерством земледелия, определенно не удалась...». Приведя количественные итоги хлебной разверстки, осуществленной к концу января силами губернских, уездных земств и волостей, Родзянко писал: «Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки, и ввиду этой неудачи есть опасение, что правительство обратится к военным реквизициям... которые несомненно поведут к полному разрушению народного хозяйства, ввиду того что при реквизициях нет возможности проводить принципы правильно построенного народнохозяйственного плана, и к народным волнениям, чего, конечно, следует избегать всемерно». Прогноз, намеченный Родзянко на ближайшие 3—4 месяца, был неутешителен. «Следовательно, — пре-

[151] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 493.

предупреждал он самодержца, — в течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».[152]

Таким образом, в начале 1917 г. продовольственное снабжение армии и тыла по-прежнему было крайне затруднено. Видимо, правительство не было до конца уверено в успехе сплошной реквизиции хлеба, антинародный, классовый характер которой не оставлял сомнений, и,

Таблица 18

Выполнение продразверстки губерниями по объему поставок (в тыс. пуд.) на 25 декабря 1916 г.[а]

Губерния	Всего	Сверх нормы	Ниже нормы	% к норме
Вологодская	1171	—	—	100
Волынская	3823	—	—	100
Воронежская	51646	4695	—	110
Вятская	12920	—	12042	51.8
Екатеринославская	31379	3977	—	114.5
Казанская	13500	—	14615	48.2
Киевская	8000	—	22968	25.8
Костромская	1338	—	1799	42.7
Курская	26601	2418	—	110
Оренбургская	17430	—	1545	92
Орловская	12619	—	12836	49.6
Пензенская	5257	1398	—	136.2
Пермская	12020	—	963	92.6
Рязанская	6000	—	779	88.5
Симбирская	8767	—	—	100
Таврическая	90838	—	75	99.8
Тамбовская	23155	—	11312	67.2
Тульская	21008	—	—	100
Уфимская	43108	—	—	100
Харьковская	23851	—	—	100
Черниговская	3855	—	—	100
Итого	418286	12488	78934	86.3

[а] Экономическое положение России. . ., ч. II, док. № 90, с. 182.

вводя разверстку, фактически не изменило политики цен. Поэтому разверстка сочеталась с высокими твердыми ценами, которые не претерпели каких-либо серьезных изменений. Следовательно, ища в реквизиции ключ к решению

[152] Экономическое положение России. . ., ч. II, док. № 345, с. 19.

продовольственного вопроса, Министерство земледелия в то же время расчистило для себя путь к возможному отступлению.

Организации буржуазной «общественности» и проблема регламентации потребления

Экономический кризис вновь всколыхнул ряды русской буржуазии, заметно оживил деятельность представительных организаций. Продовольственный вопрос оказался столь ярким свидетельством несостоятельности политики правительства, что, выступая ее противником, можно было легко нажить политический капитал, без малейшего ущерба для собственных экономических позиций. Напротив, путь к захвату политической власти лежал через укрепление положения буржуазии в ключевых отраслях экономики. Предпринимаемые буржуазными кругами меры часто под прикрытием демагогических лозунгов преследовали именно эту цель.

Всероссийский земский союз был привлечен правительством к «продовольственной деятельности» в связи с возникшими трудностями по снабжению хлебом армии и тыла.[153] К его непосредственным обязанностям наряду с попечением больных и раненых воинов относилось обеспечение продовольствием свыше 300 тыс. «окопных» рабочих, согнанных для возведения оборонительных сооружений, а также беженцев (на Юго-Западном фронте к осени 1915 г. армия беженцев составляла около 4 млн. человек).

Деятельность Земского союза, откровенно стремившегося к свободе действий в экономической сфере, с первых же шагов вызвала недоверие правящих кругов. Еще в предвоенные годы земства настойчиво добивались участия в решении продовольственной проблемы. По сути дела каждая голодовка вызывала взрыв земской актив-

[153] В начале войны по инициативе совещания председателей уездных земских управ Московской губернии земская Россия объединилась во Всероссийский земский союз. Он был основан на базе существовавшей с 1904 г. Общеземской организации. 30 июля 1914 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд представителей губернских земств, на котором произошло слияние Общеземской организации с Земским союзом. Деятельность Всероссийского земского союза официально была разрешена 12 августа 1914 г. Главноуполномоченным союза был избран кн. Г. Е. Львов.

ности, усиление критических выпадов против правительственных мероприятий. «Продовольственное дело — настоящее земское дело... так сказать, par excellence», — писал в 1914 г. один из лидеров земского движения Павел Толстой. Мысленный экскурс в прошлое подтверждал, по мнению Толстого, признание главенства земств в решении продовольственного вопроса.[154] «Не нужно нам самовольных продовольственных экспериментов бюрократии, — декларировал он. — Нужны нам в законном порядке проведенные реформы всего строя местной жизни... Сознание настоятельности реформы разлилось широкой волной в земских кругах. Глубже в корень стала... смотреть земская мысль». И далее, обращаясь все к той же неискоренимой проблеме голода, он взывал: «Не опоздаем же снова! Не будем же снова застигнуты врасплох... при негодном продовольственном уставе, при прежней организационной беспомощности, с немощной бюрократией, с худосочными земствами без головы и без ног, без самостоятельности и без средств, без сколько-нибудь правильного земского представительства, совсем без земских учреждений в ряде губерний».[155] Пытаясь выступить в роли идеолога земского движения, Толстой откровенно передавал и настроения, и намерения земцев.

Продовольственный кризис военного времени открыл перед земствами заманчивые перспективы к осуществлению общественно-хозяйственных задач, поставленных задолго до войны. Широкое поле деятельности открылось и перед Всероссийским союзом городов.[156]

---

[154] Толстой ссылался на авторство министерств финансов и внутренних дел, внесших 17 июня 1906 г. в I Государственную думу записку, где утверждалось: «...заведование продовольственным делом вообще наиболее свойственно земским учреждениям как по связи этого дела с хозяйственной деятельностью означенных учреждений, так и по личному их составу, вышедшему из среды местного населения» (*Толстой Павел.* Продовольственное дело. СПб., 1914, с. 7). Толстой приводит характерный штрих «философии некоторых чинов администрации» — высказывание инспектора по делам мелкого кредита Танаисова в совещании при Саратовской управе в 1909 г.: «У нас, может быть, и голода не было бы, если бы крестьянин не был избалован... Этих господ нечего по головке гладить. С него надо содрать или оставить на произвол судьбы... Двигатель культуры — голод. Свое пусть у него будет, но не следует, чтобы своего у него было много» (там же, с. 31).

[155] *Толстой Павел.* Продовольственное дело, с. 31—32.

[156] В августе 1914 г. Московская городская дума создала на совещании представителей городских управлений Всероссийский

Еще на учредительном съезде Союза 8—9 августа 1914 г. была намечена программа практических действий, определены источники финансирования. В речах выступавших особо подчеркивались общегосударственный характер предстоящей деятельности, «грандиозность» задач, позволявших рассчитывать на активную государственную поддержку. Если к середине сентября в состав новой организации вошло 195 городов, в том числе 70 губернских, то к февралю 1915 г. Союз объединил уже 385 городов. Расширение состава Союза и его финансовых возможностей позволило распространить его влияние территориально (граница фронта перейдена, заявил И. И. Астров, «и общественные силы не только допускаются в район военных действий, но и призываются туда») [157] и на новые участки хозяйственной деятельности.

Второй съезд Союза городов, состоявшийся 13—15 февраля 1915 г., «закрепил... на будущее время... расширение работ Союза на ряд новых областей», в том числе санкционировал участие в продовольственном деле.[158] И с этого момента деятельность Союза в продовольственном вопросе приняла широкий размах и активные формы. В 1915 г. был создан специальный Экономический отдел по борьбе с продовольственным кризисом, при котором действовало статистико-экономическое бюро, собиравшее сведения о состоянии отраслевой экономики, конъюнктуре рынка, ценах и т. п.

Почувствовав почву под ногами, Земский и Городской союзы выступили сразу в продовольственном деле как довольно влиятельные организации. Договорившись между собой, они образовали два самостоятельных органа, близко связанных с обоими союзами и по составу, и по целям: «Собеж» — помощь беженцам и «Земгор» — снабжение и снаряжение армии. Создание этих органов с широким

союз городов. Инициатором возникновения Союза явилась купеческая Москва. 18 июля 1914 г. на чрезвычайном собрании Московской городской думы в «одушевленных речах» депутатов Н. И. Астрова и Н. И. Гучкова прозвучал призыв к представителям органов самоуправления сплотиться для исполнения исторической миссии — помощи жертвам войны (Очерк деятельности Всероссийского союза городов, 1914—1915 гг. М., 1916, с. 4). Главноуполномоченным был избран исполняющий дела московского городского головы В. Д. Брянский. 16 августа последовало официальное утверждение Союза.

[157] Очерк деятельности Всероссийского союза городов..., с. 8.

[158] Там же, с. 15.

кругом полномочий явилось своего рода противовесом Центральному военно-промышленному комитету и отражало недоверие либеральной интеллигенции к действиям промышленников.[159] Возглавившие союзы лидеры либеральной буржуазии и либерального дворянства откровенно ставили перед собой задачу возродить деятельность предпринимательских организаций во всей ее широте. Не случайно против активизации союзов выступили министр внутренних дел Н. А. Маклаков, черносотенное курское земство, земства Киевской, Волынской и Подольской губерний, создавшие свою «автономию» в границах Земского союза. Не было единства и в рядах руководства Союза городов. Противоречия между октябристами и прогрессистско-кадетским блоком привели к замене близкого октябристам В. Д. Бряпского лидером правого крыла кадетов М. В. Челноковым. В дальнейший спор за право лидерства вмешались кадетская «Речь» и орган прогрессистов «Утро России».[160] Наступление на буржуазную оппозицию, осуществленное осенью 1915 г., ослабило ее ряды. Поражение «прогрессивного блока» означало распад единого фронта буржуазии, сложившегося летом 1915 г.

Союзы приняли на себя мобилизацию мелкой промышленности, оживили некоторые ее отрасли, снабжавшие армию и население предметами первой необходимости, в том числе продовольствием. Кипучая энергия предпринимателей была направлена на регулирование различных экономических сфер, в том числе на подчинение контролю хозяйственного уклада городской жизни. Это стремление еще более укрепилось в рядах определенной группы буржуазии, усилившей влияние в Петроградской городской думе после выборов в феврале 1916 г. Одним из важных показателей возросшей активности буржуазии явилась попытка Союза городов сказать свое слово в политике твердых цен, установленных правительством. 22 августа 1916 г. представитель Союза направил в Центральное бюро по мукомолью записку, в которой подвергнул критике принципы проводимой Министерством земледелия политики цен, как явно неспособной обеспечить стабильность хлебного рынка. «Одного превращения твердых цен в общеобязательные для всех сделок недостаточно, — от-

---

[159] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 76.
[160] Там же, с. 68—69.

мечалось в записке. — Необходимо создать условия, обеспечивающие действительное поступление на рынок достаточного количества продуктов по твердым ценам». Как мы видим, речь шла о более широком и более гибком подходе к проблеме хлебных цен, а возможно, и об усилении регулирующей роли государства в системе хлебообмена.[161]

Приход Б. В. Штюрмера (в марте 1916 г.) к власти, сосредоточение в его руках управления внутренней политикой означали новое наступление на буржуазную оппозицию. В совещании губернаторов, созванном Штюрмером в мае—июне с целью освещения «всех сторон жизни империи и нужд времени, как настоящего, так и непосредственно последующего за завершением войны»,[162] решались судьбы союзов, Военно-промышленного комитета и кооперации. Совещание проходило именно в тот период, когда, по свидетельству Д. С. Шуваева, дело продовольствия армии находилось «в переходном состоянии вследствие происходящей передачи его земствам».[163] Решение совещания носило отнюдь не двусмысленный характер. В нем говорилось: «Общеземский союз является организацией, небесполезной во время войны, но вопрос, не лучше ли справились бы с его делом органы правительства, если бы они могли иметь соответствующий личный состав и кредиты. При этом, как и вокруг каждого свободного объединения, весьма насыщенного третьим элементом, политика здесь процветает... Во время войны все это можно терпеть... но по окончании военных действий союз должен быть закрыт».[164] Разумеется, поставленные земствами и политические, и экономические задачи были ограничены. В. И. Ленин, отмечая засилье в земствах помещиков, подчеркивал, что «несправедливость земского представительства вопиющая» по отношению к крестьянству.[165] Но даже признание известного консерватизма Земского союза по сравнению с Союзом городов не остановило противодействующих мер правительства.

---

[161] *Ясный И.* Опыт регулировки снабжения хлебом, с. 23.

[162] Совещание губернаторов в 1916 г. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1929, т. 2 (33), с. 146—147.

[163] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. II, № 67, с. 252.

[164] Совещание губернаторов в 1916 г., с. 151.

[165] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 91.

Критика справа не пощадила и оппозиционность Союза городов, дав ему откровенную оценку. «Города охотно идут на составление всевозможных тенденциозных резолюций, — отмечалось в материалах совещания, — но на деле, разумеется, держатся правительства не за совесть, а за страх об экономическом благосостоянии. В соответствии с этим и Союз городов, неся определенную политическую окраску, по инертности и страху за собственные капиталы государственной опасности не представляет».[166] Как видим, фрондирование Союза городов весьма скептически оценивалось в правительственных сферах. При всех жалобах на «незаслуженное недоверие» правительства характер деятельности Союза городов отчетливо отражал думскую тактику буржуазии — содействие военным мероприятиям царизма и ожидание реформ по окончании войны. В статье «Национал-либералы» В. И. Ленин дал следующую характеристику целей либерально-буржуазной оппозиции: «Они *не* хотят полного и безраздельного господства помещиков и бюрократов... Они хотят „сильной власти", ведущей „патриотическую" политику завоевания огнем и мечом новых рынков для „отечественной промышленности"... они готовы забыть „старые счеты" с реакционерами и работать рука об руку с ними над созданием „великой" капиталистической России».[167]

В июле того же года в Москве состоялось совещание «по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии». Оно объединило деятелей местного самоуправления, представителей науки, сельскохозяйственные общества, банки, биржи, купеческие организации, кооперативы и т. д. На совещании шла речь о «самодеятельности» общественных сил «в упорядочении экономического положения страны».[168] Бурные прения, сопровождавшие рассмотрение многих важных вопросов и отражавшие «разнообразные оттенки общественной мысли», показали, что «разнородные общественные группы все же очень близки друг к другу в понимании насущных очередных потребностей страны», что призыв руководства Союза к единению «творческих усилий» нашел благоприятный отклик среди широких слоев буржуазии. Сплочение рядов буржуазии и явилось конечной целью «обще-

---

[166] Совещание губернаторов в 1916 г., с. 163.
[167] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 244—245.
[168] Очерк деятельности Всероссийского союза городов..., с. 22.

ственных» акций, предпринятых крупнейшими представительными объединениями. Экономическое совещание высказалось за создание Главного управления по вопросам продовольственного снабжения населения.

Активно мобилизовывали усилия для вмешательства в продовольственные проблемы и военно-промышленные комитеты, что далеко не соответствовало их юридическому статусу. «Положение о военно-промышленных комитетах» провозглашало их общественной организацией, созданной для объединения действий местной промышленности и торговли с целью снабжения фронта и не преследующей каких-либо коммерческих целей. Однако буржуазия силилась представить военно-промышленные комитеты демократической организацией, построенной на принципе согласованности интересов и сотрудничества всех слоев общества, сформировавших «организованный тыл». С этой точки зрения любопытен состав комитетов, установленный в конце 1915 г. в результате анкетного опроса 118 комитетов из 126, действовавших в стране: 31.4 % членов представляли торгово-промышленный класс, 17.1 % — общественные организации, 16.2 % — высшую техническую интеллигенцию, 10.7 % — бюрократию и т. д.[169] Крупная буржуазия в лице лидеров октябристов А. И. Гучкова и М. В. Родзянко, главы прогрессистов А. И. Коновалова, председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли Н. С. Авдакова, П. П. Рябушинского, близкого к прогрессистам М. И. Терещенко, нефтепромышленника Э. Л. Нобеля поддерживала военно-промышленные комитеты в их стремлении к всемерному расширению сферы экономического влияния. Между буржуазными объединениями поддерживались тесные деловые контакты, построенные на принципе «взаимопроникновения», но это отнюдь не означало отсутствия разногласий по ряду общих политических вопросов. В Центральный военно-промышленный комитет входили Земский союз, Союз городов, Совет съездов, Всероссийская сельскохозяйственная палата, Комитет военно-технической помощи и прочие крупные буржуазные организации. Не было единства и в самих военно-промышленных комитетах. Центральный комитет прилагал усилия

---

[169] *Сейранян Б. С.* Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. Ереван, 1961, с. 19—20.

к подчинению местных комитетов, но встречал отпор, особенно со стороны московских промышленников.

Военно-промышленные комитеты, как и другие общественные союзы буржуазии, пытались организовать массы под лозунгом борьбы с продовольственным кризисом. На 1-м съезде военно-промышленных комитетов в июле 1915 г. было принято решение о привлечении «рабочих групп» к общественной деятельности буржуазии. В противоположность соглашательским партиям, позиция которых определялась их отношением к войне, большевики резко отвергли участие представителей рабочего класса в Центральном военно-промышленном комитете, подчеркнув несовместимость революционного творчества рабочих с деятельностью Комитета. Состоявшийся 26—29 февраля 1916 г. 2-й съезд военно-промышленных комитетов убедил лидеров либеральной буржуазии в невозможности тесного контакта даже с рабочими-оборонцами, исключая, разумеется, группу меньшевика К. А. Гвоздева, представлявшую крайне правое крыло оборончества с его стремлением к классовому сотрудничеству с кадетско-прогрессистским блоком, с его попыткой подчинить рабочее движение политическим целям либеральной буржуазии.[170]

Наряду с требованием реорганизации государственного управления на началах ответственности 2-й съезд отразил в итоговом документе проект создания объединенного органа общественных организаций по продовольственному делу в составе буржуазных союзов, кооперативов и при участии «рабочих групп», создававших иллюзию демократизации власти. Решения съезда, как известно, вызвали насторожённость в правительственных кругах. И незамедлительно представители реакционных сил, Н. А. Маклаков, директор Департамента полиции Е. К. Климович, возбудили вопрос о роспуске военно-промышленных комитетов. Истинная причина заключалась в том, что комитеты явно перешагнули предначертанные правительством рамки и от простого посредничества между промышленностью и казной перешли к более сложным и ответственным функциям — распределению военных заказов, регулированию рынка труда, нормировке цен на сырье и т. д., т. е. к функциям, позволившим влиять на ход государственных

---

[170] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм..., с. 162.

дел.[171] При усилении полицейско-бюрократических мер в среде придворной камарильи резко высказывались за сужение функций комитетов, ставя под сомнение целесообразность самого их существования. Между тем среди министров не было единства мнений. Военный министр Д. С. Шуваев и министр земледелия А. И. Наумов отстаивали необходимость сохранения комитетов как исполнителей военных заказов. В итоге правительство не рискнуло пойти на их ликвидацию, но, сохранив комитеты, усилило присутствие в них бюрократии, ограничило деловые контакты ведомств, чрезвычайно усложнило процедуру созыва съездов. Наконец, в июне в Совете министров состоялись совещания по поводу установления надзора Военного министерства и Министерства внутренних дел над деятельностью комитетов.[172] 31 августа 1916 г. был запрещен очередной съезд комитетов.

В области регулирования продовольственного снабжения несомненных успехов добился Московский военно-промышленный комитет. В первые дни войны московское купечество в патриотическом экстазе торжественно объявило о своей безоговорочной поддержке правительственного курса. Наиболее влиятельные слои московской буржуазии были представлены в Соединенном комитете из выборных Купеческого и Биржевого обществ, который возглавил председатель Московского биржевого комитета, один из учредителей партии октябристов Г. А. Крестовников. Комитет объединил деятельность московского купечества в области попечительства раненых, организации госпиталей, снабжения фронта. Только в 1914 г. московское купечество пожертвовало «на войну» не менее 9 млн. от лица «собственной организации и не один миллион рублей чрез посредничество других организаций».[173]

Вскоре после учреждения Московского военно-промышленного комитета в его составе был создан Продовольственный отдел. За сравнительно короткий срок Продовольственный отдел широко развил операции по снабжению армии, распределив продуктовые заказы на 26.5 млн. руб., в том числе поставив армии 753 тыс. пуд.

---

[171] См.: Сообщения представителей 34 военно-промышленных комитетов. Пг., 1916, с. 6—106.

[172] Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 283.

[173] *Сторожев В. И.* Война и московское купечество. М., 1914, с. II.

сухарей.[174] Поскольку область контроля Московского военно-промышленного комитета охватывала территорию 16 губерний, а его практическая деятельность включала широкий круг проблем, в том числе координирование перевозок, влияние Продовольственного отдела было достаточно ощутимым. Казалось, вмешательством в продовольственную сферу, контролируемую правительством и не связанную непосредственно с задачами военно-промышленных комитетов, московская буржуазия стремилась взять реванш за отнюдь не добровольную «уступку» Центрального военно-промышленного комитета петроградской финансовой группе, сохранившей за собой ведущую роль в системе распределения военных заказов.

Надеясь заручиться поддержкой правительственных регулирующих органов (а достичь этого было бы проще, участвуя в их работе), Московский военно-промышленный комитет обратился к председателю Особого совещания по продовольственному делу с просьбой о введении его постоянного представителя в состав Совещания. Формальным поводом послужило приглашение членов Комитета к работе в трех других особых совещаниях (по обороне, топливу и перевозкам), где интересы Комитета были таким путем надежно ограждены. «Для Комитета представлялось бы весьма важным быть в курсе тех первостепенно государственного значения вопросов, какие разрешаются Особым совещанием по продовольствию армии и населения..., — заявило руководство Военно-промышленного комитета. — Участие представителя Комитета в Особом совещании... даст Комитету возможность наилучшим образом ознакомиться с продовольственными нуждами армии и населения и будет способствовать наиболее полному и планомерному использованию сил и средств, сосредоточенных в районе Комитета, т. е. в 16 губерниях центра империи и 82 местных организациях».[175]

Идея единения предпринимательских сил нашла известное воплощение в крупной буржуазной организации — Центральном комитете общественных организаций по продовольственному делу, созданном по инициативе Союза городов в середине 1916 г. (май—июнь). В его

---

[174] Отношение Московского военно-промышленного комитета председателю Особого совещания по продовольственному делу. 2 января 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 5, л. 13.

[175] Там же, л. 13 об.

составе представительствовали члены Союза земств и Союза городов, ряда военно-промышленных комитетов, Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, Всероссийской сельскохозяйственной палаты и других буржуазных объединений. Организация Комитета преследовала все ту же цель — сосредоточение продовольственного дела под контролем буржуазных кругов, тесно связанных с банковским капиталом.

Для определения программы ближайшей деятельности Центрального комитета в конце октября 1916 г. было созвано специальное совещание его членов. В ходе дискуссии выявилось стремление большинства участников сплотить силы для централизации продовольственного дела в новой предпринимательской организации. Под началом Комитета намечалось создание головного продовольственного органа с периферийной сетью организаций. Участие в головном продовольственном органе ряда крупных буржуазных объединений — Союза земств и Союза городов, военно-промышленных комитетов и т. д. и низовых организаций — кооперативных союзов — должно было обеспечить ему и твердые полномочия, и широкую социальную поддержку. Большие надежды возлагались на Всероссийский продовольственный съезд, созыв которого намечался на декабрь 1916 г. Именно съезд должен был заставить правительство отречься от участия в решении назревших продовольственных вопросов в пользу буржуазии в лице ее общественных представительств.

В дружном хоре запевал капиталистического мира потонули голоса «осторожного» меньшинства членов Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу во главе с меньшевиком В. Г. Громаном, предложивших скромную программу самостоятельных, но согласованных с правительством действий.[176]

Незадолго до того Центральный комитет представил в Центральное бюро по мукомолью записку, в которой подверг критике решение Особого совещания по продовольственному делу об устранении частного торгового аппарата, возложении функций заготовителей исключительно на уполномоченных и настойчиво высказался за привлечение к продовольственному делу «общественных

---

[176] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. — Ист. зап., 1950, т. 31, с. 58—59.

сил страны». 22 сентября Центральный комитет вынес постановление, в котором декларировалась невозможность выполнения плана снабжения продовольствием по твердым ценам без активного участия общественных организаций и предусматривались переговоры с главноуполномоченным по закупкам хлеба для армии и с Центральным бюро по мукомолью о передаче функций заготовителя хлеба в местах производства (для последующего его распределения населению через общественные организации) в ведение Центрального комитета. Выполнение этих решений должно было вселить уверенность в широкие слои населения, «что продовольствие ведется под флагом общественности», и внести «необходимое успокоение в стране».[177] Одновременно Центральный комитет разработал план продовольственных мероприятий на ноябрь 1916—январь 1917 г. для союзов земств и городов, а также для Московского союза потребительских обществ.

И без того напуганное растущей активностью буржуазии царское правительство сочло благоразумным не допустить дальнейшей дискуссии «в ненужном и опасном направлении» и после весьма кратких переговоров запретило созыв Всероссийского продовольственного съезда. Не был легализован и Центральный комитет, в течение многих месяцев находившийся в стадии «оформления». Созданное на его основе товарищество «Снабжение» заметной роли в регулировании продовольствия не играло. Попытки со стороны определенных буржуазных кругов проникнуть в государственные регулирующие органы сопровождались разработкой проектов, предусматривавших меры помощи отраслевым предприятиям и целым экономическим сферам при непременном участии буржуазии. Если ранее подобные проекты возникали спорадически, под влиянием определенных событий и правительственных мер, то теперь в условиях глубочайшей хозяйственной разрухи они как бы получили право на «законное» существование. Среди прочих имели место и попытки отдельных буржуазных союзов взять в собственные руки продовольственное дело. Не только буржуазные предпринимательские организации в столицах, но и периферийные круги буржуазии выдвигали свои проекты «спасения» отечества от голода. Объединения буржуазии на местах

---

[177] Известия Особого совещания, 1916, № 28, 15 октября, с. 92—95.

в период продовольственного кризиса подвергали резкой критике государственные мероприятия в хозяйственной сфере, более того, признавали полную несостоятельность правительства в разрешении продовольственного вопроса. В этом плане довольно любопытно отношение Симбирского биржевого комитета, направленное министру торговли и промышленности в октябре 1916 г.

Осознавая, что «продовольственный кризис грозит неисчерпаемым бедствием для всей страны, что он вызван не только преходящими причинами... но и социально-экономическими причинами длительного характера... что он не может быть вполне разрешен ни законами о твердых ценах, ни другими уже опубликованными или отчасти известными правительственными распоряжениями... что существующие продовольственные организации правительства не в состоянии правильно вести продовольственное дело... нуждаются не в частных изменениях, а в коренной реформе», Симбирский биржевой комитет предложил следующие безотлагательные меры: созвать совещание по продовольственному вопросу в широком составе («общество всей страны, которое должно выработать план совместной работы правительства с обществом в деле продовольствия армии и страны»); в ускоренном порядке провести через досрочно созванную Государственную думу узаконения, регулирующие продовольственное дело.

О своем предложении Симбирский биржевой комитет извещал высокие правительственные инстанции (министров торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия, председателя Государственной думы), организации крупной буржуазии (Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу, Петроградскую экспортную палату, биржевые комитеты) и, более того, стремился обнародовать через печать свою «благородную» позицию, дабы «население знало, что торговый класс во имя гражданских своих чувств в годину народной войны умеет отказаться от интересов личной наживы».[178] Следовательно, Симбирский биржевой комитет, представив периферийную буржуазию как жертву событий и времени, откровенно пытался подтолкнуть центральные предпринимательские организации к развитию инициативы

[178] Отношение Симбирского биржевого комитета министру торговли и промышленности, 19 октября 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 154, л. 3—3 об.

в продовольственном деле, вплоть до полного его подчинения путем законодательного санкционирования Думой.

Показательны некоторые факты, связанные с двойственностью позиций буржуазных деятелей и стоявших за их спиной предпринимательских сил. В этом аспекте любопытен проект А. С. Салазкина, выступавшего в двух ипостасях — в роли уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу по Нижегородской губернии и в роли крупного предпринимателя-мукомола. В январе 1916 г. нижегородский губернатор направил Особому совещанию журнал Макарьевского уездного земского собрания, созванного по обоюдной инициативе губернатора и уполномоченного. Салазкин предложил Макарьевской управе проект планового продовольственного снабжения уезда. В частности, он заявил: «Переживаемое нашим отечеством время требует неустанной совместной работы государственных и общественных учреждений в деле обеспечения продовольствием населения. Такая работа может быть успешною лишь при наличности плана продовольственной кампании в каждом уезде или городе. Выработка такого плана является прямой задачей земских и городских установлений, которым ближе всего известны нужды местного населения». Салазкин предлагал уездному земству определить потребительские нормы продовольствия и фуража, выявить запасы сельскохозяйственных продуктов у населения и передать закупки общественным учреждениям, но исключительно через посредство местных уполномоченных по закупке хлеба для армии. Оговаривался и порядок распределения продуктов с помощью кооперации и частной торговли по установленным ценам. Таким образом, в проекте отчетливо проступило стремление автора искусственно примирить частновладельческие интересы с государственными в области регулирования хлебной торговли и продовольственной политики на местах. Неудивительно, что судьба проекта была вполне благополучна, он был одобрен Совещанием и вызвал впоследствии ряд конкретных постановлений земских управ.[179]

Несомненно, большое значение в объединении усилий буржуазных организаций и росте их влияния на развитие военной экономики имел созыв по инициативе

---

[179] Известия Особого совещания, 1916, № 25–26, 1 августа, с. 3—4.

П. П. Рябушинского 21 декабря 1916 г. первого частного совещания по вопросам военного снабжения. Протокол этого совещания с грифом «секретно» был препровожден самим Рябушинским в Особое совещание по обороне 21 января 1917 г.[180]

Вероятно, трудно было бы назвать среди промышленников Москвы лицо более влиятельное, нежели П. П. Рябушинский, лидер партии прогрессистов, член Государственного совета, председатель Московского военно-промышленного комитета. Неудивительно, что собрание представителей промышленных кругов, созванное им, вызвало живой интерес делового мира, а решения частного совещания приобрели общественное звучание. Судя по протоколу, на совещании обсуждались вопросы о нуждах армии в военном снабжении и о возможной форме удовлетворения этих нужд путем посильного содействия объединенных общественных организаций и Московского областного военно-промышленного комитета. Участие в работе совещания представителей фронта и Генерального штаба придавало его решениям особую весомость. Рябушинский особенно подчеркивал необходимость обсуждения назревших вопросов в кругу представителей военного мира и «делового хозяйственного опыта».

На совещании речь шла о том, что при вызванном войной напряжении всех сил большую роль в деле помощи фронту могли бы сыграть общественные организации и военно-промышленные комитеты. Однако, не зная нужд фронта, они вынуждены довольствоваться отдельными заказами от ведомств, которые отнюдь не стремятся к использованию «всей производительности и энергии мобилизованных промышленных и общественных сил».[181] Поэтому общественные организации, подчеркивалось в совещании, ищут пути непосредственного соприкосновения с армией. Шаги в этом направлении предпринял и Московский военно-промышленный комитет, пытаясь выяснить нужды фронта. Далее следовало ознакомление присутствовавших с этими нуждами (коммуникации, укрепления, вооружение и т. д.).

Разумеется, в действительности на совещании шла речь не только о недостатке осведомленности и не о та-

---

[180] Протокол частного совещания по вопросам военного снабжения в г. Москве. — ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 419, л. 4—10 об.
[181] Там же, л. 4.

ком уж непреодолимом желании промышленников содействовать нуждам фронта. Совещание имело целью протянуть руку помощи государственной власти, но при непременном условии — обеспечить промышленные предприятия новыми военными заказами, новыми субсидиями из фондов Государственного казначейства. Непосредственно продовольственной темы совещание не коснулось. Однако оно провозгласило необходимость объединенных выступлений буржуазии в экономических вопросах и подготовило организационную платформу для этих выступлений.

Опасаясь укрепления позиций буржуазии во всех государственных органах и прежде всего в системе особых совещаний, правительство направляло усилия на подавление местной инициативы, на разрыв связи местных предпринимательских сил со стоящими у «подножия» власти представителями крупного капитала. Вынужденное предоставление отдельных прав буржуазным организациям, их финансовая поддержка сочетались со стороны правительства со стремлением ограничить их инициативу, сузить масштабы практической деятельности. Поэтому призыв Рябушинского к единству имел немаловажное значение и для стоявшей на правом фланге, тесно связанной с царской бюрократией столичной финансовой буржуазии и особенно для периферийных буржуазных организаций, жаждавших объединения, в том числе для коммерческих кругов, занятых обслуживанием продовольственных потребностей армии и тыла.

Стремление к сосредоточению всей полноты власти в руках буржуазии отчетливо выразилось и в записке М. В. Родзянко Николаю II, датированной февралем 1917 г. и отразившей сближение правых с либеральной буржуазией. Председатель Государственной думы напомнил самодержцу, что в западноевропейских странах «вся система тыловой хозяйственной организации покоится... на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях, призванных организовать национальное хозяйство в интересах обороны». В России, отмечал он, «отношение правительства к обществу построено на принципе прямо противоположном: общественной инициативе не доверяют, в ней видят опасного врага; общественные организации, несмотря на все оказанные ими огромные услуги стране и армии, преследуются... Те отрасли народного хозяйства, где правительство менее

всего связало себя с общественными силами, находятся в состоянии полного разгрома».

Родзянко прежде всего имел в виду организацию коммерческой жизни, рынка, торговли, когда, разумеется, в пропагандистских целях подвергал уничтожающей критике правительственный курс в продовольственном вопросе. «Вместо того, чтобы целесообразно использовать живой, подвижной аппарат торговли, — писал он, — владеющий прекрасным знанием всех рынков страны, имеющий широко развитые деловые связи и соответствующее материальное оборудование... правительство обратилось к услугам чиновников, в огромном большинстве случаев незнакомых с делом, внесших в него пустой и сухой формализм». И далее: «Конечно, ничего другого, кроме полного расстройства торговли, получиться не могло; и переживаемая нами продовольственная разруха, и бешеная спекуляция, и всевозможные голоды — они созданы руками власти, невежественной и бездарной».[182] Следовательно, речь шла о необходимости дальнейшей перестройки экономики, без чего продолжение войны становилось невозможным, и это осознавалось в определенных буржуазно-помещичьих кругах.

Принимая меры к ограничению деятельности организаций буржуазной «общественности», высшие бюрократические органы противопоставляли им действия полицейско-чиновничьего аппарата, стремясь предотвратить открытое выражение политических настроений и продвижение буржуазии к власти даже «путем эволюционным».[183] В июле 1916 г. в секретной записке Департамента полиции военно-промышленные комитеты и союзы рассматривались в качестве организаций буржуазной оппозиции, преследовавшей политические интересы. В экономическом противостоянии осень 1916 г. принесла известные успехи царизму в подавлении инициатив буржуазных союзов. Одновременно усилилась тенденция к огосударствлению экономических функций, сращиванию отдельных звеньев государственного механизма с управленческим аппаратом буржуазных объединений и «всесильных монополистов» — банков.[184]

---

[182] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 345, с. 28—29.

[183] Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 17—18, с. 45.

[184] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 326.

Вторжение банковского капитала в систему регулирования продовольственного снабжения

В период войны огромную роль в процессе концентрации производства и капитала играли крупнейшие российские банки. Инфляционная конъюнктура создала исключительно благоприятные условия для сосредоточения под контролем финансовой олигархии производственных мощностей, пакетов акций десятков разнородных предприятий, часто не связанных в хозяйственном отношении, но дающих прибыль. Широчайшая экспансия банковского капитала определила захват сильнейшими представителями финансового мира командных высот в ряде отраслей экономики, закрепила «господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам».[185] В основе их обогащения лежали выгодные торговые договоры с официальными представителями органов власти и тайные сговоры о повышении уровня сбытовых цен, открытые спекулятивные сделки и закулисные финансовые махинации, откровенная нажива за счет общественных и гражданских мероприятий.

Инфляция способствовала образованию огромных свободных денежных капиталов, которые оседали в фондах коммерческих банков. «Необъятный выпуск бумажных денег поощряет спекуляцию, позволяет капиталистам наживать на ней миллионы...», — заметил В. И. Ленин.[186] По признанию правления Азовско-Донского банка, эти свободные средства «легко нашли себе применение, удовлетворяя чрезвычайно разнообразные потребности, прямо или косвенно вызванные военными обстоятельствами».[187] Из банковских средств были покрыты необходимые расходы, связанные с обороной, на сумму около 9 млрд. руб. Приблизительно 45% всей суммы, израсходованной на войну внутри страны, составляли капиталы банков. В условиях российского империализма с его многоукладной экономикой господство финансового капитала не только охватывало сферу крупнокапиталистического производства, но и легко сосуществовало с до- и раннекапиталистическими укладами и приобщалось к порожденным

---

[185] Там же, с. 350.

[186] Там же, т. 34, с. 187.

[187] Экономическое положение России... М.; Л. 1957, ч. 1 док. № 41, с. 89—90.

этими укладами примитивным формам эксплуатации. Отсюда возникала известная заинтересованность финансового капитала в сохранении организационных основ экономики и консервации ряда крепостнических пережитков, сильнейшим из которых являлось помещичье землевладение.

В годы войны крупное частное землевладение испытывало значительные финансовые затруднения. По свидетельству правления Волжско-Камского банка, имущество землевладельцев «сделалось и бездоходным, и не допускающим распоряжений».[188] Интерес банковского капитала к субсидированию помещичьих латифундий значительно ослаб. Циркуляр правления Волжско-Камского банка управляющим отделениями (в октябре 1917 г.) содержал распоряжение о прекращении выдач денежных ссуд землевладельцам и об ограниченном финансировании земств и городов даже при правительственной гарантии.

Вместе с тем в период войны резко усилились операции банков, связанные с кредитованием торговли. Интенсивный переход к подобного рода финансированию наметился еще в период предвоенного экономического подъема, когда многие русские коммерческие банки, иногда по взаимному соглашению, обратились к поддержке торговых операций, связанных преимущественно с экспортом. Сравнительная легкость монополизации банками сбыта сельскохозяйственных продуктов и прежде всего хлеба объяснялась осуществляемой ими на местах системой мер, касавшихся как чисто технических процедур, так и взаимоотношений с широкой клиентурой. Для крупных скупщиков зерна банки снижали ссудный процент и предоставляли ряд льгот, облегчавших ведение коммерческих операций.[189]

Экспансионистские стремления банков в период войны резко усилились. Спекулируя на трудностях военной экономики, учитывая затяжной характер военных действий, коммерческие банки все сильнее приобщались к несвойственным им в принципе прямым торговым операциям, теряя специфику определенной законом финансовой деятельности. Я. Рудой, основываясь на данных периодики

---

[188] Там же, док. № 49, с. 98.

[189] *Китанина Т. М.* О некоторых особенностях российской хлебной торговли накануне первой мировой войны. В кн.: ЕАИВЕ за 1968 г. Л., 1972, с. 275—276.

(«Русские записки»), сообщал, что «совокупное количество ссуд по товарно-капиталистическим счетам банков за время с 1 октября 1914 г. по 1 апреля 1915 г. возросло на крупную сумму» — 102.3 тыс. руб., достигнув 398.6 тыс. руб.[190] Переход банков к скупке и сбыту товаров за собственный счет вызвал негативную реакцию в широких коммерческих кругах и критическую оценку в бюрократических учреждениях.

Отголоски этих настроений прозвучали в донесениях чиновников Государственного банка, ревизовавших финансовую деятельность крупных коммерческих банков в связи с окончанием отчетного 1916 г. Обследование государственного инспектора П. Ф. Баторевича показало, что Азовско-Донской банк, полностью подчинив Русское общество вывозной торговли и его подотдел — Русско-Китайское товарищество, широко финансировал посредников-комиссионеров, скупавших хлеб, и одновременно сам являлся продавцом поставляемого обществами хлеба. Комиссионное вознаграждение банка по закупочным операциям заранее определено не было, а вычислялось «из разницы цен между себестоимостью зерновых продуктов и суммой, по которой товар был продан Русскому обществу вывозной торговли». Достаточно укрепив позиции, банк безвозмездно передал Обществу несколько складских помещений, что свидетельствовало о «тесных отношениях» компаньонов.[191] В свою очередь Русское общество вывозной торговли предоставило в распоряжение банка свои деловые контакты и широкую клиентуру (скупщиков и поставщиков зерна). Связанное прочными узами с банком и фирмой «Луи Дрейфус и К°», Общество развернуло интенсивные закупочные операции в Новороссийске, Херсоне, Бердянске, Самаре. Располагая широкой агентурной сетью, до 60 % зерна оно приобретало в районе железных дорог, на крупных узловых станциях и ординарных торговых пунктах. Его зарубежные коммерческие связи вели в Лондон, Роттердам, Антверпен.[192]

Откровенная формальность двусторонних соглашений (торговые договоры 1912—1916 гг.) противоречила фактической стороне дела и вызвала неудовлетворенность

---

[190] *Рудой Я.* Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925, с. 30.

[191] Экономическое положение России..., ч. I, док. № 54, с. 133.

[192] ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 24, л. 291, 293.

государственного инспектора. Смешение посреднических финансовых и прямых торговых операций противоречило уставу банка и безусловно затрудняло правительственный контроль. «Наличность такого договора, — отмечал инспектор, — свидетельствует лишь чисто декоративное его значение, по сущности своей совершенно не соответствующее характеру комиссионного договора». В погоне за сверхприбылью банки стремились соединить обе операции — комиссионную и спекулятивную, т. е. узаконенную с незаконной. «Во многих случаях комиссионная деятельность банка является опороченной, и многие сделки, совершаемые под видом комиссионных, по существу являются торговлей за собственный счет», — предупреждал тот же инспектор.[193]

С целью расширения хлебозакупочных операций Азовско-Донским банком были открыты в Ростове-на-Дону специальный торговый отдел и несколько агентств в окрестностях города. Самой крупной статьей дохода Ростовского отдела являлись спекулятивные сделки с зерном: при валовой прибыли 1915 г. в 192.6 тыс. руб. прибыль от спекулятивных сделок составила 127.1 тыс. руб., в том числе от продажи пшеницы — 123.1 тыс. руб. Таким образом, не только обычное финансирование, но и «неофициальные», так сказать, сделки с закупкой и реализацией товаров обеспечили стремительный рост прибыли банка.

При обследовании коммерческой деятельности Русско-Азиатского банка инспектор Государственного банка П. И. Перхорович обратил внимание на связь хозяйственных неурядиц с «прогрессирующим» развитием товарно-ссудных банковских операций: «Когда на рынках повсеместно наблюдается отсутствие и всеобщий недостаток товаров, в Русско-Азиатском банке количество этих товаров как объекта залога неуклонно увеличивается. И в первую очередь это касается хлеба и сахара, т. е. продуктов, совершенно исчезнувших с широкого рынка».[194] И если война сократила до минимума вексельный кредит, расцениваемый как «основа торговли», то на функциях Русско-Азиатского банка это обстоятельство почти не отразилось. В банковской деятельности оказалась «близкая связь» между товаро-ссудной и вексельной операциями.

---

[193] Экономическое положение России..., ч. I, док. № 54, с. 133, 137.

[194] Там же, с. 140; док. № 51, с. 101—102.

Кадры мелких торговцев при этом сокращались, их все более вытесняли крупные клиенты и «промышленники-производители» на местах. В результате и здесь продолжали преуспевать отделения банка, в которых новые тенденции достаточно прочно проявили себя и где сохранялись высокие обороты по товаро-ссудным и товаро-комиссионным операциям, в том числе с зерном и мукой («on call», срочные ссуды и т. д.).

По данным инспекторской ревизии, Русско-Азиатский банк усиливал финансирование производств, «связанных с обороной, делающих большое государственное дело... около которых и стоило поработать».[195] К числу предприятий, представлявших для банка особый интерес, принадлежала фирма «И. Стахеев и К°», многолетняя и многообразная связь с которой определила тесные деловые контакты. Накануне первой мировой войны на авансцену экспортной и внутренней торговли выходит крупный модернизирующийся скупщик, связанный с банковским капиталом и осуществлявший при его финансовой поддержке широкий объем хлеботорговых операций. Именно к такого рода деятельности приступило в 1912 г. торгово-промышленное товарищество «И. Стахеев и К°», заключив соответствующее соглашение с Русско-Азиатским банком. Условия этого соглашения, определившие ведение торговых операций «за общий счет», на паритетных началах, были взаимовыгодны.

Опираясь на неизменную поддержку банка, открывшего И. И. Стахееву специальный кредит под «хлебное дело», фирма приступила к интенсивным закупкам зерна, о масштабах которых убедительно свидетельствовала энергичная деятельность 40 отделений, разбросанных на громадной территории от притоков Волги до Приамурья. В итоге на складах и элеваторах фирмы образовались огромные запасы зерна, оцениваемые правлением Русско-Азиатского банка суммой свыше 1 млн. руб. К тому времени задолженность фирмы банку по корреспондентскому счету достигла 5.5 млн. руб.[196] Одновременно товарищество И. И. Стахеева приступило к основанию нескольких акционерных предприятий, ставших в дальнейшем центральными хлеботорговыми компаниями для ряда регио-

---

[195] Там же, док. № 51, с. 109.
[196] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 843, л. 11, 50.

нов страны. Таков был первый шаг на пути к модернизации хлебной торговли.

Вторым шагом оказалось проникновение фирмы в сферу экспортных операций, обеспеченное активной поддержкой Русско-Азиатского и Петроградского международного коммерческого банков.

Война резко сократила экспортные связи, ввиду чего крупный торгово-промышленный и банковский капиталы переключились на внутреннюю хлебную торговлю, создавая сильные капиталистические организации в виде коммерческих агентств железных дорог, специальных торговых обществ и т. д. В сентябре 1914 г. Русско-Азиатский банк предоставил Стахееву кредит «для военных поставок» на сумму 2 млн. руб. с взиманием 8 % годовых и $1^1/_2$ коп. отчислений (прибыли) с каждого пуда реализованного зерна.[197] Альянс с банком обеспечил товариществу «И. Стахеев и К°» открытие местных отделений хлеботорговых фирм (дочерних предприятий), строительство складов, пакгаузов, возведение подъездных железнодорожных путей. В 1916—1917 гг. имела место новая волна учредительства Стахеевым в союзе с банком акционерных хлеботорговых компаний для закупок зерна в европейской части России и с целью реализации сибирского хлеба. В первые годы войны в Сибири скопились огромные запасы зерна, не вывезенные из-за отсутствия транспорта. Вследствие чрезвычайно ограниченных возможностей хранения, слабого развития элеваторной сети цены на сибирский хлеб упали до 20—25 коп. за пуд. (до войны — 1 р. 93 к.—1 р. 65 к. за пуд).[198] Следовательно, для крупнейших скупщиков, какими являлись фирма и банк, открывались неограниченные возможности спекулятивной деятельности. В течение 1913—1917 гг. товарищество «И. Стахеев и К°» вложило в хлеботорговые предприятия 4.6 млн. руб. и контролировало акционерный капитал в сумме 6.9 млн. руб.[199]

К осени 1917 г. под контролем уже сложившегося концерна Путилова-Стахеева-Батолина оказалась значительная часть хлебных рынков центральных губерний, Юга страны, Поволжья и Сибири. Новые задачи определили

---

[197] Экономическое положение России..., ч. I, док. № 51, с. 109.
[198] Финансовое обозрение, 1915, № 1.
[199] *Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России. 1914—1917. Л., 1969, с. 60.

участие концерна в регулировании продовольственного снабжения населения, предоставив ему право закупок хлеба для земств, городских управ и общественных учреждений.

Вмешательство Русско-Азиатского, Петроградского международного, Азовско-Донского, Русского для внешней торговли, Волжско-Камского, Сибирского банков в область хлебной торговли, сравнительная легкость монополизации банками сбыта сельскохозяйственных продуктов объяснялись слабостью отечественного торгового капитала, его серьезными уступками банковскому капиталу, отличавшемуся высокой концентрацией. Выдвижение банков на арену внутренней и международной хлебной торговли, проникновение в ранее труднодоступную для них хозяйственную отрасль почти не затронуло, однако, процессов, происходивших в русской деревне. Ростовщический капитал приспосабливался к развитию капиталистических отношений в деревне, и это происходило тем легче, чем более нуждалось крестьянство в кредитах. Между тем взращенные капитализмом мелкие кредитные учреждения обходили беднейшую часть крестьянства, как неимущую, неспособную обеспечить залог. Разумеется, влияние банков придавало хлебной торговле элементы модернизации. С другой стороны, концентрируя вокруг себя десятки маклеров, спекулянтов, осуществляя с помощью этих «услужливых наемных цивилистов» скупку и реализацию хлебных продуктов, банки приобщались к источникам прибыли, полученной за счет торгово-ростовщической эксплуатации мелкого производителя, т. е. за счет прямого ограбления крестьянства.

Финансовая олигархия использовала банковский капитал для подчинения государственного аппарата, для осуществления политических целей отдельных групп предприятий и финансистов.[200] С начала войны банки оказывали давление на правительство с целью узурпации роли регулятора продовольственного снабжения армии и населения. Первой реакцией самодержавной власти был отказ от предложенной банками «бескорыстной» помощи. Занятая правительством позиция носила отпечаток двойственности и непоследовательности. При всех уступках частному капиталу царизм стремился отстоять казенно-бюро-

[200] *Гиндин И. Ф.* Банки и промышленность в России до 1917 г. М.; Л., 1927, с. 83—84.

кратическую регламентацию закупок и продовольственного снабжения. Это стремление питало критические выпады государственных органов и должностных лиц против спекулятивной деятельности банков, носившие порою довольно резкий характер. Сохранение бюрократических принципов регулирования определило и практические шаги, предпринятые правящей элитой против деятельности банков. Имеется в виду отказ правительства от комиссионных услуг банков в период заготовительной кампании 1916 г.[201]

С другой стороны, трудности экономики, заинтересованность в мобилизации капиталов, концентрация в руках банков огромных запасов зерна заставляли искать «нейтральные» пути для сотрудничества, т. е. придерживаться некоей средней линии, не давая банкам излишней самостоятельности и не допуская каких-либо ущемлений для крупного землевладения — классовой опоры самодержавия. Поэтому при постоянно усиливающемся натиске банков и несмелых уступках царизма обе стороны продолжали открыто вести полемику, используя любые трибуны — собрания представителей буржуазных объединений, междуведомственные совещания, наконец, периодическую печать. Лейтмотив выступлений банков — нарекания за отстранение финансового и торгового капитала от решения острейших продовольственных проблем, обвинение властей в чрезмерной подозрительности относительно истинных намерений финансовой олигархии. Со стороны правящих кругов подвергалась критике спекулятивная деятельность банков, их стремление использовать сложную военную конъюнктуру в целях наживы и усиления политического влияния.

Разумеется, о полной изоляции банков от решения продовольственных вопросов речи быть не могло вследствие ограниченных масштабов регулирования, особенно в начальный период войны. Несмотря на известное лимитирование рынка правительственными закупками и местную регламентацию, свободный рынок сохранял свое значение и предоставлял банковскому капиталу широкое поле деятельности. В дальнейшем сужение вольного рынка с лихвой компенсировалось для банков участием в правительственных заготовках. Последнее обстоятельство по-

---

[201] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 482—483.

служило еще одним козырем, давшим формальное право воротилам финансового капитала объявить себя чуть ли не спасителями национальной экономики. Оценивая антинародную деятельность банков, В. И. Ленин отмечал: «...банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов».[202] В документе, исходящем от Петроградской казенной палаты, подчеркивалось, что банки оказывают на ход торговли «весьма вредное влияние» искусственным поднятием цен на продукты первой необходимости».[203] Умело регулируя пополнение рынка через кредитование широкой клиентуры, банки сужали поле деятельности и тем самым стимулировали рост цен.

В сущности правительственная политика ущемляла интересы торгового и банковского капиталов лишь косвенно, ограничивая деятельность того и другого не столько прямым законодательством, сколько актами, защищавшими интересы правящей верхушки и государства в целом.[204] Колебания правительственного курса в отношении экспансии банковского капитала проявились с особой силой в период назревания продовольственного кризиса. На Экономическом совещании, состоявшемся 3—5 января 1916 г., Министерство финансов проявило инициативу, подсказав возможность пересмотра законодательства, препятствующего развитию прямых торговых банковских операций. Русско-Азиатский, Петроградский частный коммерческий, Петроградский учетно-ссудный банки не преминули воспользоваться этим обстоятельством, выдвинув проект создания «распределительных синдикатов с лимитированной прибылью» с целью закупок продовольствия. Логика подсказывала, что новым объединениям суждено было вытеснить закупочные организации на местах.[205] Последующие события характеризовались чередующимися попытками и той, и другой стороны навязать свою линию поведения в продовольственном деле.

---

[202] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 326.

[203] *Рудой Я.* Государственный капитализм..., с. 30.

[204] См.: *Волобуев П. В.* О государственно-монополистическом капитализме в России в 1917 г. (март—октябрь). — Вопросы истории, 1959, № 9, с. 45—46.

[205] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 107.

Отголоски двойственного отношения правительства к банкам прозвучали в полемике, которая велась в государственных регулирующих органах весной того же года. На одном из заседаний Особого совещания по обороне член Государственной думы А. И. Шингарев заявил, что вопреки уставам банки «выписывают для дальнейшей спекуляции крупные партии самых разнообразных предметов, могущих оказаться пригодными для обороны. Подобная спекуляция в военное время носит преступный характер и должна быть прекращена энергичными мерами». Те же обвинения Шингарев повторил и в последующих заседаниях. В уклончивом ответе министра финансов П. Л. Барка содержалось довольно шаблонное оправдание поведения банков «незначительностью роста» торговых сделок, не представляющих будто бы угрозы для экономики. Барк призвал к осторожности в борьбе с незаконными операциями банков, ибо «применение общих мер, в частности ревизий, внесло бы недоверие в среду клиентов банка и расшатало бы кредитное дело».[206] Но уже 1 июня 1916 г. на заседании Особого совещания по продовольственному делу состоялся обмен мнениями относительно разработанного в ведомстве финансов проекта о расширении прав министра по надзору за деятельностью банков.[207] Это решение вызвало явное неудовольствие в буржуазных кругах, свидетельством чему явилось выступление ряда буржуазных газет.

В русле июньского решения, но уже в несколько смягченной форме осенью 1916 г. министр торговли и промышленности предложил проект создания торговых палат — предпринимательских торговых объединений, поставленных в рамки государственного контроля. Осуществление проекта привело бы к некоторому сковыванию инициативы банков, но в то же время и к сближению бюрократии с буржуазными группировками. Следует заметить, банки предпочитали осторожно уклоняться от соглашений с правительством, если инициатива этих соглашений исходила от правящих кругов. Сентябрь ознаменовался двумя событиями, оставившими след во взаимоотношениях правительства с банками. Заседание Особого совещания министров 24 сентября рассмотрело и отклонило предло-

---

[206] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. I, № 54, с. 148; № 56, с. 160—161.

[207] Деятельность Особого совещания..., с. 65.

жение о реорганизации продовольственных органов на местах с привлечением общественных организаций. И почти одновременно в связи с проявлением в Ставке Верховного командования интереса к деятельности банков последние выдвинули проект, представленный главкому Северного фронта о создании на паритетных началах Совета из членов правительства и представителей торговли, наделенного исключительным правом закупок по ценам свободного рынка.[208] К этому времени банки укрепили позиции, создав для представительства собственных интересов постоянный комитет в составе 16 крупнейших кредитных учреждений.[209]

На предложение банков отклика не последовало, но уже 10 октября министр земледелия вынес решение об организации местных продовольственных органов с широким представительством буржуазных организаций. В ноябре на совещаниях по вопросам кредитования, проходивших при Особом совещании по продовольственному делу и Особенной канцелярии по кредитной части, было высказано мнение о необходимости открытия счетов под продовольствие в частных коммерческих банках и о соответственном ходатайстве перед министром финансов. В результате переговоров банки пришли к соглашению с правительством об открытии специального кредита с обеспечением пятипроцентными краткосрочными обязательствами казначейства, предоставленного в распоряжение главноуполномоченного по закупкам.[210]

Медленное течение переговоров и столь несмелые решения правительства подогревались известиями о стремительном росте паразитических доходов банков, стекавшихся из разных ведомств. Костромской уполномоченный Особого совещания по продовольственному делу сообщал в декабре 1916 г. о заключении договора на поставку пшеницы с владельцем Юрьевецкой мельницы В. А. Жиловым, закупившим 450 тыс. пуд. через посредство Волжско-Камского банка. Назначенные банком закупочные цены оказались выше твердых, поэтому и шла речь о приобретении военным ведомством зерна по повышен-

---

[208] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 115, 112—113.

[209] *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России (1914—1917). М.; Л., 1926, с. 37.

[210] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 117—118.

ным ценам.[211] Тревожные сигналы поступали и из Военного министерства. В январе 1917 г. ген. Батюшин извещал о спекулятивной деятельности Петроградского международного банка, создавшего «в нарушение... устава» при Харьковском отделении «великолепную организацию» по торговле тарой для продовольствия, прибыль которой приносила от 200 до 500 % годовых.[212] Не случайно тогда же в журнале «Летопись» появилась статья о прибылях военных лет, содержащая характерную фразу: «Ту головокружительную пляску миллионов, которая происходит сейчас, раньше невозможно было даже представить себе».[213] В. И. Ленин отмечал «безмерные, неслыханные, скандальные прибыли» российской буржуазии.[214] О них можно было судить даже на основании далеко не объективных выдержек из отчетов крупнейших коммерческих банков за 1916 г., публикуемых «Торгово-промышленной газетой».[215]

«Самостоятельная» линия, проводимая банками, была характерна не только для хлеботорговых операций внутреннего рынка, но и для закупок, продолжавшихся в счет союзных поставок. Главноуполномоченный по области Войска Донского А. И. Кириллов обратил внимание на угрозу срыва армейских поставок ввиду чрезмерно повышенных цен на пшеницу, закупленную для Франции Азовско-Донским, Петроградским международным и Сибирским банками в нарушение договорных условий (1 р. 42 к. за пуд вместо 1 р. 15 к.).[216] Сложную закулисную политику вел Сибирский банк в содружестве с крупнейшим скупщиком А. Л. Животовским, захватившим чуть ли не монопольное право на приобретение у банка пшеницы и тем самым препятствовавшим правительственному соглашению с банком.[217]

Весьма сложно складывались деловые взаимоотношения петроградской финансовой олигархии, близкой к иностранному капиталу, с национальной торговой буржуазией, объединенной в буржуазно-помещичьи союзы и

---

[211] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 31 и об.
[212] ГАХО, ф .345, оп. 1, д. 110, л. 90—98.
[213] Летопись, 1917, № 1, с. 280, 285.
[214] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 156.
[215] Торгово-промышленная газета, 1917, 8, 18, 30 апреля.
[216] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1362, л. 96 и об.; ЦГИА СССР, ф. 456, оп. 1, д. 968, л. 3—4, 7—8.
[217] ЦГИА СССР, ф. 638, оп. 1, д. 49, л. 14—15, 18—20, 24—25.

военно-промышленные комитеты. По наблюдениям В. Я. Лаверычева, сближение позиций в оценке продовольственного положения наметилось в начале 1916 г., в частности на 2-м съезде военно-промышленных комитетов в феврале, а затем в марте на заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета.[218] Однако это сближение не было и не могло быть прямолинейным как в силу разногласий по ряду вопросов политики и экономики, так и вследствие большего радикализма торгово-промышленной буржуазии, не разделявшей крайнего стремления банков к монополизации закупочных операций. Именно поэтому исходившие от буржуазных кругов проекты организации продовольственного дела, отражавшие общую тенденцию сближения банковского и торгового капиталов, носили, как правило, незавершенный характер. С другой стороны, банки твердо отстаивали собственные интересы, хотя о единстве этих интересов среди различных групп финансового капитала говорить, разумеется, не приходится. В апреле 1916 г. в банковских кругах возник проект преобразования торговых организаций на местах в военно-торговые комитеты. Предложение было выдвинуто Российской экспортной палатой, одобрено чрезвычайным съездом представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и несомненно наряду с монополизацией торговли преследовало цель объединить усилия банковских и буржуазных группировок. Тем не менее предпринимательские круги Москвы весьма неохотно откликнулись на этот шаг, противопоставив ему собственный план организации военно-торговых отделов при военно-промышленных комитетах (в июне 1916 г.).[219] Разногласия, помноженные на взаимное недоверие, явились причиной, помешавшей осуществлению и того, и другого проектов.

Московские банки, занятые в основном торговыми операциями и трансформирующиеся постепенно в банки местного значения, в период войны проявили максимальную энергию в финансировании военных мероприятий правительства.[220] Значительной роли в хлеботорговых операциях

---

[218] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 108.

[219] Там же, с. 110.

[220] *Гиндин И. Ф.* Московские банки в период империализма (1900—1917). — Ист. зап., 1956, т. 58, с. 38—39; Торгово-промышленная газета, 1917, 6 января.

они не играли, однако активно поддерживали предпринимательскую московскую буржуазию, объединенную в союзы. В докладе Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции в октябре 1916 г. отмечалось, что на одном из недавних совещаний по поводу продовольственного кризиса московские банкиры выработали проект реорганизации продовольственного дела путем привлечения финансового капитала к регулированию снабжения, нарисовав при этом картину «хаоса», в котором находится ныне внутренний рынок. Руководители банков не скупились на громкие слова о «мировой катастрофе», происшедшей в экономике и приведшей рынок в состояние «бешенства». И одну из причин «безумного вздувания цен на продукты» они видели в правительственном вмешательстве, выполненном «неумелыми людьми» и осложнившем «до бесконечности отношения продавца и покупателя».[221] Следовательно, и здесь речь шла о необходимости широкого привлечения торгового капитала к решению продовольственной проблемы.

В этом аспекте небезынтересно содержание дискуссии, развернувшейся в совещании при Совете съездов мукомолов по поводу проекта создания Хлебного банка, выдвинутого финансовыми кругами. Предоставление ему монопольных торговых прав вызвало явное беспокойство в торгово-промышленных кругах. «Совет съездов мукомолов, — прозвучало в выступлении члена совещания И. В. Ковригина, — преследует улучшение реализации урожая, новый же банк ставит таковую на последнем месте, его главная задача — сделаться торговцем».[222] Совещание высказалось за запрещение банкам торговли за свой счет и комиссионных операций вообще. Одновременно с рассмотрением проекта Хлебного банка при участии петроградских финансовых кругов был подготовлен устав Калашниковского хлеботоргового товарищества — крупнейшего паевого предприятия с широкой сетью закупочных организаций на местах.[223]

Оценивая в целом значение выступлений крупного капитала на продовольственном фронте в преддверии Февральской революции, необходимо подчеркнуть несомнен-

---

[221] Красный архив, М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 15.
[222] ЦГА г. Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 657, л. 1 и об.
[223] Материалы к вопросу о государственном регулировании..., с. 67—68.

ное усиление его влияния на направление правительственного курса в продовольственном вопросе. Не заинтересованная в серьезном расхождении с правящей элитой, но сохранявшая оппозиционность, крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия искала соглашений с правительством для приемлемого решения ряда вопросов экономической политики, обещавшего расширение сферы приложения частнокапиталистической деятельности. Это и стимулировало ее стремление к соучастию и сотрудничеству в системе государственных регулирующих органов. Самодержавное правительство, сохраняя казенно-бюрократическую регламентацию, вынуждено было откликаться на призыв к сближению и, не проявляя открытой готовности к взаимному соглашению, ограниченно предоставить крупному капиталу возможность участия в системе государственного регулирования.

Государственная власть, придворная элита и продовольственный вопрос

Сложный клубок политических противоречий определял характер деятельности самодержавного правительства во всех аспектах политики и экономики, затрагивавших сферу интересов господствующих классов. Не осталась в стороне, разумеется, и проблема продовольственного снабжения.

Диктаторские полномочия Б. В. Штюрмера, позволившие ему добиться «высочайшего» согласия на упразднение 21 мая 1916 г. «Малого» совета 5 министров (особого «суперарбитра», по словам П. Н. Игнатьева, «который был сильнее Совета министров»),[224] привели к созданию в ведомстве внутренних дел проекта Особого комитета для борьбы с дороговизной, утвержденного распоряжением Совета министров 29 июля. Состав Комитета, укомплектованный из представителей ряда министерств, 4 совещаний при министрах, с участием заведующего продовольственным делом в империи исключал влияние общественных организаций. Тем самым Комитет превращался в ординарный межведомственный орган, подчиненный влиянию Министерства внутренних дел и формально предназначенный

---

[224] Падение царского режима, т. VI, с. 14.

для предотвращения чрезмерного повышения цен на сырье, «изделия» и рабочие руки.[225]

При приемнике Штюрмера октябристе А. Д. Протопопове, занявшем пост министра внутренних дел в сентябре 1916 г., дальнейшие ведомственные модификации привели к известному усилению влияния в продовольственном деле вверенного ему министерства. Активность возглавляемого Протопоповым ведомства облегчалась тем, что входившее в его состав Управление сельской продовольственной части сохранило за собой ряд несомненно важных функций в организации продовольственного дела: обеспечение населения продовольствием в случае неурожая и стихийного бедствия, оказание продовольственной помощи в местностях, пострадавших от военных действий (постановление Совета министров 10 октября 1914 г.), снабжение сельского населения (Устав об обеспечении народного продовольствия), удовлетворение ходатайств земских управ о кредитах под продовольственные операции, назначение льготных тарифов и преимуществ в железнодорожных перевозках (Особый журнал Совета министров 5 августа 1915 г.) и т. д.[226] Перечисление этих функций обнажает каналы, через которые министерство влияло на исход продовольственных дел. Однако ни один из министров внутренних дел не соглашался ограничить свое вмешательство рамками узаконенных возможностей. В отличие от А. Н. Хвостова, склонявшегося к решению продовольственного вопроса исключительно силами официальной власти, и Штюрмер, и тем более Протопопов стремились расширить социальную опору за счет деловых контактов с определенными слоями буржуазии. Прежде всего это проявилось в тенденции покровительства банковскому капиталу, усилившейся при Протопопове вследствие его давних и прочных уз с банками.[227]

Пытаясь мобилизовать банковский и торгово-промышленный капиталы и отчасти влиять на ход производства, бюрократические круги сохраняли незыблемым «частнокапиталистический порядок», не выпуская инициативу из собственных рук. Именно в этом, а не в борьбе со злоупотреблениями и спекуляцией проявилась твердость про-

---

[225] Особые совещания и комитеты военного времени. Пг., 1917, с. 68—69.

[226] Деятельность Особого совещания..., с. 57—59.

[227] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 28, д. 472, л. 168—171.

довольственного курса. Таким образом, мобилизация промышленности, имея перед собой безусловно общие империалистические цели, в действительности не сплотила господствующие классы, вступившие в политический союз. И если готовность крупной буржуазии к сотрудничеству с царской бюрократией была почти безоговорочной и поддерживалась желанием реванша в экономической сфере, то официальные ведомства откликались на встречные шаги с большой осторожностью, предоставляя буржуазии при решении тех или иных вопросов лишь совещательный голос. Политика Протопопова показательна тем, что им была сделана попытка некоторого отступления от принятого курса, более тесного сближения с банками, во имя чего министр внутренних дел готов был жертвовать и системой государственного регулирования торговли. В качестве политического представителя и доверенного лица банков Протопопов искал формы сотрудничества бюрократических кругов с монополистическим капиталом и, находя их, осуществлял экономические акции в интересах крупного капитала.

Поворот в сторону банков отчетливо отразился в записке Особого комитета для борьбы с дороговизной, датированной 24 сентября. Речь вновь велась о «раскрепощении» торговли, т. е. о свободном допуске частной инициативы. Но и Особому комитету, отмеченному покровительством свыше, не суждено было проявить самостоятельность. Включенное в записку предложение о привлечении к торговым операциям местных общественных сил не нашло поддержки в официальном мире.[228]

Сближение с банками создавало ту почву, на которой Протопопов предполагал осуществить перестройку продовольственного снабжения. Идея министра внутренних дел заключалась в проведении широкой акции по принудительному изъятию хлеба с целью создания резервного фонда в 100 млн. пуд. Исполнителей этой акции Протопопов видел в земствах, но не под началом Министерства земледелия (постановление 10 октября 1916 г.), а под контролем губернаторов.[229] В случае успеха эта мера, близкая к разверстке, безусловно способствовала бы пере-

---

[228] *Лаверычев В. Я.* Государственно-монополистические тенденции..., с. 114—115.

[229] Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984, с. 607.

дачу всего продовольственного дела в руки Министерства внутренних дел.

Вопрос о сосредоточении всех «продовольственных» функций в ведении Протопопова рассматривался на высоком уровне. Еще в начале октября Совет министров склонен был к согласию, но протест Бюджетной комиссии Государственной думы заставил пересмотреть решение. И уже 22 октября Совет министров отверг предложение министра внутренних дел. Несмотря на поддержку Г. Е. Распутина и части придворной камарильи, креатурой которой Протопопов и являлся (прежде всего императрицы Александры Федоровны), министр внутренних дел не рискнул осложнять отношения с Думой.[230] Противоречивость политики Протопопова проявилась и в том, что, оказывая постоянные услуги банкам, он резко размежевался с представленной союзами торгово-промышленной буржуазией, запретив два продовольственных съезда. «Продовольственные съезды были мой кошмар, — признавался он впоследствии, — потому что продовольственные съезды обязательно превращались в съезды политические и при этом страшной импульсивной силы». Закрытие съездов продемонстрировало непримиримое отношение министра внутренних дел «к общественным организациям, к оппозиции, ко всякому общественному проявлению».[231]

В конце года в военно-бюрократических кругах вызрела идея передачи продовольственных дел в ведение диктатора. 10 декабря председатель Совета министров А. Ф. Трепов получил в Ставке для редактирования проект Положения о верховном начальнике по продовольственной части, перекликавшийся с проектом ген. М. В. Алексеева «О верховном министре государственной обороны» (июнь 1916 г.). Бесконтрольность (диктатор назначался монархом и был ответственен только перед ним) и чрезвычайные полномочия (уравнение в правах с командующим фронтом) механически подчиняли верховному начальнику Особое совещание по продовольственному делу. Не сочувствуя законопроекту, Трепов направил его министру земледелия А. А. Риттиху для ознакомления и соответствующих коррективов. В свою очередь Риттих осторожно оповестил Николая II о несвоевременности подобной меры, о трудностях прохождения проекта через Думу.

---

[230] Там же; Падение царского режима, т. VI, с. 21.

[231] Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. V, с. 283, 359.

Одновременно в противовес законопроекту Ставки министр земледелия внес предложение о милитаризации государственных продовольственных учреждений. План Риттиха предполагал назначение чинов высшей военной администрации на ведущие посты Министерства земледелия. Однако проект Риттиха постигла та же участь. После недолгого рассмотрения в ведомствах он был отвергнут.[232]

Бюрократические ведомства не отличались оригинальностью в создании проектов «реконструкции» продовольственной системы. Под влиянием кризиса предложения реформ выдвигались общественными группировками, организациями, отдельными представителями как правящей элиты, так и оппозиционных партий. В подавляющем большинстве «прожектов» содержались весьма резкие критические выпады против порядков, укоренившихся в хозяйственной практике, но все они по-прежнему были далеки от реального воплощения. На исходе года с идеей спасения страны от голода выступил Всероссийский союз земельных собственников, арендаторов и посевщиков, созданный по инициативе крупных землевладельцев в 1905 г. и стоявший на крайне правых, контрреволюционных позициях в классовой борьбе в деревне.[233] В сущности его предложение сводилось к укреплению личной земельной собственности.

Не избежало общей участи и духовенство. 14 января 1917 г. статс-секретарь И. Г. Щегловитов передал Николаю II записку от «православно-русских кругов г. Киева», написанную лицами из окружения члена Государственной думы священника М. В. Митроцкого. «Продовольственное дело можно организовать очень просто и несложно», — утверждал автор записки. Он откровенно предлагал привлечь к решению продовольственного вопроса правые группировки, в том числе духовенство, ограничить инициативу местных общественных сил сугубым исполнительством, сосредоточить все нити руководства в ведении представителей высших государственных учреждений. Проект сопроводила ремарка царя: «Записка, достойная внимания».[234] Петроградское охранное отделение в до-

---

[232] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 481—482.

[233] *Осипова Т. В.* Всероссийский союз земельных собственников (1917). — История СССР, 1976, № 3, с. 115—116.

[234] Красный архив. М.; Л., 1926, т. 5 (18), с. 207—214.

кладе Особому отделу Департамента полиции в октябре сообщало: «... продовольственный вопрос играет сейчас если не единственное, то во всяком случае первенствующее и преобладающее значение». Эта мысль «правильно осознана всеми маломальскими серьезными политическими партиями».[235]

В ближайшем окружении Николая II благополучное разрешение продовольственного кризиса расценивалось чуть ли не как спасение династии. Но страх перед грядущими событиями уживался с полной неспособностью понять сущность происходящего. Вся экономическая жизнь страны катилась под гору, свидетельствовал позднее А. И. Гучков, ибо «та власть, которая должна была взять на себя организацию... тыла, была и бездарна, и бессильна». «Безответственные силы», «безответственные влияния», исходившие от двора, подрывали даже то немногое в области продовольственного регулирования, чего удалось достичь. В государственной жизни продолжали играть решающую роль «закулисные силы», свившие «прочное гнездо... в дворцовых сферах» и оттуда управлявшие «действиями официальных представителей власти».[236]

В письмах императрицы Николаю II настойчивые требования передать продовольственное дело в ведение Министерства внутренних дел перемежались с кратким пересказом «продовольственных» событий в столице, свидетельствующим о полнейшей неосознанности масштабов и характера народного движения. Уже в дни революции, 25 февраля, Александра Федоровна с возмущением сообщала: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам». «Все обожают тебя и только хотят хлеба», — успокаивала она самодержца 26 февраля.[237] В ответных посланиях царя сквозят и беспокойство, и полнейшая растерянность. Продовольственный вопрос он называет «вечным», «самым проклятым вопросом», с которым когда-либо сталкивался,

---

[235] Там же, т. 4 (17), с. 24—25.

[236] Падение царского режима, т. VI, с. 250, 260.

[237] Александра Федоровна — Николаю II, 25 и 26 февраля 1917 г. — В кн.: Переписка Николая и Александры Романовых, т. V, № 647, с. 217—218; № 648, с. 221.

и заканчивает свою мысль в письме от 20 сентября откровенным признанием: «Я... просто ничего не понимаю в этих вопросах о продовольствии и снабжении». «Надеюсь, — сообщал он в письме от 10 ноября, — продовольственный вопрос наладится и без изменений в существующей системе».[238]

Но надежды на незыблемость существующего режима оказались несбыточны. Ни ежедневные обсуждения продовольственных проблем в Совете министров под председательством кн. Н. Д. Голицына, сводившиеся фактически к полуофициальному обмену мнений, ни запоздалая передача 25 февраля продовольственного снабжения Петрограда в руки городских властей, ни, наконец, откровенные угрозы ген. С. С. Хабалова подавить продовольственное движение в столице «всеми мерами»[239] не смогли остановить широкую волну революционного движения, опрокинувшего самодержавный строй.

---

[238] Николай II — Александре Федоровне, 20 сентября и 10 ноября 1916 г. — Там же, с. 46, 146.

[239] Из дневника А. Д. Протопопова. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1925, т. 3 (10), с. 178.

Глава V

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

> Характерная особенность буржуазии... в том и состоит, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества... приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству.[1]
>
> *Ф. Энгельс*

Первые акты Временного правительства в области регулирования хлебного рынка

Временное правительство пришло к власти в обстановке голода и разрухи, властвовавших в стране. Нависшая над страной угроза национальной катастрофы усугублялась неразрешимостью продовольственного вопроса, вокруг которого концентрировались и социальные противоречия, и политическая борьба. Важнейшее общедемократическое требование — ликвидация голода, — ставшее одним из основных лозунгов Февральской буржуазно-демократической революции, побуждало к максимальной мобилизации усилий для революционного подавления саботажа и спекуляции, для организации учета и контроля. Крупная буржуазия, истово защищавшая свободу частного предпринимательства, низводившая сам принцип государственного регулирования до уровня формального наблюдательства, доказала полную свою несостоятельность в решении важнейшей общенациональной задачи, не сумев предложить народу сколько-нибудь действенной программы борьбы с голодом и разрухой.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 27 февраля, выражая волю народа, осуществил один из первых революционных актов — захват продовольственного дела в стране. На первом заседании Совета была

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 416.

создана Продовольственная комиссия, принявшая на себя обязанность снабжения столицы, а вскоре — решение продовольственного вопроса в масштабе государства. Возглавлявший комиссию меньшевик В. Г. Громан, лидеры соглашательского руководства Петроградского Совета свели на нет революционные завоевания народа, связав себя по рукам договоренностью с Временным комитетом Государственной думы о совместной деятельности на продовольственном фронте. Пополнив состав комиссии двумя представителями Временного комитета, буржуазия приложила максимум усилий к восстановлению пошатнувшегося престижа в продовольственном деле, цепко ухватившись за услужливо предоставленную ей возможность решения этого жгучего вопроса. Финальный аккорд в несостоявшемся споре за лидерство принадлежал банкам, открывшим для продовольственного поддержания населения столицы кредит в полмиллиона рублей.[2]

Одним из первых шагов «коалиционной» Продовольственной комиссии была датированная 2 марта телеграмма в адрес местных организаций с призывом к содействию. «Государственные интересы требуют получения сейчас же всех крупных партий хлеба, сосредоточенных в больших сельскохозяйственных экономиях, у торговых посредников и банков», — значилось в телеграмме. Поэтому Продовольственная комиссия взамен обращений бывших министров Беляева и Риттиха призывает, не прекращая разверстки, «немедленно... приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запасов хлеба у торговых предприятий и банков... Реквизиция должна производиться *без понижения цены* (курсив наш. — *Т. К.*)».[3]

Перед нами поразительно яркий документ периода двоевластия, как нельзя более характеризующий истинное направление правительственного курса в продовольственном вопросе. С одной стороны, декларативно заявленная радикальная мера для удовлетворения требований восставшего народа, с другой — сведение до минимума ее карательного значения путем вознаграждения «продавцов» за отчуждаемый хлеб в полном объеме. Напомним,

---

[2] *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, с. 389—390.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 5.

что даже при царском режиме реквизиции сопровождались снижением закупочной цены, в чем и заключалось их действенное значение.

В связи с созданием нового продовольственного органа возник вопрос о нарушении компетенции Особого совещания по продовольственному делу и вообще о целесообразности сохранения одного из влиятельных учреждений периода монархии. Первого марта был обнародован приказ председателя Временного комитета Государственной думы А. В. Родзянко о продолжении деятельности Особого совещания «в интересах армии и населения».[4] Однако уже 5 марта на заседании Временного правительства в связи с предложением Продовольственной комиссии о создании нового высшего регулирующего органа под председательством министра земледелия вопрос был пересмотрен. Обсуждение его привело к весьма неопределенному решению: «Особое совещание пока не упразднить, но заседаний его не назначать».[5]

Деятельность Продовольственной комиссии в качестве центрального регулирующего органа оказалась недолгой. Созданное буржуазией Временное правительство сочло состав комиссии слишком демократичным и упразднило ее, передав 9 марта ее функции Общегосударственному продовольственному комитету. Таковым было логическое завершение сговора буржуазии и соглашательских партий, «политически» ответственных «перед русскими рабочими и крестьянами за попустительство капиталистам, за срыв ими всякого контроля».[6]

Одним из первых общественных актов Временного правительства было широковещательное обращение М. В. Родзянко к сельскому населению 6 марта 1917 г. Написанное с большим пафосом, в ура-патриотических тонах, обращение призывало крестьянство к незамедлительной сдаче хлеба для действующей армии. «Вам, землепашцам, — говорилось в обращении, — надлежит немедленно помочь снабжению армии и нуждающегося населения зерном, мукою, крупою и прочими продуктами. Без хлеба нельзя воевать, как нельзя воевать без пушек и снарядов. Братья! Не дайте России погибнуть, везите немедленно хлеб на станции и склады... От вас зависит

---

[4] Там же, л. 2.
[5] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1666, л. 34.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 158.

победа». И далее — в том же духе.[7] 6 марта от имени Временного правительства министр земледелия был наделен полномочиями по обеспечению населения продовольствием и семенным фондом.

Спустя всего 10 дней, 17 марта, М. В. Родзянко направил ультимативное послание министру-председателю кн. Г. Е. Львову с протестом против распоряжения министра земледелия А. И. Шингарева о реквизиции хлеба у помещиков. То, что оба документа тесно соседствовали во времени, само по себе исключительно важно. Это наглядный пример классового характера проводимой Временным правительством продовольственной политики и еще одно свидетельство того, чего стоили в действительности призывы к объединению усилий «всех граждан», так щедро расточаемые и Временным правительством, и Государственной думой.

Послание Родзянко, выступившего от имени Временного комитета Государственной думы, содержало предостережение, а точнее угрозу сокращения посевов помещиками, на которых распространялись правила реквизиции. «Меры, предложенные министром земледелия, по существу своему заставляют предполагать, что они были спроектированы лицами, мало знакомыми с условиями хозяйственной жизни России, — заявил Родзянко. — Временный комитет полагает, что если эти меры сохранят свою силу, то едва ли можно ожидать тех результатов относительно засева полей, на которые рассчитывает Временное правительство... Поля землевладельцев с посевной площадью свыше 50 дес., очевидно, при наличии преподанных Министерством земледелия руководящих оснований останутся незасеянными...»[8] Родзянко требовал немедленной отмены решения о реквизиции и передачи вопроса на усмотрение «местных компетентных учреждений».[9]

Продолжая ту же линию, 11 апреля 1917 г. Временное правительство обнародовало постановление «Об охране

---

[7] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967, ч. III, док. № 112, с. 206. — Исполнительным комитетом Думы была разослана на места циркулярная телеграмма, повторяющая призыв Родзянко (ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 30, л. 3).

[8] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 114, с. 208.

[9] Там же.

посевов». В преамбуле постановления прозвучал призыв к «гражданам сельским хозяевам» выполнить «свой долг перед свободной родиной». Речь шла о засеве полей и охране посевов от «земельных беспорядков» как общегосударственном начинании: «Признание правительством всего посева достоянием государства наряду с мерами возможного обеспечения сельского хозяйства рабочими руками, инвентарем и семенами заставляет правительство возложить на само население охрану посевов и инвентаря отдельных посевщиков от возможных насильственных действий, которые должны быть рассматриваемы не только как нарушение интересов отдельных лиц, но и интересов государства как целого».[10]

И хотя постановление декларировало необходимость сопротивления насильственным мерам, направленным «против хозяйств частных владельцев и крестьян», на деле правительство, разумеется, подразумевало прежде всего защиту помещичьих латифундий перед угрозой растущего революционного движения деревенской бедноты. Власти принимали на себя даже возмещение убытков в случае возможных потрав, хотя тут же без зазрения совести предупреждали о тяжелом бремени, ложащемся «на денежные средства, а следовательно, на само население».[11] Предупреждалось сельское население и о том, что в случае наличия незасеянных земель местные правительственные продовольственные органы наделяются правом принудительного их отчуждения и передачи в пользование новому владельцу. Этот пункт, формально означавший одну из мер борьбы с беззаконием, на деле развязывал руки местным продовольственным органам в самоуправном перераспределении земель, т. е. допускал те самые беззаконные действия, к борьбе с которыми, казалось, должен был призывать.

Гарантируя помещикам охрану посевов, Временное правительство поручало «общественный контроль» губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам. Функции последних состояли в определении размера посевной площади и надзоре за использованием как рабочей силы, так и средств производства, отпущенных государством. Незасеянные пахотные земли должны были поступать в распоряжение местных продовольственных

---

[10] Там же, док. № 118, с. 212.
[11] Там же, с. 212.

комитетов и сдаваться в аренду «по справедливой цене». Для решения «всех возникающих недоразумений на почве земельного вопроса» создавались особые земельные комитеты. Владельцы потерпевших хозяйств вознаграждались за убытки лишь в случае подтверждения, что «повреждения являются результатами народных волнений». Дополнение к постановлению 11 апреля определило возмещение убытков владельцам от насильственных мер из средств Государственного казначейства.[12]

Так выглядел этот яркий документ периода апрельского кризиса, свидетельствующий о напряженной классовой борьбе, развернувшейся в деревне, и о контрреволюционности стоявшего у власти Временного правительства.

Вслед за тем 30 мая 1917 г. в развитие положения «Об охране посевов» Министерство продовольствия подготовило специальную инструкцию. Содержание первого раздела инструкции еще раз напоминало о том, что «главная цель мероприятий по охране посевов заключается в своевременном устранении недоразумений между отдельными группами земледельческого населения», т. е. в смягчении, елико возможно, классовых противоречий мерами «общественного характера», направленными на «обезвреживание» насильственного действия. Вторая часть инструкции касалась «организации засева пустующих земель». В первых же строках содержалась весьма характерная оговорка о временном действии правительственных мер, не призванных «решать вопросов земельного устройства», связанных с коренной ломкой «хозяйственного строя».[13]

Продовольственным комитетам еще раз напоминали о святости и неприкосновенности принципа частной собственности. Этой основной линии и подчинялись те практические задачи, которые стояли перед губернскими комитетами по использованию «пустующих» земель.

Таким образом, с первых шагов государственной деятельности буржуазия открыто проявила максимум приверженности собственным классовым интересам. Жизнь еще раз подтвердила ленинскую мысль о том, что «господа капиталисты великолепно усвоили себе ту истину...

---

[12] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 1, л. 5.

[13] Экономическое положение России..., ч. III, док. № 126, с. 222—224.

что экономическая сущность капиталистической эксплуатации нисколько не затрагивается заменой монархических форм правления республиканско-демократическими...».[14]

Хлебная монополия

Проблема хлебной монополии, долгое время не выходившая из области теории, считавшаяся нежизнеспособной, вызывавшая в правящих кругах «социалистические» ассоциации, внезапно оказалась вполне реальной и допустимой. Пример Германии, нашедшей, по-видимому, единственно возможный выход в условиях экономической изоляции и продовольственных трудностей, подхваченный Австро-Венгрией, породил надежду в оппозиционно настроенных кругах буржуазии на спасительность этой крайней меры и для России. Придя к власти в условиях глубокого экономического спада, Временное правительство прибегло к хлебной монополии, надеясь найти в ней радикальное разрешение продовольственного кризиса. Это был не просто жест отчаяния перед приближающимся экономическим крахом, а мера, политически вынужденная в условиях двоевластия и революционно-демократической деятельности Советов.

Введению хлебной монополии предшествовал ряд законодательных актов, усиливших регулирующую деятельность нового правительства. 6 марта Временное правительство вынесло решение о создании Управления по продовольствию и некоторой реорганизации Министерства земледелия.[15] В ведение последнего передавалось Управление сельской продовольственной частью.[16] Уже упоминалось, что 9 марта был создан Общегосударственный продовольственный комитет при министре земледелия. Соглашением министра земледелия А. И. Шингарева, Продовольственной комиссии Исполнительного комитета Государственной думы и Петроградского Совета определялись функции и цели Комитета, созданного «для выработки общегосударственного продовольственного плана, руководящих принципов и общих мер по продовольственному делу».[17] Интересы организаторов Комитета представлены были достаточно убедительно, о чем свидетельствовал его

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 157.
[15] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1666, л. 37 об.—38.
[16] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 5, л. 69.
[17] Там же, л. 66; ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 1, л. 11.

состав. В Комитет вошли четыре члена Государственной думы, избранные Исполнительным комитетом, представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кооперативов, Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов и прочих организаций буржуазной «общественности». Совещательным голосом наделялись чиновники ведомственного аппарата.[18] В тот же день было упразднено Особое совещание по продовольственному делу.

Накануне введения хлебной монополии был принят и ряд мер к ужесточению продовольственной политики. 9 марта Временное правительство поручило Министерству земледелия «войти в ближайшее соглашение с военным министром относительно возможного сокращения норм душевого потребления хлеба в армии».[19] В тот же день было получено письмо верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева, в котором он предупреждал правительство о начинающемся голоде в войсках. 20 марта в депеше за подписью Алексеева интендантские службы извещались о «временной мере», предпринятой правительством совместно с Исполнительным комитетом Петроградского Совета, — «ограничить выдачу продуктов для всего населения, как гражданского, так и военного, равно всем войскам, расположенным на фронтах и в тылах». Суточная норма хлебного пайка снижалась до 2 фунтов армейским чинам «в войсковом районе» и до 1.5 фунтов «в тыловом районе».[20] Телеграмма главного полевого интендантства, направленная в войска на следующий день, содержала призыв к «полной экономии» в расходовании продовольствия и фуража, поскольку «даже старшие начальники не отдают себе полного отчета о современном положении страны».[21]

Усиленная регламентация коснулась и продовольствия для населения тыла. В частности, 12 марта были приняты «Главные основания карточной системы распределения муки и хлеба в Петрограде и Москве». Предельная месячная норма потребления муки на человека ограничивалась одним пудом, но с оговоркой относительно нормы потребления пшеничной муки — не более 3 фунтов в ме-

---

[18] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 14.
[19] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1666, л. 44.
[20] Там же, л. 10.
[21] Там же, л. 9—10.

сяц. Продажа хлеба кооперативам и прочим учреждениям, распределявшим муку среди своих членов, должна была производиться на общих основаниях. Контроль за практическим исполнением карточной системы возлагался на особых попечителей.[22] 16 марта состав Петроградского продовольственного комитета был «укреплен» за счет представителей высших правительственных органов.[23]

Проект закона о хлебной монополии рождался в ожесточенной борьбе. Хлебная монополия означала меру чрезвычайную, неизбежно затрагивавшую экономические интересы помещиков, крупных торговцев, банков. В то же время государственная хлебная монополия представляла собой более высокую ступень военного регулирования и высокую ступень обобществления одной из ведущих народнохозяйственных отраслей.

Враждебное отношение со стороны помещиков и торговцев к правительственным мерам сопровождалось требованием широкого привлечения к регулированию хлебного дела частной инициативы, натолкнувшейся будто бы на непреодолимые препятствия на пути «удовлетворения общественных нужд». Представители демократических слоев общественности, напротив, убеждали в бесплодности попыток частной торговли «вместить в себя регулирующие начала». Отсюда следовал вывод о необходимости твердых государственных гарантий. Столкновение социальных антагонизмов не могло не отразиться на характере законодательства. Монополия в сущности не означала коренных перемен в правительственном курсе, поскольку аппарат частной торговли продолжал сохранять прочные позиции. Смена власти ускорила введение закона, основы которого были заложены еще при старом режиме, и решительным толчком к нему явилось движение народных низов. Инициатива введения хлебной монополии была проявлена Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.[24] И игнорировать эту инициативу Временное правительство не рискнуло. В условиях зависимости от решений Петроградского Совета Временное правительство вынуждено было отказаться от политики прямого насилия и прибегнуть к иным способам воздействия на массы. «Всемирный опыт буржуазных и поме-

---

[22] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 950, л. 7 и об.
[23] Там же, д. 5, л. 70.
[24] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 392.

ничьих правительств выработал *два* способа удержания народа в угнетении», — подчеркивал В. И. Ленин. Первый способ — «насилие». Другой — «способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного».[25] Вместе с тем Временное правительство не могло не считаться и с экономической необходимостью, упорно толкавшей его на этот шаг.

Временное правительство приняло решение о введении государственной монополии на хлеб, опубликовав 25 марта постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах».[26] Постановление декларировало: «Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего урожая 1917 г., за вычетом запаса... необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает... в распоряжение государства и может быть отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных органов».[27] Речь шла о принудительном отчуждении государством всех свободных запасов хлеба по твердой цене. В пользу землевладельца оставлялся хлебный «паек», учитывавший нужды семьи и занятых в хозяйстве лиц, а также величину посева. Владелец хлеба (не исключая и потребителя) обязывался по первому требованию местного продовольственного органа объявить количество, место хранения запасов и все необходимые экономические данные своего хозяйства. Доставка зерна в продовольственные склады также вменялась ему в обязанность. В случае обнаружения скрытых запасов они отчуждались в пользу государства по половинной цене. Залог хлеба запрещался.

С целью объединения мероприятий по обеспечению продовольствием армии и населения отдел зернохранилищ Государственного банка и зернохранилища железных дорог в своих «хлебных операциях» подчинялись министру земледелия как председателю Общегосударственного продовольственного комитета. Непосредственными исполнителями назначались губернские продовольственные комитеты, по мере образования которых им передавались функции уполномоченных по продовольствию и уполномоченных Министерства земледелия по закупкам и заго-

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.

[26] Экономическое положение России... М.; Л., 1957, ч. II, док. № 513, с. 327—329.

[27] Там же, с. 328.

товкам. Председатели губернских продовольственных комитетов наделялись особыми правами как представители министра земледелия. Хлебная монополия распространялась на все губернии и области, за исключением Закавказья и Туркестанского генерал-губернаторства. В приложениях, сопровождавших текст основного документа, содержались выкладки твердых цен на зерно, муку и крупу, установленных для производящих и потребляющих районов.

Закон о хлебной монополии, являвшийся безусловно мерой необходимой и прогрессивной, должен был ограничить сферу деятельности свободной торговли, частного предпринимательства, коммерческого кредита. Одним из важнейших его последствий мог оказаться переход к государственному регулированию других жизненно важных отраслей экономики. И если отдельные слои промышленной буржуазии пытались найти в нормировке хлебных цен спасительный выход «от переплат за дороговизну» рабочему составу предприятий, то эта переплата была не столь велика, чтобы жертвовать ею во имя нормировки свободных цен промышленного рынка.[28] Но Временное правительство сумело и этот демократический закон вместить в прокрустово ложе классовой ограниченности и бюрократизма. Сохраняя приверженность предпринимательским интересам, буржуазная власть позаботилась о них, внеся в закон о хлебной монополии специальную статью о допуске к хлебозаготовкам на комиссионных началах торгово-промышленных компаний наряду с кооперативами, еще раз доказав верность тем, «кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию».[29]

Хлебная монополия была односторонним актом. Никаких законодательных постановлений, эквивалентных акту о введении хлебной монополии, в области промышленного производства и сбыта Временным правительством принято не было. Промышленные изделия обращались на свободном рынке по свободным ценам. Крестьянство, поначалу с доверием отнесшееся к закону в надежде на избавление от скупщиков и спекулянтов (см. решение I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г.

---

[28] Подробнее см.: *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 394.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 400.

и резолюции крестьянских съездов на местах), было обмануто и стало воспринимать хлебную монополию как прямой грабеж, неминуемое разорение.[30] Узаконенная хлебная монополия была беззаконием, ограблением крестьянства, ибо, отмечал современник, «пуд хлеба по твердой цене равнялся одной подкове, или полуаршину плохого ситца, или полфунту гвоздей... если удавалось найти этот товар».[31]

Хлебная монополия проводилась непоследовательно, бессистемно. Революционная ситуация в стране была чрезвычайно напряженной, и буржуазия, ставшая у власти, боясь народного восстания, не отваживалась на решительные меры, подрывавшие систему собственности, неприкосновенности капитала. Это было прежде всего не в ее интересах и не в интересах ее союзников. «Мы знаем, — говорил В. И. Ленин в докладе о борьбе с голодом на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и профессиональных союзов 4 июня 1918 г., — как соглашатели из кадетской партии, вместе с эсерами и меньшевиками, и Керенский вводили хлебную монополию, так как вся Европа говорила, что без монополизации удержаться дольше нельзя, и как тот же Керенский в августе 1917 года обходил тогдашний демократический закон. На то и существуют демократические законы и ловко толкуемые режимы, чтобы их обходить».[32]

Одновременно с законом о хлебной монополии было принято «Временное положение о местных продовольственных органах», определившее их состав, функции и ведомственную подчиненность.[33] Законодательство Временного правительства декларативно было направлено против распоряжений «старой власти», которая, по словам одного из деятелей нового режима, «убивала и не допускала общей работы всех общественных сил страны, препятствовала их единению и тем самым сознательно вела страну к продовольственному кризису». Открыто провозглашались принципы, положенные в основу новых законов, — «сроч-

---

[30] *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. М., 1971, с. 55.

[31] *Орлов Н. А.* Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919, с. 19.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 401.

[33] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1917, отд. 1, № 85, ст. 487.

ность» и «демократическое начало».[34] Обнародование этих принципов, как и нарочито подчеркнутая «временность» новых продовольственных органов, имело целью успокоить широкие круги населения, требовавшие создания новых местных продовольственных учреждений взамен старых, разогнанных революцией, а также их демократизации. Кроме того, Временное правительство хотело отвести возможный упрек в незавершенности законодательства. Еще 2 марта правительство предприняло попытку ввести функции местных продовольственных органов в русло узаконенной деятельности, стремясь воспрепятствовать их демократизации и переходу под контроль Советов. Продовольственная комиссия разослала телеграмму губернским земствам и городским думам о создании продовольственных органов из представителей земств и городских самоуправлений.[35] «Временное положение» явилось новым актом широкого масштаба в этом направлении.

Местные продовольственные органы подразделялись на губернские, уездные, городские и волостные продовольственные комитеты. Состав губернского продовольственного комитета частично дублировал состав Общегосударственного комитета, но, разумеется, на губернском уровне.[36] 14 мест в нем отводилось организациям буржуазии и крупных аграриев, 10 — Советам рабочих и крестьянских депутатов, 6 — кооперативам, 5 мест принадлежали представителям местного управленческого и хозяйственного аппарата. Губернские комитеты имели широкие полномочия и в области сельскохозяйственного производства, и в сфере распределения. Они фиксировали наличие хлебных продуктов, фуража и предметов первой необходимости, учитывали и контролировали работу мукомолен, определяли условия поставки хлеба государству, осуществляли реквизиции, регистрировали местные таксы на хлеб и фураж, согласовывали их с уровнем твердых цен и т. д. Губернские органы вмешивались и в систему хозяйствования. Их компетенция включала определение количества постоянных и временных рабочих в зависимости от земельной площади и специфики сельскохозяйственного производства. Для хозяина, членов семьи и работников

---

[34] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 1, л. 24—25.
[35] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 399.
[36] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 6.

определялась хлебная норма — 1.25 пуда зерна на душу в месяц (для рабочих-одиночек — 1.5 пуда).[37] Позднее Временное правительство наделило губернские комитеты и некоторыми полицейскими функциями, поручив им охрану помещичьей земельной собственности. Распорядительный аппарат состоял из продовольственных управ, избираемых на годичный срок.

Таким образом, новый закон должен был сдержать развернувшуюся на местах борьбу за создание продовольственных органов на действительно демократических принципах. Однако остановить начавшийся процесс оказалось невозможно. Затянувшееся до мая проведение в жизнь «Временного положения» лишь усилило социальные конфликты. Данные П. В. Волобуева убедительно показали, что к лету 1917 г. лишь половина из 36 обследованных губернских продовольственных органов соответствовала по составу закону 25 марта.[38] Наряду с узаконенными продовольственными комитетами расширяли свою деятельность в области хлебообмена и низовые организации с широким присутствием крестьянства — волостные исполнительные комитеты, сельские комитеты и т. д. Следовательно, Временному правительству не удалась попытка создания на местах прочного, разветвленного аппарата, способного осуществлять необходимый объем закупочных и распределительных продовольственных операций.

29 апреля был опубликован указ Временного правительства о назначении в районы эмиссаров Общегосударственного продовольственного комитета, осуществлявших связь с центральной властью и проводивших на местах принятый курс продовольственной политики.[39] Институт эмиссаров, наделенный фактически полномочиями, равными правам уполномоченных «хлебармии» (учет запасов, реквизиции и пр.), должен был стать опорой буржуазному правительству в борьбе с демократическими тенденциями на местах. Дальнейшая реорганизация системы государственных регулирующих органов привела к созданию 5 мая Министерства продовольствия. В «Положении о Министерстве продовольствия и его штатах», принятом 1 июля, распределялись функции между министром зем-

[37] *Пажитнов К. А.* Государственная хлебная монополия. Пг., 1917, с. 11; ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 4.

[38] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 401.

[39] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1, с. 35.

леделия и министром продовольствия. Министерство продовольствия объявлялось высшим исполнительным органом, проводником в жизнь правительственных решений по продовольственному вопросу. Задачи Министерства продовольствия определили широкий круг его функций: снабжение продовольствием и предметами первой необходимости фронта и тыла, армии и населения; обеспечение сельскохозяйственного производства посевным материалом, машинами и рабочей силой; регулирование производства и потребления продуктов, в том числе хлеба; установление продуктовых цен. Полномочия Министерства продовольствия включали руководство деятельностью Общегосударственного продовольственного комитета, контроль за работой местных продовольственных органов, наконец, участие в определении курса правительственной экономической политики (финансовой, таможенной, тарифной).[40]

Сосредоточив в руках Министерства продовольствия большую исполнительную власть, Временное правительство рассчитывало на его действенную помощь и в ослаблении кризиса, и в подавлении «самоуправства» местных продовольственных органов. 12 июля министерство было усилено за счет включения в его состав канцелярии особоуполномоченного при верховном главнокомандующем.[41] Проводя линию на ограничение влияния низовых продовольственных организаций, Министерство земледелия и вновь созданное Министерство продовольствия разразились каскадом постановлений, концентрировавших разнообразные функции в ведении продовольственных комитетов. 29 апреля последовал приказ министра земледелия о закреплении за губернскими комитетами «оснований и способов распределения» продуктов.[42] 27 мая министр продовольствия А. В. Пешехонов утвердил «Правила передачи крестьянскими учреждениями продовольственного дела местным продовольственным органам», смысл которых заключался в том, чтобы сосредоточить в их ведении делопроизводство, документацию, суммы продовольственного капитала.[43] В мае же была утверждена инструкция, определившая условия заготовительной деятельности кооперативов, общественных учреждений, торгово-промыш-

[40] Собрание узаконений..., отд. 1, ст. 1073.
[41] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 1, л. 24.
[42] Там же, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 58.
[43] Там же, ф. 351, оп. 1, д. 30, л. 27 об.

ленных предприятий в качестве агентов продовольственных комитетов.[44] 7 июля был издан приказ министра продовольствия о регулировании переработки мельничными заведениями государственного зерна исключительно по заказу продовольственных органов[45] и т. д.

Политическая борьба вокруг хлебной монополии с новой силой разгорелась после обнародования закона. Протестовали помещики, резко выступали представители финансовой олигархии и буржуазные предпринимательские организации. В резолюции состоявшегося 19—22 марта I Всероссийского торгово-промышленного съезда прозвучал призыв правительства к отказу от «опасного плана». Съезд признал необходимость восстановления свободной торговли. Таким образом, неудачи продовольственного курса, доказавшие несостоятельность сочетания регламентации и частной инициативы, были использованы и буржуазией, и латифундистами для нового нажима на правительство.[46] Та же мысль постоянно муссировалась на заседаниях Совета Всероссийского союза торговли и промышленности, созданного буржуазией Москвы в июле 1917 г. Продовольственное положение обостряется и «вызывает самое серьезное опасение», отмечалось на совещании Совета под председательством С. Н. Третьякова 22 апреля. Торгово-промышленному классу надлежит принять непосредственное участие в разрешении кризиса — таков был лейтмотив выступлений предпринимателей.[47]

Одновременно в буржуазных кругах рождались проекты преобразований экономики в целом и реформы продовольственного дела в частности. Несомненный интерес вызывает широковещательный план общероссийских экономических преобразований, предложенный основателями крупнейшего монополистического объединения, концерна Путилова—Стахеева—Батолина. Уже с первых дней пребывания буржуазии у власти становилось очевидным, что новое правительство не способно выдвинуть более или менее законченную экономическую программу. На этом фоне проект, предложенный крупнейшими представителями новой финансовой олигархии, вышедший из самой толщи национальной торгово-промышленной буржуазии,

---

[44] Там же, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 58 и др.
[45] Там же, ф. 351, оп. 1, д. 15, л. 3.
[46] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 392—393.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 38, л. 4.

может, по-видимому, рассматриваться как программа, предложенная явно в противовес отдельным беспомощным и хаотичным проектам развития экономики. Бесспорно, что осуществление этой «программы будущего» было рассчитано на многие годы, тем не менее подготовка к проведению в жизнь отдельных ее положений началась немедленно. Программа предусматривала развитие отраслей промышленности и торговли, в сфере которых концерн пустил крепкие корни, т. е. почти всех ведущих отраслей народного хозяйства. В области хлебной торговли речь шла о создании под контролем финансовой олигархии единой, стройной системы, включавшей производство, хранение и обработку зерна, транспортировку и распределение хлебных продуктов, а также финансирование взаимосвязанных операций.[48] Разумеется, внешняя эффектность этого плана не могла скрыть истинную его подоплеку — стремление к захвату и безоговорочному подчинению концерну ведущих отраслей экономики страны с помощью огромных государственных ассигнований.

Полную расшифровку содержания продовольственной реформы, лишь пунктирно намеченной в этом «всеобъемлющем документе», находим в проекте, представленном товариществом «И. Стахеев и К°» министру земледелия А. И. Шингареву накануне обнародования закона о хлебной монополии. Проект предусматривал создание во всероссийском масштабе продовольственной организации по образцу крупнейшего торгового дома с широкой сетью отделений. Возглавить эту организацию должен был Совет в составе представителей крупнейших банков страны и соответствующих ведомств. Важнейшая роль в организации отводилась Русско-Азиатскому, Волжско-Камскому и прочим банкам, функции которых состояли не только в предоставлении необходимых кредитов, но и в обеспечении организации пакгаузами, складами, холодильниками и прочим имуществом. В основу деятельности продовольственной организации была положена свободная закупка сельскохозяйственных продуктов по свободным ценам, что, разумеется, исключало вмешательство государства.[49] Осуществление этого грандиозного плана усилило бы контроль финансовой олигархии над всем продовольственным делом в стране и безусловно послужило бы

[48] *Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России. 1914—1917 гг. Л., 1969, с. 147—148.

[49] **Финансовое обозрение**, 1917, № 11—12, с. 3.

средством в руках монополистов не только для срыва хлебной монополии, но и для удушения революции «костлявой рукой голода».

Реформа хлебных цен

Русская буржуазия захватила власть в период, когда перед страной возникли «вопросы необычайной трудности, гигантской важности, мирового размаха».[50] Преодоление хозяйственной разрухи, решение продовольственного вопроса являлись одними из сложных государственных задач, поставленных жизнью, разрешить которые буржуазия оказалась бессильной.

С первых же дней пребывания у власти Временное правительство признало необходимым повышение твердых цен на хлеб. Согласно мнению министра земледелия А. И. Шингарева, только повышенный уровень цен мог являться гарантией их постоянства. Поэтому одновременно с введением хлебной монополии уровень твердых цен на хлеб был поднят вдвое. В телеграмме, направленной в мае 1917 г. местным продовольственным комитетам, Шингарев заверял: «Временное правительство приложит все силы, чтобы твердые цены оставались действительно твердыми и неизменными. Прошу неукоснительно руководствоваться только законом, чем удастся и население воспитать в духе сознательного повиновения закону и выйти из тяжелого кризиса. По всей России твердые цены выполняются неизменно».[51]

Торжественное заявление министра земледелия не имело под собой почвы. Как и при царском режиме, твердые цены повсеместно нарушались, в результате чего в распоряжение спекулятивного элемента поступал исключительно высокий «гонорар». Порою нарушение нормировки цен исходило от самих законодателей. Послание Шингарева «хлебармии», датированное 9 мая, свидетельствовало о предоставлении поставщикам особых льгот «впредь до выполнения нарядов» — оплаты стоимости доставки, суммируемой с твердой ценой.[52] Подобные меры поощрения практиковались и при царизме, означая скрытую премию торговцам за отчуждение хлеба по установ-

---

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 383.
[51] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 517, с. 335.
[52] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 10.

ленной цене. Практика показала, что закон о твердых ценах имел силу только для миллионов мелких держателей хлеба.

4 августа, т. е. за 20 дней до реформы, в связи с появлением слухов о готовящемся повышении цен Временное правительство выступило с официальным заявлением о гарантии сохранения их уровня. «Временное правительство заявляет, — значилось в документе, — что все твердые цены на хлеба, установленные постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. для урожая текущего года и прошлых лет, ни в коем случае повышены не будут».[53] Насколько неосновательны оказались эти заверения, показали ближайшие события.

27 августа Временное правительство издало постановление об изменении и дополнении отдельных статей указа о хлебной монополии. Однако изменения и дополнения коснулись центрального вопроса — уровня хлебных цен. Постановлением правительства твердые цены на зерно были подняты вдвое, соответственно изменялись цены на муку и крупу. Особо оговаривалась обязательность «владельца и производителя» доставлять хлеб на железнодорожные станции и речные пристани.[54] Появление правительственного акта, оказавшего явную поддержку помещичьему и зажиточному крестьянскому хозяйствам, свидетельствовало как о классовых целях, так и о полнейшем нежелании буржуазной власти встать на путь демократических перемен.

Свое новое решение правительство не рискнуло обнародовать без соответствующего комментария, точнее оправдания. Два дня спустя, 29 августа, в органе Министерства продовольствия, журнале «Продовольствие и снабжение», было опубликовано заявление, в котором правительство не скупилось на краски, рисуя мрачную картину положения в стране («дело продовольствия армии и страны находится в чрезвычайно тяжелом состоянии. Запасы, которыми располагает правительство, беспрерывно уменьшаются. Города, целые губернии, даже фронт терпят острую нужду в хлебе, хотя его в стране достаточно... С голодом приходит анархия и гибель добытой революцией свободы» [55]), и раскрывало ближайшую

---

[53] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 520, с. 338.
[54] Там же, док. № 552, с. 342—343.
[55] Там же, док. № 553, с. 343—344.

цель своей деятельности — «предотвратить... смертельную опасность, не останавливаясь перед самыми крайними мерами воздействия».[56] Поэтому, имея в виду восстановление равновесия в стоимости хлеба и продуктов промышленного производства, нарушенного, как подчеркивалось в заявлении, «стихийным ходом событий», правительство решилось на повышение вдвое твердых цен. Оно было убеждено, что новые хлебные цены лишат землевладельцев оснований уклоняться от сдачи хлеба государству, поставят их «в одинаковое с прочими классами положение» и что эти «прочие классы» не увидят в том повода для новых требований. Правительство «проявит твердость» в пресечении необоснованных домогательств для увеличения доходов неземледельческого населения и в принуждении производителей хлеба к своевременному выполнению их обязанностей.[57] Так многообещающе звучала заключительная фраза этого своего рода оправдательного документа. Как видим, руководители продовольственной политики опасались не только саботажа помещиков и кулаков, но и возросших требований промышленников.

Повышение твердых цен явилось еще одним ударом по неимущим классам — разоренному податями и повинностями крестьянству и рабочим, испытавшим все тяготы войны. В самом деле, распоряжением правительства от 25 марта 1917 г. уровень твердых цен на рожь устанавливался в диапазоне от 2 р. 05 к. за пуд (для Пермской и Оренбургской губерний) до 2 р. 59 к. (для Подольской и Волынской губерний). Августовские цены вдвое превышали мартовские — от 4 р. 10 к. до 5 р. 18 к. за пуд ржи.

Законодательство правительства было приурочено к окончанию хлебозакупочной кампании, а следовательно, и к завершению финансовых расчетов с продавцами. Однако укоренившаяся уже, вошедшая в систему практика проволочек в сдаче хлеба ставила теперь правительство в двусмысленное положение. Закупки по повышенным ценам оказались фактически премией саботажникам, уклонившимся от своевременной доставки зерна. Вознаграждались, таким образом, недобросовестность и беззаконие.

---

[56] Там же, с. 344.
[57] Там же.

Повышение твердых цен вызвало всеобщее возмущение и протест в пролетарских районах, в нехлебородных губерниях, а также среди беднейшего потребляющего крестьянского населения Черноземья. В адрес Временного правительства шли телеграммы от местных властей и продовольственных органов из разных концов страны. Из Владимирской губернии сообщили о решении объединенного совещания Переславской городской думы, уездного продовольственного комитета и уездной земской управы «временно воздержаться от проведения в жизнь распоряжения министра продовольствия о повышении твердых цен на хлеб и обратиться с настоятельным ходатайством к Временному правительству о немедленной отмене этого распоряжения, как меры, не достигающей цели, вредной для трудового населения и таящей в себе зародыш народных волнений».[58] Это было уже явное проявление неповиновения.

Переславская городская дума высказала министру продовольствия свою неудовлетворенность новым распоряжением. Августовское повышение цен было расценено ею как бесплодное усилие правительства, чреватое к тому же серьезными последствиями экономического и политического характера. «Высокие цены на хлеб неизбежно приведут к удвоению и утроению цен на все продукты производства и потребления», что «тяжело отзовется на трудовых классах населения и вызовет массовые эксцессы», отмечалось в документе. Именно «массовых эксцессов» местные власти опасались более всего, вынужденно признаваясь в том, что «в целом ряде хлебородных районов вопрос о покупке хлеба стоит не только перед городским, но и перед сельским населением».[59]

По мнению гласных Переславской городской думы, разрешить продовольственный вопрос мог лишь эквивалентный товарообмен между производящими и потребляющими районами. «Не нуждающаяся в деньгах деревня не даст хлеба и при утроенных ценах, если правительство или продовольственные комитеты не обеспечат деревне получения главных предметов потребления и сельскохозяйственного обихода, — убежденно заявляли они. — Такой товарообмен может быть произведен в общегосударственных рамках лишь путем установления твердых цен

---

[58] Там же, док. № 524, с. 344—345.
[59] Там же, с. 345.

на предметы потребления крестьянства в соответствии с существующими твердыми ценами на хлеб».[60] Именно на этот путь, противоречащий правительственному курсу, вступил, как оказалось, Переславский продовольственный комитет.

Подобные факты свидетельствовали и о безусловном падении авторитета Временного правительства, и о самостоятельных поисках периферией выхода из продовольственного кризиса, таившего в себе угрозу народных волнений. Противодействие правительственным мерам со стороны местных властей несомненно свидетельствовало об отчетливом понимании классовой подоплеки указа, изданного правительством исключительно в интересах латифундистов и сельской буржуазии и вызванного желанием «умиротворить» имущие классы, привлечь их в число союзников перед лицом общей угрозы — революционного движения.

Правительственный акт 27 августа вызвал возмущение беднейших слоев населения. Тревожные известия поступали в правительство из южных районов страны. Председатель волостного рабочего комитета сообщал, что в с. Кущевка Кубанской области «толпы солдаток, рабочих, бедных протестуют...».[61] Послание содержало категоричное заявление рабочего комитета о сложении с себя ответственности за последствия правительственной политики цен ввиду возможности продовольственных волнений в волости.

Из станицы Приморско-Ахтарской той же области извещали о выступлениях «потребляющего населения», которое «грозит, рассматривает постановление о новых ценах как акт, свидетельствующий о слабости Временного правительства в борьбе с крупными аграриями». Председатель местной продовольственной управы обращал внимание правительства на тот весьма показательный факт, что даже «сознательная часть» земледельческого населения, в том числе отдельные хлеботорговцы, признала повышение твердых цен чрезмерным. Учитывая эти настроения, местная продовольственная управа предложила центральной власти понизить цены на хлеб или «по крайней мере ограничить существующие временем до 15 октя-

---

[60] Там же.
[61] Там же, док. № 525, с. 345—346.

бря».[62] В правительственные инстанции поступали известия о недовольстве населения Донбасса. Из Полтавы, Екатеринодара, Ростова-на-Дону приходили корреспонденции с осуждением правительственных мер. Из Херсонской губернии передавали, что высокие цены лишили возможности малоземельных крестьян приобрести семена для посева.[63]

Решением правительства было обеспокоено и военное руководство. В частности, главнокомандующий Одесским военным округом ставил в известность министра продовольствия о требованиях «продажи муки по старым ценам» и об угрозе разгрома складов и хлебных магазинов.[64] Разумеется, со стороны армейского командования принимались меры для ликвидации «беспорядков».

Таврический губернский продовольственный комитет счел необходимым известить верховную власть, что «удвоение твердых цен на хлеб производителями встречено с недоумением и несочувственно, а потребляющим населением, городским и крестьянским, коего в губернии до 30 %, — враждебно». На съездах, сходках, собраниях население губернии «категорически требовало и требует установления и обнародования твердых цен на предметы первой необходимости, которые должны быть монополизированы и распределены под контролем продовольственных комитетов». Продовольственный комитет доводил до сведения правительства собственное мнение: «...повышение твердых цен на 100 % в условиях Таврической губ. не вызывалось необходимостью», — и предлагал созвать экстренный «общегосударственный» продовольственный съезд для назначения предельного срока действия повышенных хлебных цен.[65]

Еще резче о политике твердых цен отозвалось «сбщее собрание граждан» г. Алешек Таврической губернии. В телеграмме на имя А. Ф. Керенского «председатель митинга» Бессараб от имени нескольких сотен своих земляков писал: «Это повышение падает непосильным бременем исключительно на плечи беднейшей части населения города и деревни — рабочих, крестьян и солдаток... В действительности оно выгодно только помещикам и

---

[62] Там же, док. № 528, с. 347.

[63] Продовольствие и снабжение, 1917, № 5, 15 сентября, с. 14—15.

[64] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 526, с. 346.

[65] Там же, док. № 529, с. 348.

крестьянам-полупомещикам, элементам контрреволюционным, для другой же, революционной, части населения оно создает невыносимые условия существования... вызывает крайнее недовольство, беспорядки и создает серьезную опасность для революции».[66]

Биржевой комитет Херсонской губернии выразил опасение, что высокий курс хлебных цен приведет к новым осложнениям с продовольствием, к общей дороговизне, удорожанию рабочих рук, к усилению инфляции. «Та легкость, с которой плата за хлеб в течение одного дня возрастает вдвое, вызывает у производителей хлеба надежду на новые и новые повышения». Подобно представительным организациям соседних губерний, Херсонский биржевой комитет настаивал на возврате к прежнему уровню цен.[67] Волнения, вызванные повышением хлебных цен, распространились и на восток страны, на средневолжские и сибирские губернии. Продовольственный комитет Больше-Черниговской волости Самарской губернии констатировал, что высокая твердая цена «совершенно устраняет возможность неимущему классу покупать хлеб».[68] Население 47 поселков и 3 сел, насчитывавшихся в волости (12.5 тыс. едоков), выразило свой протест местному продовольственному комитету. Из документа узнаем, что продовольственный комитет направил представителя волости в центральные учреждения с ходатайством о понижении твердой цены «хотя бы на хлеб прошлогодних лет» и о денежной помощи «неимущему» населению для продовольственных нужд. Комитет предупреждал правительство о росте недовольства среди местного сельского населения, которое «может выразиться в нежелательных эксцессах».[69] Как видим, не только по смысловому значению, но и по форме этот фрагмент документа удивительно перекликается с посланием Переславской городской думы. Почти одними и теми же словами передается тревожное настроение масс.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Саратова в своем обращении к Временному правительству связывал усилившиеся продовольственные трудности с изданием нового закона, с неспра-

---

[66] Там же, док. № 532, с. 349—350.
[67] Там же, док. № 530, с. 348—349.
[68] Там же, док. № 527, с. 346—347.
[69] Там же, с. 347.

ведливой нормировкой цен на предметы промышленного производства. Исполком требовал от правительства возврата к прежним хлебным расценкам. Он призывал принять меры «к увеличению и регулированию производства», к нормировке цен на фабрично-заводские изделия. Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов был поддержан в основных своих требованиях крестьянским съездом Саратовской губернии.[70]

Из далекой Сибири пришло известие о волнениях в городах и населенных пунктах. Городской голова г. Ишима сообщал министру продовольствия С. Н. Прокоповичу об имевших место беспорядках, о «ежечасно» ожидаемом разгроме городского управления, продовольственного комитета, лавок. При урожае хлеба, писал он, в городах Тобольской губернии голодают семьи призывников. Крестьянское население «ропщет» и из-за общей дороговизны, и вследствие роста стоимости «предметов крестьянского хозяйства». Доводя до сведения С. Н. Прокоповича решение чрезвычайного собрания гласных думы, городской голова г. Ишима настаивал на снижении твердых цен, «установление которых решительно ничем не оправдывается».[71]

Почти одновременно на имя министра продовольствия была послана телеграмма из Павлодара о продовольственном кризисе в Западной Сибири и его последствиях, породивших у местного населения «озлобление», «удрученное состояние». В городах происходят погромы, поджоги, имеют место человеческие жертвы, отмечалось в послании. «При избытке урожая над количеством потребления» крестьянство и солдатские семьи испытывают постоянную нужду в продовольствии, докладывал областной комиссар Павлодара. Концовка телеграммы содержала апелляцию к правительству о снижении цен на хлебные продукты.[72]

Упомянутые официальные документы логически дополняло послание крестьянского схода Каменского уезда Тобольской губернии, в котором решительно осуждался правительственный курс продовольственной политики. «Еще раз заявляем, — звучало в послании, — что повышение цены на хлеб выгодно только богачам да помещи-

---

[70] Там же, док. № 531, с. 249.
[71] Там же, док. № 533, с. 350.
[72] Там же, док. № 534, с. 350—351.

кам и вызовет новое вздорожание рабочих рук и всех других товаров».[73]

Таким образом, из различных уголков страны, из районов производства зерна и районов потребления, раздавались голоса протеста против политики цен, осуществляемой Временным правительством. Все слои трудового населения настойчиво требовали отмены августовского постановления правительства и введения твердых цен на продукты промышленного производства.

Разумеется, не было протеста лишь со стороны крупных аграриев, кулаков-мироедов и предприимчивой торговой буржуазии, в интересах которых и была проведена реформа хлебных цен.

Провал государственного регулирования продовольственного дела

«...После трех лет войны, — отмечалось в резолюции VI съезда РСДРП(б) в июле—августе 1917 г., — экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис... Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели».[74] Таков был итог, к которому пришла экономика России в результате бездарного хозяйничанья царского и Временного правительств.

Судорожные попытки вырваться из тисков экономического кризиса Временное правительство связывало с усилением государственного контроля над основными звеньями экономики. 20—23 мая на созванном в Москве Всероссийском съезде по продовольственному делу министр продовольствия А. В. Пешехонов произносил бодрящие фразы, рассчитанные на поддержку торговым капиталом правительственных мероприятий. «Мы вступаем в новый

---

[73] *Добротвор И. М.* Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства. — В кн.: Исторический сборник. Горький, 1939, с. 70. (Тр. Горьк. пед. ин-та им. М. Горького; Т. III).

[74] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том первый. 1898—1917. М., 1983, с. 582.

фазис хозяйственной жизни, — заявлял он. — Государственным вмешательством мы не только устраним нужды и лишения, но и покажем, что наша родина не отстанет от других государств». И далее о продовольственном кризисе: «Единственный путь для разрешения этого кризиса — государственная регулировка всех отраслей хозяйственной жизни, производства, транспорта, обмена и распределения».[75]

Оценивая выступление Пешехонова, круги крупной петроградской буржуазии подвергли резкому осуждению правительственный курс в продовольственном вопросе. В редакционной статье одного из выпусков «Продовольственного вестника» — рупора столичной буржуазии — указывалось на полнейшую бессмысленность правительственных мер, лишний раз доказавших, что «воз не только ныне там», но «еще более основательно завяз в глубоких рытвинах нашей хозяйственной разрухи». Правительство, «поглощенное и загипнотизированное внешними формами политического кризиса... недостаточно внимательно и глубоко подходило к экономическим корням этого кризиса».[76] Такова была критика с позиций финансовой буржуазии, выступавшей за свободу предпринимательства и сознательно умалчивавшей о классовом характере экономических мероприятий правительства.

Чем глубже страна увязала в войне, чем быстрее росла численность армии и снижалась ее обеспеченность, тем сильнее ощущалась необходимость централизации продовольственного снабжения. И тем настойчивее и активнее предпринимательская буржуазия сплачивала ряды для соответствующего нажима на правительство. Поэтому предпринятые буржуазной властью меры к концентрации продовольственного дела в руках государства в целом носили незавершенный и во многом противоречивый характер. Прежде всего эти меры коснулись реорганизации армейского снабженческого аппарата. 15—17 мая на совместном заседании военных властей с представителями прифронтовых губерний и общественных организаций, состоявшемся в Ставке Верховного командования, был рассмотрен вопрос о создании на фронтах совещательных бюро в составе представителей заинтересованных министерств с участием Земского и Городского союзов. Вскоре

[75] Продовольственный вестник, 1917, № 1, 27 июля.
[76] Там же.

был разработан проект Положения о совещательных бюро, при обсуждении которого возникли непредвиденные разногласия между официальными лицами и представителями деловых кругов.[77] От имени деловых кругов с особым мнением выступили делегированные союзами Г. Е. Степанищев и Я. А. Шеремицинский, утверждавшие, что передача интендантству довольствия для фронта, предусмотренная проектом, делает «незащищенными» от органов власти представительные буржуазные объединения. «Общественные организации. . ., — заявляли они, — не могут без ущерба для работоспособности своих учреждений быть устраненными от распределения продуктов».[78]

Тем не менее проект был утвержден Пешехоновым 30 июня 1917 г. Чтобы усилить результативность работы закупочных органов на местах, прежде всего губернских продовольственных управ, начальник штаба Верховного Главнокомандования предложил в сентябре учредить должность инспектора, наделенного особыми полномочиями. Не составляя какой-либо замкнутой организации, институт инспекторов должен был работать в пределах одного фронта. В первую очередь намечалось направить отряд инспекторов в Полтавскую, Киевскую и Черниговскую губернии. Весьма показательно, что им предписывалось освобождать от продовольственных закупок волостные комитеты, якобы «мешающие» общей работе. В проекте начальника Главного интендантского управления ген. Н. И. Богатко предлагалось назначить в каждую губернию генерал-губернаторов «из лиц, заслуживающих полного доверия демократии», «с предоставлением им всей полноты власти».[79] Таким образом, смысл проекта заключался в прямом усилении полицейского контроля над деятельностью местных, особенно низовых продовольственных органов. Позднее, 21 октября, специальным распоряжением главнокомандующего А. Ф. Керенского и министра продовольствия В. М. Башкирова на фронтах были созданы агрономические организации, базой для которых послужили соответствующие отделы Земского и Городского союзов, перешедшие в ведение Министерства продовольствия.[80]

[77] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 10, л. 1, 7—8.
[78] Там же, л. 13.
[79] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 2 и об.
[80] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 10, л. 28.

Численно возросшая армия поглощала массу продуктов. Между тем в феврале на передовые позиции было отгружено лишь 42.3% количества хлеба и зернового фуража, намеченного ранее к вывозу. Тогда же в качестве одной из мер помощи фронту министр юстиции предложил Сенату утвердить распоряжение о немедленной доставке к станциям и водным пристаням фуража, закупленного для армии Министерством земледелия.[81] К концу месяца Министерство путей сообщения подготовило временные правила железнодорожных перевозок продовольственных грузов, согласно которым для транспортировки ряда продуктов предоставлялись льготные условия.[82] Общий контроль возлагался на Центральный и порайонные комитеты по регулированию перевозок, круг обязанностей которых был очерчен постановлением министра путей сообщения 20 апреля 1917 г.[83]

Разумеется, все эти меры являлись паллиативами, лишь на короткое время снижавшими остроту продовольственного голода в действующей армии, свидетельством чего служили многочисленные послания командующих фронтами в адрес военного министра. 28 апреля верховный главнокомандующий направил военному министру А. И. Гучкову секретную депешу следующего содержания: «Значительное ухудшение подвоза продовольствия, вызвавшее систематическое недоедание, отразилось на физическом и нравственном состоянии войск, вызывая чувство озлобления».[84] С Кавказского фронта А. И. Деникин телеграфировал о поставке армии в марте пятой части необходимого количества муки, а в апреле — всего лишь десятой части.[85] Командующий Западным фронтом Балуев предупреждал Ставку о недовольстве в войсках низкой нормой продовольственного пайка (1 фунт хлеба и $^7/_8$ фунта сухарей).[86] Помощник военного министра ген. А. А. Маниковский и главный интендант ген. Н. И. Богатко извещали военного министра А. Ф. Керенского о снижении в июле «погрузки» продовольствия для фронтов до одной трети потребности армии. Северный фронт получил 32% муки и 38% крупы от установленной

---

[81] Там же, ф. 934, оп. 1, д. 382, л. 1.
[82] Там же, л. 12.
[83] Собрание узаконений..., отд. 1, № 87, ст. 496.
[84] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1666, л. 48.
[85] Разложение армии в 1917 г. М., 1925, с. 14.
[86] Там же, с. 16.

пормы, Западный фронт — соответственно 19.5 и 93.8, Юго-Западный фронт — 15.4 и 25, Румынский фронт — 12 и 14.8%.[87] Вследствие «непредъявления груза» подвоз продовольствия на фронт в августе составил вместо 1316 вагонов в сутки только 520 вагонов.[88] «Все воображали, что пойдем дальше вперед, не думая о возможности идти назад, — свидетельствует дневниковая запись ген. В. И. Селивачева от 29 июля. — До сих пор не знали, что доставка продуктов с тыла не только не обеспечена, но просто-таки невозможна».[89]

К осени 1917 г. продовольственное положение на фронтах резко осложнилось. О «гибельных последствиях» для фронта продовольственного кризиса, «вызванного продолжительным недовозом» продуктов, предупреждал Керенского в сентябре начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Духонин.[90] 2 октября командующий войсками Туркестанского военного округа ген. Коровиченко телеграфировал военному министру о необходимости присылки продовольствия «во избежание неизбежных волнений среди войск на почве голода».[91] В течение первой половины октября действующей армии было доставлено всего лишь 13.1% муки от количества, намеченного планом, 11.6 — крупы и 25.4% — фуража.[92] В октябре суточный расход продуктов в действующих войсках составил: муки — 600 тыс. пуд., крупы — 125 тыс., зернового фуража — 500 тыс. пуд. Только доставка этого количества продовольствия к линии фронта потребовала ежедневно не менее 60 полновесных составов.[93]

Недостаток продовольствия привел к стремительному сокращению армейских хлебных запасов. Вопрос о запасах подвергся обсуждению (в августе) в Ставке на совещании по снабжению армий продовольствием с участием представителей Министерства продовольствия. Совещание вынуждено было констатировать, что «продовольственные органы вследствие отсутствия у них реальной силы ли-

---

[87] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 5, 17.

[88] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 440, с. 246.

[89] Из дневника ген. В. И. Селивачева, 1 июля—8 августа 1917 г. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1925, т. 3 (10), с. 164.

[90] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 461, с. 284—285.

[91] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 4.

[92] Там же, л. 21.

[93] *Ефремов В.* Мировая война и ее последствия. — В кн.: Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925, с. 6.

шены возможности взять хлеб у населения для армии и из-за полного нежелания последнего обмолачивать и сдавать его». Ставка распорядилась прибегнуть к реквизиции хлеба и фуража силами фронтовых совещательных бюро в пределах губерний двух фронтов.[94] На 15 сентября даже в радиусе Северного фронта, где продовольственное снабжение значительно менее подверглось разного рода превратностям, запас муки был ограничен 27 днями.[95] Но уже 20 октября военный министр А. И. Верховский признал продовольственное положение Северного фронта критическим. Не лучше обстояло дело и в тыловых военных округах, в частности в Московском, располагавшем, по данным военного министра, однодневным продовольственным запасом. Последнее свидетельство перекликалось с донесением командующего Петроградским военным округом «об угрожающем положении» в столице и ее окрестностях. «Дальнейшее течение продовольственного кризиса в Петрограде может отразиться пагубным образом на всем государстве», — предупреждал он.[96]

Наличие продовольствия на фронтах накануне октябрьских событий убедительно иллюстрирует табл. 19.

Катастрофическое падение хлебного запаса привело к тому, что в октябре 1917 г. лишь Кавказский и отчасти Северный фронты располагали резервом продуктов на двухнедельный срок. Обеспеченность мукой и крупой Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов являлась минимальной — запасов хватило бы на 4—12 дней. Далеко не случайно в докладе главного интенданта помощнику военного министра (5 октября) прозвучал призыв сосредоточить заготовку продуктов в военном ведомстве, допустив в случае необходимости применение вооруженной силы. Чрезвычайные меры, предложенные ген. Н. И. Богатко, должны были по сути дела узаконить действия, уже имевшие место в армейской практике. Главное интендантское управление уведомляло Ставку 13 октября, что в районе заготовок «появились массами солдаты, снабженные удостоверениями воинских частей... которые требуют отпуска им вне всякого наряда продук-

---

[94] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 461, с. 284—285.

[95] *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство в дни революции. М., 1918, с. 46; *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982, с. 176.

[96] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 1.

Таблица 19

Обеспеченность фронта хлебом и фуражом на 10 октября 1917 г.[а]

Фронт	Мука	Крупа	Сухари	Овес, ячмень
		Наличие (в тыс. пуд.)		
Северный	991	547	325	185
Западный	787	192	443	427
Юго-Западный	1103	111	271	122
Румынский[б]	976	127	233	717
Кавказский[в]	1412	782	744	705
Итого	5269	1759	2016	2156
		Обеспеченность (в днях)		
Северный	15	37	6	1.7
Западный	10.5	12	10	5
Юго-Западный	9	4	2.5	0.6
Румынский	8.5	5	2.5	4
Кавказский	25.5	66	34	9

[а] Россия в мировой войне 1914—1918 года, с. 43. — Русская армия за 1914—1917 гг. потребила (в округленных цифрах) 9.64 млн. т муки, 1.4 млн. т крупы, 11.27 млн. т зернового фуража (История первой мировой войны 1914—1918 гг. М., 1975, т. 2, с. 543). [б] На 1 октября 1917 г. [в] На 8 октября 1917 г.

тов продовольствия и фуража».[97] Об участившихся случаях захвата продовольствия армейскими чинами извещали правительство интендантские службы фронтов. К этому времени был издан циркуляр командующего войсками Московского округа о формировании начальниками гарнизонов заготовительных комиссий «в случае совершенного затруднения в довольствии, при исчерпании всех нормальных способов для получения провианта и фуража».[98] Таким образом, усиление регулирующей деятельности государства и в области продовольственного снабжения сочеталось с элементами милитаризации.

К весне 1917 г. голод охватил почти все районы промышленной и земледельческой России. В Петрограде и Москве, центральных и северных губерниях, богатых зерном причерноморских и прикубанских окраинах, в хлебо-

[97] Там же, л. 25.
[98] Там же, л. 20—21.

родной Сибири — всюду насчитывались десятки сотен голодающих крестьян и городского населения. В феврале гражданское население получило лишь 29.6 % хлеба и фуража, намеченных планом к поставке. Исключительно тяжелое положение сложилось в областях и губерниях, пострадавших от неурожая, — в Белоруссии, на Северном Кавказе, в Закавказье, Туркестане, центральных земледельческих и приволжских губерниях, в отдельных районах южной части страны. Витебск и окрестности получили в марте лишь 6 % из назначенного к доставке количества ржи, ржаной муки и крупы. Доставка пшеничной муки не превышала 20 % нормы. В Полоцке дневная норма выдачи хлеба упала до полуфунта. Только в 23 волостях Витебского и Полоцкого уездов было зарегистрировано весной 1917 г. свыше 60 тыс. голодающих, в основном деревенской бедноты.[99] Именно в этой прифронтовой полосе, где население значительно возросло за счет беженцев с оккупированных территорий, продовольственные трудности приняли чудовищные размеры. Особенно тяжелое положение сложилось в областях Белоруссии, нуждавшихся в привозном хлебе. В довоенные годы Минская губерния получала 4500 вагонов продовольствия. Военная «норма» для губернии в 1916 г. уменьшилась в 22.5 раза (200 вагонов). В пределах Минского военного округа наблюдались «беспорядки на почве отсутствия хлеба». Население Гомеля и Жлобина обращалось к военным властям с просьбой выдать муку из запасов интендантства.[100] Продовольственные трудности в Белоруссии вызвали решение Исполнительного комитета Минского Совета рабочих и солдатских депутатов запретить частную хлеботорговлю и приступить явочным путем к обмолоту помещичьего хлеба.[101]

Полнейший неурожай хлебов, риса и хлопка в Туркестане привел к тяжелейшему экономическому положению в этом районе. Хлебный паек был сокращен до 4—6 фунтов в месяц. Продовольственные трудности вызвали угрозу сокращения нефтяного производства. В поистине катастрофическом положении оказалось население Север-

---

[99] *Савицкий Э. М.* Крестьянское движение в Белоруссии в годы первой мировой войны (август 1914—февраль 1917 г.). — В кн.: ЕЛИВЕ за 1966 г. Таллин, 1971, с. 505.

[100] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 463, с. 285—286.

[101] Продовольствие и снабжение, 1917, № 5, 15 сентября, с. 16.

ного Кавказа. И здесь остановка всей нефтяной промышленности становилась реальностью.[102] В Закавказье продуктовые нормы резко сократились. В Баку ежедневная продуктовая норма была урезана до $^3/_4$ фунта, запас муки в городе исчислялся потребностью 2 дней. В не менее тяжелом продовольственном положении находились губернии Поволжья. Даже в хлебном Рыбинске ежедневный паек был ограничен 2 фунтами муки. Отсутствие продовольствия вызвало волнения в Костроме.[103] В Ярославле на почве голода среди населения наблюдались повышенная заболеваемость и смертность. Ропот и возбуждение голодающего населения перешли в открытые выступления, самочинные обыски торговых помещений, «конфискацию» хлебных запасов.[104] Биржевой комитет Симбирска в телеграмме на имя министра продовольствия сообщал об обреченности населения и гарнизона города, располагавшего лишь однодневным запасом хлеба.[105]

Весь обширный подмосковный регион испытывал сильнейшую нехватку продуктов. Рязанская губерния окончательно лишилась запасов хлеба. В июле доставка продовольствия в губернскую столицу и окрестности составила лишь несколько десятков вагонов вместо обещанных восьмисот.[106] Положение трудовых и малоимущих классов населения стало «воистину трагически мучительным». В Калугу в июле прибыло только 190 вагонов ржаного хлеба вместо 1169 вагонов, т. е. $^1/_6$ нормы. Крупный промышленный центр — Тула — с населением 180 тыс. человек испытывал острый продовольственный голод. Местные органы требовали немедленной присылки 65 вагонов муки. Правительство ставилось в известность, что начальник Вяземского гарнизона под давлением голодающего населения города и уезда приказал отпустить из базисного магазина 7 вагонов муки в пользу местных жителей.

Сильнейший недостаток продовольствия испытывали губернии Северо-Запада и северные неземледельческие области. Около 50 % составил «недогруз» продуктов для

---

[102] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 483, с. 300—301; док. № 490, с. 306.

[103] Продовольствие и снабжение, 1917, № 5, 15 сентября, с. 16.

[104] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 485, с. 302—303.

[105] Рабочий путь, 1917, 2 октября.

[106] Продовольствие и снабжение, 1917, № 4, 1 сентября, с. 19.

Псковской земли. Губернский кооперативный съезд в Новгороде постановил в августе 1917 г. «напрячь все усилия для спасения губернии от голодной анархии». В сентябре выступления в Новгородской губернии приняли исключительно активный характер, сопровождались захватом хлебных запасов и разгромом помещичьих имений.[107]

На состоявшемся в Москве 3—5 августа II Всероссийском торгово-промышленном съезде было отмечено, что население северных и северо-западных губерний и столиц, составляющее около 40 млн. человек, находится в чрезвычайно бедственном состоянии. В августе 1916 г. в эти районы через Рыбинск было доставлено водой 46 млн. пуд. продовольствия, а годом позднее — 12 млн. пуд., т. е. $^1/_{10}$ потребности. Речь шла о немедленной отправке водой 30 млн. пуд. продуктов. «Если правительство этого сделать не может, то оно должно немедленно просить... торгово-промышленный класс купить хлеб и своевременно доставить его к местам распределения... Конечно, цены на хлеба против твердых существующих должны быть повышены».[108] Как видим, торгово-промышленному классу нельзя было отказать в забвении собственных интересов и в тяжелейших условиях разрухи и голода.

На голодный паек с 1 августа был переведен Киев, где «продовольственные затруднения росли» и дневная норма выдачи хлебных продуктов составила 1 фунт.[109] В Черниговской губернии отмечались случаи заболеваний на почве голодовок. Ряду промышленных предприятий Донбасса грозила полная остановка вследствие нехватки продовольствия. Горное управление Южной России сообщало о «крайнем недостатке» продуктов на многих рудниках этого региона. Продовольственные комитеты Донбасса получали лишь 25 % муки для рабочих заводов и копей. Возможность рабочих волнений и массового ухода с тяжелых работ вызывала постоянное беспокойство правящих кругов, оказавшихся бессильными в решении продовольственного вопроса. В хлебе нуждалось население Житомира, Кременчуга, Ростова и Макеевки.

---

[107] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 468, с. 290; док. № 474, с. 293—294; док. № 479, с. 296—297; док. № 495, с. 309; док. № 500, с. 312; док. № 511, с. 325.

[108] Там же, док. № 486, с. 303—304.

[109] Рабочий путь, 1917, 29 сентября, № 12.

Продовольственный голод достиг металлургических центров Урала. Областной военно-промышленный комитет сообщал об остановке Исетских мельниц, о необходимости присылки маршрутных поездов с зерном со станций Сибирской железной дороги. «Положение критическое. Возможны большие осложнения с рабочими», — телеграфировали из Перми.[110] Недостаток хлеба в губернии исчислялся в 5 млн. пуд.[111] Продовольственные органы в Екатеринбурге и Перми осаждались «толпами из уездов, требующими хлеба». Местные власти доносили: «Положение самое серьезное, самое угрожающее... уже начались эксцессы».

К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил огромную территорию Европейской России. Временное правительство было вынуждено признать крайне бедственное положение населения. В обзоре продовольственного положения на местах за период с 21 сентября по 6 октября, составленном по сведениям Министерства продовольствия, отмечался ряд факторов, «разрушивших» государственный план снабжения. И среди них на равных основаниях с привычными причинами — развал транспорта, сокращение закупочных операций и пр. — отмечалась свободная скупка продовольствия по завышенным ценам с целью спекуляции, противодействие владельцев учету хлеба, злоупотребления «по продовольственной части» официальных органов, враждебное отношение населения к продовольственным организациям и т. д.[112] Одно только перечисление этих факторов рисовало исключительно мрачную картину хозяйственного разрушения на местах, свидетельствуя о полном провале государственного регулирования продовольственного дела.

Между тем до осенней хлебозакупочной кампании в стране сохранялись довольно значительные хлебные ресурсы. Валовой сбор зерновых в 1917 г. оценивался как средний и составил 3.8 млрд. пуд., в том числе продовольственных культур было собрано 2.6 млрд. пуд. Анкетный опрос 44 губерний, проведенный весной Московским Советом рабочих депутатов, показал, что запасами хлеба

---

[110] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 471, с. 292; док. № 478, с. 295—296; док. № 481, с. 299; док. № 488, с. 305; док. № 491, с. 306—307; док. № 493, с. 308.

[111] Рабочий путь, 1917, 2 октября.

[112] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 502, с. 313—314; док. № 506, с. 315—322.

располагала 21 губерния. Следовательно, «даже без учета хлебных запасов Сибири, которые были весьма значительными, Европейская Россия вместе с армией до самого урожая 1917 г. могла бы снабжаться собственным хлебом, не исчерпав всех остатков от урожаев прошлых лет».[113] Излишки, составившие 526 млн. пуд., «были тем источником, из которого государство могло черпать необходимые ему для армии и городов продовольственные ресурсы в осенне-зимний период 1917 г.».[114] Рассчитанный П. В. Волобуевым хлебный баланс на 1917 г. показал, что дефицит хлеба достигал лишь 3.5 % потребности, т. е. «даже одного урожая 1917 г. было почти достаточно, чтобы прокормить страну».[115] Этот вывод подтвердили и расчеты товарного хлеба, подлежащего реализации. Общий товарный фонд зерна на 1917—1918 гг. исчислялся в 1370—1400 млн. пуд., тогда как потребность фронта и тыла составляла 1120 млн. пуд.[116] Но в то же время географическое распределение урожая 1917 г. было неблагоприятным и характеризовалось сосредоточением основной массы товарного хлеба на окраинах страны. Задача государственной важности состояла в своевременном, принудительном изъятии хлеба у его держателей — помещиков, кулаков, крупных мукомолов, хлеботорговцев, банков и организации его перевозок. Несостоятельность правительственной продовольственной политики, отличавшейся узкоклассовым подходом, проявлялась прежде всего в решении этих важнейших проблем.

Предпринятое в конце августа буржуазной властью в интересах хлебодержателей повышение твердых цен не привело к однозначным последствиям, на которые рассчитывало правительство. Усиление закупок наблюдалось лишь в отдельных районах, хотя и позволило заготовительным органам предоставить в распоряжение правительства в сентябре 43 млн. пуд. хлеба и несколько усилить подвоз зерна и муки из Полтавской, Таврической, Самарской и Курской губерний.[117] Однако лишь отчасти

[113] *Анфимов А. М.* Зерновое хозяйство России в годы первой мировой войны. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. III, с. 493.

[114] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 385.

[115] Там же, с. 386.

[116] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 536, с. 353.

[117] *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство в дни революции, с. 43. — Критика выводов Прокоповича дана в цитируемой монографии П. В. Волобуева.

это был помещичий хлеб, приобретенный заготовительными органами по новым завышенным ценам. По-прежнему землевладельцы, кулаки, крупные оптовые торговцы, духовенство тщательно скрывали имевшиеся запасы, и, как всегда, огромное количество продовольствия взималось принудительно за счет реквизиций с крестьянских хозяйств.

Полный развал транспорта закрепил разрыв экономических связей между производительными и потребляющими районами. Сокращение подвижного состава (на 1400 паровозов и 980 тыс. вагонов в январе—августе 1917 г.),[118] топливный кризис, полнейшая дезорганизация путейских служб ускоряли надвигающийся паралич железнодорожной сети. По признанию управляющего транспортным отделом Особого совещания по перевозкам, нужны были «какие-то героические меры, чтобы положение уже в скором времени не сделалось непоправимым». Предпринятая Особым совещанием в июне—июле попытка передать на водные пути около 30—40 % продовольственных грузов,[119] разумеется, не могла спасти положения.

Голодный кризис 1917 г. резко ухудшил продовольственное положение рабочего населения Петрограда и Москвы. Буржуазное правительство, чувствуя свое бессилие, пошло по наиболее легкому пути — сокращению норм потребления. Законом 25 марта 1917 г. ежедневный хлебный паек питерца был сокращен до 300 г., но и эта урезанная норма потребления оказалась недосягаемой в повседневной практике. В жизнь промышленного города органически вписались огромные очереди у продовольственных магазинов и лавок.

В унисон с правительством выступали эсеры и кадеты. Их предложения заключались в дальнейшем сокращении норм потребления — до 200 г. хлеба.[120] С трибуны Государственной думы эсеры призывали Временное правительство предоставить ссуду в 8 млн. руб. с целью смягчения топливного кризиса и восстановления жизнедеятельности важнейших отраслей обрабатывающей промышленности, в том числе остановившихся мукомолен и пе-

---

[118] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 440, с. 246; Рабочий путь, 1917, 3 октября.

[119] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 442, с. 248.

[120] *Мильчик И. П.* Петроградская центральная городская дума в феврале—октябре 1917 г. — Красная летопись, 1927, № 2/23, с. 198.

карен. Многочисленные проекты преобразований продовольственных органов, исходившие от представителей буржуазных партий, не покушались на социальную основу системы регулирования.

Принципиально иной была позиция большевиков. Продовольственный вопрос мог найти демократическое разрешение только при условии сосредоточения в возглавляемых большевиками Советах основных функций регулирования продовольственного дела в стране.[121] В «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой», написанной В. И. Лениным для конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда и опубликованной в мае 1917 г. в московской большевистской газете «Социал-демократ», выдвигалось требование немедленного установления «рабочего контроля за производством и распределением продуктов».[122]

В 1917 г. потребность городского населения Петроградской губернии в хлебных продуктах была определена в 22.6 млн. пуд. и сельского населения — в 7.9 млн. пуд. Сбор хлебов в самой губернии был незначителен — 5 млн. пуд., т. е. удовлетворял 16 % общей потребности населения в хлебе.[123] Нормализация экономической жизни столицы и губернии зависела от своевременного притока продовольствия извне. Государственный план распределения продовольствия по городам предусматривал поставку населению столицы 2 млн. пуд. хлебных грузов в месяц, следовательно 69 вагонов в день.[124] Однако реально эти цифры оказались недосягаемы. Суммарные данные показывают, что в марте доставка хлеба в Петроград уступала норме (81 %), в апреле было зафиксировано внезапное и резкое ее падение (34 %), в мае — опять подъем (до 92 %), как бы в компенсацию за апрельский голодный паек города, и вновь падение в первые 20 дней июня (всего лишь 28 %).[125]

Усилившийся продовольственный кризис вызвал новый правительственный акт, ограничивший потребление

---

[121] Там же.

[122] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 195—197.

[123] Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918, с. 32. — Численность гражданского населения Петрограда в 1917 г. была определена в 2502 тыс. человек (там же, с. 85).

[124] *Бакланова И. А.* Рабочие Петрограда в период мирного развития революции (март—июнь 1917 г.). Л., 1978, с. 42.

[125] Продовольствие и снабжение, 1917, № 4, 1 сентября, с. 22.

городского и сельского населения. Приказом 26 июня министр продовольствия устанавливал нормы месячного потребления хлеба и круп. Для населения Петрограда прежняя норма снижалась до 1200 тыс. пуд. В июле железнодорожным путем в столицу было доставлено и передано в распоряжение Центральной продовольственной управы 596 тыс. пуд. хлебных грузов (пшеницы, ржи, муки), т. е. 282 вагона вместо 405 по норме.[126] В августе угроза голода, надвигавшегося на город, стала реальностью. В течение месяца Петроград получил всего лишь 389 вагонов с зернопродуктами и мукой, т. е. третью часть хлебных грузов, поступавших в столицу годом ранее (1212 вагонов в августе 1916 г.).[127] Однако и прибывшие в столицу грузы далеко не всегда оказывались доступными для населения. Петроградский железнодорожный узел буквально был забит неразгруженными вагонами, ожидавшими своей очереди по нескольку суток. Содержавшиеся в них продукты теряли качество и нередко приходили в полнейшую негодность. Только в первых числах августа 7.5 тыс. вагонов с продуктами простаивали в ожидании разгрузки на подъездных путях к городу.[128] Продовольственное положение в столице настолько осложнилось, что повлекло за собой почти полное истощение хлебных запасов (до двухдневного рациона).[129]

Усилия правительственных продовольственных организаций, направленные на упорядочение перевозок, не приводили к желаемому результату. Петроградская центральная продовольственная управа не располагала ни необходимыми средствами для транспортировки продовольствия, ни финансовыми возможностями. Всего лишь около 5 % грузов, поступавших на станции Петроградского железнодорожного узла, распределялось по районам города машинами и подводами Центральной продовольственной управы.[130] Петроградское особое по продовольствию присутствие и районные продовольственные управы наделены были еще меньшими полномочиями в решении

---

[126] Бюллетень Петроградского особого по продовольствию присутствия, 1917, № 27, с. 3; Продовольственный вестник, 1917, № 4, 7 сентября.

[127] Рабочий путь, 1917, 29 сентября.

[128] Продовольственный вестник, 1917, № 4, 7 сентября, с. 9.

[129] Там же.

[130] Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. вторая, с. 74.

вопросов снабжения. Учрежденный в конце марта Центральный продовольственный комитет, в руках которого предполагалось сосредоточить все нити продовольственной жизни столицы, несмотря на торжественно провозглашенные широкие права, зависел и от военного министра, и от министра продовольствия, в непосредственной близости от которых располагался и под контролем которых действовал. Его повседневная практика свелась к организации учета и распределения продуктов и промышленных товаров среди населения города по уже установленным нормам.[131]

С сентября 1917 г. распределение продовольствия в Петрограде перешло в ведение Городской думы. Непосредственно вопросом снабжения населения занималось Особое присутствие по продовольствию при Петроградском центральном продовольственном комитете во главе с кн. А. М. Аргутинским-Долгоруковым, в котором очень сильным было влияние эсеров. В состав городского продовольственного органа входили большевики М. К. Владимиров, М. Н. Смит-Фалькнер и И. А. Теодорович. В районах города те же функции были сосредоточены в руках районных продовольственных присутствий, избранных районными думами.[132]

Продовольственный кризис заставил местные власти прибегнуть вновь к рассмотрению вопроса о расширении сети общественного питания в крупных промышленных центрах. В сущности лозунг о создании общественных столовых был рекламой, за которой скрывалась полная неспособность правительства вывести продовольственное снабжение населения из тупика. В объяснительной записке специальной комиссии, направленной правительству, предлагалось наладить «массовое изготовление пищи». В ответ последовало распоряжение приступить к «изучению» и «обследованию» вопроса, так и не приведшим к реальным результатам.[133] Несколько столовых, открытых в Петрограде не для рабочих, а исключительно для

---

[131] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 111—112.

[132] *Фрайман А. Л.* Форпост социалистической революции. Л., 1969, с. 289.

[133] *Польский М. П.* К истории организации продовольственного снабжения населения в первые годы Советской власти: Общественное питание в 1917—1920 годы. — История СССР, 1974, № 6, с. 151.

служащих государственных и частных учреждений, продемонстрировали лишь то самое «акробатство» буржуазной благотворительности, о котором писал В. И. Ленин применительно к буржуазному общественному питанию. Подобную благотворительность «лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали».[134]

Стремительно надвигавшийся голод вынудил правительство и местные власти в экстренном порядке предпринять ряд мер, связанных с усилением контроля над учетом и распределением продовольствия в районах и пригородах столицы. 5 августа министр продовольствия А. В. Пешехонов направил телеграммы губернским продовольственным комитетам с требованием незамедлительно исполнить намеченные ранее планы поставок хлеба для Петрограда и Москвы.

В середине августа необычную активность проявила Центральная продовольственная управа, распорядившаяся провести строгий учет продовольственных карточек. Результаты проверки трудно было даже предположить. Оказалось, что при численности населения столицы в 2.5 млн. человек карточек за август было выдано 3 млн.[135] Такой итог воочию убеждал государственную власть о безудержной спекуляции, процветавшей в столице. Огромное количество мешочников, разного рода торговцев, лавочников наводняли город и по существу грабили трудящееся население за счет незаконного присвоения продовольствия по нормированным ценам.

Наконец, 31 августа было обнародовано постановление П. И. Пальчинского, исполнявшего обязанности военного генерал-губернатора, об обязательном взятии на учет всех городских запасов продовольствия.[136] Однако последовавшие события показали с достаточной ясностью, что и этому «благородному» намерению властей не суждено было осуществиться. Разнузданная спекуляция, саботаж в производстве пищевых продуктов и в сфере торговли не только затрудняли государственный контроль, но и делали практически неосуществимым его проведение в общегородском масштабе. Лишь в отдельных районах города удалось выявить и более или менее учесть запасы

---

[134] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.
[135] Продовольствие и снабжение, 1917, № 8, 1 ноября, с. 8.
[136] Там же.

продовольствия, хранившиеся на складах мукомолен и пекарен.

Усилия правительства не привели ни к улучшению снабжения Петрограда продовольствием извне, ни к ликвидации организационных беспорядков с распределением продуктов в самой столице. В сентябре, согласно сообщению профессионального союза пищевиков, были частично остановлены пекарни Филиппова, закрыт за Нарвской заставой хлебозавод «Балтика» и т. д.[137] По сведениям Городской управы, из назначенных к прибытию в Петроград за июнь-сентябрь 8 тыс. вагонов с мукой и крупами границ города достигли лишь 4200 вагонов, что снизило хлебный запас столицы до 10-дневного рациона.[138] Продолжались организационные беспорядки на Петроградском железнодорожном узле. В товарных тупиках Николаевской линии простаивали 500 неразгруженных вагонов с продовольствием, часть которого станционная администрация признала подлежащим уничтожению.[139]

Октябрь 1917 г. выдался необычайно трудным для петроградского населения. В целом по стране в октябре было заготовлено 27.5 млн. пуд. хлеба против 48.9 млн. пуд. в 1916 г.[140] Столица получила за месяц 792 тыс. пуд. хлебных грузов, доставленных по рельсовым путям. 400 тыс. пуд. хлеба, отправленного по Мариинской системе, затерялись где-то в районе Белозерска. Такое же количество предназначенного жителям Петрограда зерна и муки застряло в «тупиках отправления».[141] К середине октября хлебные запасы столицы не превышали 3—4-дневного рациона.[142]

По сведениям Петроградского особого по продовольствию присутствия, 11 октября на станциях Николаевской железной дороги скопилось 1200 вагонов с продовольст-

---

[137] *Фельдман Э. Р.* Союз пищевиков и его роль в подготовке и проведении Октябрьской революции. — В кн.: Статьи, доклады и сообщения. М., 1958, с. 174—175. (Тр. Моск. технолог. ин-та пищевой промышленности; Т. I).

[138] Продовольствие и снабжение, 1917, № 8, 1 ноября, с. 8.

[139] Рабочий путь, 1917, 6 сентября.

[140] *Гладков И. А.* Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М., 1956, с. 15.

[141] Продовольствие и снабжение, 1917, № 8, 1 ноября, с. 8.

[142] *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.; Л., 1965, с. 66.

вием, в том числе с зерном и мукой.[143] К 14 октября 735 вагонов все еще оставались неразгруженными.[144] В том же месяце не были доставлены столице Армавиро-Туапсинской железной дорогой 6 млн. пуд. хлеба, остановленного в пути. 100 тыс. пуд. муки для Петрограда, погруженных на баржи, не могли двинуться из Рыбинска в ожидании буксиров.[145] В городе продолжалась вакханалия с беззаконным распределением продовольственных карточек. В течение октября распоряжением местных властей было выдано дополнительно 900 «рабочих» карточек (для лиц физического труда), однако это «номенклатурное» число намного превышало количество действительных работников физического труда.[146]

И населению, и экономике города в целом простои и потери продовольственных грузов наносили огромный, невосполнимый ущерб. К тому же хлеб приходил в Петроград не только в виде муки, но и в зерне. А помол зерна в условиях недостатка топлива, рабочих рук, в условиях саботажа владельцев мукомолен представлял чрезвычайные трудности, затягивал обработку зерна до критических сроков.

В поисках выхода Петроградское особое по продовольствию присутствие в октябре вновь вынесло (в который уже раз!) постановление о дополнительных примесях к муке, обязав в дневную норму города добавлять 5 тыс. пуд. ячменя. Вслед за тем появилось новое распоряжение: «...считать норму припека как для ржаной, так и для пшеничной муки 50 %; при перемоле пшеницы и ржи ввести в качестве примеси ячмень в количестве 25 %».[147] Но и этими мерами, обрушившимися всей тяжестью на трудовые слои столицы, городские власти не ограничились. 21 октября было обнародовано извещение об уменьшении норм потребления — до полуфунта в день. Кроме того, «в качестве опыта» Особое присутствие наметило введение «картофельных» дней в столице.[148] В ноябре 1917 г. Петроград получил всего лишь 15 % хлебных про-

---

[143] Бюллетень Петроградского особого по продовольствию присутствия, 1917, № 18, с. 1.

[144] *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство в дни революции, с. 44—45.

[145] *Фельдман Э. Р.* Союз пищевиков..., с. 176.

[146] Продовольствие и снабжение, 1917, № 8, 1 ноября, с. 8.

[147] Ленинградская кооперация за 10 лет. Л., 1928, с. 216—217.

[148] Там же.

дуктов, намеченных к доставке, т. е. 465 тыс. пуд. вместо 3050. В декабре голодный паек города еще более сократился, составив 14 % нормы, т. е. 524 тыс. пуд. вместо 3740 тыс. пуд. по плану.[149]

Аналогичные продовольственные трудности переживала Москва. За первую декаду апреля в Москву прибывало в сутки в среднем 169 вагонов с продовольствием при норме 223 вагона. Из месяца в месяц снижалось поступление муки: в мае — 2573 тыс. пуд., в июне — 1689, в июле — 1395 тыс. пуд. Количество ввозимой муки значительно уступало реальному ее привозу в 1916 г. (2284 тыс. пуд.).[150] Распределение продуктов было формально нормировано введением карточной системы.[151] В действительности строгость пормировки оказывалась весьма условной, она сохраняла ограничительную силу исключительно для малоимущих классов, лишенных возможности обращаться к свободному рынку. Размер хлебного пайка постепенно сокращался и в ноябре упал до наиболее низкого уровня: в июле — 23.25 фунта, в августе — 20, в сентябре — 19, в октябре — 21.25, в ноябре — 15 фунтов.[152] Сопоставление месячных сведений о поступлении хлебных грузов и сокращении норм потребления убедительно рисует картину бедственного продовольственного положения Москвы.

И финансовая олигархия столицы, и воротилы московского крупного торгового капитала прилагали максимум усилий к созданию прочных опорных организаций в системе регулирования продовольствия, используя с этой целью любую возможность нажима на правительство. Ожесточенная борьба буржуазии в союзе с помещиками и кулачеством против хлебной монополии сливалась с мерами содействия правительству в усмирении «голодных бунтов» населения. Последнее и определило победу сил, лояльных к правительственному курсу и отстоявших свою позицию в апреле в столице на 3-м Чрезвычайном всероссийском съезде представителей биржевой торговли

---

[149] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 496.

[150] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 430, с. 214; док. № 440, с. 245.

[151] Карточки на хлебные продукты были введены постановлением 1 марта 1917 г., на мясо — 16 июля, на масло — 24 августа.

[152] *Кабо Р.* Потребление городского населения России: (По данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918, с. IX.

и сельского хозяйства и в мае в Москве на Всероссийском съезде по хлебному делу.[153] Несколько ранее, 30 марта, совещание банковских деятелей рассмотрело вопрос о мерах содействия правительству в реализации закона о хлебной монополии, т. е. о кредитовании государственных закупочных операций в новых условиях. Совместная с ведомствами разработка законопроекта в Общегосударственном продовольственном комитете привела к постановлению 19 мая, согласно которому специальный консорциум в составе Государственного и частных банков принял на себя финансирование Министерства продовольствия в сумме 1.5 млрд. руб. под обеспечение ценных бумаг. Несколько забегая вперед, укажем, что выполнение условий соглашения заправилы банков всячески саботировали и путем затянувшихся переговоров с правительством выторговали сокращение кредита до 400 млн. руб., а в августе — до 275 млн. руб., откровенно демонстрируя свои истинные намерения. Политика Временного правительства в области регулирования продовольственного снабжения явилась ярким доказательством незыблемости ее классового курса, определившего в конечном итоге «путь восстановления или расширения частнокапиталистических начал в ущерб государственно-капиталистическим».[154]

Вслед за банками с требованием активного представительства в государственных продовольственных органах и участия в закупочных операциях на равных правах с кооперативами выступала торговая буржуазия. Причем предпринимались открытые попытки узурпации продовольственного снабжения крупных промышленных центров, что подогревалось, разумеется, не только экономическими мотивами, но и прямыми целями удушения голодом революционных выступлений рабочего класса. 24 апреля состоялось частное совещание членов Московской хлебной биржи в связи с обострением продовольственного кризиса. Резолюция, принятая биржевиками на совещании, была пронизана мыслью о широком допуске к регулированию хлебной торговли частного капитала. Она отразила предложенные московской буржуазией меры для ослабления кризиса. Они сопровождались требованием усиления частной инициативы, заключавшейся в беспре-

---

[153] *Волобуев П. В.* Экономическая политика..., с. 405.
[154] Там же, с. 407.

ятственном допуске заинтересованных лиц наряду с агентами и представителями правительственных организаций к свободным закупкам продовольствия по товарным ценам, в предоставлении частным лицам права доставки продуктов местным органам, в обеспечении приема и внеочередной погрузки продуктовых товаров на железнодорожных станциях без нарядов и удостоверений. В заключительной части документа вновь подчеркивалась мысль о допуске свободного торгового капитала к правительственным хлебозаготовительным операциям: «Совещание признает, что продовольственные комитеты и уполномоченные могут удовлетворительно разрешить продовольственную проблему в интересах государства, лишь опираясь на сотрудничество торгового аппарата вместе со всеми силами, ведающими продовольственное дело».[155]

Как видим, торговый капитал отнюдь не собирался довольствоваться той «сверхскромной» прибылью, которая приходилась на его долю в период жестокого продовольственного кризиса. Попытки выйти в продовольственном вопросе за пределы рамок, установленных правительством, неоднократно предпринимались московскими хлеботорговцами и прежде. Напомним, что Московский военно-промышленный комитет, давно уже вынашивавший планы продовольственного снабжения Москвы, предложил свои услуги: «содействовать... снабжению предметами первой необходимости населения г. Москвы, а при расширении этой деятельности — и населения Московского промышленного района».[156]

Одновременно наиболее активные представители буржуазии создавали на периферии явочным порядком самостоятельные объединения, претендующие, естественно, не на последнюю роль в государственных хлебных заготовках. О масштабах и влиянии таких объединений можно судить на основании сведений, почерпнутых из донесений министру продовольствия. В телеграмме командующего войсками Московского военного округа Рябцева отмечалось, что в Нижнем Новгороде при губпродкоме создана «огромная закупочная организация» с участием «крупнейших мукомольных хлебных фирм, снабженная опытными закупщиками, средствами, баржами, поставив-

---

[155] Экономическое положение России..., ч. II, док. № 514, с. 330.

[156] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 5, л. 13—13 об.

шая на 25 пристанях 40 готовых барж, чтобы сплавить их водой в голодающие губернии округа. Между тем губпродкомы Вятской, Симбирской, Уфимской, Самарской, Казанской губерний, не выполнив нарядов Минпрода, препятствуют закупкам. Положение Московского военного округа и населения создается катастрофическое. Навигация кончается, и вместо обычного завоза 12 млн. пуд. Нижний предвидит 300, максимум 600 тыс., почему голод надвигается неизбежно».[157] Подобные объединения свободно и открыто выступали против демократизации местных продовольственных органов, политики твердых цен и пытались активно вмешиваться в распоряжения властей. Эти новые монополистические союзы на местах являлись экономической опорой крупной буржуазии, развернувшей в июльские дни наступление на демократические местные организации, против хлебной монополии.

Под давлением окрепшего буржуазно-помещичьего союза Временное правительство отступало, шаг за шагом сдавая позиции, завоеванные в революционной борьбе. Циркуляр 27 июля, открывший доступ торговому капиталу к государственным заготовкам на комиссионных началах, августовское постановление правительства о наделении министра продовольствия правом приостановки и прекращения деятельности продовольственных органов на местах, частичное восстановление функций уполномоченных и ряд законодательных актов того же характера, санкционированных министром продовольствия С. Н. Прокоповичем, окончательно подорвали сложившуюся в дни революции продовольственную систему. С другой стороны, решение Всероссийского союза торговли и промышленности о создании хлебных отделов при местных торгово-промышленных комитетах, принятое 9 октября, свидетельствовало о «боевой» готовности буржуазии покончить навсегда с хлебной монополией, не довольствуясь более урезанной, ограниченной регламентацией продовольственного снабжения.[158] Таков был неизбежный финал антидемократического продовольственного курса Временного правительства, приведшего страну к разорению и всеобщему голоду.

---

[157] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 12—13.

[158] *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 г. — Ист. зап., 1977, т. 99, с. 320—321.

В период всероссийского голода Временное правительство свято выполняло унизительное союзническое соглашение о хлебных поставках, что логически вытекало из направления внешнеполитического курса страны. Международная экономическая программа Временного правительства, подчиненная по-прежнему военным задачам, сохранила империалистический характер. Но классовые сдвиги, политическая обстановка внутри страны и в союзном лагере наложили известный отпечаток на формы и методы осуществления внешнеполитических акций.[159] Временное правительство и возглавлявший русскую дипломатию П. Н. Милюков являлись последовательными приверженцами Антанты. Крупных модификаций не произошло ни в структуре дипломатических ведомств, ни в системе зарубежных представительств. Не изменилось направление внешней политики и после апрельского кризиса.[160] 18 апреля Милюков адресовал союзным правительствам ноту, открыто провозглашавшую цели правящей буржуазии. «Заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе, — декларировалось в ней. — Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось».[161] Правительство, как и оборонческое большинство Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, проявляло лишь внешний радикализм в международных экономических вопросах. Действительный контроль за деятельностью Министерства иностранных дел не был осуществлен. Буржуазное правительство, верное военным соглашениям свергнутой власти, безапелляционно поддержавшее лозунг «войны до конца», лишь на словах отмежевалось от прежнего внешнеэкономического курса.[162] Перемены не коснулись и задач хлебного экспорта.

---

[159] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 425.

[160] *Голиков Г. Н., Токарев Ю. С.* Апрельский кризис 1917 г. — Ист. зап., 1956, т. 57, с. 39—41.

[161] Вестник Временного правительства, 1917, № 35 (81), 20 апреля.

[162] Когда французский министр снабжения Альбер Тома, посетивший Россию для выяснения намерений правительства и боеспособности русской армии, задал А. Ф. Керенскому вопрос, намерена ли Россия и дальше продолжать войну, неудавшийся по-

Уже 7 марта вопрос о снабжении стран Антанты русским хлебом через северную морскую границу и «о возможных затруднениях в выполнении принятых на себя бывшим правительством обязательств по вывозу в Англию 50 млн. пуд. пшеницы» стал предметом специального обсуждения в правительственных сферах.[163] Априори можно было предсказать решение, вынесенное правительством, — приложить максимум усилий для выполнения принятых царизмом обязательств. Союзники, по-видимому, достаточно сумели оценить происходившие перемены, ибо сочли возможным не менять метода воздействия на новое правительство. Решение вопросов, связанных с хлебными поставками, опиралось на условия англо-русского соглашения от 4 мая 1916 г., подтвержденные английской стороной в «Памятной записке» от 10 января 1917 г. В ней напоминалось: «Правительство его величества желает, чтобы было ясно понято, что если русские власти не могут пойти ему навстречу в отношении удовлетворения его крайней нужды в пшенице и строевом лесе, то оно, к глубокому сожалению, не будет в состоянии предоставить соответствующий тоннаж для перевозки угля и военных припасов в Россию».[164] Как видим, по-прежнему требование хлебного экспорта сопровождалось угрозами прекращения военных поставок. Весьма показательна в этом отношении директива, направленная из Лондона английскому послу Бьюкенену 11 марта 1917 г.: «Выясните и сообщите, можно ли предполагать, что нынешнее русское правительство не будет придерживаться политики своих предшественников в отношении вывоза пшеницы из России в Великобританию и Францию? Может быть, было бы хорошо указать, что всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию».[165]

В начале апреля правительство Ллойд-Джорджа ограничило предназначенный России коммерческий тоннаж с целью создания резерва (43 тыс. т вместо 122). Сокращение тоннажа прежде всего коснулось перевозок Фран-

---

литик ответил положительно (*Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. М.; Л., 1928, с. 93).

[163] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1666, л. 40.

[164] Там же, д. 1651, л. 8—8 об.

[165] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию в 1916—1917 гг. — Ист. зап., 1949, т. 29, с. 69.

ции. Обращения русской стороны к британскому премьеру и в Министерство морских перевозок (записка министра иностранных дел М. И. Терещенко и министра финансов А. И. Шингарева, врученная Бьюкенену 22 июня) не принесли результата.[166] Следовательно, надежды, высказанные годом ранее Бенкендорфом, на то, что удовлетворение союзнических притязаний «окончательно разрешит сложный вопрос о морских перевозках», не оправдались.[167]

Следовавший беломорским путем транспорт нес значительные потери. В марте Временное правительство обратилось с просьбой к английскому Адмиралтейству о выделении конвойных судов для союзных перевозок, однако получило отказ. 4 сентября в Лондоне была созвана военно-морская конференция стран Антанты и США, на которой вновь был поднят и снова отклонен вопрос об охране беломорского пути военизированными судами.[168] Известные трудности экспорт хлеба испытывал и вследствие недостатка финансирования торговых операций.[169] При всем том в искренности желания Временного правительства сохранить верность союзническим соглашениям не оставалось ни малейших сомнений.

В течение всего периода пребывания Временного правительства у власти коммерческие представители стран Антанты напоминали о необходимости выполнять союзные обязательства. Лишь в преддверии неудавшегося летнего наступления русских войск дипломатический «натиск» несколько ослаб, последовал даже отказ союзников от возложенных на Россию обязательств. Однако это была лишь временная передышка, на смену которой пришли новые, еще более жесткие требования. В марте—июне в Архангельск было доставлено и погружено на суда, идущие во Францию, 375 тыс. пуд. зерна, т. е. весьма незначительная часть обусловленного переговорами общего объема поставок. В июне Франция обратилась с запросом к буржуазному правительству относительно перспек-

---

[166] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика..., с. 146, 292; *Лебедев В. В.* Международное положение России накануне Октябрьской революции. М., 1967, с. 113.

[167] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1651, л. 2.

[168] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика..., с. 391.

[169] На 1 июня 1917 г. дефицит по кредиту Англии составил 632 млн. руб., по кредиту Франции — 422.4 млн. руб. (*Игнатьев А. В.* Внешняя политика..., с. 241).

тив послевоенного экономического сотрудничества. Французские предложения затронули ряд жизненно важных сторон русской экономики, в том числе вопрос о расширении экспорта зерновых хлебов. Наряду с текущими поставками Франция намеревалась добиться соглашения (на 5 лет) о закупках в России после войны 195 млн. пуд. пшеницы и в последующие годы по 122 млн. пуд. пшеницы (более 70 % обычного годового экспорта) и 30 млн. пуд. овса.[170] По сути дела это тоже была плата за союзную помощь в период войны.

Ответные действия Временного правительства свидетельствовали сами за себя. Письмо П. Н. Милюкова министру земледелия А. Н. Шингареву содержало прямое указание на «первостепенную, с точки зрения государственной обороны, важность точного выполнения последовавшего соглашения с союзниками о поставке хлеба».[171] Однако от декларированной продовольственной помощи до реального осуществления поставок союзникам в обещанном объеме было далеко. В условиях войны, и тем более в 1917 г., Россия не могла по-прежнему безупречно выполнять функции европейского экспортера хлеба. С самого начала сбор зерна «в целях зарубежного отпуска» вызвал противодействие на местах как со стороны командующих армейскими соединениями, так и со стороны гражданских властей. Более того, имели место и прямые неповиновения, например остановка движущихся в направлении Архангельска составов с экспортируемым зерном. Ярославский Совет рабочих и солдатских депутатов, в частности, в связи с крайне тяжелым продовольственным положением в губернии задержал поезда на пути к пункту назначения.

10 июня «Правда» опубликовала заметку «Недостаток или излишек хлеба?», в которой сообщалось, что импортно-экспортная контора фирмы Шмидта «грузит пшеницу для Англии и Франции... и в этом году предполагается отправить в Англию 35—40 млн. пуд. Не ирония ли это, если мы читаем в газетах, что в Петрограде и на фронте нечего есть, а здесь заняты день и ночь нагрузкою пшеницы... Еще вчера были в газетах вопли о том, откуда

---

[170] *Николаев П. А.* Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России. — В кн.: Из истории империализма в России. М.; Л., 1959, с. 407.

[171] Там же, с. 70.

достать для Петрограда на следующий год 18 млн. пуд. муки. Мы видим, что из Архангельска вывозится вдвое больше этого количества, как излишек. Не подумает ли Временное правительство о действительном проведении в жизнь хлебной монополии?».[172]

Экспорт зерна продолжался и позднее, вплоть до октября 1917 г. Всего Временное правительство отправило во Францию 1311 тыс. пуд. пшеницы и ржи.[173] Поставки зерна в Англию осуществлены не были. Затянувшиеся англо-русские переговоры о морских перевозках в летнюю навигацию 1917 г. свидетельствовали и о сугубо коммерческом подходе британского кабинета к вопросу о русском хлебном экспорте, и о политическом давлении, оказываемом на Россию. Англия предполагала доставить русскому партнеру 3.72 млн. т грузов (в том числе 2.72 млн. т в беломорские порты) при условии вывоза из России 30 млн. пуд. пшеницы. Отказ русской стороны от выполнения условий должен был повлечь за собой сокращение тоннажа британских судов на 1 млн т. Таковы были реальные итоги неравноправного договора о союзных хлебных поставках.

Продовольственные мероприятия буржуазного правительства подверглись острому революционному разоблачению со страниц пролетарской печати. «Правительство так наз. „спасения революции" неспособно осуществить ни одной из коренных задач революции, — писала газета «Рабочий и солдат» в июле 1917 г. — Оно продолжает... военно-империалистическую политику предыдущих правительств, которая... уже обнаружила свои пагубные последствия. В области хозяйственной и политической оно неспособно предпринять ни единой действительно революционной меры для борьбы с экономическим развалом и контрреволюцией. Кризис этой власти становится, таким образом, неизбежным».[174]

Осуществить комплекс революционных преобразований могли только пролетарская революция и диктатура пролетариата.

---

[172] Правда, 1917, 23 (10) июня, № 78.
[173] *Иоффе А. Е.* Хлебные поставки во Францию..., с. 79.
[174] Рабочий и солдат, 1917, 23 июля.

Глава VI

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА

> ...Как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию.[1]
>
> *В. И. Ленин*

Первая мировая война — «великий перелом истории», по определению В. И. Ленина, — привела к «борьбе течений и смене эпох рабочего движения...».[2] Сложные демографические явления, вызванные мобилизацией, экономические аномалии военного времени и прежде всего милитаризация промышленности оказали огромное влияние на положение российского пролетариата. Они вызвали усиление экстенсивных форм труда, резкое возрастание продолжительности рабочего времени, снижение реального индекса заработной платы; они сопровождались необеспеченностью существования рабочих и углубили их общественное неравенство. Война оказала решительное воздействие на характер и интенсивность рабочего движения, оно развивалось от стихийных, слабо выраженных, разрозненных выступлений к активному, массовому, организованному стачечному движению, от отдельных экономических требований к острой политической борьбе. Классовые бои развернулись по всей стране, разрубая тугой узел противоречий между трудом и капиталом.

Волна протеста трудящихся масс против безудержного роста дороговизны и нехватки продуктов первой необходимости поднялась летом—осенью 1915 г., в период подъема стачечных выступлений рабочего класса, стремительно распространившихся по территории всей страны. Стихийные бунты городских низов происходили одновременно с усилением стачечных боев пролетариата и несом-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.
[2] Там же, т. 26, с. 255, 256.

менно испытывали их влияние. «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно», — подчеркивал В. И. Ленин.[3] В ряде мест рабочий класс принимал на себя руководство продовольственным движением, стремясь влить его широкий, беспорядочный поток в русло организованной, целенаправленной борьбы. Именно там, где спонтанно возникавшим голодным бунтам противостояла сильная воля и решимость рабочего класса, продовольственное движение принимало более четкие очертания, расплывчатые призывы облекались в форму конкретных, общедемократических лозунгов, борьба за хлеб сливалась с требованиями повышения заработной платы и уровня жизни в целом. Рабочие выступления оказывали прямое воздействие на общедемократическое движение, придавали ему остроту, упорство и сплоченность, отражая тем самым процесс пробуждения политического сознания в массах и консолидации классовых сил.

Огромная мобилизующая роль в организации и направлении «голодного» движения городских низов принадлежала партии большевиков, Русскому бюро ЦК партии и первичным партийным организациям на местах. Большевистские листовки, рисовавшие бедственное положение рабочих семей, содержали призыв к осознанной, организованной борьбе. «В России война отразилась на положении рабочего особенно тяжело. Все возрастающая дороговизна жизни и жалкая заработная плата обрекают рабочих на полуголодное существование», — отмечалось в первомайской прокламации 1916 г. Московской группы РСДРП.[4] «В России продовольственный и хозяйственный кризис принял особенно острые формы... Только в отсталой деспотической стране возможны такая безудержная спекуляция и взяточничество...», — подчеркивалось в проекте резолюции Петербургского комитета РСДРП о продовольственном кризисе в октябре того же года.[5] «Во всех воюющих странах началось движение против дороговизны. Протесты против дороговизны начались и в России. Но... нужен решительный протест против об-

---

[3] Там же, т. 34, с. 217.

[4] Листовки Московской организации большевиков. 1914—1920 гг. М., 1940, с. 19.

[5] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. II. 1907—1917. М., 1939, с. 221.

щей причины дороговизны — против войны... В борьбе с дороговизной свой протест рабочие должны провести не стихийно, а организованно», — с таким призывом обращались большевики к эксплуатируемым массам.[6]

В 1915—1916 гг. голодные бунты и массовые демонстрации городского населения происходили в ряде городов и крупных промышленных центров. В апреле 1915 г. в Москве и Петрограде наблюдались продовольственные волнения, вызвавшие так и не осуществленное решение военного министра наладить продовольственное снабжение потребительских рабочих лавок. В мае иваново-вознесенские текстильщики объявили забастовку и провели демонстрацию протеста в связи с трудностями снабжения.[7] В июле в связи с продовольственными выступлениями рабочих частных предприятий (бывшего завода Лесснера в Петрограде, Тульских меднопрокатных заводов) в Особом совещании по обороне дискутировался вопрос о возможности снабжения продуктами первой необходимости рабочих промышленных заведений из заводских лавок «по пониженным расценкам... с некоторым незначительным увеличением» заработной платы.[8] Этот путь относительного урегулирования продовольственного снабжения индустриальных центров, подсказанный самими промышленниками, должен был удовлетворить прежде всего их собственные интересы за счет экономии фонда заработной платы. Путь был не нов, о нем неоднократно в правительстве велась речь и ранее. В. И. Ленин закономерно отмечал, что в погоне за прибылью предприниматели «не останавливаются перед преступлением».[9]

В августе движение городского населения Москвы в защиту права на хлеб закончилось расстрелом его участников. В октябре на предприятиях Богородицкого района происходили волнения, вынудившие власти прибегнуть к передаче населению хлеба из армейских запасов. В конце года в общую борьбу за хлеб втянулись рабочие промышленных предприятий Прибалтики. В декабре около 1 тыс. рабочих завода «Беккер» объявили заба-

---

[6] Листовки Московской организации большевиков..., с. 14.

[7] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 951, л. 223, 224; д. 889, л. 56, 57.

[8] Журналы Особого совещания по обороне государства, 1915 год. М., 1975, № 12, с. 101.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 235.

стовку в связи с нехваткой продовольствия. Из разных концов страны поступали сведения о недовольстве рабочих и открытых выступлениях в защиту своих прав.[10]

В 1916 г. продовольственные волнения резко усилились и приняли характер общероссийского движения, о чем свидетельствовали их география, масштабы и интенсивность. В начале года владимирский губернатор дважды телеграфировал министру земледелия о продовольственных волнениях рабочих. Остановка Рязано-Уральской железной дороги поставила голодную губернию в «безвыходное положение».[11] В течение весны и лета продовольственная разруха вызвала ряд массовых выступлений в Поволжье (в Сормове и его окрестностях, Нижнем Новгороде, Костроме, Саратовской губернии), южных районах (в Харьковской губернии), Сибири (в Красноярске), где движение было поддержано солдатами местного гарнизона.[12] В телеграмме Совета съездов горнопромышленников Юга России, направленной председателю Совета министров, сообщалось о необеспеченности мукой рабочего населения заводов, рудников и копей Харьковской, Екатеринославской, Херсонской губерний и области Войска Донского. «Создавшееся положение вызывает опасность острых рабочих конфликтов на почве продовольственного вопроса», — предупреждали предприниматели.[13] Горнопромышленники требовали срочной и регулярной помесячной доставки 800 тыс. пуд. хлебных продуктов из заготовок интендантства. Чтобы ослабить напряжение и сохранить производство, Министерство земледелия в июле—августе уступило из запаса для армии 1077 вагонов зерна и муки для рабочих горнопромышленных предприятий Юга, что, разумеется, едва ли могло спасти положение.[14]

В октябре, в период крупнейшей политической стачки питерских рабочих, возникли забастовки на предприятиях Бахмутского и Славяно-сербского уездов в южном про-

---

[10] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 888, л. 150; *Шестаков С. В.* Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1961, с. 16—17.

[11] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 64, л. 229 об.

[12] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 479.

[13] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 50 и об.

[14] А. А. Бобринский — Б. В. Штюрмеру, 18 сентября 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 48.

мышленном районе.[15] Недовольство отсутствием продуктов вылилось в движение за хлеб в Твери на Рождественской мануфактуре П. В. Берга.[16] Продовольственные беспорядки на военных заводах стали предметом разбирательства в Особом совещании по обороне.[17] В начале 1917 г. о бедственном продовольственном положении на Петровских заводах сообщали сами рабочие в телеграмме, адресованной военному министру и министру торговли.[18]

В поисках выхода из создавшегося положения правительство предприняло очередную попытку усилить регламентацию продовольственного снабжения оборонных предприятий, но, как и следовало ожидать, натолкнулось на упорное сопротивление предпринимателей. Отражение этой внутренней борьбы, закончившейся уступками официальной власти, находим в материалах Особого совещания по продовольственному делу. 23 сентября 1916 г. на заседании Особого совещания был заслушан доклад Главного интендантского управления об организации продовольственного снабжения рабочих и их семей. Ссылаясь на итоги состоявшегося в конце июля в Ставке совещания, товарищ министра земледелия А. Н. Неверов уведомил о решении главноуполномоченного по закупкам предоставить продовольствие рабочим из расчета солдатского пайка (кроме мяса и масла). Министерству торговли и промышленности предлагалось создавать заводские пекарни и лавки. В особое положение были поставлены рудники и промышленные предприятия Юга России в результате обследования их военным министром. «Высочайшим» распоряжением организацию довольствия южных предприятий приняло на себя военное ведомство.

Разработанные интендантским управлением правила продовольственного снабжения заводов обсуждались в министерствах и Особом совещании. Действие их распространялось избирательно: на промышленность Петрограда, Москвы, казенные артиллерийские, металлургические, горнопромышленные предприятия со значительным рабочим контингентом (до 700 тыс. человек). Однако обсуждение правил в Особом совещании вызвало «весьма ожив-

---

[15] *Кирьянов Ю. И.* Рабочие Юга России. 1914—февраль 1917. М., 1971, с. 269.

[16] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России..., с. 479.

[17] Журналы Особого совещания по обороне государства, 1916 год. М., 1977, ч. III, № 114, 19 октября, с. 606.

[18] *Кирьянов Ю. И.* Рабочие Юга России..., с. 269.

ленные и обширные прения».[19] Представители буржуазной «общественности» увидели в них опасный прецедент для вмешательства правительства во взаимоотношения труда и капитала, т. е. в всемерно оберегаемую сферу предпринимательских интересов. Член Государственного совета фон Дитмар заявил, что правила противоречат Уставу о промышленности, обязывая устройство хлебопекарен и пунктов питания за счет предприятий, что фабриканты не найдут для этого «ни сил, ни средств, ни помещений», что «такой порядок внесет лишь обострения в отношения фабрикантов-заводчиков и рабочих, которые, основываясь на законе, предъявят к ним совершенно невыполнимые требования». Отсюда логически следовал вывод: «Военное министерство не должно касаться внутреннего распорядка в отношениях фабрикантов и заводчиков с рабочим». В унисон прозвучали речи члена Совета министра торговли и промышленности И. К. Окулича («условия распределения продуктов между рабочими должны относиться исключительно к компетенции заводоуправлений и фабричной инспекции»), члена Государственной думы С. В. Востротина (снабжение продовольствием рабочих должно оставаться на общих основаниях и «выделено... быть не может»), петроградского градоначальника кн. А. Н. Оболенского (требование обязательности устройства заводских хлебопекарен «встретит непреодолимые затруднения») и т. д. В общий хор в защиту предпринимательских привилегий влились и голоса представителей буржуазной оппозиции — П. Б. Струве, В. Г. Громана и др. Напрасно представитель интендантства ген. М. В. Акимов доказывал необходимость предложенных мер, вызванных забастовками, напрасно убеждал, что «промедление в настоящем серьезном деле недопустимо... во избежание остановок работ на заводах и забастовок на них из-за недостатка продуктов», его доводы оказались неубедительны. Решение Особого совещания ограничилось рекомендацией — усилить интендантские запасы и разработать общий план продовольственного снабжения.[20]

Попытку разрешения продовольственного кризиса и подавления рабочих выступлений правительство связы

---

[19] ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 10—11; ф. 455, оп. 4, д. 22, л. 15—16.

[20] Там же, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 12—22.

вало и с милитаризацией производства. «...Военное положение должно быть вводимо лишь для внушения рабочим той простой мысли, что они являются воинскими чинами, не имеющими права отказываться от своих обязанностей, и находятся в тех же условиях дисциплины и ответственности, как и солдаты на фронте», — произносил думский деятель Н. Е. Марков в Особом совещании по обороне. Ему вторил член Государственного совета С. И. Тимашев: «...милитаризация заводов есть ныне единственный способ приостановить угрожающее развитие забастовок», следует «пренебречь теми стеснениями и неудобствами, какие испытывает от этой меры рабочий класс и сельское хозяйство».[21] Военное положение на заводах обязывало и государство, и предпринимателей «озаботиться» снабжением рабочих на уровне солдатского обеспечения в силу превращения рабочей силы в полное достояние государства и капитала. Казалось, это был выход, которого жаждала буржуазия в страхе перед рабочим движением. Однако идея милитаризации промышленности не вызвала энтузиазма в определенных буржуазных кругах, поскольку и эта мера означала неприемлемое для буржуазии вторжение в область предпринимательских интересов.

Таким образом, регулирование продовольственного снабжения промышленных центров продолжало основываться на принципе, раскрытом думцем А. И. Коноваловым с предельной ясностью: «Рабочий класс правительственной властью всегда рассматривался как элемент, враждебный государственности. Существеннейшие нужды рабочих оставались без удовлетворения, и настойчивые стремления рабочего класса добиться осуществления своих основных прав вели лишь к тому, что правительство увеличило силу своего административного давления...»[22] Министр земледелия А. А. Риттих, сосредоточив все внимание на продовольственном снабжении армии, с обескураживающей откровенностью заявлял, что мало думает «о какой-либо Туле или Оренбурге».[23] Следовательно, правительство продолжало разыгрывать «гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба

---

[21] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. I, № 59, с. 185; ч. II, № 71, с. 282.

[22] Красный архив. М.; Л., 1933, т. 2 (57), с. 83—84.

[23] *Балабанов М.* Царская Россия XX века. М., 1927, с. 75.

от голодного населения...».[24] Репрессивные меры, используемые буржуазией для подавления рабочего движения, сводились не только к методам прямого насилия и угроз. Есть свидетельства тому, что рабочих лишали права пользоваться хлебными карточками и пайками.

Разумеется, требование хлеба, выдвинутое всей совокупностью условий на передний край борьбы, «было шире и глубже, чем просто экономическое требование».[25] Оно отражало настроение широких масс и их готовность к революционно-демократическому творчеству. Полная неспособность государственной власти разрешить одну из животрепещущих проблем обостряла ненависть к этой власти и подготавливала почву для нового этапа борьбы.

Недоверие к действиям правительства со стороны трудового населения рождали законодательная горячка, касавшаяся городского самоуправления и местных органов, и сами продовольственные мероприятия на местах. Взрывы негодования вызывало равнодушие властей к спекулятивной деятельности ряда городских управ. Даже либеральствующие помещики осудили Министерство земледелия за чинимые им препятствия к наказанию торговцев, виновных в «лихвенной наживе» на хлебных поставках населению Нижегородской губернии.[26] Представители правящей бюрократии вынуждены были признать, что «купеческий капитал, городское самоуправление, будучи всецело поглощено личным интересом, относится к общественному делу инертно и безучастно, не упуская случая извлечь выгоду», что объяснение этому следует искать в логическом «нежелании идти против себя самих, так как состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию... сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее злостные спекулянты».[27]

Размах движения за хлеб в городах заставил правительство вновь обратиться к решению вопроса о снабжении рабочих, разумеется, в узких рамках бюрократической регламентации. В связи с «голодными беспорядками» на столичных промышленных предприятиях, заводах Путиловском, бывшем Лесснера, где, по признанию ген.

---

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 298.

[25] *Кирьянов Ю. И.* Рабочие Юга России..., с. 276.

[26] Совещание губернаторов в 1916 г. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1929, т. 2 (33), с. 168.

[27] Там же, с. 163.

А. А. Маниковского, наблюдалось «весьма повышенное настроение рабочей массы, вызванное продовольственным кризисом», Особое совещание по обороне в октябре вновь обратилось к судьбе проекта Военного министерства, предусматривавшего снабжение рабочих оборонных заводов продовольствием силами военного ведомства. Обсуждение вопроса, в котором приняли участие П. Н. Милюков, Н. Ф. фон Дитмар и др., выявило, насколько далек был проект от реализации.[28]

Осуществляемая Временным правительством в 1917 г. регламентация продовольственного снабжения рабочих с учетом интересов буржуазии и в соответствии с принципами буржуазной законности сопровождалась щедро расточаемыми призывами к «социальному миру» и в то же время постоянным обращением предпринимателей к карательному аппарату, т. е. широким применением не только силы, но и всех атрибутов социальной демагогии. Разумеется, такое регулирование не могло способствовать решению исключительно острой продовольственной проблемы. Оправданием дороговизны звучали поднятые на щит высказывания промышленников о влиянии опережающего роста заработной платы на уровень продуктовых цен. Несостоятельность заявлений подобного рода была подтверждена расчетами буржуазных экономистов уже в самом начале войны.[29] Тем не менее этот излюбленный промышленниками мотив продолжал звучать и в период господства буржуазии. «Постоянно приходится слышать, что сейчас же после Февральской революции заработки русских рабочих стали расти огромными скачками. Однако... цифры, опубликованные Министерством труда, как характерные для положения во всей России, показывают, насколько далеки эти россказни от истины», —

---

[28] Журналы Особого совещания по обороне..., 1916 год, ч. III, № 113, с. 594, 595.

[29] С. П. Тюрин показал, что уже в 1914—1915 гг. расход на «артельное харчевание» красильщиков на фабрике Рабенека возрос за месяц на 36 %, машинистов на фабрике Гюбнера — на 37 %. Надбавка к заработной плате составила 5—10 %. При индивидуальном питании затраты на продовольствие повышались вдвое (*Тюрин С. П.* Труд и заработная плата в фабрично-заводской промышленности. — В кн.: Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915, вып. III, с. 235, 238, 240). За те же годы квартирная плата возросла от 15 до 22 % (данные А. И. Шингарева. См.: Журналы Особого совещания по обороне..., 1915 год, № 25, с. 424).

отмечал Джон Рид, очевидец событий.[30] В действительности при невероятной дороговизне продуктов заработная плата рабочих в 1917 г. повсеместно снизилась и в среднем составляла лишь 57.4 % ее довоенного уровня.[31] Цены на основные продукты питания, по данным, относящимся к Москве, за то же время поднялись на 836%, на предметы широкого потребления рост их достиг 1109 %.[32]

В период тяжелейшего продовольственного кризиса борьба за хлеб повсеместно приобрела небывало широкий размах и исключительную напряженность. С этим обстоятельством вынуждены были считаться уполномоченные председателя Общегосударственного продовольственного комитета, собравшиеся на Всероссийский съезд в мае 1917 г. Угроза голода настолько накалила обстановку, отмечали они, что взрыв рабочих выступлений можно ожидать в любой момент. «Владимирская губерния страшно голодает..., — заявил один из уполномоченных. — Если через 10 дней хлеб не прибудет, то, вероятно, вся Владимирская губерния приедет... в Петроград и сделает голодный бунт».[33]

С августа 1916 г. по апрель 1917 г., по данным тех же уполномоченных, было заготовлено лишь 364 млн. пуд. хлебных продуктов вместо 800 млн. пуд.[34] Планы железнодорожных перевозок систематически нарушались, составив в апреле—мае 43.4 % от нормы, в августе—сентябре — 15.2 %.[35] Министр продовольствия С. Н. Прокопович вынужден был признать «острую нужду в хлебе» и голод среди городского и фабричного населения, особенно в Калужской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тверской, Смоленской, Витебской, Могилевской губерниях и в Туркестане.[36] Правительство перестало владеть рыночной конъюнктурой. Вследствие спекуляции и подпольного винокурения повсеместно

---

[30] *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959, с. 253.

[31] *Гладков И. А.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950, с. 48.

[32] *Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф.* Первая мировая война. М., 1964, с. 106.

[33] Всероссийский съезд уполномоченных председателя Общегосударственного продовольственного комитета, 1917 г. Пг., 1917, с. 35, 36.

[34] Там же, с. 115.

[35] *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 227.

[36] Государственное совещание. М.; Л., 1930, с. 23.

таяли хлебные запасы. Спасая положение, местные продовольственные органы вступали на путь самостоятельных закупок, действуя на свой страх и риск. Почувствовав неуверенность правительственного курса, торгово-предпринимательская буржуазия активизировала действия, выступая против хлебной монополии, стабильности уровня твердых цен, против местных продовольственных органов, расширявших закупки при поддержке Советов рабочих и солдатских депутатов. Открытый саботаж и тайная подрывная деятельность торговой буржуазии привели к срыву летне-осенней заготовительной кампании.

К осени 1917 г. продовольственное положение в стране осложнилось до крайних пределов. В ряде районов рабочий хлебный паек резко снизился — до 150 г в сутки.[37] Контрреволюционные силы, сорвав заготовку хлебов, препятствовали и их транспортировке. В эти дни большевистская газета «Рабочий и солдат» писала: «Хлеб гниет в амбарах помещиков и кулаков, выжидающих отмены закона о хлебной монополии, миллионы пудов хлеба гниют на ссыпных пунктах, и мер никаких не принимается. Народные массы недаром метко окрестили буржуазное Министерство продовольствия министерством голодания и разрухи».[38]

В тяжелейших условиях кризиса огромную мобилизующую роль приобрела деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов, руководство в которых принадлежало большевикам. Природу Советов В. И. Ленин охарактеризовал следующими словами: «... в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти».[39] Рабочий класс составлял ядро, наиболее революционную, сознательную часть Советов, объединявших более 20 млн. трудящихся. Значительную помощь в организации продовольственного снабжения оказывали и профсоюзы, насчитывавшие к осени 1917 г. около 3 млн. членов. Рабочие крупных промышленных предприятий во главе с партийными ак-

---

[37] *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России..., с. 237.
[38] Рабочий и солдат, 1917, 27 октября.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 6.

тивистами создали энергично действовавшие фабрично-заводские комитеты.

Под влиянием Советов и рабочих организаций на заводах и фабриках устанавливался рабочий контроль. Контрольные комитеты связывали предпринимательскую инициативу с ее антинародной направленностью, прилагали максимум усилий к налаживанию продовольственного снабжения предприятий. Буржуазные круги, выдвигая лозунг «общественно-государственного контроля», пытались свести до минимума действие пролетарского контроля. Воспринимая лишь ограниченное государственное регулирование и относительный, формальный, контроль, буржуазия ожесточенно отвергала его революционно-демократические методы, покушавшиеся на ее экономическое и политическое господство.[40] Правительственные меры действовали в том же направлении. Циркуляры от 22 и 27 августа министра труда, меньшевика М. И. Скобелева имели цель ограничить, подавить рабочий контроль.[41] «Правительство, поддержанное эсерами и меньшевиками, прямо *тормозит* борьбу с разрухой...», — отмечал В. И. Ленин.[42] Рабочие-активисты добивались организации при фабрично-заводских предприятиях пунктов общественного питания, хлебопекарен, лавок, ликвидации очередей.[43]

В центре рабочего движения в годы войны стоял Петроград. «... Роль Питера — руководящая, а иногда *и решающая*» в революционном движении, подчеркивал В. И. Ленин.[44] Позднее, в марте 1919 г., В. И. Ленин отмечал, что ни один город не сделал так много в области продовольственного снабжения, как Петроград. Целый ряд продовольственных мероприятий, осуществленных по инициативе питерских большевиков, определение их форм и методов проведения были включены «в общегосударственную систему снабженческой и распределительной работы».[45] Основы этих форм и методов выковывались

---

[40] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 253—254.

[41] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 61.

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 396.

[43] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. М., 1979, с. 70.

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 69.

[45] *Бадаев А. Е.* Продовольственная работа в Петрограде. — В кн.: Хлеб и революция. М., 1972, с. 39.

в борьбе с бюрократическими принципами правительственного регулирования в период Февральской революции.

В течение лета и осени 1917 г. массовые рабочие организации Петрограда — районные Советы рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, кооперативы — все активнее втягивались в борьбу за революционный выход из продовольственного кризиса. Организованные действия металлистов, текстильщиков, пищевиков, железнодорожников способствовали сохранению минимума продовольствия для трудового населения столицы в тяжелые, голодные дни.[46]

«Единственный исход избавления от промышленной разрухи — это захват власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и установление полного контроля «над ввозом и потреблением продуктов», контроля «над всей промышленностью, банками и транспортом», писала в июне газета «Правда».[47] Неспособность и явное нежелание правительства принять кардинальные меры к ликвидации продовольственного кризиса, к подавлению саботажа и спекуляции вызывали растущий протест трудящегося населения столицы.

Большевистский журнал «Набат» призывал питерских рабочих к созданию комитетов для борьбы с нарушителями законности в продовольственном снабжении столицы, со злостной спекуляцией, против расхищения продуктов потребления.[48] Сложные обязанности в борьбе с продовольственными трудностями приняла на себя большевистская фракция Городской думы Петрограда (67 членов), избранная 20 августа 1917 г.[49] Муниципальная программа большевиков, отражавшая тактику революционного парламентаризма, содержала требования строгого учета и контроля, реквизиций, создания сети общественного питания.

---

[46] *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 331.

[47] Правда, 1917, 23 (10) июня, № 78.

[48] *Фельдман Э. Р.* Союз пищевиков и его роль в подготовке и проведении Октябрьской революции. — В кн.: Статьи, доклады и сообщения. М., 1958, с. 176. (Тр. Моск. технол. ин-та пищевой промышленности; Т. I).

[49] *Кручковская В. М.* Большевики в Петроградской городской думе накануне Великого Октября. — В кн.: Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977, с. 57.

29 августа на заседании Петроградского совета профсоюзов, игравших важную роль в сплочении и большевизации пролетарских масс,[50] продовольственный вопрос стоял со всей остротой. Совет постановил создать Продовольственную комиссию с участием представителей ряда профсоюзов и районных фабрично-заводских комитетов, наделив ее правами контроля за производством, реквизиции автомобильного транспорта и складских помещений. 30 августа состоялось еще одно совещание Совета профсоюзов, на котором подверглась резкой критике работа Центральной продовольственной управы во главе с В. Г. Громаном. Как отметил большевистский делегат профсоюза булочников Б. И. Иванов, Управа раздавала массу обещаний, однако в реальной работе «весьма слабо себя проявила», свидетельством чему являлись перебои в снабжении города, спекуляция и снижение хлебного подвоза.[51] Ликвидация Управы в сентябре распоряжением правительства и передача функций городскому самоуправлению не нарушили бюрократических методов регламентации снабжения. 29 сентября большевики внесли на рассмотрение Городской думы резолюцию, содержавшую критику социальной направленности продовольственного курса и протест против повышения цен на хлеб.[52] Новое предложение большевиков от 16 октября, требовавшее реквизиции продовольственных грузов и секвестра хозяйственных помещений, было принято Городской думой.[53]

В октябре на пленуме Петроградского совета профсоюзов с участием 500 представителей правлений отраслевых профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Временное правительство обвинялось в срыве общественного контроля за потреблением: «Временное правительство упорно отказывает городу в праве контроля над прибывающими в Петроград грузами, вследствие чего прибывает много продуктов в адреса частных лиц, которые спекулируют

---

[50] История рабочих Ленинграда. Т. 2. 1917—1965. Л., 1972, с. 23.

[51] *Добротвор Н. М.* Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства. — В кн.: Исторический сборник. Горький, 1939, с. 72—73. (Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького; Т. III); *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.; Л., 1965, с. 56—57.

[52] Рабочий путь, 1917, 1 октября.

[53] *Кручковская В. М.* Петроградская городская дума в августе—ноябре 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979, с. 115.

ми, и в результате доставленные контрабандой в город продукты идут богатым элементам».[54] В выступлении делегата Союза пищевиков содержалась программа мер, предпринятых Союзом для ослабления продовольственного кризиса. Союз, руководимый большевиками, добился усиления влияния в Центральном и Городском продовольственных комитетах, в районных думах[55] и продовольственных управах, все активнее втягивал рабочих в борьбу с бездеятельностью правительственных заготовительных и распределительных органов, способствовал установлению рабочего контроля на ряде пищеобрабатывающих предприятий столицы. Преодолевая упорное сопротивление сепаратистов, большевистская группа Союза выступила инициатором объединения рабочих-пищевиков всей страны для защиты профессиональных прав. В начале августа Союз сумел добиться организации Исполнительного бюро, созданного для подготовительной работы к созыву Всероссийского съезда профсоюзов пищевиков. В важнейшие промышленные центры страны был делегирован большевистский представитель Бюро для переговоров с местными профсоюзами, для оказания им посильной помощи в созыве областных конференций. В течение октября-ноября конференции пищевиков прошли в Москве, Киеве, Одессе и в городах Урала.[56]

В Москве 12 октября состоялось общее собрание гласных районных дум. В докладе большевистской фракции «Продовольственный вопрос как экономическая задача борьбы за власть» прозвучал призыв к активной борьбе с продовольственной разрухой. В области распределения большевики требовали переписи запасов, «отпуска всех уже нормированных продуктов потребления» и подлежащих нормированию в будущем, муниципализации выпечки хлеба и транспортных средств, необходимых для продовольствия Москвы, реквизиции пекарен и торговых помещений, открытия общественных столовых, организации распределительного аппарата. В сфере снабжения требования большевиков исходили из принципов, сочетавших демократизацию звеньев снабжения с принудительными

---

[54] *Добротвор Н. М.* Продовольственная политика..., с. 73.

[55] В мае, в период выборов в районные думы, партия большевиков использовала раскол среди эсеров для усиления революционного движения (*Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977, с. 220).

[56] *Фельдман Э. Р.* Союз пищевиков..., с. 176, 177.

мерами в отношении спекуляции и саботажа. Эти меры предусматривали немедленную демобилизацию фабрик и заводов, производивших до войны предметы первой необходимости, реквизицию фабрик, промышленных запасов, трудовую повинность фабричных служащих (не как карательную меру, а как меру революционной «борьбы с продовольственной разрухой путем улучшения условий снабжения». «Частные торговцы, — подчеркивалось в докладе, — должны быть лишены возможности „распределять" нужные для народа товары своей властью и в интересах своей наживы».[57]

Заметную роль в организации масс в этот период стал играть в столице Петергофский районный Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет не ограничивался действиями в пределах района, он принимал энергичные меры к разрешению общегородских проблем. В июле Совет потребовал от властей создания сети общественного питания и, не дожидаясь решения вопроса, оказал действенную финансовую помощь Комиссии по организации пунктов питания в Петрограде. В октябре большевистский представитель Совета потребовал контрольного осмотра стоявших в устье Невы барж для выявления скрытых продуктовых запасов. Петергофский Совет пытался сказать свое слово в решении вопросов, имевших политическое значение, заявив, в частности, протест против реквизиции предназначенных для населения Финляндии хлебных грузов.[58]

Иной классовый подход к решению продовольственного вопроса содержала программа мелкобуржуазных партий. Правительству предлагались меры, сводившиеся к замене твердых цен на хлеб подвижными, ведению закупок на принципах свободной торговли, ограниченному применению реквизиций, т. е. к передаче продовольственного снабжения в руки частного капитала.[59] Думается, что комментировать подобную резолюцию излишне. Эсеро-меньшевистские лидеры копировали фактически программу буржуазных партий, отстаивая интересы торго-

---

[57] Продовольственный вопрос как экономическая задача борьбы за власть: Тезисы доклада на общем собрании гласных всех районных дум фракции большевиков 12 октября 1917 г. — В кн.: *Шлихтер А. Г.* Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы Советской власти. М., 1975, с. 356—363.

[58] Ленинградская кооперация за 10 лет. Л., 1928, с. 216—217.

[59] ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 194—195.

вого капитала и препятствуя объединению усилий трудящегося населения столицы в борьбе с реакционным продовольственным курсом правительства.

Полумеры буржуазной власти показали полную ее неспособность к серьезной и последовательной борьбе с голодом и экономической разрухой. Выход из тупика указала программа партии большевиков: прекращение войны, регулирование производства и распределения, введение рабочего контроля, отказ от уплаты государственного долга, национализация банков, конфискация помещичьих земель, коренное преобразование налоговой системы.[60] Становилось очевидным, что решение продовольственной проблемы, как и важнейших экономических задач в целом, зависело от коренного вопроса революции — вопроса о государственной власти.

16 октября на историческом заседании ЦК РСДРП (б) в докладе В. И. Ленина прозвучал призыв к вооруженному восстанию. «Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе, — говорил В. И. Ленин, — вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием».[61]

---

[60] Рабочий и солдат, 1917, 23 июля.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 395.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

> Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии.[1]
>
> *В. И. Ленин*

Глубочайший экономический кризис, охвативший в середине 1916 г. все жизненно важные отрасли российской экономики, предельно обострил продовольственное положение в стране. Общие экономические потрясения, оккупация значительной части территории, мобилизация населения, острая нехватка рабочей силы, как и многие другие последствия войны, привели к сокращению посевных площадей, к снижению производства основных продовольственных культур. Но при всем том катастрофического спада производительности ведущих отраслей сельского хозяйства не произошло. Валовой сбор зерновых хлебов в масштабе страны за 1914—1917 гг. не претерпел изменения, угрожавшего экономике, и при средних показателях военных лет соответствовал спросу населения. Резко возросшее потребление армии компенсировалось сокращением продовольственных нужд гражданского населения вследствие мобилизации и потерь в живой силе, а также существенных бюджетных изменений, определивших снижение спроса беднейшей части трудового населения. Запрещение экспортных операций сохраняло хлеб на внутреннем рынке и тем самым в значительной мере ослабляло остроту продовольственного вопроса. Следовательно, продовольственный кризис 1916—1917 гг. по своей природе не был следствием исключительно объективных факторов, а явился результатом совокупного воздействия ряда объективных и субъективных причин, из которых последние играли едва ли не ведущую роль.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.

Разумеется, кризис был вызван экономическими аномалиями военного времени, развалом транспорта, падением потенциала отраслей экономики, сопредельных с хлебообменом, разрывом экономических связей между производящими и потребляющими районами, новой «конфигурацией» рынков потребления. Под влиянием «индустриализации» войны в едином народнохозяйственном организме, который представляла собой Россия, появились резкие диспропорции, вызванные ускоренной милитаризацией экономики. Структурные изменения привели к подрыву производительных сил города и деревни, нарушению обменных функций между отраслями производства и потребления и экономических связей внутри самих отраслей, т. е. к полной дезорганизации хозяйственной жизни страны.

Важнейшей субъективной причиной, определившей развитие продовольственного кризиса, явилась антинародная, антидемократическая политика правящих кругов, узкоклассовый, бюрократический характер которой проявился на всех этапах государственного регулирования, начиная с системы твердых цен и реквизиций и кончая развесткой и хлебной монополией.

Политика предельных цен с точки зрения целесообразности таила в себе огромные потенциальные возможности регулирования в связи со стандартизацией сортов и унификацией системы закупок. Однако государственная власть эти возможности использовала ограниченно, односторонне, удовлетворяя экономические требования господствующих классов. Твердые цены, волею законодателей заключавшие в себе повышательную тенденцию, явились по сути дела той осью, вокруг которой вращались интересы, с одной стороны, аграриев, торговой буржуазии и банков, с другой — эксплуатируемых классов. Направление государственной политики определило благоденствие первых и неминуемое разорение вторых. Демагогический лозунг единства социальных интересов не сумел скрыть очевидности того факта, что и при царизме, и при Временном правительстве регулирование твердых цен учитывало запросы не сельского хозяйства в целом, а лишь одной из его составных — землевладения помещиков и кулаков. В результате торжественно провозглашенная Особым совещанием по продовольственному делу необходимость подавления «частнохозяйственного принципа» во имя развития государственного «принципа экономии уси-

лий в его чистом виде» не достигла цели.[2] Следовательно, забота об обеспечении продовольствием трудящегося населения становилась его собственным уделом. Не располагая правом отчуждения продуктов по твердым ценам, эксплуатируемые массы города и деревни и низовые закупочные организации, представлявшие их интересы, вынуждены были обращаться к услугам свободного рынка — источника злоупотреблений и спекуляции. Двойная система действовавших цен, произвольно подчинявшая двойственному влиянию и уровень местных такс, окончательно парализовала продовольственное снабжение.

Система реквизиций с ее отчетливо выраженным принудительным характером лишь слегка коснулась умело скрытых хлебных запасов помещиков и торговцев, обрушившись всей своей тяжестью на крестьянский двор. Сильнее затронула крупное землевладение разверстка, подавая надежды на реальные результаты. Но здесь на помощь землевладельцам пришел саботаж, отказ от выполнения разверстки, предельно растянувший сроки ее реализации и низведший экстраординарное, ударное значение этой меры до уровня обычного регулирующего действия. Наконец, хлебная монополия — акт исключительного экономического и социального звучания, настоятельно требовавший демократизации управленческого и распределительного аппарата, — была втиснута Временным правительством в сугубо бюрократические, классовые рамки и не оправдала надежд, возлагавшихся на нее трудовыми слоями населения.

Методы государственного регулирования продовольственного дела в целом оказались недейственными. Они затронули лишь сферу обмена, исключая область производства, обусловили сохранение сравнительно сильных экономических позиций поместного дворянства, позволили ему врасти в «новую полосу существования» [3] и претендовать на отнюдь не последнюю роль в деле государственного регулирования. Эти методы обеспечили экономическое влияние буржуазии на решение связанных с продовольственным снабжением проблем. Методы регламентации хозяйственной жизни внедрялись в практику с помощью системы чрезвычайных регулирующих органов,

---

[2] Известия Особого совещания, 1916, № 27, 1 сентября, с. 114.
[3] Там же, № 28, 15 октября, с. 75.

отражавших в силу своей природы усиление государственно-монополистических тенденций в экономике.

В структурных звеньях этой системы одно из ведущих мест заняло Особое совещание по продовольственному делу — высший орган в области регулирования продовольственного снабжения. Отличаясь консервативностью состава, преобладанием влияния крупных аграриев, Особое совещание далеко не придерживалось декларированной им «умеренной» линии в политике регулирования хлебообмена, оставаясь верным интересам помещичьего большинства. Его руководство было не в силах преодолеть традиционную косность убеждений в необходимости гипертрофированного развития военной экономики и подчиненности именно этой цели сферы сельскохозяйственного производства. Поэтому и обращение к снабжению гражданского населения явилось запоздалым актом. Особое совещание, далекое от реальной жизни, нередко узаконивало формы и способы регламентации, стихийно возникшие на местах, подчас не отвечавшие ни требованиям органичного развития экономики в целом, ни общероссийским задачам в решении продовольственного вопроса. Как высший орган регулирования Особое совещание обрастало организациями-спутниками, сосредоточившими в сфере собственных интересов решение многих существенных проблем. Являясь отраслевым управленческим аппаратом, бюро, комиссии, комитеты «отбирали» от Особого совещания часть общехозяйственных функций, подчиненных специальным целям. Именно в этих отраслевых подразделениях влияние организаций буржуазной «общественности» значительно окрепло.

Коалиция правящей бюрократической верхушки с помещиками и буржуазией, нашедшая отражение в системе особых совещаний, создала реальную возможность для осуществления ряда экономических акций. Политические разногласия между правящими кругами и буржуазией сочетались с единством взглядов в определении ближайших целей — подавлении революционного движения и победоносном завершении войны. В экономической сфере мобилизация частной промышленности определила пробуржуазную политику самодержавного правительства (услуга за услугу), наиболее колоритными штрихами которой в области продовольственного регулирования явились государственное снабжение сырьем и топливом частных мельниц и государственное кредитование буржуаз-

ных продовольственных организаций. Разумеется, торгово-промышленная буржуазия, упорно защищавшая идею свободного предпринимательства, вынужденно соучаствовала в государственной регламентации, рассчитывая на новые уступки царизма в экономике и не рискуя стать на путь самостоятельных действий. Легко фрондируя по отношению к полицейско-бюрократическому правительственному курсу, буржуазная оппозиция не выходила за рамки классовых интересов даже в решении важнейшего общедемократического продовольственного вопроса. В силу своей природы российская буржуазия не только оказалась неспособной на политическую конфронтацию с царизмом, но и была бессильна бросить вызов самодержавной власти в экономической сфере. Не подавить, не свергнуть, а «оборудовать» правительство — таков был лозунг буржуазных слоев, объединенных в военно-промышленных комитетах.[4] Тем более это было приемлемо для монополистической и финансовой буржуазии, не имевшей собственной более или менее широкой социальной базы, а потому искавшей опору в царизме.

Государственное регулирование экономической жизни неизбежно, в силу самой логики внутреннего развития, должно было сочетаться с элементами планирования, исключавшими свободную конкуренцию. Однако во всех фазах регламентации правительство оставляло место свободной торговле как неизбежному элементу экономики, средоточию частной инициативы и предприимчивости. Признавалась и незаменимая роль налаженного частного торгового аппарата. Отсюда характерными особенностями российского экономического бытия, гипертрофированными под влиянием экстремальных условий военного времени, оставались несогласованность действий в центре и на местах, дезорганизация важнейших хозяйственных отраслей, разрушение производительных сил.

Став политически господствующим классом, объединившись вокруг партии кадетов, окончательно отбросив псевдодемократизм и умеренное реформаторство, буржуазия проявила поразительную последовательность в защите собственных классовых интересов. Не сумев ре-

---

[4] Труды I Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г. Пг., 1915, с. 17.

шить задач буржуазно-демократической революции, осознавая свое бессилие в борьбе с нараставшим пролетарским и крестьянским движением, предпринимательские круги оказывали яростное сопротивление всему истинно новому, прогрессивному, что несло в себе пробужденное революцией правотворчество трудящихся масс. «Новый дух предприимчивости», о котором с упоением сообщала «Торгово-промышленная газета», касался лишь узких рамок чисто предпринимательской деятельности.[5] Оставаясь сторонницей ограниченного регулирования и противопоставляя правительственным мерам собственные рецепты реорганизации продовольственного дела, явно утопические, несбыточные, но откровенно наступательные, буржуазная «общественность» срывала контроль над экономикой. Вследствие этого «учетно-контролирующая функция государственно-монополистического капитализма получала очень слабое развитие».[6] «Все видят, — отмечал В. И. Ленин в июле 1917 г., — что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках... наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано».[7] С усилением пролетарского движения буржуазия становилась на путь саботажа, спекуляции, экономических диверсий. «... Именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом», — писал В. И. Ленин в «Письме к товарищам».[8]

Таким образом, новые по содержанию и масштабам экономические задачи, поставленные войной, ни самодержавной властью, ни Временным правительством не были решены. Стремление правящих кругов ликвидировать продовольственный кризис, не разрешив аграрного вопроса и не ущемляя классовых интересов помещиков, торгово-промышленной и сельской буржуазии, неминуемо было обречено на провал. Потеряв нити управления экономикой, правящая верхушка привела страну на грань национальной катастрофы.

Война — могучий революционизирующий фактор. Продовольственный кризис усилил активное движение рабо-

---

[5] Торгово-промышленная газета, 1917, 18 августа.

[6] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1978, т. II, с. 402.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 56.

[8] Там же, с. 410.

чих, городских низов, беднейшего крестьянства за революционно-демократическое разрешение стоявших перед страной экономических задач. Возглавлял это широкое массовое движение рабочий класс России. «... Пролетариат, — подчеркивал В. И. Ленин, — экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма... выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме».[9]

Следовательно, в борьбе за хлеб столкнулись интересы двух противоборствующих лагерей: держателей хлеба — помещиков, буржуазии, кулачества — и пролетарских элементов города и деревни. Политически индифферентная по своей природе, всегда далекая от революционных приемов борьбы, преследуемая страхом перед пролетарским движением, российская буржуазия вступила в сговор с помещиками в силу социально-экономических причин, важнейшей из которых являлось решение продовольственного вопроса с учетом целей и задач господствующих классов. Именно узкоклассовый подход к решению продовольственной проблемы цементировал ту экономическую платформу, на которой складывался буржуазно-помещичий союз, направленный на подавление справедливых требований трудящихся масс.

«Нет и быть *не может* иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре», — подчеркивал В. И. Ленин.[10] В суровой, самоотверженной борьбе за хлеб надежным союзником пролетариата выступало беднейшее крестьянство. Февральская революция дала новый импульс этой борьбе, призвав к активному правотворчеству миллионы тружеников, униженных и подавленных великодержавной властью. «Ни сладить с разрухой, ни вырваться из ужасных тисков империалистской войны нельзя без самых решительных, на беззаветный героизм угнетенных и эксплуатируемых масс рассчитанных, революционных мер, без доверия и поддержки этими массами своего организованного авангарда — пролетариата», — в этих словах В. И. Ленина звучал призыв к революционным действиям против войны, голода и разрухи.[11]

---

[9] Там же, т. 40, с. 23.
[10] Там же, т. 34, с. 410.
[11] Там же, т. 32, с. 383.

Октябрьская революция — великое свершение партии и народа — открыла «новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса...».[12] В условиях социалистической революции рабочее правительство решительно осуществило «революционные меры против помещиков и капиталистов», позволившие «дать народам хлеб»,[13] мир и свободу.

---

[12] Там же, т. 44, с. 148.
[13] Там же, т. 31, с. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАХО	— Государственный архив Харьковской области.
ЕАИВЕ	— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.
МГУ	— Московский государственный университет.
ЦГА г. Москвы	— Центральный государственный архив г. Москвы.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

Авдаков Н. С. 125, 127, 270
Аверьянов П. И. 77
Авчинников И. И. 143
Айрапетян М. Э. 364
Акимов М. В. 360
Алексеев М. В. 211, 298, 309
Алияров С. С. 151
Андреевский А. М. 137
Анфимов А. М. 7, 21—23, 26, 55, 57, 218, 219, 338
Арапов А. В. 57
Аргутинский-Долгоруков А. М. 342
Артамонов Л. К. 121
Арцимович А. 44
Астафьев И. И. 98
Астров Н. Н. 266

Бабичев Д. С. 85, 96, 99
Бадаев А. Е. 366
Бакланова И. А. 340
Балабанов М. С. 361
Балуев 330
Бардиж 48
Барк П. Л. 96, 99, 105, 106, 290
Барков Л. Г. 252
Барыков С. И. 248
Батолин П. Н. 286, 317
Баторевич И. Ф. 283
Батюшин И. С. 292
Бацис П. Э. 119
Башкиров В. М. 329
Башкиров В. Н. 234
Беляев Г. П. 137
Беляев М. А. 240, 303
Беляков Н. Ф. 143
Бенкендорф А. К. 111, 352
Березников 105
Бобович И. М. 128
Бобринский А. А. 30, 32, 33, 57, 174, 204, 358
Бовыкин В. И. 7
Богатко Н. И. 329, 330, 332
Богомазов М. П. 228, 235
Бохен Лоуф 82, 100
Бразоль С. Е. 137, 184, 185
Бромберг Я. 238
Брусилов А. А. 56, 217
Брянский В. Д. 266, 267
Букшпан Я. М. 91, 92
Бьюкенен Дж. 109, 110, 351, 352

Васильев Н. 212, 214, 215
Верховский А. И. 332
Вильгельм II 97
Виноградов Н. А. 23
Витте С. Ю. 94, 107
Владимиров М. К. 342
Вознесенский А. Н. 351
Войновский-Кригер Э. Б. 216
Волконский В. М. 52
Волобуев П. В. 7, 8, 16, 289, 302, 310, 312, 314, 315, 317, 338, 347
Воробьев Н. Я. 11
Воронков М. С. 154, 173
Воронкова С. В. 130, 131, 135
Воронович М. М. 47
Востротин С. В. 116, 137, 360
Вышнеградский А. И. 127

Гаврилов Н. А. 138, 154
Гапоненко Л. С. 7, 364, 365
Гвоздев К. А. 271
Гензель П. П. 41, 80
Гербель С. Н. 203, 217
Гиндин И. Ф. 7, 109, 287, 293
Гинев В. Н. 369
Гладков И. А. 14, 344, 364
Глинка Г. В. 69, 102, 138, 154, 173, 216, 250, 253
Голиков Г. Н. 350
Голицын Н. Д. 301
Гольдштейн И. М. 88
Горемыкин И. Л. 132, 145, 149, 220
Готовицкий М. Х. 137
Григорович-Барский К. П. 144
Гримм К. Н. 166

Гриневецкий В. Н. 10
Гриневич С. И. 143, 260
Громан В. Г. 156, 170, 171, 173, 184, 274, 302, 360, 368
Грудистов Н. В. 114, 138
Грузинов А. Е. 250
Гужон Ю. П. 254
Гурко В. И. 175, 217
Гучков А. И. 133, 246, 270, 300, 330
Гучков Н. И. 266

Давыдов М. И. 313
Давыдов Ю. В. 261
Даниельсон Н. Ф. 124
Данилов Н. А. 38
Дельвиг Б. 261
Деникин А. И. 330
Денисов В. И. 49
Дитмар фон Н. Ф. 132, 360, 363
Дихтяр Г. Л. 12, 15, 19
Дмитрюков И. И. 127
Добротвор Н. М. 35, 36, 74, 167, 179, 205, 327, 368, 369
Духонин Н. Н. 331
Дякин В. С. 7, 129, 131, 144—146, 172, 173, 180, 239, 253, 267, 271

Емец В. А. 110, 211
Ерыкалов Е. Ф. 7, 366
Ефремов В. 12, 331

Животовский А. Л. 292
Жилов В. А. 291
Жоффр Ж. 99

Занкевич М. И. 77
Зарин А. Д. 143
Здановский И. А. 228, 235

Иванов Б. И. 368
Иванов Н. И. 68
Иванов Ф. А. 127
Игнатьев А. А. 99
Игнатьев А. В. 111, 120, 350, 352
Игнатьев П. Н. 295
Извольский А. П. 103, 105, 118
Ильин В. Д. 115
Иоффе А. Е. 100, 108, 110, 115, 351, 354

Кабанов П. Ф. 364
Кабо Р. 346
Каннист И. И. 67, 137
Каразин Б. Н. 137, 154, 173
Каценеленбаум З. 17, 80
Керенский А. Ф. 313, 324, 329, 330, 350
Кириллов А. И. 292
Кирьянов Ю. И. 7, 359, 362
Китанина Т. М. 40, 73, 78, 86, 107, 111, 128, 159, 282, 286, 318
Клаус Р. 13, 291
Климович Е. К. 250, 271
Ковалевский В. В. 48, 49, 199
Ковалевский В. И. 89
Ковалевский М. М. 133
Ковальченко И. Д. 22
Ковригин Н. В. 294
Коковцов В. Н. 132
Коновалов А. И. 133, 270, 360
Корвин Л. Б. 108, 109
Коровиченко 331
Крестовников Г. А. 272
Кривошеин А. В. 69, 73, 74, 119, 138, 158, 159, 161, 180, 187, 243
Кривцов Я. В. 137
Крупина Т. Д. 7, 99, 126, 127, 129
Кручковская В. М. 367, 368
Кулишер И. 93
Куропаткин А. Н. 56
Кушнырь-Кушнарев Г. И. 180

Лаверычев В. Я. 7, 8, 15, 130, 150, 153, 156, 171, 195, 198, 218, 223, 242, 248, 251, 289, 291, 293, 297, 349, 366
Ланговой Н. П. 78, 85—92
Лебедев В. В. 352
Левин С. А. 228, 235
Левшин Д. Д. 137
Лейберов И. П. 7, 366
Лейтес К. 90
Ленин В. И. 3—6, 9, 13, 18, 20, 62, 125, 128, 136, 179, 180, 210, 211, 213, 214, 219, 234, 268, 269, 280, 281, 289, 292, 304, 308, 311—313, 319, 340, 343, 355—357, 362, 365, 366, 371, 372, 377, 378
Леонтьев В. В. 90, 91
Лид И. И. 109
Линдман А. 118
Литваков Б. М. 22
Литвинов-Фалинский В. П. 127, 237
Ллойд-Джордж Д. 351
Лодыженский И. 119
Лозинский З. 14, 18
Львов Г. Е. 264, 305

Львов Н. И. 237
Лященко П. И. 39

Маевский И. В. 7
Маклаков Н. А. 53, 54, 125, 159, 267, 271
Малецкий 77
Маниковский А. А. 98, 211, 330, 363
Марков Н. Е. 363
Маркс К. 124, 234, 302
Маслов П. 36, 59, 60
Маслов С. Н. 203
Мейштович А. Э. 137, 185
Мелин 85
Мельников Н. А. 138
Менделеев П. П. 154
Мильчик И. И. 339
Милюков П. Н. 117, 350, 353, 363
Милютин В. П. 28, 49, 53, 54
Минц И. И. 7, 63, 205, 233, 234, 377, 378
Митроцкий М. В. 299
Муратов Н. П. 63
Мусин-Пушкин В. А. 137

Наумов А. Н. 31, 33, 53, 55, 67, 68, 102, 104, 105, 138, 147, 148, 152, 153, 161, 162, 164, 167, 186, 190, 200, 202, 216, 220, 230, 272
Неверов А. Н. 359
Неклюдов П. А. 143
Нератов А. А. 105
Нечаев Н. И. 144
Николаев 48
Николаев П. А. 108, 353
Николаенко А. И. 197
Нобель Э. Л. 270
Новиков А. И. 137

Оболенский А. Д. 137
Оболенский А. Н. 208, 239, 360
Окулич И. К. 360
Орлов Н. А. 35, 36, 66, 313
Осипова Т. В. 299
Охотников В. Н. 137

Пажитнов К. А. 195, 315
Палеолог М. 105
Пальчинский П. И. 343
Перхорович П. И. 284
Пешехонов А. В. 316, 327, 328, 343
Пирейко А. 218
Писарев Ю. А. 122
Погребинский А. П. 7, 17, 22, 24, 57, 157, 274
Покровский Н. Н. 96, 110, 114, 137, 185, 236
Покровский С. А. 81, 110, 118
Поливанов А. А. 67, 127, 136, 147, 148
Польский М. П. 342
Поплавский П. 40—43
Попов П. П. 211
Прилежаев В. В. 87, 115
Прокопович С. Н. 18, 63—66, 80, 326, 332, 338, 345, 349, 364
Протопопов А. Д. 69, 127, 296—298, 301
Путилов А. И. 127, 129, 286, 317
Пушкарева И. М. 367
Пьянков Л. Г. 122, 123

Распутин Г. Е. 298
Ренсиман 85
Рибо А. 99
Рид Дж. 364
Риттих А. А. 47, 51, 138, 156, 176, 217, 233, 248, 254—256, 260, 261, 298, 299, 303, 361
Родзянко М. В. 27, 127, 175, 218, 232, 247, 262, 270, 279, 280, 304, 305
Рожнов П. 36
Романовы:
Александра Федоровна 69, 214, 298, 300, 301
Николай II Александрович 69, 136, 146, 149, 211, 214, 262, 279, 298—301
Рохович Г. Я. 173
Рудой Я. 65, 67, 80, 160, 162, 173, 178, 282, 283, 289
Рузский Н. В. 217
Рухлов С. В. 181
Рябушинский П. П. 270, 278, 279
Рябцев 348

Саблер В. К. 125
Савельев В. В. 143
Савицкий Н. П. 158
Савицкий П. П. 143
Савицкий Э. М. 233, 334
Савич Н. В. 127
Савостьянов А. А. 261
Сазонов С. Д. 84, 85, 102—104, 118
Салазкин А. С. 143, 154, 173, 189, 277

Сарабьянов В. Н. 39, 81
Свартц К. 119
Сейранян Б. С. 270
Селивачев В. И. 331
Селихов М. Н. 116
Селунская Н. Б. 22
Сергеев И. Г. 16
Сибиряков Н. 49
Сидоров А. Л. 6, 11, 18, 21, 24—26, 28, 30, 31, 47, 50, 74, 81, 120, 126—128, 133, 136, 156, 162, 175, 204, 219, 233, 249, 256, 257, 260, 262, 288, 299, 346, 358, 359
Скобелев М. И. 366
Смит-Фалькнер М. Н. 342
Снежков В. Н. 137
Соболев М. Н. 90, 91
Соколов А. А. 41, 80
Сомов С. А. 128, 136—138
Старцев В. И. 332
Стахеев И. И. 285, 286, 317
Степаницев Г. Е. 329
Степанов А. В. 55
Степанов В. В. 245
Степанов З. В. 7, 344, 368
Стишинский А. С. 132
Сторожев В. Н. 272
Струве П. Б. 137, 184
Субботкин М. Е. 111
Суходский Н. Д. 115
Сухомлинов В. А. 108, 126, 127

Танаисов 205
Тарновский В. В. 109
Тарновский К. Н. 7, 131
Теодорович И. А. 342
Терещенко М. И. 270, 352
Тимашев С. И. 360
Тимирязев В. И. 78, 94, 127
Токарев Ю. С. 350
Толстой А. И. 174
Толстой А. П. 137, 185
Толстой П. 265
Тома А. 350
Томановский В. Н. 143
Трапезников С. П. 10, 57, 58
Трепов А. Ф. 105, 149, 216, 298
Третьяков С. Н. 317
Троицкий С. М. 17
Тройницкий 261
Тудоряну Н. Л. 49
Тюрин С. П. 363

Утин Я. И. 127

Фельдман А. Я. 78
Фельдман Э. Р. 344, 345, 367, 369
Фрайман А. Л. 342

Хабалов С. С. 301
Хаммаршельд Я. 118
Харитонов П. А. 41, 130
Хворостанский П. 178
Хвостов А. Н. 47, 52, 53, 144—147, 149, 180, 181, 224, 229, 238, 239, 253, 296
Хородинов В. И. 261
Хромов П. А. 23

Челноков М. В. 254, 267
Чупров А. И. 40, 235

Шаховской В. Н. 120
Шаховской В. С. 75
Шаховской Д. И. 137, 253
Шацилло К. Ф. 7
Шебушин Л. 76, 80
Шепелев Л. Е. 7, 157
Шеремицинский Я. А. 329
Шестаков С. В. 358
Шигалин Г. И. 11, 13, 16, 22, 31, 41, 57, 61, 70
Шингарев А. И. 130, 175, 205, 290, 305, 308, 318, 319, 352, 353, 363
Шлезингер Л. Г. 193, 194, 196, 220, 236, 240, 251, 252
Шлихтер А. Г. 370
Штюрмер Б. В. 52, 55, 56, 69, 72, 268, 295, 296, 358
Шувалов Д. С. 72, 174, 268, 272

Щегловитов И. Г. 125, 299

Эбер 101
Эверт А. Е. 56
Энгельс Ф. 124, 302

Юренев П. П. 137

Якушев И. 238
Ясный Н. М. 36, 171, 177—179, 255, 268
Яшнов Е. 255

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Первая мировая война и аграрное развитие России 9

Общая характеристика экономики 9
Влияние войны на сельское хозяйство 20
Хлебные цены 35
Военно-грузовой налог 39
Рабочая сила 47

Глава II. Продовольственная политика правительства первого года войны. Межсоюзные коммерческие связи 62

Регулирование внутреннего хлебного рынка. Снабжение армии 62
Запрещение хлебного экспорта 76
Конструирование русско-германских таможенных отношений 83
Союзные хлебные поставки странам Антанты 98

Глава III. Особое совещание по продовольственному делу. 17 августа 1915 г.—9 марта 1917 г. 124

Разногласия по поводу правительственного курса 124
Состав и структура Особого совещания по продовольственному делу 136
Центральное бюро по мукомолью 149
Политика твердых цен 158
Особое совещание и борьба с дороговизной 180
Регулирование потребления. Карточная система 202

Глава IV. Продовольственный кризис середины 1916—начала 1917 г. 210

Начало кризиса. Фронт и тыл 210
Продовольственное положение в Петрограде и Москве . . . 234
Усиление государственного регулирования. Переход к продразверстке 254
Организации буржуазной «общественности» и проблема регламентации потребления 264
Вторжение банковского капитала в систему регулирования продовольственного снабжения 281
Государственная власть, придворная элита и продовольственный вопрос 295

Глава V. Продовольственная политика Временного правительства 302

Первые акты Временного правительства в области регулирования хлебного рынка 302
Хлебная монополия 308
Реформа хлебных цен 319
Провал государственного регулирования продовольственного дела 327

Глава VI. Борьба рабочего класса за революционно-демократическое разрешение продовольственного кризиса . . . 355

Заключение 372
Список сокращений 380
Указатель имен 381